

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ
СЕРГЕЙ ГЛАЗЬЕВ
МИХАИЛ ДЕЛЯГИН
ГЕОРГИЙ МАЛИНЕЦКИЙ
АЛЕКСАНДР НАГОРНЫЙ
ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

КРАХ ОДНОПОЛЯРНОГО МИРА

Annotation

Крымское светило потускнело, покрылось копотью, крымское солнце стало угасать. Было загублено русское восстание в Новороссии, был остановлен порыв, предвещавший русское возрождение. Великий реванш был затоптан, ошельмован. Обманутая народная душа стала смотреть на власть угрюмо, исподлобья. В России вновь нарождается смута. Власть закупоривает её арестами, подавлениями, но она, как угарный газ, сочится из сотен щелей.

Но смута назревает и во всем мире. Глобальная нестабильность угрожает всем: США и Японии, КНР и Европе. Каково же оно, ближайшее будущее? Что ждет в нем летящую в Смуту Россию? Лучшие эксперты и аналитики Изборского клуба сделали свои прогнозы на страницах этой книги.

Хотите заглянуть на несколько лет вперед, в то время пока все оглядываются назад? Читайте эту книгу, и не говорите, что вас не предупреждали.

-
- [Крах однополярного мира](#)
 - [Александр Проханов](#)
 - [Часть I](#)
 - [Сергей Глазьев](#)
 - [Периодическая смена технологических укладов в развитии производительных сил](#)
 - [Периодическая смена мирохозяйственных укладов в организации глобальной экономики](#)
 - [Фактор БРИКС](#)

- Американская стратегия сохранения глобального доминирования и угроза новой мировой войны
- Семь вариантов ближайшего будущего
- Формирование антивоенной коалиции
- О мерах по осуществлению экономического рывка
- Александр Нагорный, Владимир Винников, Василий Симчера
 - 1. Кто помогает России?
 - 2. «Дело Скрипалей» как очередная «чёрная метка» для России
 - 3. «Ракетные игры»
 - 4. Раскол «коллективного Запада»
 - 5. Вашингтон и Москва
 - 6. «Фрактальная» стратегия России
 - 7. Прогнозы и предупреждения
- Михаил Делягин
 - Трансформация личности
 - Трансформация общества
 - Глобальный управляющий класс и его трансформация
 - Вызов лишних людей
 - Глобальная депрессия: реальная перспектива
 - Мировая политика: основные тренды
 - Заключительные положения
- Шамиль Султанов
 - Где и как проявляется этот цивилизационный кризис
 - «Времена не выбирают!»
 - Переход по дрожащему ветхому настилу над пропастью

- Не стройте иллюзий: не вы определяете свое будущее!
- Сергей Белкин
 -
 - Сперва цели, потом — идеологии
 - Американская мечта
 - Европейская мечта
 - Китайская мечта
 - Русская мечта
 - Советская мечта
 - Русская мечта как желанная возможность
 - Мечта мечту не познаша...
- Россия и глобальная нестабильность
- Часть II
 - Ростислав Ищенко
 - Юрий Тавровский
 -
 - В 2020 году наступит «средняя зажиточность»
 - Завершение социалистической модернизации
 - Великое возрождение Китая
 - Насколько велико «окно возможностей»?
 - Андрей Островский
 -
 - Американские прогнозы
 - Советские и российские прогнозы
 - Китайские прогнозы
 - От прогнозов — к планам, от планов — к делам
 - Анатолий Кошкин
 - Дмитрий Митяев, Сергей Батчиков, Александр Агеев
 -

- I. Геополитическая и экономическая повестка дня
 - 1.1. Запад в очередном раунде «Большой игры» против России
 - 1.2. «Параметры порядка» и факторы дестабилизации глобальной системы
 - 1.3. Определение вероятных параметров краха/управляемого сноса
- II. Адаптация российской бизнес-элиты к «игре без правил»
 - 2.1. Назад в 1990-е? Эскалация угроз
 - 2.3. Возможности манёвра «все вдруг»
- III. Российские бизнес-элиты к 2020 году.
 - 3.1. Реструктуризация модели российской экономики. Сценарии для РБГ до 2020 г
 - 3.2. Основные сектора российской экономики: «съесть слона по частям»
 - 3.4. Условия для перехвата стратегической инициативы
- IV. Условия осознания новой реальности и конструирование желаемого будущего
- Послесловие. Императив перезагрузки
- Часть III
 - Елена Ларина, Владимир Овчинский
 - Настольные книги технооптимистов
 - Риски и угрозы новой промышленной революции
 - Социальное программирование и подталкивание
 - Хозяева информационных потоков и их технологии

- [Человек в цифровом мире](#)
- [Железная пята автоматизации](#)
- [Антропологический переход](#)
- [Фазовый переход](#)
- [Власть интеллекта](#)
- [Антропологический переход и переформатирование мира](#)
- [Природно-климатическая турбулентность](#)
- [Вместо заключения. И последние станут первыми](#)
- [Владимир Иванов, Георгий Малинецкий](#)
 - [Парадокс Ферми. Возможны варианты](#)
 - [Что такое гуманитарно-технологическая революция?](#)
 - [Мир выбирает будущее](#)
 - [Моцартовское начало](#)
- [Алексей Анпилогов](#)
 - [Введение](#)
 - [Рождённые, чтобы жить. И чтобы умереть](#)
 - [Имперский интеграл](#)
 - [«Время бури и натиска»: благостная экспонента](#)
 - [Черчилль в молодости, Черчилль в старости: что-то пошло не так...](#)
 - [От Маргарет Тэтчер до Терезы Мэй: умирание длиной в полвека](#)
 - [Россия: стоит ли нам смотреть на английскую «старушку»?](#)
- [Александр Нагорный, Владимир Винников, Василий Симчера](#)
 - [«Однополярный мир» и глобальный системный кризис](#)
 - [Политический контекст Восточного форума](#)

- [«Ошибся» ли товарищ Си?](#)
- [Япония и Корея как потенциальные союзники России и Китая](#)
- [Контригра глобалистов](#)
- [Трампа в ООН: национализация прибылей и глобализация убытков](#)
- [«Головокружения от успехов» у России быть не должно](#)
- [Испытание «медными трубами»](#)
- [Что делать?](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
-

Крах однополярного мира

Александр Проханов

Крымское солнечное затмение

Возвращение Крыма России было, как чудо, как восход солнца. Это была пора ликования. Народ, прозябавший в сумерках, возвысился духом, воскрес. Народ-подранок, у которого с девяносто первого года всё только отбирали, мучили его, казнили, корили, вновь обрёл русский цветущий Крым, он обрёл своё будущее, он вновь стал народом-мечтателем. Ещё не было моста, соединяющего континентальную Россию с полуостровом, а крымский мост между народом и властью, преодолев пропасть, был воздвигнут в одночасье, как в сказке. Началась новая русская эра. Государство Российское повенчалось с Крымом, пало на колени перед алтарём в Херсонесе, оросило своё обгорелое измождённое лицо черноморской живой водой. Крымская светлая буря понеслась на Украину. Русское восстание вспыхнуло на Донбассе, и ополченцам, идущим на Мариуполь, мечтающим о Харькове, Одессе, Днепропетровске, озаряло путь крымское солнце.

Крымское светило потускнело, покрылось копотью, крымское солнце стало угасать. Хотя крымский мост во всей красе соединил две кромки Керченского пролива, мост между властью и народом зашатался, дал трещины, просел на своих опорах.

Чем затуманилось солнце Крыма? Что вновь влило в народную душу печали и скорби? Было загублено русское восстание в Новороссии, был остановлен порыв, предвещавший русское возрождение. Великий реванш был затоптан, ошельмован. Спущена в сточную канаву восхитительная идея Новороссии, мечта о

справедливости и гармонии. Ополченцы под красными знамёнами сражались за Царствие Небесное. Порыв ополченцев к Мариуполю был прерван, а готовые к восстанию Харьков, Одесса, Днепропетровск, Николаев были отданы под пяту службы безопасности Украины, которая затоптала и забила насмерть животворные русские всходы.

Красный конь русского восстания на Донбассе был пойман в стальные тенёта минских соглашений и нормандского формата. Народ, мечтавший о возрождении Родины, ожидавший рывка и развития, выкликавший русское чудо, которое должно было принести в Россию после 1991 года долгожданные радость, красоту и творчество, этого рывка не дождался, ожидания были обмануты.

Обманутая народная душа стала смотреть на власть угрюмо, исподлобья. Вместо новых заводов, скоростных дорог, благополучия и благоденствия, наступили тощие и скудные дни, кажущиеся бесконечными, когда продолжают гнить городки и селения, закрываются заводы, безработные люди бродят вокруг ржавых цехов, пьют из горла, булькая небритыми кадыками. Бедность, тусклая, серая, с мышинными шелестами, расползается по стране, превращая все радостные краски в серое пятно, в котором нет места молитве и чуду, а только борьба за выживание.

Бедность народа сопровождается непомерным богатством бриллиантовых избранников, алчных и бесчестных миллиардеров. Несправедливость и несправедность жизни воспринимается народом как страшная болезнь. Народ ропщет, тоскует, подчас ненавидит. Солнце Крыма покрыла тусклая муть, словно оно светит сквозь закопчённое стекло. Великое чаяние о справедливом бытии и благодатном обществе в который раз было попрано, не находит своего воплощения.

Пенсионная реформа, стреляющая в неимущих. Система «Платон», обирающая дальнобойщиков. Непомерные налоги, которые должны пополнить скудеющий бюджет. При этом гигантские деньги уплывают из России, иссушают бюджет, питают враждебные цивилизации. По-прежнему народное хозяйство России изъедено червями, оно устроено так, что народный труд, богатые недра служат не России, а заморским империям. Русские чувствуют себя подножным кормом для заморских динозавров, которые воспринимают Россию как добычу, откуда выхватывают самые лакомые куски. Россию покрыли настилем из тяжеловесных брёвен, на которых пируют захватчики.

Нарастает реванш девяностых. Тень Ельцина, как туча, закрывает крымское солнце. Как призраки прошлого Юмашев, Татьяна Дьяченко, Наина Иосифовна, Ельцин-центры, которые плодятся, как ядовитые синюшные грибы. Всё это тянет страну в жуткое прошлое, в липкое болото безвременья. Это раздражает, тревожит, рождает смятения, множит экстремистские группы, пьянит шальные головы миражами революций и бунта. В России вновь нарождается смута. Власть закупоривает её арестами, подавлениями, но она, как угарный газ, сочится из сотен щелей, повергая ослабевшие души в обморок.

Российское общество деформировано. Эти деформации, невидимые при слепящем свете крымского солнца, теперь, в сумерках, стали явственными и губительными. Их придётся исправлять, общество придётся чинить, извлекать из него изношенные ненужные детали, оснащать новыми элементами, новыми связями, новым топливом, толкающим государственную машину вперёд.

В указах президента говорится об инфраструктурных проектах: о мостах, железных дорогах, шоссейных трассах, об аэродромах и портах.

Это должно соединить и скрепить Россию, увеличить её экономическую мощь, дать выход индустриальным энергиям. Но инфраструктурные проекты и изменения необходимо совершать и внутри социума. Соединить распавшиеся в нём элементы. Прорвать тромбы, закупорившие связи между отдельными народными группами, между отдельными элементами власти, между народом и государством. Эти инфраструктурные изменения неизбежны. Их нужно осмыслить, продумать, подготовить генплан. Потребность в таком плане велика — потребность в чертёжниках, проектантах, открывателях, фантазёрах, носителях новых идей.

Новый социализм вызревает в недрах русского сознания. Социализм, который исследует причины краха, случившегося в социалистическом двадцатом веке. Социализм, провозглашающий божественную справедливость, исключает чудовищное пролитие крови, непомерное насилие, с помощью которых Россию толкнули в социалистическую эру, и народ шагнул в социализм, прихватив с собой берцовые кости и пробитые черепа своих соотечественников.

Божественная справедливость — это восхитительная утопия, которая вносит гармонию в жизнь людей, в государственные институты, в города и машины, в отношения звёзд и цветов. Божественная справедливость — это религия русской мечты. Из человека изгоняется зверь, в нём всё меньше зверя и всё больше человека, в человеке прирастает человек, а в человечестве — человечность.

Если человеку мешают возвращать в себе человека, ставят препоны, то в человеке случается бунт.

Если бунт человека подавляется государством, запечатывается тюремной камерой, судебными процессами, усилением национальных гвардейцев, если бунт человека не находит выхода вовне, он направляется внутрь. Человек бунтует против себя, в

человеке разверзается бездна, о которой писал Достоевский. В этом страшном подполье начинает плодиться зло, в человеке рождается Невзоров, в человеке происходит расчеловечивание. Эти явления рассматривают богословы и философы. Эти постулаты понимают социальные инженеры и управленцы. Эти постулаты понимают самые просвещённые представители власти. Когда этими постулатами и прозрениями овладеет президент Путин, великое крымское солнечное затмение прекратится, чёрная тень уйдёт, и вновь в лазури воссияет светило.

Часть I

Мир на переломе

Сергей Глазьев

Мир на переломе

Прогнозные сценарии глобальных изменений в условиях смены технологических и мирохозяйственных укладов

В сегодняшнем дискурсе нет недостатка в пророчествах самого драматического толка. Умы творчески мыслящих людей взбудоражены ожиданием радикальных перемен. Народ пугают тотальной роботизацией и всеобщей безработицей, олигархию — крахом капитализма и отмиранием денег, человечество в целом — глобальным потеплением и приближающимся апокалипсисом.

На фоне футурологических антиутопий интеллектуалов в реальности происходит реинкарнация, казалось бы, навсегда ушедших в прошлое человеконенавистнических идеологий. Вызываются к жизни духи разгромленного в прошлом веке нацизма, всплывают образы средневекового воинствующего исламизма, легализуются древние мистические культы. Десятки миллионов людей погружаются в архаичную мифологизированную среду, полную нетерпимости, страха и насилия, вплоть до массового террора.

Чтобы увидеть за этим калейдоскопом противоречивых изменений сколько-нибудь устойчивые тенденции, опираясь на которые можно было бы прогнозировать будущее, нужно понимать закономерности социально-экономического развития. В отличие от широко применяемых эконометрических моделей, оно неравномерно, нелинейно, неравновесно и неопределённо. С большей или меньшей определённой можно судить о краткосрочных

перспективах на участках стабильного роста экономики, которые прерываются периодически происходящими структурными изменениями, формирующими новые технологические траектории, институты, центры воспроизводства экономики. Казавшиеся ещё вчера незыблемыми устои рушатся, и под их обломками гибнет множество людей и человеческих сообществ. На их месте возникают принципиально новые технологические конструкции и институты, воспроизводство которых определяет новый цикл социально-экономического развития.

В настоящее время мир переходит к новым технологическому и мирохозяйственному укладам. Одновременно идёт технологическая революция и смена системы институтов, определяющих воспроизводство национальных экономик и мировой экономики в целом.

Смена технологических и мирохозяйственных укладов — болезненный процесс, сопровождающийся структурным кризисом, экономической депрессией, обострением военно-политической напряжённости. Властно-хозяйственные отношения, сложившиеся в ходе предыдущего цикла эволюции мировой экономики, защищаются заинтересованными в их продолжении элитами и обслуживающими их институтами любыми средствами, вплоть до мировых войн. Но победителем в этих войнах всегда оказывался новый лидер, носитель более эффективной системы производственных отношений, институты которых затем копировались другими странами, распространяясь по планете и формируя новый мирохозяйственный уклад.

Так, в прошлом веке Великобритания, стремясь сохранить свое лидерство, организовала две мировых войны между наиболее опасными для себя конкурентами, но так и не смогла удержать свою колониальную систему, эксплуатируемую в настоящее

время системой транснациональных корпораций, в первую очередь — американских. Сегодня уже США ведут мировую гибридную войну, чтобы сохранить контроль над своей периферией. Но в результате возник стратегический союз России с Китаем и усиление последнего в качестве лидера нового мирохозяйственного и, со временем, технологического уклада. Сумеет ли этот союз нейтрализовать американскую агрессию и предотвратить новую мировую войну?

Ниже на основе понимания закономерностей долгосрочного социально-экономического развития и знания имеющихся возможностей российской экономики формулируются различные сценарии будущего положения нашей страны в зависимости от проводимой в настоящее время политики.

Периодическая смена технологических укладов в развитии производительных сил

Открытие закономерности периодической смены технологических укладов^[1] объясняет происходящую в настоящее время технологическую революцию. В её ходе наблюдаются резкий рост инновационной активности, быстрое повышение эффективности производства, социально-экономическое признание новых технологических возможностей, изменение ценовых пропорций в соответствии со свойствами новой технологической системы. Технологическая революция сопровождается массовым обесценением капитала, задействованного в производствах устаревшего технологического уклада, их сокращением, ухудшением экономической конъюнктуры, углублением внешнеторговых противоречий, обострением социальной и политической напряженности. На

поверхности экономических явлений этот период выглядит как глубокая депрессия, сопровождающаяся ухудшением макроэкономических индикаторов: падением или снижением темпов роста ВВП и промышленного производства, увеличением уровня безработицы.

Капитал, высвобождающийся из устаревших и ставших убыточными производств не находит сразу себе приложения в новых и зависает на некоторое время в сфере обращения, подпитывая финансовые пузыри. Как отмечает Ш.Перес^[2], в экономике переход к фазе роста очередной «длинной волны» начинается после того, как оставшийся после обесценения в лопнувших финансовых пузырях капитал находит дорогу к инвестициям в принципиально новые технологии, что и создаёт новый технологический уклад.

Со эпохи первой промышленной революции сменилось пять «длинных волн» (кондратьевских) экономического роста (конъюнктуры). В основе каждой из них лежит фаза подъёма жизненного цикла соответствующего технологического уклада как воспроизводящейся целостной системы технологически сопряженных производств.

Произошедший в первом десятилетии XXI века «всплеск» цен на нефть и другие энергоносители свидетельствует о достижении пятым технологическим укладом пределов своего роста.

Открытие закономерности периодической смены технологических укладов позволило предсказать колебания цен на нефть, «раздувание» и «схлопывание» финансовых «пузырей», падение темпов экономического роста, финансовый кризис и депрессию, охватившую передовые страны с 2008 г. Преодоление структурного кризиса в них происходит благодаря

росту нового, шестого технологического уклада. Измерения распространения его ключевых технологий позволяют констатировать прохождение новым технологическим укладом фазы «родов» с выходом в ближайшее время в фазу роста. Вскоре он займёт доминирующее положение в экономике передовых стран, обеспечив их выход на новую «длинную волну».

Ведущие страны мира успешно осваивают комплекс нано-, биоинженерных и аддитивных технологий, которые, наряду с информационно-коммуникационными, составляют ключевой фактор роста нового технологического уклада. Его «ядро» расширяется с темпом около 35 % в год^[3].

Идущая сегодня смена технологических укладов порождает структурный кризис экономики ведущих стран мира, связанный с исчерпанием возможностей роста, загниванием и отмиранием существующего технологического уклада с «родовыми муками» нового технологического уклада. При этом вперёд вырываются страны, сумевшие ранее других сконцентрировать ресурсы на освоении ключевых систем нового технологического уклада, в то время как прежние лидеры страдают от обесценения капитала, вложенного в переставшие расти производства прежнего технологического уклада. Именно таким образом совершалось «экономическое чудо» в послевоенных Японии и Западной Европе, происходил прорыв в число мировых лидеров США и России. Сейчас аналогичным образом совершают рывок Китай и Индия.

Хотя процесс смены технологических укладов достаточной хорошо изучен и происходит уже в шестой раз, в том числе — второй раз на памяти нынешнего поколения, мало кто понимает логику этого переходного процесса. Продолжение инвестиций в расширение бесперспективных производств уходящего

технологического уклада и проволочка с наращиванием инвестиций в производства нового технологического уклада — типичные ошибки, усугубляющие структурный кризис, в том числе — в современной России.

Еще меньше понимания смены мирохозяйственных укладов как системы производственных отношений и институтов воспроизводства капитала, а также того, что обострение политической напряженности является типичным проявлением такой смены и до сих пор сопровождалось мировыми войнами.

Периодическая смена мирохозяйственных укладов в организации глобальной экономики

Мирохозяйственный уклад определяется как система взаимосвязанных институтов, обеспечивающих расширенное воспроизводство капитала, а также национальных и мировой экономики в соответствующем вековом цикле накопления^[4]. Особое значение имеют институты страны-лидера, которые оказывают доминирующее влияние на международные нормы регуляции мирового рынка и международных торгово-экономических, а также финансовых отношений. Каждый из таких укладов имеет пределы своего роста, определяемые накоплением внутренних противоречий в рамках воспроизводства составляющих его институтов. Развёртывание этих противоречий происходит до момента дестабилизации системы международных экономических и политических отношений, разрешавшихся до сих пор мировыми войнами. Последние, как правило, организовывались и провоцировались страной-лидером устаревающего мирохозяйственного уклада с целью усиления контроля над периферией мировой экономики для сохранения

своей доминирующей позиции, конкурентных преимуществ и ослабления позиций возможных конкурентов. Из числа последних, однако, всегда появлялся новый лидер — носитель более прогрессивной системы институтов и производственных отношений, который до последнего момента уклонялся от участия в войне, чтобы вступить в неё на завершающем этапе в стане победителей и захватить глобальное лидерство. Одновременно со сменой мирового лидера расширяются институты нового мирохозяйственного уклада, которые обеспечивают поддержание имеющихся материально-технических достижений и создают новые возможности для развития производительных сил общества.

Незнание закономерностей смены мирохозяйственных укладов влечёт за собой недооценку рисков американской агрессии, которая воспринимается, то как банальное стремление ослабить Россию, то как привычная борьба с неудобными США политическими режимами, то как война против международного терроризма. На самом деле — это война американской властвующей элиты против всего мира в стремлении сохранить своё лидерство, ускользающее вместе с прежним мирохозяйственным укладом. США не в силах остановить историю, но уничтожить мир они в состоянии. Особенно охотно они могут это сделать в Европе, как это было в ходе Первой и Второй мировых войн, в ходе которых Америка обеспечила переток к себе умов, капиталов и технологий.

«Эпицентр» кризисных процессов находится в «ядре» нынешнего мирохозяйственного уклада — в финансовой системе США. Первый «толчок» глобального финансового кризиса поразил его ключевые институты: крупнейшие в мире инвестиционные банки. Вслед за ними обрушились

несущие конструкции государственных институтов, обеспечивавших воспроизводство капитала: страховые и ипотечные агентства. Хотя американская финансовая система устояла за счет резкого наращивания денежной эмиссии, её диспропорции с тех пор лишь усилились: скачкообразно, до 21 трлн. долл, вырос государственный долг, продолжилось раздувание финансовых «пузырей» деривативов.

Параллельное с ростом государственного долга и объёмов деривативов наращивание эмиссии долларов свидетельствует о том, что данная система работает в режиме финансовой пирамиды: текущие обязательства обслуживаются за счет эмиссии новых. Данный режим вошел в фазу обострения, когда система теряет устойчивость и становится уязвимой к внешним и внутренним «шокам». Всё это свидетельствует о достижении пределов расширения Американского векового цикла накопления капитала и исчерпани возможности экономического развития в рамках мирохозяйственного уклада «империи доллара». Понимая это, властвующая элита США хватается за традиционную «соломинку»: чтобы нейтрализовать эти угрозы, она идёт по пути дестабилизации и хаотизации стран-кредиторов, коллапс которых позволяет списать значительную часть американских обязательств и присвоить реальные активы.

Теоретически США могут вернуться на траекторию устойчивого роста, если рост нового технологического уклада будет настолько мощным, чтобы генерировать поток доходов, достаточный для обслуживания накопленных обязательств. Однако существующая система институтов, обеспечивая воспроизводство капитала в рамках сложившегося мирохозяйственного уклада, едва ли подарит такую возможность. Слишком велики экономические, финансовые, социальные и технологические диспропорции.

Выход из нынешней депрессии будет сопровождаться масштабными геополитическими и экономическими изменениями. Как и в предыдущих циклах, страны-«чемпионы» демонстрируют неспособность к совместным кардинальным институциональным нововведениям, которые могли бы канализировать высвобождающийся капитал в структурную перестройку экономики на основе нового технологического уклада, продолжая воспроизводить сложившуюся институциональную систему и обслуживать воплощённые в ней экономические интересы.

Фактор БРИКС

Как указывалось выше, в настоящее время разворачивается структурная перестройка мировой экономики, связанная с её переходом на новый технологический уклад, опирающийся на комплекс nano-, био- и информационно-коммуникационных технологий. Падение цен на нефть является характерным признаком завершения периода «родов» нового технологического уклада и его выхода на экспоненциальную часть траектории роста за счёт бурного распространения новых технологий, кардинально улучшающих ресурсоэффективность и снижающих энергоёмкость производства. Именно в такие периоды глобальных технологических «сдвигов» у ранее отстающих стран возникает возможность для экономического «рывка» к уровню передовых стран, пока последние сталкиваются с перенакоплением капитала в устаревших производственно-технологических комплексах.

Такой «рывок» совершают сегодня Китай и другие страны Юго-Восточной Азии. За три последних

десятилетия КНР добилась впечатляющих успехов шагнув из глубокой периферии мировой экономики в число лидеров, выйдя в 2014 году на первое место в мире по физическому объему ВВП и экспорту высокотехнологичной продукции. За три десятилетия объём ВВП вырос в Китае в 30 раз (с 300 млрд. долл. до 9 трлн. долл. по текущему курсу юаня к доллару), промышленного производства — в 40-50 раз, валютных резервов — в несколько сотен раз (до 4 трлн. долл.). По уровню экономического развития, измеряемого показателем ВВП на душу населения, Китай поднялся с места в конце списка беднейших стран до места в первой тридцатке стран (среднего достатка)^[5].

Китай становится мировым инженерно-технологическим центром. Сейчас доля китайских инженерно-технических и научных работников в их мировой численности превышает 25 %, а к 2030 году, согласно прогнозам, в мире будет насчитываться 15 млн. инженерно-технических и научных работников, из которых 4,5 млн. человек (30 %) будут составлять учёные, инженеры и техники из КНР^[6]. К 2030 году Китай по объёму затрат на научно-технические разработки выйдет на 1-е место в мире, а его доля в объёме мировых затрат составит 25 %^[7]. Из крупных стран, кроме КНР опережающие темпы роста имеет Индия, а до начала мирового финансового кризиса 2008 г. имели Россия и Бразилия. Появившаяся на этом основании аббревиатура «БРИК» отразила общность интересов этих стран в реформировании мировой валютно-финансовой системы.

Вместе страны БРИКС занимают четверть мирового производства высокотехнологичной продукции с перспективой увеличения этой доли до 1/3 к 2020 году^[8]. Расширяются расходы на научные исследования и разработки, чей объём приближается к 30 % от

общемирового. Хотя вследствие применения рекомендаций МВФ экономики Бразилии и России перестали расти, благодаря продолжающемуся быстрому подъёму Китая и Индии заинтересованные в переходе к новому мирохозяйственному укладу страны уже обладают достаточной научной и производственно-технологической базой для совершения технологического «рывка». Одновременно с быстрым ростом «ядра» Азиатского цикла накопления «ядро» Американского относительно уменьшается.

В отличие от стран «ядра» существующего мирохозяйственного уклада, навязавшего миру универсальную систему финансово-экономических отношений как основу либеральной глобализации, «ядро» нового мирохозяйственного уклада отличается большим разнообразием. Эта особенность проявляется и в общих ценностях БРИКС: свобода выбора путей развития, отрицание гегемонизма, суверенность исторических и культурных традиций.

Иными словами, объединение «пятёрки» представляет собой качественно новую модель сотрудничества, отдающую — в противовес униформизму либеральной глобализации — дань разнообразию, что в равной степени приемлемо для стран, находящихся на разных стадиях экономического и социального развития.

Главными факторами сближения стран БРИКС являются следующие:

- общее стремление реформировать устаревшую международную финансово-экономическую архитектуру, не учитывающую возросший экономический вес стран с развивающимися и формирующимися рынками^[9];
- твёрдая поддержка общепризнанных принципов и норм международного права, неприятие политики

силового давления и ущемления суверенитета других государств;

- наличие схожих вызовов и проблем, связанных с потребностями в масштабной модернизации экономики и социальной жизни;

- взаимодополняемость многих секторов экономики государств-участников^[10].

Историческая миссия БРИКС как новой общности стран и цивилизаций — предложить новую, отвечающую потребностям устойчивого развития парадигму, которая принимала бы во внимание экологические, демографические и социальные пределы развития, необходимость предотвращения экономических конфликтов^[11]. Разделяемые странами БРИКС принципы международного устройства принципиально отличаются от свойственных предыдущим мирохозяйственным укладам, где доминировали государства западноевропейской цивилизации, по признанию С. Хантингтона, «не благодаря превосходству своих идей, нравственных ценностей, или религии (в которую было обращено население лишь немногих других цивилизаций), но скорее в результате превосходства в использовании организованного насилия»^[12].

Формирование нового мирохозяйственного уклада ведётся странами БРИКС на равноправной, взаимовыгодной и консенсусной основе. По этим принципам создаются региональные экономические объединения: ШОС, ЕАЭС, МЕРКОСУР, АСЕАН-Китай, а также финансовые институты (Банк развития и пул валютных резервов БРИКС).

Американская стратегия сохранения глобального доминирования и угроза новой мировой войны

Анализ трёхвековой динамики циклов накопления и соответствующих им мирохозяйственных укладов наглядно иллюстрирует объективные причины периодически возникающих мировых войн за доминирование в формировании системы мирохозяйственных связей. В настоящее время, как это было и в предыдущие периоды смены вековых циклов, теряющий влияние лидер прибегает к принудительным способам поддержания своих привилегированных позиций. Сталкиваясь с перенакоплением капитала в финансовых пирамидах и устаревших производствах, а также с утратой рынков сбыта своей продукции и падением доли доллара в международных транзакциях, США пытаются удержать лидерство за счёт развязывания мировой войны с целью ослабления как конкурентов, так и партнёров. Установление контроля над Россией в сочетании с доминированием в Европе, Средней Азии и на Ближнем Востоке дало бы США стратегическое преимущество над поднимающимся Китаем: как в контроле над ключевыми источниками углеводородов и другими критически значимыми природными ресурсами, так и в создании новых знаний и разработке передовых технологий.

В основе глобального доминирования США лежит сочетание технологического, экономического, финансового, информационного, политического и военного лидерства. Технологическое превосходство позволяет американским корпорациям присваивать интеллектуальную ренту, финансируя за её счёт научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) в целях опережения конкурентов по максимально широкому фронту научно-технического прогресса (НТП). Удерживая монополию на использование передовых технологий, американские компании обеспечивают себе преимущество на мировых

рынках: как по эффективности производства, так и по предложению новых товаров.

Экономическое превосходство создаёт основу для господствующего положения американской валюты, которое защищается военно-политическими методами. В свою очередь, за счёт присвоения глобального сеньоража от эмиссии мировой валюты, США финансируют дефицит своего госбюджета, являющегося следствием «раздутых» военных расходов. Последние сегодня на порядок больше российских и сопоставимы с совокупным объёмом десяти идущих вслед за США стран вместе взятых.

Располагая преимуществом в перечисленных сферах, США обеспечивают себе превосходство также в информационной сфере, монополизируя распространение и производство информационных продуктов и контролируя глобальные информационные сети и каналы коммуникаций^[13]. Доминируя на рынке культурно-информационных услуг, США формируют нужную им систему ценностей и образов, чтобы манипулировать общественным сознанием народов всей планеты. Осуществляя контроль над глобальными каналами коммуникаций, они могут собирать информацию о миллионах людей, определяющих политику своих стран, и влиять на принимаемые ими решения. Контроль над глобальными информационными сетями позволяет им видеть всё, что имеет для них значение в каждом уголке мира.

На основе технологического, экономического, финансового, военного и информационного доминирования США обеспечивают себе глобальную политическую гегемонию. Она опирается на персональный контроль за лояльностью политических лидеров других стран американским ценностям, соответствие им правящих партий, манипулирование

общественным мнением посредством СМИ, подкуп и выращивание влиятельных людей при помощи огромного количества «прокладочных» неправительственных организаций, вербовку и шантаж ключевых фигур в органах власти, а также применение насилия в отношении инакомыслящих людей, социальных групп и целых стран.

Вместе с тем, США и их союзники по «Большой Семёрке» к настоящему времени исчерпали возможности вытягивания ресурсов из постсоциалистических стран, в первую очередь — из России, где сложились свои корпоративные структуры, контролирующие остатки их производственного потенциала. Исчерпала себя и финансовая война, проводимая Вашингтоном против незащищенных национальных финансовых систем с целью «подсаживания» их на доллар посредством навязывания монетаристской макроэкономической политики через МВФ, рейтинговые агентства, агентов влияния и т. д.

В то же время сохранившие экономический суверенитет страны (КНР, Индия) не открывают свои финансовые системы, демонстрируя уверенный рост в условиях кризиса. Посредством создания двусторонних валютных свопов Китай быстро формирует собственную систему международных расчётов. Как было показано выше, в период смены технологических укладов догоняющие страны получают возможность «срезать круг» — сэкономить на фундаментальных и поисковых исследованиях путём имитации достижений передовых стран. Именно таким образом сегодня Китай, Индия и Бразилия пытаются совершить технологический рывок.

По мере становления нового технологического уклада, пространство для маневров США неумолимо сжимается — американской экономике приходится принимать на себя основной удар обесценения

капитала, осевшего в избыточных производствах прежнего технологического уклада, финансовых пирамидах и обязательствах терпящих бедствие стран.

Доля США на мировом рынке постоянно снижается, что подрывает экономическую основу их глобального доминирования. Последнее сегодня держится преимущественно на монопольном положении доллара в глобальной валютно-финансовой системе. На его долю приходится около 2/3 мирового денежного оборота^[14]. «Размывание» экономического фундамента своего глобального лидерства США пытаются компенсировать усилением военно-политического давления на конкурентов. При помощи глобальной сети военных баз, информационного мониторинга, электронной разведки, структур НАТО и т. д. американцы стараются удерживать контроль над всем миром, пресекая попытки отдельных стран вырваться из долларовой зависимости. Однако делать это им становится всё сложнее — осуществлению необходимых для сохранения лидерства структурных изменений мешает инерция связанных в устаревших основных фондах инвестиций, а также гигантские финансовые пирамиды частных и государственных обязательств. Для сбрасывания такого быстро нарастающего бремени и удержания монопольного положения в мировой валютно-финансовой системе США объективно заинтересованы в списании своих обязательств, лучшим способом для чего всегда была мировая война. Невозможность её проведения обычным способом из-за рисков применения оружия массового поражения Америка пытается компенсировать развязыванием серии региональных войн, складывающихся в совокупности в единую глобальную хаотическую войну против всего мира.

Создавая «управляемый хаос» путём организации вооруженных столкновений в зоне естественных интересов ведущих стран мира, США сначала провоцируют эти страны на втягивание в конфронтацию, а затем проводят кампании по сколачиванию против них коалиций государств с целью закрепления своего лидерства и легитимизации результатов конфликта. При этом США получают недобросовестные конкурентные преимущества, отсекая неконтролируемые ими страны от перспективных рынков, облегчая бремя своего долга за счёт «замораживания» активов проигравших и многократно увеличивая собственные расходы на разработку и продвижение новых технологий, необходимых для роста американской экономики.

По логике вековых циклов накопления США не могут выиграть провоцируемую ими войну. На смену им должен прийти новый мировой лидер, который присвоит себе все трофеи. И лидер этот уже существует в лице КНР.

США стараются максимально отодвинуть момент краха собственной финансовой системы и перескочить на новую «длинную волну» роста до его наступления. С этой целью они пытаются переложить бремя обслуживания своих обязательств на другие страны или вовсе их списать. Чтобы удержать контроль над нефтедолларами, они развязали войны на Среднем и Ближнем Востоке, повергнув собственных недавних партнеров в состояние хаоса и беспомощности. Для контроля над наркოდолларами они оккупировали Афганистан. Однако главная цель расширяющейся агрессии США — Европа. По геополитической традиции американская олигархия делает ставку на войну европейских стран с Россией в надежде снова оказаться главным бенефициаром, как это уже дважды случилось в XX веке. Именно поэтому американские спецслужбы

совершили госпереворот на Украине, установив в Киеве антироссийский нацистский режим.

По прогнозам В. Пантина^[15], самый опасный период для России наступит в начале 2020-х гг., когда стартует технологическое перевооружение развитых стран и Китая, а США и другие западные страны выйдут из депрессии 2008–2018 гг. и совершат новый технологический «скачок». Именно в период 2021–2025 гг. Россия снова может резко отстать в технологическом и экономическом отношении, что обесценит её оборонный потенциал и резко усилит внутренние социальные и межэтнические конфликты, как это произошло с СССР в конце 1980-х гг. Американские аналитики из ЦРУ и других ведомств прямо делают ставку на развал России изнутри после 2020 г. из-за внутренних противоречий, инициируемых извне с использованием проблем социального и регионального неравенства, а также снижения уровня жизни населения нашей страны вследствие проводимой по рекомендациям МВФ макроэкономической политики.

Развязываемая Вашингтоном мировая война отличается от предыдущих отсутствием фронтовых столкновений армий. Она ведётся на основе использования современных информационно-когнитивных и валютно-финансовых технологий, с опорой на «мягкую силу», предусматривая ограниченное применение военной мощи в форме карательных операций против уже лишённого возможности к сопротивлению противника. Расчёт делается на дестабилизацию внутреннего состояния страны-«жертвы» посредством поражения её общественного сознания подрывными идеями, ухудшения социально-экономического положения, выращивания разнообразных оппозиционных сил, подкупа элиты с целью ослабления институтов

государственной власти и свержения легитимного руководства с последующей передачей власти марионеточному правительству.

Такие войны называют «гибридными»: руководство страны-«жертвы» до последнего момента не чувствует угрозы со стороны противника, его политическая воля сковывается бесконечными переговорами и консультациями, иммунитет подавляется демагогической пропагандой, в то время как соперник ведёт активную работу по уничтожению структур её внутренней и внешней безопасности. В решающий момент происходит их подрыв с силовым подавлением возникающих очагов сопротивления. Именно таким образом США добились успеха в «холодной» войне против СССР с последующим государственным переворотом в Российской Федерации в 1993 году, а в настоящее время создают «воронки» расширяющегося хаоса в стратегически важных регионах Ближнего и Среднего Востока, пытаются восстановить контроль над постсоветским пространством путём принудительного насаждения марионеточных режимов в бывших советских республиках.

США ведут гибридную мировую войну на множестве фронтов, опираясь на свою монополию эмиссии мировой валюты. Это даёт им возможность финансировать свои военные, пропагандистские, организационные и прочие военные расходы за счёт других стран-держателей американских казначейских обязательств, включая жертв американской агрессии. Да и сама война строится ими на принципе самокупаемости. Американским корпорациям после победы передаются месторождения полезных ископаемых, объекты инфраструктуры, внутренний рынок. ФРС организует денежное обращение, привязывая эмиссию национальной валюты к приросту валютных резервов в форме американских облигаций. Оплачивать

деятельность оккупационных властей приходится народам порабощённых стран, которым навязываются псевдовыборы, легитимизирующие власть американских марионеток.

В рамках созданного под определяющим влиянием США нынешнего мирохозяйственного уклада американцы всегда имеют преимущество в конфликте против любого соперника. Эффективность ведущейся ими с половиной мира гибридной войны основывается на соответствии её технологий институтам существующего мирохозяйственного уклада. На финансовом фронте США обладают подавляющим преимуществом, контролируя эмиссию мировой валюты и МВФ, определяющего нормы функционирования мирового и большинства национальных валютных рынков, включая российский. Вместе со своими геополитическими союзниками: Японией, Великобританией и ЕС, валюты которых тоже обладают статусом мировых, — они контролируют подавляющую часть мирового валютно-финансового пространства и обладают большинством голосов в международных финансовых институтах.

На информационном фронте глобальная монополия американских СМИ позволяет им формировать общественное мнение и таким образом влиять на предпочтения избирателей, контролируя политический ландшафт в большинстве демократических стран. И на других важнейших фронтах гибридной войны: культурном, идеологическом, продовольственном, энергетическом, коммуникационном, — США имеют ощутимые преимущества.

В рамках существующего мирохозяйственного уклада ни одна из стран с открытой экономикой и демократической политической системой не может одержать победу в конфликте против США в рамках гибридной войны, и ни одно государство не

застраховано от американской агрессии. Эффективно противостоять ей могут только страны с закрытой финансовой, информационной и политической системой. Однако такая самоизоляция ведёт к технологическому отставанию и экономической деградации, что влечёт за собой падение уровня жизни и уже внутривнутриполитические риски. Обуздать агрессивность США можно только путём своевременного перехода к новому мирохозяйственному укладу в результате перестройки основных институтов функционирования глобальной финансовой и информационной систем, а также созданием механизмов ответственности за соблюдение норм международного права.

Семь вариантов ближайшего будущего

Исходя из вышеизложенного, можно определить следующие сценарии развития России. Если в отношении Китая можно предположить сохранение нынешней системы институтов нового мирохозяйственного уклада и продолжение формирования нового центра мировой экономической системы, то в отношении США есть несколько вариантов.

Политика США может остаться, в основном, неизменной, и Трамп продлит прежнюю линию удержания глобального доминирования, продолжая гибридную войну против России и сдерживание КНР. Или же он перейдёт к политике здравого смысла, признав реалии многополярного мира и неизбежность перехода к новому мирохозяйственному укладу. Второй путь потребует кардинального обновления американской властвующей элиты, вероятность чего стремится к нулю.

Для России варианты разнятся в зависимости от проводимой внутренней экономической политики. В первом случае она остается неизменной. Это будет означать нарастающее технологическое отставание российской экономики, её деградацию, падение конкурентоспособности и окончательную утрату способности к самостоятельному развитию. Вторым вариантом предполагается переключение на политику опережающего развития на базе нового технологического и мирохозяйственного укладов.

Итак, рассмотрим следующие варианты.

1. Статус-кво

Каждая из трех стран продолжает нынешнюю политику. Для России это будет означать нарастающее отставание как от нового, так и от старого центра мировой экономической системы. Это приведёт к ослаблению военно-технической мощи, сравнительному ухудшению уровня жизни и падению социальной поддержки власти. Ослабление последней будет провоцировать усиление агрессии США против России, включая нарастание военных провокаций со стороны контролируемого Вашингтоном неофашистского режима на Украине, эскалацию террористической деятельности на Кавказе и Поволжье, дестабилизацию социально-политической ситуации в столицах ЕАЭС. Одновременно КНР будет усиливать свое влияние в экономике России и ЕАЭС. Массированные китайские инвестиции в рамках реализации доктрины Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) будут приспособлять их к потребностям развития экономики КНР. ЕАЭС в рамках этого сценария едва ли выдержит испытание на разрыв противонаправленным давлением со стороны США и Китая при слабеющей

России. Евразийская интеграция также будет подвергаться испытаниям на прочность между старым и новым центрами мировой экономики. Российская экономика станет набором слабо связанных между собой анклавов, обслуживающих разные сегменты мирового рынка, что создаст предпосылки для дестабилизации политической ситуации и перехода к следующим вариантам развития событий.

1а. Американская колонизация

В условиях нарастающих социально-экономических трудностей в России восстанавливается доминирование проамериканских сил во внутренней политике. В целях снятия санкций делаются уступки давлению Запада, что влечёт за собой резкое нарастание американской агрессии вплоть до установления в России марионеточного режима.

Его руками осуществляется ядерное разоружение России с её последующей дезинтеграцией. Россия теряет суверенитет, ЕАЭС прекращает существование, Средняя Азия становится зоной доминирования Китая.

1б. Китайская периферия

В условиях растущего отставания и ухудшающегося экономического положения России стратегическое партнерство с КНР наполняется реальным содержанием. Благодаря китайскому финансированию реализуются совместные программы сопряжения ЕАЭС и ЭШП. Массированные китайские инвестиции направляются в развитие российских топливно-энергетического, агропромышленного и транспортного комплексов, которые переориентируются на

потребности китайского рынка. ВПК развивается в соответствии с целями внешней защиты ОДКБ и ШОС. Остатки потенциала гражданской высокотехнологической промышленности осваиваются совместными китайско-российскими предприятиями. Россия сохраняет политический суверенитет и равноправное военно-политическое партнёрство с КНР, в то время как её экономика становится китайской «периферией».

2. Изоляция и интервенция

Это самый плохой для России вариант, при котором Китай присоединяется к антироссийским санкциям. В подобном случае Россия оказывается в полной изоляции, теряя как валютные резервы, так и внешние рынки сбыта. При сохранении нынешней экономической политики это влечёт катастрофическое падение жизни и дестабилизацию социально-политической ситуации. С большой вероятностью распадается ЕАЭС. Социально-политическая дестабилизация в России провоцирует внешнюю агрессию, которая может принять характер раздела страны на сферы влияния между старым и новым центрами мировой экономики.

3. Изоляция и мобилизация

Имеющийся в России научно-производственный, военно-технический, природно-ресурсный и интеллектуально-духовный потенциал позволяет в случае глобального антироссийского фронта выживать и самостоятельно развиваться на основе формирования мобилизационного варианта интегрального мирохозяйственного уклада. Он предполагает полную

деоффшоризацию экономики, перевод основной части валютных резервов в золото, введение валютного контроля и ограничений трансграничных операций с капиталом, обязательную продажу всей валютной выручки. Он также потребует пересмотра итогов приватизации, введения прогрессивного налогообложения доходов и имущества, изъятия природной ренты в доход государства, без чего невозможно добиться требуемого для мобилизации общественного сознания восстановления социальной справедливости. Денежно-кредитная политика подчиняется целям модернизации и роста производства. Госкорпорации, банки, министерства и ведомства должны будут работать по стратегическим и индикативным планам, неся ответственность за их выполнение. Однако сделать всё это нынешняя властвующая элита принципиально не способна. Для этого потребуется ее практически поголовная замена: как в органах государственной власти, так и в бизнесе.

4. Российско-китайское стратегическое партнерство

становится реальным при формировании в России институтов нового мирохозяйственного уклада с переходом к стратегии опережающего развития. Разрабатываются общие планы развития, реализуются крупные совместные инвестиционные проекты, наполняется реальным содержанием сопряжение ЕАЭС и ЭШП. Создаётся Большое Евразийское партнерство. Российская высокотехнологичная продукция осваивает китайский рынок. Россия подключается к «ядру» нового центра роста мировой экономики. В этом варианте темпы роста российской экономики достигают максимальных значений — до 10 % ежегодного

прироста ВВП и 20 % прироста инвестиций. Реализуется создание широкой антивоенной коалиции с участием России, КНР и, желательно, Индии. Здесь также предполагается существенное обновление российской властвующей элиты.

5. Партнерство США, России и КНР

Маловероятный в настоящее время сценарий прекращения антироссийских санкций и формирования дружеских отношений, основанных на признании солидарной ответственности за сохранение мира и неизбежности перехода к новому мирохозяйственному укладу. Критерием реалистичности данного варианта является прекращение американской оккупации Украины и антироссийской агрессии. Это наиболее комфортный для России, но маловероятный сценарий, эффективность которого будет зависеть от проводимой экономической политики. При её сохранении неизменной события могут «соскочить» с колеи этого варианта на сценарий 4.

Пока Президентом России является В.В. Путин варианты 1а и 2 исключены. Они могут актуализироваться только в результате «цветной» революции или государственного переворота.

Исходя из определения политики как искусства возможного, предпочтительным является реализация варианта 4. Он практически не зависит от влияния США, позволяет защититься от исходящих от них угроз путём сотрудничества с Китаем, а также добиться максимально высоких темпов экономического роста. При реализации этого варианта создаются предпосылки для воплощения пятого, наиболее благоприятного сценария.

Формирование антивоенной коалиции

Чтобы предотвратить войну, нужно убедить агрессора в недостижимости её целей. Для этого, во-первых, необходимо сформировать международную коалицию, против которой агрессор объективно бессилён. Во-вторых, у членов такой коалиции должно быть общее понимание угроз и видение будущего, для чего важна выработка единого представления о закономерностях социально-экономического развития. В-третьих, им нужны общие цели и объединяющие их программы. И, разумеется, следует принять меры по ослаблению агрессора. Он должен быть лишен возможности безнаказанно нарушать международное право.

Антивоенная международная коалиция за переход к новому мирохозяйственному укладу могла бы включать следующих участников:

- страны ЕАЭС и ОДКБ, тесно связанные своей исторической судьбой и национальными интересами с Россией;
- государства ШОС, хорошо понимающие опасность очередной агрессии США и их союзников;
- страны БРИКС, чей экономический подъём может быть торпедирован организованной США дестабилизацией;
- государства Индокитая, не заинтересованные в ухудшении отношений с Россией;
- некоторые сохраняющие суверенитет страны Ближнего и Среднего Востока — для них мировая война будет означать эскалацию собственных региональных конфликтов;
- латиноамериканские государства Боливарианского альянса, для которых велика угроза прямого вторжения США;

- страны «Группы 77», наследницы Движения неприсоединившихся стран, традиционно выступающие против войн и за справедливый миропорядок;
- европейские государства, чьи политические элиты способны действовать в собственных национальных интересах и для которых новая масштабная война в Европе совершенно неприемлема.

В качестве побудительной причины создания такой коалиции следует выдвинуть общую для всех её участников угрозу ведения Америкой глобальной гибридной войны. Важным условием успеха коалиции, как уже отмечалось выше, является лишение США монополии на идеологическое доминирование путём последовательного разоблачения античеловеческих последствий их интервенций, совершаемых военными массовых убийств мирных граждан, разрушительных результатов правления ставленников «вашингтонского обкома» в различных странах мира. Необходимо развенчать миф об американской непогрешимости, вскрыть цинизм и обман со стороны руководителей США, катастрофические последствия проводимой ими политики двойных стандартов.

Антивоенная коалиция обязана выработать позитивную программу устройства мировой финансово-экономической архитектуры на принципах взаимной выгоды, справедливости и уважения национального суверенитета.

Она должна устранить фундаментальные причины глобального кризиса, в числе которых наибольшее значение имеют следующие:

- бесконтрольность эмиссии мировых резервных валют, приводящая к злоупотреблениям эмитентов монопольным положением в собственных интересах ценой нарастания диспропорций и разрушительных

тенденций в глобальной финансово-экономической системе;

- неспособность действующих механизмов регулирования операций банковских и других институтов обеспечить защиту национальных финансовых систем от спекулятивных атак с целью их дестабилизации, чрезмерных рисков трансграничного перетока спекулятивного капитала и образования финансовых «пузырей»;

- исчерпание пределов роста доминирующего технологического уклада и недостаточность условий для становления нового, включая нехватку инвестиций для широкого внедрения кластеров составляющих его базисных технологий.

Антивоенная коалиция должна выступить с позитивной программой мер по выходу из глобального кризиса путём устранения его причин и создания стабильных условий для функционирования мирового финансового рынка и международного валютно-финансового обмена на взаимовыгодной основе, развития международной производственной кооперации, мировой торговли товарами и технологиями. Такие условия позволят национальным денежным властям организовать кредитование производств нового технологического уклада и модернизации экономики, стимулировать инновационную и деловую активность на перспективных направлениях экономического роста. Для этого страны-эмитенты мировых резервных валют обязаны гарантировать их устойчивость путём соблюдения определенных ограничений по величине государственного долга, а также дефицита платежного и торгового балансов. Кроме того, им следует соблюдать установленные международными нормами требования по прозрачности используемых ими механизмов обеспечения эмиссии своих валют,

предоставлению возможности их беспрепятственного обмена на все торгуемые на их территории активы.

Целесообразно ввести классификацию национальных валют, претендующих на роль резервных (мировых или региональных), — в зависимости от соблюдения их эмитентами требований устойчивости и конвертируемости.

Использование цифровых технологий в денежном обращении позволяет существенно упростить решение перечисленных задач. Если отказаться от анонимности, цифровые национальные и наднациональные валюты будут автоматически удовлетворять большинству указанных требований к эмитентам мировых валют.

Для определения требований к эмитентам мировых резервных валют и мониторинга их соблюдения необходимо провести глубокое реформирование международных финансовых институтов для обеспечения справедливого представительства стран-участниц по объективному критерию, учитывающему относительный вес каждой из них в мировом производстве, торговле, финансах, природном потенциале и населении. По тому же критерию можно сформировать корзину валют под выпуск новой международной расчётной денежной единицы, по отношению к которой будут определяться курсы всех национальных валют, включая мировые резервные. На начальном этапе в эту корзину могут войти валюты стран коалиции, согласившихся взять на себя обязательства по соблюдению установленных требований.

Для стимулирования глобального распространения социально значимых достижений нового технологического уклада необходимо развернуть международную систему глобального стратегического социально-экономического планирования, включающую в себя разработку долгосрочных прогнозов НТП,

определение перспектив развития экономики мира, региональных объединений и крупных стран, выявление возможностей преодоления существующих диспропорций, включая разрывы в уровне развития передовых и слаборазвитых стран, а также выбор приоритетных направлений развития и индикативных планов деятельности международных организаций.

Очевидно, что США и страны «Большой Семёрки» (G7) будут противодействовать реализации охарактеризованных выше предложений по реформированию мировой валютно-финансовой системы, которая подрывает их монопольное право бесконтрольной эмиссии мировых валют. Нынешний режим обмена результатами и факторами экономической деятельности между развивающимися и развитыми государствами вполне устраивает последние. Получая огромную выгоду от эмиссии мировых валют, ведущие западные страны сдерживают доступ к собственным рынкам активов, технологий и труда, вводя всё новые ограничения.

Сборка антивоенной коалиции может быть организована посредством заключения международной конвенции по кибербезопасности.

Киберугрозы, исходящие от США, создают серьёзную проблему для безопасности России, КНР, Индии, Ирана и других стран, против которых американские власти ведут гибридную войну. Решение этой проблемы силами одной России крайне затруднительно в силу ограниченности ресурсов нашей страны. Вследствие деградации отечественной электронной промышленности, нарастающего отставания в области нано- и информационно-коммуникационных технологий, заместить импортную технику собственным производством по сколько-нибудь широкому спектру невозможно. Речь об этом может идти только в отношении оборонной промышленности,

спецслужб, системы госуправления. Последняя до сих пор работает почти исключительно (98 %) на импортных вычислительных платформах и программном обеспечении (ПО). Многочисленные поручения руководства страны в данном отношении не выполняются. Даже уже разработанные российские операционные системы не внедряются.

Ключевым решением проблемы является заключение широкого международного соглашения по кибербезопасности, содержащее пункт о введении коллективных санкций стран-подписантов против государств, отказывающихся присоединиться к соглашению.

Эти меры могли бы включать в себя:

- определение страны как киберагрессора в случае выявления фактов ведения спецслужбами этого государства систематической деятельности по взлому или выведению из строя баз данных, интернет-сайтов, серверов, дата-центров, сетей управления органов государственной власти, объектов оборонного и стратегического значения, госкорпораций, банков, объектов транспорта связи, энергетики, других систем жизнеобеспечения;

- введение эмбарго на импорт вычислительной техники, программного обеспечения, оборудования для нужд государства и государственных корпораций, отключение социальных сетей, прекращение телерадиовещания, прекращение банковских расчётов в отношении страны, признанной в установленном порядке киберагрессором;

- коллективные действия по минимизации ущерба от введения санкций против киберагрессора. Они могли бы включать разработку и реализацию общего плана по импортозамещению, совместное создание средств ПО, общих социальных и информационных сетей, систем межбанковских расчетов.

Договор о коллективном противодействии угрозам кибербезопасности рекомендуется предложить к подписанию, для начала, в рамках ШОС. Это дало бы мощный импульс развитию электронной промышленности, производству программных продуктов, комплексов управления сложными технологическими системами. Возможно, само заявление о разработке такого международного договора без США подействует на последних отрезвляюще, и в результате удастся построить глобальную систему кибербезопасности. В противном случае, она будет создана на большей части Евразии, что вполне достаточно для успешного решения данной проблемы.

Создание евразийской системы кибербезопасности автоматически лишило бы США лидирующей роли в мировом информационном пространстве, производстве средств вычислительной техники и ПО.

Вскоре после этого, оставшись без своего главного наступательного оружия, они бы прекратили вести мировую гибридную войну, включая агрессию против России.

Наиболее действенным способом принуждения США к сотрудничеству может стать отказ от использования доллара в международных расчетах.

Лидирующую роль в создании такой антивоенной коалиции придется брать на себя России, поскольку именно она находится в наиболее уязвимом положении и без создания такой коалиции не победит в развязанной против неё гибридной войне.

Россия обладает не меньшим, чем США, историческим опытом лидерства в мировой политике, необходимым для этого духовным авторитетом и достаточной военно-технической мощью. Отработанная в СССР система народнохозяйственного планирования,

снявшая институциональные ограничения расширенного воспроизводства, оказалась важнейшим нововведением — отправной точкой формирования интегрального мирохозяйственного уклада. При коротком жизненном цикле Советский Союз стал своеобразным мостом из колониального в интегральный мирохозяйственный уклад, совершив беспрецедентную индустриализацию и защитив мир от угрозы глобальной колонизации германским фашизмом, который мог надолго остановить развитие человечества.

Чтобы претендовать на лидерство, российскому общественному сознанию необходимо избавиться от комплекса неполноценности, привитого прозападными СМИ в период горбачевской перестройки и американского доминирования при ельцинском режиме. Нужно восстановить историческую гордость русского народа за многовековое упорное создание цивилизации, объединившей множество наций и культур и не раз спасавшей Европу и всё человечество от самоистребления. Вернуть понимание исторической преемственности роли Русского мира в созидании общечеловеческой культуры, начиная от времен Киевской Руси и вплоть до современной Российской Федерации, являющейся преемницей СССР и Российской империи. В этом контексте следует преподносить евразийский интеграционный процесс как глобальный проект восстановления общего пространства развития веками живших вместе, сотрудничавших и обогащавших друг друга народов: от Лиссабона до Владивостока и от Петербурга до Ханоя.

О мерах по осуществлению экономического рывка

Имеющиеся факторы производства: основные фонды (потенциал роста выпуска — 40 %), трудовые ресурсы (20 %), природные ресурсы (80 %), научно-технический и интеллектуальный потенциал, — позволяют российской экономике расти с темпом 8 % ежегодного прироста ВВП и 15 % прироста инвестиций.

Опыт стран, в разное время совершавших «экономическое чудо», свидетельствует о необходимости форсированного увеличения инвестиций до 35 % ВВП. Основным источником финансирования этого подъёма было многократное расширение кредита, организуемое государством путём контролируемой денежной эмиссии под обязательства государства и предприятий в целях финансирования инвестиций в модернизацию, развитие и расширение перспективных производств.

Поэтому необходим переход к системной политике развития российской экономики, которая должна строиться как смешанная стратегия опережающего роста нового технологического уклада, динамического навёрстывания в сферах с незначительным технологическим отставанием и догоняющего развития в безнадежно отставших отраслях. Для этого требуется принятие следующего комплекса мер по концентрации ресурсов в ключевых направлениях формирования нового технологического уклада, активизации имеющегося научно-технического потенциала, импорту передовых технологий для преодоления технологического отставания.

1. Политика опережающего развития должна предусматривать:

1.1. Разработку и реализацию целевой программы опережающего развития с ростом инвестиций в

соответствующие производственно-технологические комплексы нового технологического уклада до 25 % в год.

1.2. Создание системы стратегического планирования, включающей целевые программы реализации приоритетов экономического и научно-технического развития и индикативные планы их достижения. Организация совместной деятельности государства и предприятий на основе инвестиционных контрактов, предусматривающих процедуры взаимной ответственности за достижение поставленных целей.

1.3. Подчинение деятельности всех органов экономического регулирования, включая ЦБ, а также государственных банков, институтов развития и корпораций решению задач модернизации и роста экономики. Установить целевые показатели их работы и ввести механизмы реальной ответственности за их достижение.

1.4. Снижение процентных ставок по кредитам до 2-4 % и создание механизмов рефинансирования инвестиционной и инновационной деятельности путем целевой кредитной эмиссии под обязательства правительства, государственных институтов развития, предприятий, предусмотренных федеральными и региональными инвестиционными программами, проектами институтов развития, специальными инвестиционными контрактами.

1.5. Освобождение от налогообложения доходов предприятий, направляемых на инвестиции в развитие производства, проведение НИОКР и освоение новых технологий, внедрение схем ускоренной амортизации основных фондов при контроле за целевым использованием амортизационных отчислений.

1.6. Двукратное увеличение финансирования НИОКР, развертывание системы целевых научно-технических программ, венчурных фондов, субсидий,

льготных кредитов, предусматривающих государственную поддержку инновационной активности на перспективных направлениях развития экономики.

1.7. Создание передовой информационно-цифровой инфраструктуры научно-исследовательской и предпринимательской деятельности.

2. Стабилизация курса рубля, достижение устойчивости национальной валютно-финансовой системы, прекращения оттока капитала

2.1. Остановка спекулятивного «вихря» путем прекращения кредитования валютно-финансовых спекуляций за счёт ЦБ, госбюджета и госбанков, а также пресечения сговоров с целью манипулирования валютным рынком. Восстановление государственного контроля над Московской биржей.

2.2. Введение налога на спекулятивные, в том числе — валютно-финансовые, операции (налог Тобиана) и вывоз капитала.

2.3. Защита каналов рефинансирования от спекулятивных операций путём использования цифровых технологий контроля за движением денег.

2.4. Установление повышенного резервирования средств на валютных счетах, в долларах — до 100 %. Введение контроля за трансграничными операциями посредством открытого лицензирования.

2.5. Расширение, для обеспечения устойчивости обменного курса рубля, инструментов регулирования спроса и предложения иностранной валюты, включая ограничение валютной позиции банков, взимание экспортных пошлин в иностранной валюте, обязательную продажу валютной выручки.

2.6. Разрешение заёмщикам применять форс-мажор по кредитам, предоставленным из стран, вводящих финансовое эмбарго против России. До его устранения запретить дочкам американских и европейских банков привлечение новых средств российских физических и юридических лиц.

2.7. Прекращение предоставления кредитов нефинансовым организациям в иностранной валюте со стороны российских банков.

2.8. Исключение из состава валютных резервов долговых обязательств стран, участвующих в санкциях против России. Исключение депозитов, номинированных в этих валютах, из системы страхования вкладов. Органичение вложений резидентов РФ в ценные бумаги таких государств.

2.9. В целях деофшоризации экономики:

— предоставлять доступ к недрам и другим природным ресурсам, государственным заказам, программам, субсидиям, кредитам, концессиям, а также к жилищному и инфраструктурному строительству, операциям со сбережениями населения только национальным кампаниям и гражданам, удовлетворяющим требованиям регистрации, налогового резидентства и ведения основной деятельности в России;

— обязать конечных владельцев акций российских предприятий зарегистрировать права собственности в российских регистраторах;

— денонсировать соглашения об избежании двойного налогообложения, запретить перевод активов в оффшоры, с которыми нет соглашения об обмене налоговой информацией, ввести 30 %-ный налог на операции с ними.

2.10. Принятие комплекса мер, снижающих налоговые потери от несанкционированного вывоза капитала: 1) возмещение НДС экспортерам только

после поступления экспортной выручки; 2) взимание авансовых платежей по НДС уполномоченными банками при перечислении поставщикам-нерезидентам импортных авансов; 3) введение штрафов за просроченную дебиторскую задолженность по импортным контрактам; 4) прекращение включения во внереализационные расходы безнадежных долгов нерезидентов российским предприятиям.

2.11. Ограничение объёма забалансовых зарубежных активов и обязательств перед нерезидентами по дериватавам российских организаций.

3. Увеличение потенциала и безопасности российской денежной системы и упрочение её положения в мировой экономике, придание рублю функций международной резервной валюты

3.1. Стимулировать переключение во взаимных расчётах в ЕАЭС и СНГ на рубли, в расчётах с ЕС — на рубли и евро, с Китаем — на рубли и юани. Рекомендовать хозяйствующим субъектам переходить на расчёты в рублях за экспортируемые и импортируемые товары и услуги. Предоставлять рублёвые кредиты государствам-импортерам российской продукции.

3.2. Кардинально расширить систему обслуживания расчётов в национальных валютах между предприятиями государств ЕАЭС и СНГ посредством Межгосбанка СНГ, с иными государствами — через контролируемые Россией международные финансовые организации (МБЭС, МИБ, ЕАБР и др.). Создать платёжно-расчётную систему в национальных валютах государств ЕАЭС, ШОС, БРИКС со своей системой обмена

банковской информацией, оценки кредитных рисков, котировки курсов обмена валют.

3.3. Банку России осуществлять целевое рефинансирование коммерческих банков под рублевое кредитование экспортно-импортных операций по приемлемым ставкам на долгосрочной основе, а также учитывать в основных направлениях денежно-кредитной политики дополнительный спрос на рубли в связи с расширением внешнеторгового оборота в рублях и формированием зарубежных рублевых резервов иностранных государств и банков.

3.4. Лимитировать заимствования контролируемых государством банков и корпораций за рубежом, постепенно заместить их инвалютные займы рублёвыми кредитами государственных банков за счёт целевого рефинансирования со стороны ЦБ под соответствующий процент.

3.5. Организовать Московский клуб кредиторов и инвесторов для координации политики российских банков и фондов за рубежом, процедур по возвращению проблемных кредитов, выработки единой позиции по отношению к дефолтным странам-заёмщикам.

4. Повышение конкурентоспособности и устойчивости предприятий путём вовлечения трудящихся в систему управления ими

4.1. Законодательно установить права трудового коллектива, специалистов и управляющих на создание своих коллегиальных органов (Совет работников, Научно-инженерный Совет, Совет управляющих) и избрание своих представителей в высший орган стратегического управления (Совет директоров), обеспечивающий учёт интересов всех участников

деятельности предприятия в сочетании с интересами развития самого предприятия.

4.2. Установление норм ответственности за действия всех участников производственных отношений пропорционально величине наносимого предприятию ущерба и уровню полномочий сотрудников. Ответственность должны нести и собственники в случае их прямого вмешательства в деятельность предприятия или распоряжения правами собственности в ущерб интересам предприятия (увод прибылей и активов, принуждение к фиктивным операциям, злонамеренное банкротство, рейдерство и пр.).

4.3. Провести перепись предприятий, которая позволит устранить пробелы в идентификации собственников, менеджмента, работников предприятий, восстановить соответствие между субъектами экономики и субъектами права. Переход к интегрированной отчетности, позволяющей комплексно оценивать не только текущее состояние, но и перспективы функционирования предприятия по широкому кругу показателей.

4.4. Стимулировать рост числа кооперативных и народных предприятий на основе зарекомендовавшего эффективность зарубежного опыта, а также передовой отечественной практики.

5. Подчинение государственной политики целям совершения рывка в экономическом развитии

5.1. Создать ***Государственный комитет по стратегическому планированию при Президенте Российской Федерации***, наделив его соответствующими полномочиями.

5.2. В целях реализации системного подхода к управлению НТП, сквозного и всемерного

стимулирования инновационной активности
создать *Государственный комитет по научно-техническому развитию Российской Федерации при Президенте России.*

5.3. Внести изменения и дополнения в закон «О Центральном банке», уточнив, что «Основной целью денежно-кредитной политики Банка России является защита и обеспечение устойчивости рубля, включая его обменный курс; способствование высокой занятости и устойчивому экономическому росту через обеспечение достаточного уровня монетизации экономики и доступных процентных ставок; организация кредитования развития российской экономики, обеспечение роста инвестиционной и деловой активности, создание условий для роста производства, доходов населения; поддержание сбалансированности бюджетной системы Российской Федерации».

5.4. Создать государственный внебюджетный инвестиционно-кредитный фонд по образцу немецкого KfW за счёт целевой кредитной эмиссии в объёме выведенных ЦБ из экономики денег (до 8 трлн. руб.).

5.5. Сформировать единую информационную систему валютного и налогового контроля, содержащую электронное декларирование паспортов сделок с передачей их в базы данных всем органам такого контроля.

5.6. В целях сбора, накопления, анализа и обобщения информации о состоянии отечественных предприятий создать Центр мониторинга деятельности предприятий.

Александр Нагорный, Владимир Винников, Василий Симчера

Шесть месяцев одного года

Закономерности и случайности в ходе формирования «многополярного мира»

1. Кто помогает России?

Человеческая цивилизация вступает в качественно новую стадию своей истории, главной характеристикой которого является не только разрушение «однополярного мира» Pax Americana, с его «империей доллара», но и утрата — впервые с начала XVI века — безраздельного лидерства «западного мира» в целом. То есть завершается эпоха, которая продолжалась более 500 лет. В рамках этого процесса происходят многомерные и взаимосвязанные изменения в таких сферах, как экономика, информатика (включая финансы и управление), технологии, которые проецируются в различные человеческие сообщества, меняя их условия функционирования и внутреннюю структуру. А это, в свою очередь, изменяет военно-политический баланс на мировой арене, с выходом на её авансцену новых государств, их союзов и даже акторов принципиально нового типа. Центральную роль во всех этих процессах сегодня играет — что для многих весьма неожиданно — Россия, после краха и раздела СССР вроде бы отправленная «на обочину истории».

Не исключено, что будущие историки назовут началом конца «однополярного мира» успешный массовый запуск «Калибров» из акватории Каспийского моря, совершённый 7 октября 2015 года, в день

официального 63-летия президента РФ Владимира Путина. Тогда пролетевшие более полутора тысяч километров и поразившие намеченные цели на территории Сирии российские высокоточные крылатые ракеты показали всему миру, что американские авианосные ударные группировки (АУГ) больше не являются доминирующей военной силой в мировом океане. В тот день на глазах у всего мира США утратили своё глобальное военное господство.

Прошло почти два с половиной года — и 1 марта 2018 года, выступая с очередным федеральным посланием, Путин заявил о наличии у России целого спектра новых систем оружия, от удара которых США не смогут защитить даже собственную территорию, не говоря уже о территории своих союзников. В его речи было озвучено создание межконтинентальной баллистической ракеты РС-28 «Сармат», гиперзвукового ракетного комплекса «Кинжал», крылатой ракеты с ядерной энергоустановкой «Буревестник», лазерных боевых установок «Пересвет», подводного беспилотника с ядерной энергетической установкой «Посейдон» и ракеты с гиперзвуковым планирующим крылатым блоком «Авангард».

Новость была настолько неожиданной и шокирующей, что на Западе сначала её даже не приняли всерьёз, назвав «кремлёвской мультипликацией». Однако очень скоро появились убедительные доказательства того, что это — не только компьютерная графика, что некоторые из названных российским президентом систем уже приняты на вооружение, а некоторые — существуют «в металле» и проходят испытания. В США данная информация, в конце концов, даже была использована военно-промышленным лобби для серьёзного увеличения и реформирования бюджета Пентагона, а также для нового ужесточения режима антироссийских санкций —

правда, под совершенно иными предлогами, типа «вмешательства в президентские выборы» и «использования химического оружия».

Подобная реакция выглядит вполне адекватной и обоснованной, потому что однополярный мир Pax Americana, он же — «империя доллара», всё время своего существования, образно говоря, стоял на трёх китах: финансовое доминирование, информационное доминирование и военное доминирование. И если КНР и Индия уже только своим развитием неуклонно показывали, что финансовая и экономическая гегемония неуклонно скукоживается, хотя внешне США сохраняют свои общие позиции. То Россия фактически убила важнейшего из них, а именно — кита военного доминирования, что заставило политический истеблишмент США резко усилить поиски методов сохранения двух других и восстановления военно-стратегического потенциала. Американские элиты пришли в состояние крайнего возбуждения, стремясь побыстрее уничтожить невесть как возникшего и явно опасного для них «китобоя» с одной стороны, а с другой — попытаться расправиться с наиболее слабым звеном в стратегическом треугольнике с тем, чтобы потом перейти к уничтожению главного соперника — Коммунистический Китай.

Говоря о «невесть как», мы ничуть не преувеличиваем. Хотя «первый звоночек» об этом прозвучал ещё 10 лет назад, во время южноосетинского конфликта, названного «войной 08.08.08». Тогда — впервые за двадцатилетие с конца 80-х годов! — США и их союзники не смогли обеспечить победу своих военно-политических протее в лице Грузии Михаила Саакашвили. Этому событию вроде бы никто не придавал особого значения, но на самом деле оно во многом определило и сценарий глобального финансово-экономического кризиса после банкротства Lehman

Brothers 15 сентября 2008 года, и избрание Барака Обамы 44-м президентом США, и смену вектора политики официального Вашингтона на открытую конфронтацию с Россией.

Впрочем, президентство Дмитрия Медведева во многом затормозило этот процесс, поскольку Россия в военно-политическом и финансово-экономическом отношениях продолжала в глазах Запада выглядеть «рычащей вошью»: слабой, отсталой, не представляющей какой-либо системной и даже актуальной опасности для «империи доллара» и в целом прозападной — особенно после голосования в ООН по Ливии, открывшем возможность свержения Муаммара Каддафи.

Впрочем, осенью 2011 года Путин уже не внял предостережениям американских и британских «партнёров», приняв решение вернуться в Кремль. Что вызвало с их стороны целый комплекс политических и экономических акций, направленных против «путинской России»: от «болотных» протестных акций зимой 2011/12 года до «закона Магнитского» (декабрь 2012 года) и начала украинского «евромайдана» (ноябрь 2013 года). В промежутке между двумя этими событиями США весной 2013 года пришлось отказаться от массивных ударов по Сирии, которые планировалось нанести под предлогом наличия у правительства Башара Асада химического оружия.

«Вторым звонком» стало воссоединение с Россией Крыма, «третьим» — уже упомянутая выше операция российских ВКС в Сирии, которая началась 30 сентября 2015 года. Но всё это, в отличие от «великолепной шестёрки», не представляло непосредственной угрозы для самих США, хотя существенно ограничивало возможности U.S.Force по «проекции силы» в любую точку нашей планеты. Теперь же речь шла о переходе России от военно-стратегического паритета с Америкой

к военно-стратегическому превосходству над ней. Что, в сочетании с укреплением политического союза Москвы и Пекина, создавало совершенно новый «пейзаж» международных отношений, условно называемый сейчас «многополярным миром». Насколько этот термин может соответствовать реальности — отдельный вопрос, который будет специально рассматриваться ниже.

Во всяком случае, выступая 27 августа 2018 года на 140-й конференции Ассоциации Национальной гвардии в Новом Орлеане, глава Северного командования Вооруженных сил США и Командования воздушно-космической обороны Северной Америки генерал Терренс О'Шонесси заявил буквально следующее: «Раньше мы думали, что находимся в (военной. — *авт.*) безопасности, окруженные океанами и дружественными странами на севере и на юге, однако сейчас ситуация меняется, наши противники уже в состоянии протянуть руку и дотронуться до нас... Это означает, что нам нужно фундаментально переосмыслить систему национальной обороны, необходимо знать, как мы будем защищаться от равного по силе противника». Начальник штаба ВВС США генерал Дейв Голдфейн высказался ещё более откровенно: «Вероятно, нам опасно считать нашу территорию убежищем». Ранее председатель Стратегического командования Вооруженных сил США генерал Джон Хайтен на июньских слушаниях в сенатском комитете по вооруженным силам признал, что сейчас у Америки «нет никакой защиты, которая могла бы предотвратить применение такого (гиперзвукового российского. — *авт.*) оружия против нас».

В этой ситуации перед США стоят две основные проблемы. Первая — невозможность преодолеть возникшее отставание: а) без смены приоритетов

сложившейся структуры бюджета Пентагона и б) даже в случае такой смены восстановление хотя бы паритета в обозримой перспективе займёт минимум 15–20 лет, а если всё это время Россия и Китай будут работать в «штатном режиме», продолжая развивать свои военные технологии, — то и гораздо большее время, что вызывает необходимость «достижения победы над Россией невоенным путём», по типу «перестройки/рыночных реформ» 1985–1999 годов. А вторая проблема связана с тем, что все западные спецслужбы, включая американские, необъяснимым образом «проспали» этот российский рывок, что свидетельствует о катастрофическом состоянии всей системы управления «коллективным Западом».

Ведь реализация данных проектов, по расчётам, должна была обойтись России в сумму, эквивалентную не менее чем 3 трлн. долл., а полный цикл их разработки — занять от 15 до 20 лет, причём большая часть всего процесса должна была каким-то чудом (здесь «цену вопроса» просто невозможно подсчитать обладая только внешними данными) оказаться вне поля зрения разведывательных служб зарубежных «партнёров» Кремля. Учёт всех этих моментов делает неизбежным вывод о том, что у Российской Федерации, как государства, объективно не имелось ни средств, ни возможностей для реализации подобного проекта исключительно собственными силами. Следовательно, необходимая финансовая и организационная помощь была оказана России извне, а способных на это глобальных «центров силы» в современном мире не так уж и много.

Значит ли это, что все они или хотя бы некоторые из них, полностью или частично, все эти годы действовали против Pax Americana, сделав ставку на путинскую Россию? И не стремятся ли они, таким образом, столкнуть РФ и США, чтобы затем воспользоваться их

взаимным ослаблением или даже взаимоуничтожением в результате конфликта? Или здесь работала система, «парагосударственная» или даже «надгосударственная», по своим параметрам и функционалу сопоставимая или даже превосходящая всё, что имеется у наших западных «партнеров»? Есть несколько допустимых вариантов ответа на эти вопросы, и пока ни одному из них нельзя отдать предпочтение — можно лишь, системно рассматривая текущие события в динамике их взаимодействия и методом аппроксимации максимально сужая «коридор возможного».

Перечислим в хронологическом порядке основные, на наш взгляд, «реперные точки» тех шести месяцев, которые прошли с момента федерального послания президента России, оглашённого 1 марта 2018 года:

4 марта — отравление Сергея и Юлии Скрипалей в Солсбери (Великобритания)...

12 марта — выступление Терезы Мэй в палате общин британского парламента с обвинениями в адрес России по «делу Скрипалей»...

18 марта — президентские выборы в России...

26-30 марта — 37 стран мира официально осудили «действия России в деле Скрипалей», 30 из них выслали российских дипломатов, Россия приняла «зеркальные», а в отношении Великобритании — «усиленные» ответные меры...

31 марта — уход Рекса Тиллерсона с поста госсекретаря США...

Начало апреля — визит главы ЦРУ Майка Помпео в Пхеньян и переговоры с Ким Чен Ыном...

4 апреля — в Анкаре прошла встреча глав государств — гарантов Астанинского процесса содействия сирийскому урегулированию: президента Российской Федерации Владимира Путина, президента Турецкой Республики Реджепа Тайипа Эрдогана и

президента Исламской Республики Иран Хасана Роухани...

9 апреля — Джон Болтон сменил генерал-лейтенанта Герберта Макмастера на посту помощника 45-го президента США по национальной безопасности...

14 апреля — ракетный удар США и их союзников по Сирии...

21 апреля — заявление КНДР о замораживании своей ракетно-ядерной программы...

23 апреля — отставка Сержа Саргсяна с поста премьер-министра Армении... апрель-май — Россия вывела свыше 80 млрд. долл. из государственных ценных бумаг США...

7 мая — инаугурация Владимира Путина, подписание указа «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»...

8 мая — выход США из СВПД по Ирану, Никол Пашинян избран премьер-министром Армении...

9 мая — приезд премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху в Москву на празднование 73-летия Победы над нацистской Германией...

15 мая — открытие автодорожной части Крымского моста...

17 мая — президент Сирии Башар Асад прибыл с необъявленным рабочим визитом в Сочи, где провёл переговоры с Владимиром Путиным...

18 мая — оглашён состав нового правительства России...

24-26 мая — в Петербурге под девизом «Создавая экономику доверия» прошёл XXII Международный экономический форум с участием директора-распорядителя МВФ Кристин Лагард...

7 июня — “прямая линия” президента России Владимира Путина...

8 июня — государственный визит президента России Владимира Путина в Китайскую Народную Республику...

8-10 июня — саммит лидеров “Большой семёрки” (Ла-Мальбе, провинция Квебек, Канада);

9-10 июня — саммит лидеров Шанхайской организации сотрудничества (Циндао, провинция Шаньдун, КНР)...

12-июня — встреча Трампа и Ким Чен Ына в Сингапуре...

14 июня — открытие чемпионата мира по футболу в России, правительство РФ внесло в Госдуму законопроекты о повышении НДС и пенсионного возраста...

24 июня — президентские выборы в Турции, победа Реджепа Эрдогана...

27 июня — посещение Москвы помощником президента США по национальной безопасности Джоном Болтоном, с которым встретились министр иностранных дел РФ Сергей Лавров и президент России Владимир Путин...

4 июля — заявление Великобритании об отравлении в Эймсбери ОВ типа «Новичок» двух британских граждан: ведших асоциальный образ жизни 44-летней Дон Стёрджес и её 45-летнего спутника Чарльза Роули, в результате которого 8 июля Дон Стёрджес скончалась...

6 июля — казнь Сёко Асахары в Японии...

8-9 июля — отставки членов кабинета Терезы Мэй Дэвида Дэвиса (министр по делам Brexit) и Бориса Джонсона (министр иностранных дел)...

11 июля — саммит НАТО в Брюсселе...

13-15 июля — визит Трампа в Великобританию...

16 июля — встреча Путина и Трампа в Хельсинки...

19 июля — принятие Госдумой в первом чтении правительственного законопроекта о пенсионной реформе...

25-27 июля — саммит БРИКС в Йоханнесбурге...

30 июля — убийство российских журналистов Орхана Джемалю, Александра Расторгуева и Кирилла Радченко в Центрально-Африканской Республике, куда они были направлены «Центром управления расследований» Михаила Ходорковского...

1 августа — принят военный бюджет США на 2019 финансовый год в размере 727 млрд. долл...

6 августа — США официально восстановили действие санкций против Ирана...

7 августа — Евросоюз ввел в действие защиту для европейских компаний от антииранских санкций США...

10 августа — начались массовые протестные акции в Румынии...

12 августа — в Актау (Казахстан) прошёл саммит глав государств «каспийской пятёрки» (России, Ирана, Казахстана, Азербайджана и Туркмении), на котором была подписана совместная декларация о правовом статусе Каспийского моря...

16 августа — встреча Ангелы Меркель и Владимира Путина в замке Мезеберг...

21 августа — общественные слушания по пенсионной реформе в Госдуме...

23 августа — встреча секретаря Совбеза РФ Николая Патрушева и помощника президента США по национальной безопасности Джона Болтона в Женеве; Банк России заявил о приостановке плановых закупок иностранной валюты до конца сентября...

27 августа — вступление в силу очередного пакета антироссийских санкций США...

29 августа — обращение президента России по пенсионной реформе; министр обороны РФ Сергей Шойгу сообщил, что 11-15 сентября в Центральном и Восточном ВО пройдут манёвры «Восток-2018», которые станут крупнейшими военными учениями с момента распада СССР...

30 августа — Минобороны РФ заявило о проведении масштабных военно-морских учений в Средиземном море 1-9 сентября...

31 августа — убийство президента Донецкой народной республики Александра Захарченко...

2. «Дело Скрипалей» как очередная «чёрная метка» для России

Как можно видеть, первой — и почти мгновенной — реакцией «коллективного Запада» на заявление президента России о достижении военного превосходства стала провокация в Солсбери, Великобритания. Стоит напомнить, что отравление бывшего сотрудника ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери Юлии произошло в воскресенье, 4 марта, сама Юлия прилетела в Лондон из Москвы днём ранее. Собственно появление в медиа-пространстве информации об этом отравлении (независимо от того, было оно на самом деле или нет) можно рассматривать как предупреждение в адрес России, приложенное к практически обязательному в таких случаях пакету вопросов и требований, связанных с путинской «великолепной шестёркой». Показательно, что Тереза Мэй отправилась в парламент со своими обвинениями насчёт боевых отравляющих веществ (БОВ) типа «Новичок» только через неделю после заявленной даты отравления — видимо, когда истёк срок, отведенный на ответ со стороны Кремля. Причина: либо ответа не последовало, либо его содержание не удовлетворило отправителей данного пакета. Они же — наиболее вероятные «отравители» Скрипалей, что подтверждается как содержанием самого выступления премьер-министра Великобритании, так и дальнейшими действиями «коллективного Запада» вокруг данной

темы, выдержанными в предельно оскорбительном для России формате, выходящем далеко за рамки любых норм международного дипломатического протокола. При этом реальные обстоятельства и последствия данного отравления заведомо не имеют ничего общего с представленной британской стороной версией случившегося, то есть заведомо и полностью фальсифицированы.

Публичные обвинения в продемонстрированном Терезой Мэй стиле «хайли-лайкли»: «мне так нравится, я так хочу, да будет вместо доводов моя воля», — применимы только к субъекту, по той или иной причине находящемуся вообще вне правового поля. И это — не её личная позиция, а позиция всего британского (и глобального?) истеблишмента, что подтверждается, например, известными словами министра обороны Великобритании, 42-летнего Гэвина Уильямсона, заявившего, что теперь «Россия должна [отовсюду. — *авт.*] убраться и [навсегда. — *авт.*] заткнуться». Иными словами, раздражение «глобальной элиты» относительно новых военных возможностей России и, главное, — нежелания отказываться от них, оказалось запредельным, а инсценировка применения боевого отравляющего вещества — «топорной», что подтверждается знаменитым фото с «места происшествия», где британские пожарные (в жёлтых касках) «настолько суровы», что присутствуют непосредственно в «зоне поражения» безо всякой химической защиты и безо всяких последствий для собственного здоровья. Так был ли «Новичок»?

Несмотря на это, «дело Скрипалей» было использовано не только для давления на Россию, но и для мобилизации и консолидации представителей «коллективного Запада» — более абсурдного предложения для высылки российских дипломатов и ужесточения санкционного режима трудно было придумать. Но

большинство государств «цивилизованного мира» предпочли в данном случае закрыть глаза на реальность и поверить «слову джентльмена», то есть «леди» Терезы Мэй. В итоге к концу марта 30 стран выслали российских дипломатов.

В этом отношении весьма показателен специальный меморандум, 26 марта распространённый от имени британского правительства через посольства Соединённого Королевства, где приводились «неоспоримые доказательства вины России в деле Скрипалей». Главное доказательство: «Безо всяких сомнений, Россия ответственна. Никакая другая страна не имела одновременно возможностей, намерения и мотива. Никакого заслуживающего доверия альтернативного объяснения не существует».

Как следует из вышеизложенного, «заслуживающее доверие альтернативное объяснение» не просто существует — оно бросается в глаза, поскольку то же британское правительство имело и возможности (лаборатория минобороны, т. е. ведомства бравого гея Уильямсона, в Портадауне буквально в нескольких километрах от Солсбери), и намерение (возложить на Россию ответственность за преступление) и мотив (превратить Россию в «страну-изгоя», находящуюся «вне закона»). Кроме того, химические формулы БОВ типа «Новичок» находятся в открытом доступе, вся документация по их производству была получена, в том числе, США, которые отказываются от уничтожения арсенала своего химического оружия, а ряд европейских государств, включая Чехию, изучал БОВ этого типа в своих лабораториях.

Особый вес британским обвинениям должна была придать следующая «картинка», якобы иллюстрирующая «длительный паттерн злонамеренной активности России».

Что же инкриминировалось России в рамках данного меморандума? Итак:

Ноябрь 2006 года — убийство Александра Литвиненко (не раскрыто, официальное решение суда о причастности России к его смерти отсутствует, медиа-публикации на эту тему относительно «отравления полонием» фальсифицированы).

Май 2007 года — DDoS-атака против сайтов госструктур Эстонии (доказательства причастности России к данному инциденту — признание депутата Госдумы Сергея Маркова о том, что эту атаку в частном порядке провел его помощник со своими друзьями с территории «одной из непризнанных республик»).

Август 2008 года — вторжение в Грузию (ни слова о том, что перед этим грузинские войска вторглись в Южную Осетию, атаковав не только населённые пункты, но и базу российских миротворцев, согласно решению ООН ответственность за конфликт несёт грузинская сторона).

Февраль 2014 года — оккупация Крыма, дестабилизация Украины (ни слова о государственном перевороте в Киеве и отказе западных «гарантов» от исполнения соглашений 21 февраля, о референдуме в Крыму и о референдумах в Донецкой и Луганской областях).

17 июля 2014 года — сбитый над Донбассом «боинг» рейса МН-17 с гибелью 283 пассажиров (никаких доказательств какой-либо причастности России к этой трагедии не предъявлено, международное расследование вне процедуры МАК ведётся до сих пор, хотя «обычно» авиационные катастрофы полностью расследуются за несколько дней).

Май 2015 года — взлом сайта германского Бундестага («немецкая контрразведка склонна считать данный инцидент акцией российских спецслужб, поскольку за группой хакеров Sofacy, вероятно, стояли

власти России», т. е. всё то же «хайли-лайкли», официально обвинений в адрес России предъявлено не было).

С июня 2015 по ноябрь 2016 года — вмешательство в президентские выборы в США (межведомственная комиссия бывшего главы ФБР Роберта Мюллера работает с мая 2017 года, доказательств вмешательства России в президентские выборы 2016 года до сих пор не представлено).

Январь 2016 года — дезинформационная кампания против Германии по «делу Лизы» (возбужденное берлинской полицией по данному поводу дело против журналиста «Первого канала» Ивана Благого, обвинённого в «разжигании межнациональной розни» было прекращено 16 марта 2016 года, адвокат Алексей Данквардт из Лейпцига пояснил, что «таких случаев», когда несовершеннолетние граждане Германии подвергаются сексуальному насилию, в том числе — со стороны мигрантов, регистрируется порядка ста тысяч в год).

2015-2016 годы — взлом сайтов министерства обороны Дании (министр обороны Дании Клаус Йорт Фредериксен, со ссылкой на данные центра кибербезопасности Военной разведывательной службы Дании, официально заявил о причастности к этим инцидентам кибергруппы APT28, также известной как Fancy Bear, только в конце апреля 2017 года, через месяц после появления британского меморандума).

Октябрь 2016 года — попытка государственного переворота в Черногории (о котором известно только из обвинений в адрес России со стороны премьер-министра этой балканской страны Мило Джукановича, а также инсценированных действий МВД, предпринятых для оправдания вхождения Черногории в НАТО).

Июнь 2017 года — распространение компьютерного вируса-вымогателя NotPetya (видимо, с целью повысить

экспортные доходы России и дискредитировать президента Украины Петра Порошенко).

Вот и всё, что набралось против России при всех усилиях правительства Её Величества. «Дело Скрипалей» вполне заслуженно завершает этот список-парад антироссийских «фейков» глобальной западной пропаганды, заботливо составленный британским правительством. Что, впрочем, не мешает до сих пор использовать это шитое сапожной дратвой «дело» как предлог для введения новых санкций против России. Характерно, что с российской стороны ни разу не была дана, казалось бы, естественная оценка подобной попытки официального Лондона разговаривать с Москвой как с «преступником, находящимся вне закона», что позволяет предполагать как зависимость Кремля от Сити, так и некую возможную согласованность их действий (тем более, что Сергей и Юлия Скрипаль остались в живых, хотя такой исход категорически исключен в случае реального применения фосфорорганических БОВ типа «Новичок», при поражении которыми даже в минимальных количествах смерть наступает в течение нескольких минут). Различные дополнительные попытки британской стороны поддержать озвученную Терезой Мэй версию о «русском следе» в «деле Скрипалей», включая заявленное через четыре(!) месяца отравление ещё двух человек, жителей городка Эймсбери, расположенного в 12 км к югу от Солсбери, Дон Стёрджес (скончалась) и Чарльза Роули, только усиливают уверенность в постановочном характере «дела Скрипалей», которое пытались использовать как очередную «чёрную метку» для России. Предыдущей, гораздо более масштабной и хорошо подготовленной, но тоже не достигшей своей цели было уже отмеченное выше крушение малайзийского «боинга» рейса MH-17 17 июля 2014 года, с заявленными массовыми

жертвами... Как говорил по данному поводу российский президент, «скучно, девочки!»

Интересно, что буквально сразу же после инцидента в Эймсбери со своих постов ушли в отставку два видных члена кабинета Терезы Мэй: сначала, в день смерти Дон Стёрджес, министр по делам Brexit Дэвид Дэвис, а на следующий день — и министр иностранных дел Борис Джонсон.

3. «Ракетные игры»

Этот сюжет включает в себя, во-первых, «северокорейскую эпопею» Дональда Трампа, а во-вторых — нанесение США и их союзниками ударов крылатыми ракетами по военным объектам на территории Сирии в апреле 2018 года, а также последующие атаки ракетами «воздух-земля», которые осуществлялись формально неопознанными (по факту — израильскими) военными самолётами из воздушного пространства Ливана.

Попытка Дональда Трампа разыграть «корейский пасьянс» весной 2017 года при помощи козырей в виде трёх АУГ, направленных к берегам Корейского полуострова с целью уничтожения объектов ракетно-ядерной программы КНДР, как известно, закончились ничем — из-за сверхжёсткой совместной реакции Китая и России. А Ким Чен Ын продолжал испытания своих баллистических ракет, подбираясь всё ближе к американской территории, что наносило ущерб авторитету и 45-го президента США, и Соединённым Штатам в целом. Поэтому урегулирование «северокорейской проблемы» — хотя бы формальное, но чрезвычайно срочное — стало одним из главных пунктов внешнеполитической повестки Белого дома.

Поскольку госдепартамент во главе с Рексом Тиллерсоном явно не стремился «закрыть» эту проблему, данная миссия была, в конце концов, поручена главе ЦРУ Майку Помпео, который побывал в Пхеньяне в самом начале апреля и договорился с Ким Чен Ыном об американско-северокорейской встрече на высшем уровне, которая впоследствии и состоялась 12 июня в Сингапуре. При этом буквально семимимильными шагами начал прогрессировать диалог между Пхеньяном и Сеулом — вплоть до появления в политической повестке дня вопроса о восстановлении единого корейского государства. Показательно, что миссия Помпео началась уже после объявленной Трампом 13 марта отставки Тиллерсона, бывшего CEO Exxon Mobil с поста руководителя американского внешнеполитического ведомства.

Его преемником стал как раз Помпео, который незадолго до того лично принимал на территории США делегацию из трех официально находящихся под санкциями глав российских спецслужб: Сергея Нарышкина (СВР), Александра Бортникова (ФСБ) и Игоря Коробова (ГРУ). Это, в общем-то, беспрецедентное событие максимально «спускалось на тормозах», но ясно, что Помпео мог получить, что называется, «из первых рук» некую эксклюзивную информацию — в том числе, не только (и даже не столько) по борьбе против международного терроризма. Тем самым «большой Дональд» де-факто отказался от союза с энергетическими корпорациями США («семь сестёр»), сделав ставку «олл-ин» на американский военно-промышленный комплекс. Это означало политику «дешёвой нефти/дорогого доллара» как средства давления на «уходящую в отрыв» в военной сфере Россию.

Для Пентагона и его подрядчиков данная ситуация оказалась выгодной вдвойне, поскольку, с одной

стороны, сулила новые сверхприбыли под флагом грандиозной и необходимой ввиду «российской угрозы» модернизации U.S.Force, U.S.Navy, U.S.Air, «кибервойск» и так далее, а с другой — не требовала реальной «проекции силы», поскольку риски такой «проекции» выглядели заведомо неприемлемыми.

Таким образом, «военно-промышленное лобби» США объективно оказывалось «по одну сторону баррикад» с путинской Россией, получая благодаря ей дополнительное финансирование (свидетельством тому стал отмеченный выше рекордный оборонный бюджет 2019 финансового года) — без всякой ответственности за повышение реальной боеспособности своих сил, в лучшем случае — имитируя эту боеспособность по соглашению с Москвой, что было подтверждено апрельским ударом «томагавков» по трем объектам, якобы связанным с производством в Сирии химического оружия.

В этом ударе, согласно официальным данным, также приняли участие вооруженные силы Великобритании и Франции. Сирийским ПВО российского производства, согласно данным Минобороны РФ, удалось сбить или же перехватить 71 из 103 выпущенных крылатых ракет. В итоге обе стороны достигли намеченных ими результатов: США продемонстрировали свою военную мощь, а Россия — способность, при необходимости, эту мощь нейтрализовать.

Против последующих израильских ракетных атак по иранским военным объектам на территории Сирии российские средства ПВО не применялись, что чаще всего объясняется желанием Тегерана пересмотреть в свою пользу достигнутые с Москвой и Анкарой соглашения по «сферам интересов» в Сирии. После этого Башар Асад 17 мая приехал в Сочи, где состоялась его встреча с президентом России. Весьма

показательно, что в официальных отчетах о ней ни слова не было сказано о ракетных ударах Израиля по территории Сирии, в том числе — по иранским военным объектам. Более того, в итоговом коммюнике сообщалось, что против исламских террористов в Сирии, оказывается, успешно воюют правительственные силы, которым помогают российские ВКС. Ни про турецкую армию, ни про иранский КСИР, ни про ливанскую «Хезболлу» не было сказано ни единого слова. Показательно, что Асад полностью придерживался этого смыслового формата, «по умолчанию» заданного Путиным.

Видимо, дело было в том, что после заключения 15 июля 2015 года Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), более известного как «атомная сделка», между Ираном и группой «5+1» политическое руководство Исламской Республики получило возможность восстановить свои отношения с европейскими и другими союзниками США — возможность, которой оно не только воспользовалось, но и в определенной мере увлеклось. Насколько можно судить по открытой информации — в ущерб России. И даже попыталось использовать эти свои новые позиции для определенного давления на Москву — как в плане торговых контрактов, так и в плане актуального раздела «сфер влияния» в Сирии.

То же самое, с поправкой на другой «анамнез болезни», можно было сказать и о Турции, которая, выполняя важнейшую для ближневосточной стабильности, но в военно-политическом отношении очень «токсичную» задачу по нейтрализации сил сирийского Курдистана, на этом основании, видимо, сочла себя вправе вновь активизировать свои «пантюркистские» и исламистские усилия не только на постсоветском пространстве (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан), но и в отношении Крыма, а также ряда

российских регионов (Татарстан, республики Северного Кавказа), параллельно пытаюсь пересмотреть в свою пользу договоренности с Москвой по совместным проектам («Турецкий поток», АЭС «Аккую» и др.), а также по ситуации в Сирии.

Оба эти момента стали очевидны после трехсторонней встречи в Анкаре 4 апреля. В ответ Россия не своими, а чужими руками — руками Израиля — продемонстрировала, к каким последствиям для Тегерана и Анкары могут привести подобные попытки. Объективно в ту же лузу «упал» и выход США из «атомной сделки» с Ираном. Видимо, всё это вместе взятое и способствовало возврату к позитивной динамике российско-иранских отношений, включая подписание в августе соглашения о статусе Каспийского моря — фактически на российских условиях.

4. Раскол «коллективного Запада»

Стоит заметить, что утрата Америкой военного доминирования в конце 2015 года, помимо всего прочего, означала ещё и перспективу резкого сокращения «кормовой базы» для «коллективного Запада» в целом и для США в частности, что привело к началу фундаментальной трансформации данного неформального объединения «хозяев мира» из-за роста «ресурсной конкуренции». Британский «брекзит» из Евросоюза и победа Дональда Трампа на президентских выборах 2016 года в США — самые яркие свидетельства такой трансформации. После марта 2018 года процесс начал переходить уже в открытое политическое измерение. Толчком к этому стала реализация Трампом с середины марта программы «торговых войн» против всего мира, включая Китай, Японию и Европу, а также

заявленный им выход США из «атомной сделки» с Ираном и восстановление им санкций против Исламской Республики, режим которых закрывал иранский рынок и для европейских компаний. Выступавший против такого курса госсекретарь США Рекс Тиллерсон уже 13 марта услышал знаменитое «You are fired!» («Вы уволены!») от президента Дональда Трампа. Всё это вызвало новый всплеск «антитрампизма» среди традиционных союзников Соединённых Штатов. Получившая всемирную известность фотография с саммита «Большой семёрки», проходившего 8-9 июня в Канаде, — наглядная тому иллюстрация. Мы видим на ней 45-го президента США, сидящего в защитной (скрестив руки на груди, причём — как левша) позе — и стоящих напротив него, опираясь на узкий стол, разделяющий стороны (справа налево) канцлера ФРГ Ангелу Меркель, президента Франции Эммануэля Макрона и премьер-министра Великобритании Терезу Мэй.

Данный снимок удостоился даже специального комментария со стороны Дональда Трампа, который пояснил, что он «не отражает сути» происходивших на саммите G7 событий. Возможно, это и так. Однако начатые «большим Дональдом» «торговые войны» против Европы — это уже непререкаемый факт. Как и то, что он не дождался завершения саммита «Большой семёрки», отправившись оттуда в Сингапур на встречу с Ким Чен Ыном, а вдобавок ещё и отозвал свою подпись под итоговым документом, что позволило многим европейским комментаторам заявить о превращении «G7» в «G6+1».

Данная тенденция буквально через месяц была подтверждена на саммите НАТО в Брюсселе, где американский президент потребовал от своих европейских союзников «больше платить за предоставляемую США безопасность», увеличив

оборонные расходы до 4 % от их ВВП, а также отказаться от экономического взаимодействия с Россией, «оплачивая своими деньгами усиление российской агрессии». В качестве альтернативы Европе были предложены поставки американского «сланцевого» сжиженного газа — менее качественного и более дорогого, но «политически безупречного».

К этим «заявкам» следует добавить введение «вторичных санкций» против всех субъектов мирового рынка, так или иначе работающими с «подсанкционными» российскими компаниями, список которых постоянно расширяется. Тем самым США, разрушая созданный ими же мир глобальной свободной торговли, активно формируют собственную зону финансово-экономического влияния, куда, судя по всему, намерены включить всю Латинскую Америку, Евросоюз, Японию и страны Содружества во главе с Великобританией. Разумеется, подобная трансформация — не в интересах союзников США, поскольку в итоге их статус принципиально изменится: из младших бенефициаров «ядра» глобальной финансово-экономической системы они рискуют превратиться в эксплуатируемых «доноров» «Америки превыше всего!», построенной на обломках этой системы.

На сегодня их убытки от дрящегося уже пятый год «санкционного режима» против России исчисляются сотнями миллиардов долларов, а в случае капитуляции перед Трампом счёт пойдёт уже на триллионы. Понятно, что в Европе — прежде всего, в Европе — раздаются всё более громкие голоса о необходимости отказа от безоговорочного следования в кильватере США. Примеров тому можно привести великое множество, одним из последних по времени и самых радикальных из них стали заявления министра

иностранных дел ФРГ, социал-демократа Хайко Мааса, сделанные им во время официального визита в Японию.

Маас не просто подверг жёсткой критике действия администрации Дональда Трампа, призвав «не строить иллюзий по поводу Соединенных Штатов», изменивших принципам свободы, демократии и свободной торговли, но и предложил воссоздать «ось Берлин-Токио», с перспективой расширения до «альянса мультилатералистов», куда, по его мнению, могли бы войти ЕС, Канада, Япония, Южная Корея и ЮАР.

Впрочем, власти Страны Восходящего Солнца к данным предложениям отнеслись с видимым равнодушием, хотя незадолго до этого и продемонстрировали казнь главы секты «Аум Сенрикё» Сёко Асахары и шести его соратников, приговорённых за теракты в токийском метро к смерти ещё в 2004 году, возросшую степень своего недовольства действия США и своей самостоятельности по отношению к ним (Асахара рассматривался как тайный агент американских спецслужб).

Как заявил руководитель европейского аналитического центра ECFR Марк Леонард: «После победы Трампа на выборах европейским Планом А было отрицание и надежда на то, что его советники смогут на него повлиять. Затем последовал План В — не высываться. Потому что президентство Трампа — это же не навсегда. Но сейчас европейцы активизировали План С — сопротивляться». Реальный потенциал и реальные перспективы такого сопротивления пока не слишком велики — во всяком случае, без участия России. Но раскол «коллективного Запада» — это уже реальность, и пока он будет только нарастать.

Прошедшие 16 августа в Германии переговоры между Ангелой Меркель и Владимиром Путиным, на которых, согласно официальным сообщениям, стороны в течение трёх часов только «сверяли часы» по всему

спектру проблем, представляющих взаимный интерес, и обошлись без итогового коммюнике, — явное указание на то, что мировая политика становится всё более закрытой и тайной. Как это, собственно, всегда и происходит в периоды накануне больших перемен на международной арене.

5. Вашингтон и Москва

Существование «Большой сделки», якобы заключённой между Трампом и Путиным (или между силами, стоящими за этими политиками), в соответствии с которой будет строиться новый формат американо-российских отношений, — является одним из самых дискуссионных вопросов современной политики. Для американских оппонентов 45-го президента США данная сделка — едва ли не абсолютная истина, даже не требующая доказательств, которые, повторим, уже больше года ищет специальная межведомственная комиссия под руководством бывшего главы ФБР Роберта Мюллера. Более того, в их интерпретации речь идёт даже не о «сделке», а о том, что действующий «хозяин Белого дома» — «марионетка Кремля» или «агент Путина», которого нужно как можно быстрее подвергнуть импичменту и отстранить от власти, заменив «настоящим патриотом Америки»: в лице если не Хиллари Клинтон или Джозефа Байдена, то хотя бы нынешнего вице-президента США Майкла Пенса, представляющего куда менее радикальное, чем Трамп, крыло республиканской партии.

Сходной точки зрения придерживаются и практически все представители «неоконсервативного глобализма» за пределами США, считающие нью-йоркского миллиардера и российского президента чуть ли не «близнецами-братьями», двумя исчадиями ада,

каждый из которых со своей стороны разрушает привычный, удобный и сверхвыгодный для них миропорядок либерального «рая», а потому подлежит изгнанию или даже уничтожению любыми силами и средствами.

Несомненно, что наличие такого «общего либерально-монитаристского врага» создаёт некоторую базу для взаимодействия между президентами США и России. Проблема, однако, только в том, что это не делает их политическими союзниками, ни даже партнерами: у Трампа с Путиным слишком разные интересы и цели, которые в сфере двусторонних отношений приобретают просто антагонистический характер. Если посмотреть на действия администрации 45-го президента США, то их антироссийский вектор настолько последователен, очевиден и чётко, что говорить о существовании или даже возможности «Большой сделки» между Вашингтоном и Москвой просто не приходится. Трамп и люди из его «команды» постоянно говорят о необходимости и своей готовности поддерживать контакты, сотрудничать и улучшать отношения с Россией, но только на условиях полной или частичной сдачи российских позиций, за которой может последовать повторение 1991 года прошлого столетия. И весьма логично, что Трамп и его сторонники наносят по нашей стране удар за ударом, не видя в этом никакого разрыва между словами и делами. Поскольку «сотрудничество» для них заключается только в полном принятии российской стороной диктата «вашингтонского обкома», как это было при Ельцине. Скорее всего, не опасаясь они ответного ядерного удара с «неприемлемым ущербом», то без всяких угрызений совести давно «застеклили» бы крупнейшие российские города. Ведь после Хиросимы и Нагасаки, после капитуляции Японии в сентябре 1945 года американско-японские отношения стали просто

прекрасными, лучше не бывает, разве не так? Если «команда Обамы» после 2012 года хотела «сломать» Россию мощью всего «коллективного Запада», разделив шкуру «русского медведя» между «охотниками», то «команда Трампа» хочет сначала пограбить «охотников» под предлогом угрозы со стороны «русского медведя», — вот и вся разница. При этом чем слабее окажется после этого сам «медведь», тем лучше.

Недавно озвученная в комитете по иностранным делам Сената США помощником госсекретаря по делам Европы и Евразии Уэссом Митчеллом стратегия официального Вашингтона на российском направлении блещет, скорее, откровенностью, чем оригинальностью: «Отправной точкой Стратегии национальной безопасности является признание вступления Америки в период соперничества великих держав... Вопреки полным надежд предположениям предыдущих администраций, Россия и Китай являются серьёзными конкурентами, которые наращивают материальные и идеологические ресурсы, чтобы оспаривать первенство и лидерство США в XXI веке... Среди важнейших интересов национальной безопасности США остаётся предотвращение доминирования на евразийском земельном массиве враждебных держав... Наша стратегия проникнута осознанием того, что угроза со стороны России теперь уже не просто внешняя или военная; она включает в себя беспрецедентно наглые (тут, как говорится, «чья бы корова мычала». — *авт.*) операции влияния, организованные Кремлём на территории наших союзников и даже здесь, у нас дома, в Соединённых Штатах... Наша политика остается неизменной — постоянное повышение цены, пока Россия не сменит курс... Могу сказать, что своими разносторонними действиями, которые включают в себя санкции, мы вынуждаем Россию и персонально Путина к пересмотру избранной им стратегии... Следует говорить

о комбинированном эффекте от наших санкций, совместных, к слову, с нашими военными ведомствами... Это касается и увеличения издержек в определённых секторах российской экономики, и того факта, что они были вынуждены повысить ставки с целью разработки военных технологий, чтобы не отставать от Соединенных Штатов, и в том, что касается ядерного оружия». В последнем процитированном предложении, как говорится, нужда выдаётся за добродетель, но в целом градус американской «гибридной агрессии» против России за полтора года президентства Дональда Трампа, несомненно, не снизился, а даже значительно повысился, и имеет все предпосылки для дальнейшего роста.

Российско-американские переговоры на высшем уровне, которые состоялись 16 июля в Хельсинки, как и последующая встреча Николая Патрушева с Джоном Болтоном в Женеве 23 августа, откуда помощник Трампа по национальной безопасности отправился прямым в Киев на празднование очередной годовщины «незалежности» Украины, — подтверждают весьма узкие рамки «договороспособности» нынешнего руководства США, которые, по сути, ограничены сферой военной безопасности, где Россия, напомним, имеет сейчас силовое преимущество. Во всех же остальных сферах, особенно информационной и финансовой (а следовательно — экономической), «компенсационное» давление на нашу страну со стороны «вашингтонского обкома» продолжает стремительно нарастать, и в этом отношении выход Минфина и Центробанка РФ из американских гособлигаций в апреле-мае 2018 года (сокращение на 81,1 млрд. долл., или на 84,5 %), как и продолжение курса на наращивание национального золотого запаса (до 2170 тонн, по данным Bloomberg), а также решение ЦБ о приостановке плановых закупок иностранной валюты до конца сентября, являются

полностью оправданными действиями, максимально снижающими внешние финансово-экономические риски для России.

Подводя итоги: военно-внешнеполитические риски в отношениях с Америкой и «коллективным Западом» в целом для России на сегодня являются практически «нулевыми», финансово-экономические риски стремительно уменьшаются, что показал весь опыт «санкционного» давления, и даже с учётом его максимального, предельного ужесточения — при варианте «всё на всё» — потери нашей страны, за 2017 год «внезапно» сократившей свою чистую международную инвестиционную позицию (NIIP) с 256 до 17 млрд. долл., окажутся далеки от критических. Впрочем, стратегия России будет рассмотрена в рамках данного доклада чуть ниже, здесь же отметим, что в арсенале Рах Americana против нашей страны действенным остаётся только информационное (включая управленчески-организационное) оружие. Которое и пытаются сейчас задействовать через пресловутую «пенсионную реформу».

Судя по всему, «отмашка» на её проведение была получена агентурой влияния «коллективного Запада» внутри российской «властной вертикали» от директора-распорядителя МВФ Кристин Лагард, специально приехавшей на Петербургский международный экономический форум с «интересными предложениями» для России и небольшим «пакетом условий» для реализации таких предложений. Главными требованиями этого пакета были «всего лишь» весьма умеренное повышение ряда налогов, а также пенсионного возраста, сохранение «бюджетного правила» и даже увеличение золотого запаса страны. После чего МВФ выражало готовность предоставить России и её национальной валюте «зелёную улицу» в мировых финансах — видимо, уже со второй половины

2019 года или с начала 2020 года. Именно этими обстоятельствами может объясняться солидарная позиция по пенсионной проблеме как со стороны правительства, так и со стороны президента Российской Федерации, дикая «спешка» в проталкивании соответствующего законопроекта и прочие неожиданные и даже невероятные «нестыковки», связанные с реализацией данного проекта.

Наши западные «партнёры», имеющие многовековой опыт ослабления и уничтожения своих конкурентов, по максимуму использовали то «головокружение от успехов», которое неминуемо возникло в Кремле после успешного итога президентских выборов 18 мая 2018 года, досрочного открытия Крымского моста и «спокойного» проведения Россией чемпионата мира по футболу. В результате Путин попал в «коридор», который прямиком ведёт на хорошо известную бойню «цветных революций». Зимой 2011/2012 года аналогичный коридор ему удалось сломать, не исключена подобная развязка и наступающей осенью текущего года, поэтому в целом ситуация не описывается известной поговоркой «коготок увяз — всей птичке пропасть» и даже наоборот — может быть, в конце концов, использована для «зачистки» значительной части прозападного либерального крыла российской власти, которая неминуемо «засветится» в ходе «пенсионных» протестов, но здесь неопределённость выглядит чрезвычайно большой, а риски — близкими к критическим.

В данной связи стоит напомнить, что Кристин Лагард — креатура как раз «протрамповской» части западного истеблишмента, и она, в отличие от своего предшественника на этом посту Доминика Стросс-Кана, не ставит под вопрос господство доллара ФРС США в качестве «главной мировой валюты».

6. «Фрактальная» стратегия России

В своей внешней политике современная Россия изобрела (честь этого изобретения, видимо, стоит отдать покойному Евгению Максимовичу Примакову) и использует весьма эффективную стратегию, которую можно назвать «фрактальной». Фракталами в математике называют системы, имеющие свойство «самоподобия», то есть обладающие совпадающей структурой целого и любой его части (дробной мерностью). Важным свойством фракталов любой мерности n является конечная величина в собственной мерности n и бесконечная — в низшей мерности $n - 1$.

Такой «математический» подход на политическом уровне позволяет выстраивать, казалось бы, невероятные, но весьма эффективные структуры.

Исходя из наличия в современном мире «глобального треугольника XXI века» США-КНР-РФ, Россия начала строить «фрактальные структуры» на одной из доступных ей граней этого треугольника, а именно — на грани КНР-РФ. Так возникла ШОС, сегодня представляющая собой «треугольник» Китай-Россия-Индия. Так возник сначала БРИК (те же + Бразилия), который затем расширился до БРИКС (те же + ЮАР), а теперь, после саммита в Йоханнесбурге, имеющий все шансы на трансформацию до БРИКСТ (те же + Турция). Так возник «ближневосточный треугольник» в составе Россия-Иран-Турция. Так, похоже, строится «евротреугольник» в составе Россия-Германия-Турция (с явной «газовой» составляющей).

В результате на «российско-китайской» стороне «глобального треугольника» кристаллизуется настоящая «снежинка» из множества «треугольников» меньшего размера (сюда же можно включить ЕврАзЭС и другие интеграционные проекты на «постсоветском»

пространстве), придающая двусторонним отношениям между Москвой и Пекином совершенно иные смыслы и значения. Российский опыт в этом направлении оказался настолько успешным, что его — правда, пока без понимания основополагающих принципов — пытаются копировать даже США, с одной стороны, уходя от привычных для себя многосторонних соглашений в формате «лидер- сателлиты» к двусторонним «патрон-клиент»; а с другой — формируя некие «встречные» треугольники (например, курды-Армения-Румыния, носящий явно антитурецкую направленность, но априори «неработающий» без участия или хотя бы предполагаемого впоследствии вмешательства США).

Такая работа западной «двоичной» против российской «троичной» (и китайской «триадной») логики выглядит совершенно безнадёжно, что лишний раз продемонстрировала ситуация с гибелью ангажированных структурами Михаила Ходорковского трёх российских журналистов: Орхана Джемалая, Александра Расторгуева и Кирилла Радченко, — в Центрально-Африканской республике. Их «миссия» началась буквально на следующий день после завершения работы саммита БРИКС в Йоханнесбурге (ЮАР), где было принято решение качественно усилить работу этой международной организации на Чёрном континенте, с Южно-Африканской республикой в качестве главного «хаба». Провокация с участием «назначенных жертвами» достаточно известных в нашей стране журналистов с гражданством РФ была призвана дискредитировать присутствие российских силовых и экономических структур в этой стране, традиционно входившей в французскую зону влияния, на этот раз «столкнув лбами» Россию с Францией. Как и следовало ожидать, всё закончилось провалом и серьёзными неприятностями для Ходорковского,

которому пришлось прекратить финансирование «Центра управления расследованиями» (ЦУР), напрямую руководившего организацией поездки Орхана Джемала и его спутников.

Исходя из вышеизложенного, поневоле возникает естественный вопрос: почему аналогичная стратегия, с необходимыми поправками, до сих пор не используется и абсолютно игнорируется в действиях нашей «властной вертикали» внутри страны, почему здесь царит не точный расчёт и «троическая логика», а совсем другой тип мировоззрения, с либерально-рыночными мантрами о «невидимой руке рынка», вопиющей социальной несправедливостью и прочим разнообразным наследием «лихих девяностых»? Почему бы не применить уже апробированные формулы, например, для создания эффективных социально-экономических структур с участием государства, предпринимателей и наёмных работников? Сколько-нибудь адекватного ответа на этот вопрос нет, и нет уже очень давно, на протяжении всех 18 с лишним лет «путинского» периода отечественной истории. Единственным более-менее внятным предположением по данному поводу является то, что таковым было одно из условий помощи для «путинской России» со стороны гипотетического внешнего «центра силы», что, в общем-то, гарантированно не позволяет Кремлю по своей воле «отвязаться» от этого центра, который категорически заинтересован в военной и внешнеполитической мощи современной России, но столь же категорически не заинтересован во внутренней стабильности и единстве российского общества и государства выше некоего предела их «самоорганизации».

Понятно, что вне связи с этим «центром силы» современная РФ не может претендовать на главную или хотя бы на одну из ведущих ролей в мировой политике:

ни сегодня, ни в обозримой перспективе. Понятно, что таким «центром силы» не может выступать ни глобальная «империя доллара», ни противостоящая её в рамках «коллективного Запада» трампистская «фронта». Таким «центром силы» не является ни Китай, ни исламский мир, ни, тем более, Япония. Следовательно, путём аппроксимации мы приходим к выводу, что вполне возможным и видимым претендентом на роль подобного «центра силы» остаётся, как это ни странно, католическая «церковь» (специально в данном случае беру слово церковь в кавычки), что вовсе не исключает и какие-то пока «невидимые» варианты, поскольку отношение Ватикана к России как исторически православной (а затем — коммунистической) стране никогда не отличалось доброжелательностью и даже лояльностью. Но эту гипотезу, во всяком случае, вполне можно принять в качестве рабочей. Тем более, что лидерами «пророссийской» ориентации в Европе выступают такие католические страны, как Австрия, Италия, католические земли ФРГ и — отчасти — «консервативные» круги Франции. Ещё одним возможным «центром поддержки» России сегодня выглядит Израиль и стоящее за ним сионистское лобби во всём мире, особенно — на Западе, поскольку Россия выступает важным сдерживающим фактором для Ирана, нетерпимо воспринимающего существование еврейского государства на Ближнем Востоке.

7. Прогнозы и предупреждения

В завершение настоящего доклада попытаемся обозначить основные «окна возможностей» и «окна угроз», которые оказались открыты с 1 марта по 1

сентября 2018 года, по главным макрорегионам современного мира.

В США продолжается ожесточённый конфликт между «глобалистами» и «трампистами», исход которого не будет предрешён даже по итогам промежуточных выборов 6 ноября 2018 года — тем более, что к тому времени рост фондовых рынков и американской экономики может смениться их «свободным падением», особенно если на сентябрьском заседании ФРС произойдёт очередное повышение учётной ставки. Пока результирующим вектором противоборства двух этих сил между собой стала «война на всех фронтах»: одновременно против РФ, против КНР, против Евросоюза и, в целом, против всего мира. В подобной ситуации Белый дом вполне может решиться на какую-либо военную или политическую авантюру, и эта возможность должна быть максимально купирована Россией, что и случилось в результате приведения в боевую готовность под предлогом манёвров практически всех Вооруженных сил РФ сроков до 15 сентября.

В КНР политические позиции Си Цзиньпина подвергаются серьёзному давлению вследствие финансовых потерь экспортного сектора китайской экономики, сосредоточенного в наиболее развитых прибрежных провинциях, от импортных пошлин, введенных США. При этом пока официальный Пекин демонстрирует готовность отвечать ударом на удар, вводя зеркальные меры против американских товаров и услуг. Китай продолжает развивать «бездолларовый» сектор мировой экономики, расширяя «зону юаня» и осуществляя девальвацию национальной валюты к американскому доллару, однако темпы его экономического роста по итогам текущего года могут оказаться ниже 6 % вместо запланированного уровня в 6,3–6,8 %. До 30 % нынешнего китайского экспорта

должны быть переориентированы в «Зону Шёлкового пути», Юго-Восточную Азию и на внутренний рынок. Возможно, социально-экономические сложности заставят Пекин активизировать свою внешнюю политику, в том числе — относительно Тайваня и Южно-Китайского моря.

В Евросоюзе, с постепенным оформлением «брекзита», возрастает роль Германии, что даёт Берлину возможность перехода к более независимому от Вашингтона политическому курсу, хотя такой переход, как показали недавние события в Хёмнице (Карл-Маркс-штадте) будет тормозиться активизацией проамериканской агентуры влияния как в «мигрантской», так и в «правоэкстремистской» среде, что приведёт к краху концепции «мультикультурализма» и «толерантности». Не исключено, что США запустят против Германии, в качестве «последнего довода королей», крах банковской структуры — например, через критически зависимый от кредитов ФРС Deutsche Bank. Структуры НАТО также будут задействованы для подчинения ЕС американскому диктату.

В Великобритании озабочены, прежде всего, максимально комфортной «отстройкой» от Евросоюза и обязательным сохранением роли лондонского Сити как ведущего мирового финансового (и оффшорного) центра. Британия намерена максимально использовать ресурсы Содружества (включая Канаду, Австралию, Индию и ЮАР) с целью преодоления приближающегося финансово-экономического «идеального шторма» в «глазе тайфуна» и получения гарантий военной безопасности.

В европейском «поясе лимитрофов», куда, помимо стран бывшего «соцлагеря», входит также Греция и ряд бывших советских союзных республик, до весны 2019 года возможна настоящая социально-

экономическая агония, которая может подтолкнуть, например, Украину к агрессии на Донбассе (свидетельством чего стало убийство президента ДНР Александра Захарченко), а Молдову и Румынию — в Приднестровье.

В исламском мире ожидается усиление как «шиитской дуги» во главе с Ираном, так и Турции, которой вместо «пантюркизма» и «паносманизма» наконец-то могут быть открыты двери в Европу, особенно — на Балканы. При этом влияние суннитских «нефтяных монархий» во главе с Саудовской Аравией будет в целом снижаться, а противоречия между ними — нарастать.

В Индии возможно ускоренное становление «электронного общества», ещё более жёсткое, чем в Китае, преодоление разногласий с Пакистаном и распространение собственной зоны влияния как на Индокитай, так и на всю зону Индийского океана.

В Юго-Восточной Азии, скорее всего, может наблюдаться отток производственных мощностей и финансовые потрясения по образцу кризиса 1997 года, что приведёт к росту противоречий и, не исключено, к силовым столкновениям между государствами данного региона. Продолжится сближение Пхеньяна и Сеула с перспективой выхода на восстановление единого корейского государства.

В Японии, при всей её нынешней экономической «замкнутости», возможно усиление линии на взаимодействие с Россией как единственная возможность избежать краха раздутых до предела кредитных «пузырей» и получить расширенный доступ к российским ресурсам.

В Латинской Америке будет наблюдаться нарастающее доминирование США, что приведёт к мощным социально-экономическим кризисам «ресурсного» типа по образцу Аргентины и Венесуэлы.

Впрочем, главным «призом» для Вашингтона, после запланированного уничтожения «боливарианского» правительства Николаса Мадуро в Каракасе должна стать Бразилия как перспективный «хаб» для проекции влияния БРИКСа в Южной Америке.

В Африке возможно столкновение интересов бывших колониальных метрополий (прежде всего, Франции, Великобритании, а в Ливии — не исключено, Италии) с интересами БРИКС, эти потенциально конфликтные зоны будут использоваться США в режиме «разделяй и властвуй».

В России государству и обществу предстоит пройти через потенциально «горячую осень», определяющим фактором которой станет внутривнутриполитический конфликт, спровоцированный «пенсионной реформой», итоги «единого политдня» 9 сентября, а также, не исключено, трансформация государственной кредитно-денежной политики, включая деноминацию рубля.

В целом самым вероятным вариантом разрушения «однополярного мира» Pax Americana сегодня выглядит не «многополярный», а «двухполярный» мир, причём итоговое месторасположение этих будущих полюсов может не ограничиваться рамками нынешнего «глобального треугольника» США-Китай-Россия и даже оказаться вне этих рамок. Тем более, что наряду с традиционными государственными структурами, национальными или многонациональными, на международной арене всё большую роль начинают играть различные ТНК, всё более выходящие в сферу политики как самостоятельные субъекты, с использованием новейших кибертехнологий (Big Data, криптовалюты, искусственный интеллект и т. д.), «сетевые сообщества» («нетосы»), а с дальнейшим развитием «транс-» и «постгуманистических

технологий» политические проблемы власти и собственности вообще могут перейти в принципиально иные измерения, о которых мы сегодня можем только догадываться. Всё это создаёт картину своего рода «мозаичного неоглобализма», имеющего очень мало общего с «классическим» неолиберальным глобализмом конца ХХ-начала ХХІ веков, «манифестом которого» были «Новые кочевники» Жака Аттали и «Конец истории» Фрэнсиса Фукуямы. Но пока добираться туда, во всё ещё виртуальные края, нельзя иначе, чем через трансформации «глобального треугольника», которые могут оказаться как открытой дверью, так и глухой стеной на этом пути.

Михаил Делягин

Трансформация человечества

Информационные технологии, преобразуя человека и все формы его общественной жизни, создают качественно новую реальность. Целостная теория этой реальности отсутствует, что делает развитие непредсказуемым, неоправданно повышает его издержки и ведёт к снижению познаваемости мира, подрывающему рациональное мышление и поведение как таковое. Поэтому главная задача современных исследований — изучение новой реальности и обобщение имеющихся фрагментарных разработок.

Сегодня наиболее важным среди бесспорного представляется нижеследующее.

Трансформация личности

Глубина переживаемых нами изменений позволяет говорить о кризисе лишь в целях психологической защиты; на деле наблюдается всеобъемлющая трансформация человечества, глубина и масштабы которой беспрецедентны. В частности, информационные технологии изменили сам вектор развития человечества: нашим главным делом вместо изменения окружающего мира стало трансформация своего сознания и восприятия этого мира (частный случай технологий преобразования человека — high-home, сменивших high-tech). Эта революция не имеет аналогов в истории человечества, заставляет нас делать то, к чему мы не приспособлены (в том числе физиологически, психологически и социально), и, возможно, в силу своего характера не поддается полному осмыслению индивидуальным сознанием.

Суть современного информационного взаимодействия — обмен внимания пользователя на получаемые им эмоции. Бизнесу нужно удержание внимания, пользователю — эмоции. Содержательная деятельность сама по себе перестает быть ценностью.

Взаимодействие с информационными технологиями делает личность пластичной, мозаичной, внушаемой, не способной на долгосрочное целеполагание и систематическое приложение усилий. Клиповое сознание переходит в «кликковое»: нуждающееся в незамедлительной реакции на разрозненные внешние раздражители ради эмоции, а не результата.

Общество рассыпается на индивидов, объединенных некритически воспринимаемыми ими объектами (секты). Социальные сети как структурообразующий элемент общества трансформируются в социальные платформы, интегрирующие всю внешнюю активность личности и через информационно-эмоциональный фон определяющие её поведение. Общество становится алгоритмичным, развитие индивида прекращается (так как соцсети ради удержания внимания помещают его в кокон комфорта, в котором отсутствуют мотивации для развития), что, возможно, служит проявлением выхода на новый уровень развития коллективного сознания.

Атомизация общества, вызванная трансформацией личности под воздействием информационных технологий, дополняется формированием «глобальных племен», объединенных поверх границ государств специфическим образом жизни. Бизнес поддерживает и развивает специфические модели поведения как новые рынки, размывая обычные общества-государства и натравливая своих потребителей на обычные государства. Частный случай такой поддержки — поощрение сексуальных отклонений (являющееся также инструментом формирования новой глобальной

элиты, отделенной от «старого» мира и не питающей по отношению к нему сантиментов).

Трансформация общества

Снижение познаваемости мира (в силу его усложнения, роста обратных связей и всё более хаотического воздействия на индивидуальные органы познания) ведёт к вырождению науки в культурно, но не производительно значимый социальный уклад, а образования — в средневековый, по сути своей, инструмент поддержания социальной стабильности. Знание становится достоянием избранных, что грозит его вырождением в ритуалы и через поколение — технологическим крахом, который приведёт к кратному сокращению численности человечества.

Системы управления не демонстрируют адаптации к используемым им технологиям формирования сознания на протяжении жизни уже целого поколения. Продолжается и, вероятно, нарастает управленческий кризис, вызванный самопрограммированием управляющих систем, их отказом от реальности, переориентацией с изменения реальности на изменение её восприятия, а главное — более интенсивной трансформацией их сознания по сравнению с сознанием общества в целом. Между тем, цена управленческой ошибки качественно возрастёт при переходе от BIG DATA к SMART DATA (структурированным базам данных: структурирование на основе ошибочной гипотезы гарантирует ошибочный результат любой работы с данными).

Деньги теряют значение, уступая его технологиям. Капиталы становятся не ключевым элементом технологий — так же, как с развитием капитализма золото стало не ключевым элементом капитала.

Технологии всё меньше отчуждаются от своих создателей и становятся основой нового монополизма: метатехнологии исключают возможность конкуренции с их создателями. Инфраструктура становится главной частью технологий, социальные сети перерастают в интегрированные платформы, во всё большей степени определяющие повседневную жизнь и общественную активность человека.

Производство как таковое на порядок менее рентабельно, чем создание технологий, дизайн и маркетинг, а потому проигрывает им конкуренцию за все виды ресурсов. Это ведёт к его отставанию, стагнации и упадку (что проявляется, например, в нехватке инженеров даже в Германии) и может не просто ограничить развитие, но и привести к масштабной технологической деградации и крупным катастрофам.

Искусственный интеллект, как сформулировал в 2017 году Пентагон, является симбиозом (пока — организационным, в будущем — органическим) способного к творчеству человека и олицетворяющего формальную логику компьютера. Повышение мощности компьютеров распространит формальную логику на сферу образного мышления, что качественно изменит наши представления о них и сузит пространство человеческого творчества. Биологизация интерфейса взаимодействия с компьютером сделает нас равными по доступу к формальной логике; конкуренция будет вестись на основе творческих способностей. Это приведет к кризису в управлении (мы не умеем управлять творческими людьми), педагогике (на поколение, пока мы не научимся воспитывать творческие способности, как сейчас воспитываем логическое мышление) и в целом в общественном устройстве (так как отсутствие творческих способностей будет приговором даже для членов элиты,

и сохранение таких детей в элите будет означать крах общества из-за его неконкурентоспособности).

Общество будет развиваться по пути китайского «социального кредита», а японская модель «общества 5.0» будет встроена в неё в качестве частного улучшения. Лидерство в социальном развитии, как и другие формы глобального лидерства, в 2017 году перешло от США к Китаю, что предопределяет неизбежность их столкновения (в военном виде — в 2020 году, по оценке Китая, однако процесс может быть как затянут, так и форсирован).

Глобальный управляющий класс и его трансформация

Главный субъект современного исторического развития — глобальный управляющий класс, выражающий интересы глобального бизнеса. По своей природе это не структура (не случайно провалились все попытки создания «мирового правительства»), а открытая совокупность социальных вихрей, втягивающая в себя индивидов, обладающих глобальным влиянием, личной энергетикой и мобильностью, и выбрасывающая их при утрате хотя бы одного из этих качеств. Противоречие между доминирующей мощью глобального управляющего класса и его безответственностью перед управляемым им человечеством характерно для Средневековья и создаёт угрозу возвращения норм того времени. Ключевую роль в глобальном бизнесе (и, соответственно, в глобальном управляющем классе) играют «фонды фондов», владеющие основными глобальными корпорациями и друг другом.

США — оргструктура глобального управляющего класса, что создает внутри американского государства

перманентный конфликт представителей этого класса с национально ориентированной американской бюрократией (качественно усилившийся с победой Трампа), а также противоречит возвышению в его составе представителей Китая, остающихся, в отличие от остальных его элементов, выразителями интересов только своего общества. Оба эти конфликта будут нарастать, открывая не только «окна угроз», но и «окна возможностей», в том числе — для России.

Перерастание социальных сетей в социальную инфраструктуру и, далее, в социальные платформы, создающие среду обитания человека в развитых обществах и определяющие его поведение, качественно повышает значение их разработчиков и управленцев в составе глобального управляющего класса. Финансисты из «фондов фондов», по-прежнему владея информационными корпорациями, утрачивают возможность понимать, чем именно они владеют. В результате представители социальных сетей из подчиненных и второстепенных фигур становятся (возможно, временно) равнозначимы «хозяевам денег». Они владеют поведением людей, их мнениями и эмоциями прямо, а не через посредство собственности и денег. Это создает новый конфликт внутри глобального управляющего класса: между финансовыми и социальными владельцами мира.

Указанные конфликты внутри глобального управляющего класса существенно дополняют главный конфликт современности: между глобальными и обособленными структурами (в частности, между глобальным бизнесом и обществами-государствами, породившими народы), — и дают новые шансы патриотам, желающим вернуть служащие глобальному бизнесу государства своим народам.

Разрешение развитыми государствами использования криптовалют, объективно подрывающих

национальный суверенитет, означает, что криптовалюты служат субъекту, более мощному, чем государства. Такой субъект один — глобальный бизнес. Противоречие между глобальными функциями доллара и его национальной природой (усилившиеся с приходом патриота Трампа, собравшегося взять под контроль ФРС) стало нетерпимым для глобального бизнеса. Раз сделать доллар международным не удалось (в 2011 году ФРС провокацией против главы МВФ Доминика Стросс-Кана торпедировала план создания «мирового правительства» или «финансового Госплана»), объективная потребность будет удовлетворена иным путем: глобальной по своей природе криптовалютой (это не исключает гипотезу о создании криптовалют спецслужбами, так как в условиях размывания государств они сближаются с глобальным бизнесом, а их руководство может входить в глобальный управляющий класс.)

В отличие от обычных (фиатных) валют, обеспеченных доверием к эмитирующим их государствам, криптовалюты обеспечены недоверием к национальным государствам, не справляющимся со своими обязанностями в условиях глобального кризиса (в том числе из-за своего подчинения глобальному бизнесу).

Вызов лишних людей

Сверхпроизводительность информационных технологий резко сокращает число людей, нужных для производства потребляемых человечеством материальных и нематериальных благ, делая лишними сотни миллионов, а в близкой перспективе — миллиарды людей. Государства ради социальной стабильности сдерживали рост производительности, но

глобальный бизнес (как и бизнес в целом) не воспринимает социально-психологические категории и, став с уничтожением СССР сильнее государств (так как их ресурс, монополия военной защиты — во многом утратил свой смысл), форсировал прогресс коммерциализацией созданных в ходе «холодной войны» новых технологических принципов. Поскольку разрыв между производимым и потребляемым наиболее значим у «среднего класса» развитых стран, его утилизация стала категорическим императивом рынка.

Примирение европейского «среднего класса» с его обеднением организацией миграционного кризиса достигнуто ценой ускорения исламизации Европы. Превращение Евросоюза в евроХалифат вероятно уже к 2050 году. Только Россия (в случае своего сохранения как единого государства) может подготовить управленческие кадры и концепцию, позволяющие избежать варваризации и сохранить достижения европейской культуры (включая навыки создания и развития технологий) в рамках политического ислама.

Возникновение лишних людей уничтожает экономический фундамент гуманизма (ранее человек был источником прибыли, теперь становится источником издержек). Утилизация населения оказалась крайне сложной задачей. В неразвитых странах конфликты малой интенсивности, голод, болезни, искусственное бесплодие (включая прививки и планирование семьи) и войны недостаточны для решения проблемы (примеры: Африка и, в меньшей степени, арабский мир). В развитых странах мейнстрим — отказ от рождаемости и виртуальная реальность, но проблема извлечения прибыли из отправленного в виртуальную реальность тела или хотя бы его самоокупаемости не решена, что сохраняет проблему лишних людей как источника убытка.

Несмотря на нерешенность задач по утилизации лишних людей, само их появление уже уничтожает демократию и рынок. Демократия исчезает, так как она осуществляется исключительно от имени и во имя среднего класса (в 2017 году Макрон констатировал, что она уже возможна только на местном уровне). Рынок невозможен без генерируемого им спроса. Рыночная демократия перерождается в распределяющую блага информационную диктатуру.

Открытие новых технологических принципов без прямой угрозы существованию не совместимо ни с рынком, ни с традиционной западной демократией: оно требует инвестиций в полную неопределенность, что несовместимо с первым, и отказа от сегодняшнего потребления ради завтрашнего, что несовместимо со второй. Поэтому по завершении коммерциализации технологических принципов, открытых в ходе «холодной войны», отказ от рынка и традиционной западной демократии становится условием развития. Возможно, отход США от демократии вызван не только внешним управлением со стороны глобального управляющего класса, но и стремлением преодолеть ограниченность её западной модели для продолжения развития (правда, технологический прогресс становится невозможен и из-за невозможности углубления разделения труда, требующего расширения рынка: он опирается в объективные границы рынка, а выигрыш времени путем снижения издержек невозможен, так как доминирующие глобальные монополии, как и всякие монополии, зарабатывают на их увеличении).

Сохранение гуманизма, а также благосостояния и жизни лишних людей возможно лишь при смене цели развития: с прибыли на развитие человека. Тогда переизбыток людей обернётся их нехваткой (так как развитие личности потребует качественного роста числа педагогов и медиков). Но причины провала

советской цивилизации сохраняются: непонятны стимулы, из-за которых личность предпочтёт самосовершенствование деградации, а также критерии самого совершенствования (ибо личность, в отличие от капитала, многогранна). Возможно, важным шагом вперёд станет китайская попытка преобразования человеческой природы (система «социального кредита»); её новизна, по сравнению с советской, заключается во всеобъемлющем характере воздействия на личность и разветвлённых механизмах обратной связи (которые могут погибнуть по завершении этапа тестирования, отладки и доработки системы).

Информационные технологии приносят в жизнь многие черты коммунизма, — хотя и не так, как это представлялось, скажем, полтора века назад. Общественная природа и неотчуждаемость главного ресурса современности, информации, делают невозможной частную собственность на неё, выводя данный актив за рамки системы капиталистических отношений. Попытка приватизации информации «правом интеллектуальной собственности» выродилась в злоупотребление монопольным положением и в целом уже провалилась (наглядно тормозя развитие сторонников капитализма и подрывая их конкурентоспособность). В развитых странах труд перестал быть условием выживания, разница между рабочим и свободным временем стёрлась (хотя способом, который нас не радует), а между трудом и развлечением стирается стремительно: труд действительно становится всё более творческим. Акционеры глобальных корпораций уже не могут управлять своей собственностью: управление объективно принадлежит топ-менеджерам. Более того: акционеры в массе своей и не хотят управлять, желая быть, по сути, пенсионерами-рантье, а не собственниками и уничтожая тем самым являющуюся

фундаментом капитализма частную собственность, которая не существует вне процесса управления. Она отмирает — хотя и совсем не так, как предполагали классики того же марксизма.

Глобальная депрессия: реальная перспектива

Глобальный экономический кризис вызван загниванием монополий, сложившихся на глобальном рынке. Возможности расширения рынков близки к исчерпанию: как территориально (глобальный рынок расширять некуда), так и финансово (накачивание денежного спроса ограничено безопасными темпами роста долговых пирамид), и технологически. Фундаментальный переход от изменения мира к изменению его восприятия подготовлен произошедшим в 70-е годы сменой вектором развития с производства на развлечения: это сильно удешевило и упростило создание новых рынков, но основной результат от этого уже получен. Новые рынки, создаваемые изменением человека (включая расширение спектра сексуальных ориентаций, грозящее вымиранием), достаточны для формирования нового политического мейнстрима Запада, но не для генерации необходимого спроса.

Загнивание монополий проявляется, прежде всего, в нехватке спроса. Наученные опытом Великой депрессии, развитые страны компенсируют сжимающийся коммерческий спрос кредитной эмиссией (которая одновременно позволяет увеличивать бюджетный дефицит). Однако ее возможности близки к исчерпанию, так как в развитых странах нет возможностей создания новых крупных прибыльных контуров, поэтому эмиссия оборачивается ростом

заведомо безвозвратного долга — как государственного, так и частного.

Конкуренция за спрос, усиливая протекционизм, разорвёт глобальные рынки на макрорегионы, обрушив мир в новую, Глобальную депрессию. Готовность Google ограничивать показ новостей, противоречащих западным стандартам единомыслия, и анонимная цензура Facebook показывают, что разорваны могут быть даже информационные рынки. Глобальная депрессия будет хуже Великой: она так же будет порождать войны, но войны не будут выходом из неё (Вторая Мировая война укрупнила макрорегионы, объединив пять в два, — роста пространства конкуренции внутри них хватило на целое поколение), — Глобальная депрессия будет заключаться в распаде единого рынка на макрорегионы, и война не объединит их. Промежуточным этапом будет наличие трёх валютных зон (доллара, юаня и евро) в экономике и биполярное противостояние США и Китая со сдерживающей ролью держав второго плана (Евросоюза, Индии, Японии и, если сумеем, России). Глобальная депрессия будет, как и межвоенный период, временем хаотичной борьбы всех со всеми (включая негосударственных участников глобальной конкуренции). Глобальные монополии погибнут либо окажутся сильно ослаблены в результате срыва в депрессию, что частично восстановит роль государств в мировой политике.

Распад глобальных рынков на макрорегионы снизит ёмкость отдельных рынков, что может вызвать исчезновение ряда технологий (им будет не хватать спроса). В случае технологий жизнеобеспечения (например, создания новых поколений антибиотиков) это будет грозить значительными жертвами. Выходом станет дотирование этих технологий государством (что расширит общественный сектор и сферу

предоставления государством общественных благ) и применение «закрывающих» технологий. Последнее даст дополнительную возможность России — как их родине и стране, культура которой соответствует таким технологиям (как старая немецкая культура соответствует инженерным наукам, итальянская — дизайну, английская — юстиции, а американская — бизнесу).

«Закрывающие» технологии — простые, дешёвые и сверхпроизводительные, в значительной степени созданные в рамках ВПК СССР (единственного места в мире, где были возможны исследования «просто так», без заранее обещанного результата) и развивающиеся в порах общества. Они жёстко подавляются бюрократией, но, главное, монополиями (которые зарабатывают на издержках и потому усложняют и удорожают, а не упрощают и удешевляют продукцию). Ослабление монополий в ходе Глобальной депрессии откроет простор для применения «закрывающих» технологий и их дальнейшего развития.

Мировая политика: основные тренды

Современная мировая политика представляет собой борьбу двух групп в рамках глобального управляющего класса — групп, пытающихся противостоять распаду глобальных рынков на макрорегионы и сознающих неизбежность этого распада, пытающихся использовать его для укрепления своих позиций (рост китайского влияния идёт исподволь, китайцы предпочитают пользоваться глобальными процессами, не пытаясь ломать их, но не сопротивляясь их изменениям). Первые поддерживают либералов, вторые — патриотов (консерваторов); в США их противостояние выражено холодной гражданской войной глобалистской

либеральной элиты («глубинного государства») против Трампа. Либералы обречены на поражение ходом истории (уже ТТР и ТПР Обамы были попыткой разделить глобальные рынки и вырезать из них макрорегион США, пусть и абсурдно преувеличенный), но будут сопротивляться и не канут в Лету, сохраняя часть своего влияния в мире Глобальной депрессии.

США живут, пока мир оплачивает их потребление покупкой их госбумаг с нерыночно низкой (это условие устойчивости финансовых пирамид) доходностью. Такая покупка может быть массовой только от страха. Поэтому стратегия США — запугивание доступной им части мира. После исчезновения «советской военной угрозы» главным пугалом стало расширение зоны хаоса. Хаотизация мира — объективное условие сохранения США как единственной «тихой гавани» для мировых капиталов (как сказал Саммерс, без зарубежных военных баз США тут же обанкротятся). Это устремление объединяет всю их элиту: представителей обоих глобальных кланов и ключевых групп бизнеса (финансистов, информационно-компьютерно-социальный комплекс и ВПК), объединившихся при Обаме. Трамп выражает это устремление без угрозы Третьей мировой войны, что обеспечивает ему некоторую политическую прочность, но при его поражении этот союз не ослабнет.

В 2020-21 годах вероятен военный конфликт США с Китаем в связи с насыпаемыми последним островами, делающими Южно-Китайское море его внутренним. Подготовка Китая к этому конфликту является не менее важным фактором, чем неприемлемость для США пассивного ожидания изменения глобального политического баланса в пользу Китая вслед за аналогичным изменением экономического, технологического и информационного балансов. «Вторым фронтом» в этом конфликте, скорее всего,

станет организованное США (которые перебросят туда подготовленных боевиков-исламистов запрещенного в РФ ИГ) восстание в Синцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Россия и, вероятно, Монголия помогут Китаю в этом конфликте.

Ключевой вопрос мировой политики на 2018–2020 годы — сохранение России, до сих пор не сумевшей создать свой макрорегион, жизнеспособный в условиях срыва в Глобальную депрессию (несмотря на разговоры об этом, идущие с 2006 года). Отказавшись (Валдайской речью Путина в сентябре 2013 года) от форсированной трансформации человека ради создания новых рынков, Россия доказала ценностную несовместимость с Западом и вызвала агрессию в виде привода к власти на Украине фашистов-необандеровцев (хаотизация ядерной державы — идеал стратегии США). Затем Россия обесценила усилия США по хаотизации мира (купировав исламский фундаментализм в Сирии, не дав втянуть себя в войны с Украиной, а затем — и с Турцией), способствовав этим победе патриота Трампа над либералами. При этом Россия крайне уязвима — в силу гибридного характера своей государственности: патриотическая внешняя политика сочетается с либеральной социально-экономической. Опора высшего политического руководства на стихийный патриотизм общества и его инстинкт самосохранения противоречит компрадорскому характеру элиты («оффшорной аристократии») и стремлению либералов вернуть себе всю полноту власти по образцу ельцинской эпохи «лихих девяностых». Это делает вероятной попытку либерального госпереворота после президентских выборов (по стандартам «цветных революций»). Чем позже будет совершена эта попытка, тем выше (в силу роста раздражения общества от падения уровня жизни и антинародности элиты) её шансы на успех, означающий уничтожение современной России.

Заключительные положения

Возможность трансформации человека для создания новых рынков не означает её необходимости или неизбежности. Она представляется подчинением изменению среды обитания современного человека, созданной информационными технологиями в условиях рынка. Однако конструктивно не подчинение изменениям, а преодоление их: так, подчинившиеся подобному изменению в условиях ледникового периода либо вымерзли, либо ушли в теплые регионы, где их развитие остановилось, — и лишь оставшиеся, научившись одеваться в шкуры и использовать огонь, продолжили развитие и создали цивилизацию (хотя, с точки зрения отдельного индивида, это было не имеющей оправдания жестокостью и бессмысленной жертвой). Кроме того, трансформация человека сокращает его возможности к размножению и, будучи выигрышем в краткосрочном (рыночном) плане, означает катастрофу в долгосрочных (моральном и цивилизационном).

Технологии уже давно позволяют проводить референдумы (и даже с делегированием голоса по каждому отдельному вопросу) в режиме онлайн. Нежелание использовать электронную демократию даже во вспомогательном режиме (как в странах Евросоюза, где результат референдумов не является обязательным для власти) вызвано политической инерцией: отменяемый современными технологиями слой политиков борется за самосохранение. Такая борьба является действительным двигателем истории: именно в ней рождаются новые властные и социальные формы, в рамках которых развивается затем экономика. Возможно, сейчас в ней родится новая форма организации общества, сохраняющая суверенитет, но

преодолевающая архаику традиционной вестфальской государственности (ренессанс националистических государств, вроде Польши и стран Прибалтики как чрезмерная реакция на размывание государства как такового и попадание его под внешнее управление — тупик, не способный обеспечить развитие и даже привлекательность.)

Сегодня информационные технологии зримо угрожают архаизацией и срывом в новое Средневековье (которое, вопреки представлениям глобализированных элит, недолго останется компьютерным), запуская очевидный социальный и личностный регресс. Неясно, входит ли человечество в «обратную петлю» социального прогресса: период деградации, который может распространиться и на сферу технологий, — или же оно сумеет позитивно и созидательно адаптироваться к возможностям и вызовам новых технологий. Нельзя исключить, что деградация на индивидуальном уровне является элементом прогресса на более высоких уровнях организации живой материи. Выяснение данного вопроса представляется одной из наиболее увлекательных задач современных общественных наук.

Марксизм был теорией познания мира, разработанной на научном фундаменте XIX века. Его ключевым достижением стал исторический материализм, применяющий диалектику к общественному развитию, то есть к развитию, осуществляемому не на основе неизменных правил (как это имеет место в природе вне человеческого общества, изучаемой диалектическим материализмом), а, напротив, за счет постоянного изменения правил развития. Отчаянная философская полемика Ленина с «позитивистами» была вызвана началом научной революции, изменившей фундамент марксизма и потребовавшей его адаптации, — однако научная

революция шла весь XX век и продолжается по сей час. В основе всякого научного познания лежит математика. Ее наиболее передовой раздел, математика неопределенностей («теория хаоса»), применяется для управления локальными процессами общественного развития; текущей задачей науки является её применение для анализа и прогнозирования развития в целом. Следующий шаг — применение к общественной сфере подходов и парадигм, разрабатываемых квантовой механикой и космологией (например, «квантовая политика», субъекты которой одновременно осуществляют диаметрально противоположные воздействия друг на друга).

Шамиль Султанов

«Туда, не знаю, куда!»

О нынешнем глобальном системном кризисе

Порой самые распространенные иллюзии отливают в бетонные формы, а соотношение между прошлым, настоящим и будущим вдруг изменяется. Такое иногда происходит и в личной жизни, и в истории народов, государств, цивилизаций.

Когда начинает доминировать фактор неопределенного будущего особенно существенными становятся три момента.

Происходит резкое субъективное ускорение хода времени («Время летит!» — с глубоким сожалением говорят именно старики, а не юноши!).

Усиление значимости будущего становится индикатором приближения осознаваемого или неосознаваемого предельного системного кризиса (Для личности такой системной катастрофой становится неотвратимость физической смерти!).

Происходит быстрое обесценивание прошлого опыта (личности, государства, цивилизации), и одновременно многократно возрастает значение идущих из-за туманного горизонта будущего непонятных сигналов, знаков и знамений.

Где и как проявляется этот цивилизационный кризис

Семь лет назад В.Путин написал: «Мир вступил в период кардинальных трансформаций». Последний, юбилейный доклад Римского клуба уточняет:

современное человечество вошло в период цивилизационного кризиса.

Речь, прежде всего, идет об ускорении беспрецедентных тектонических, долговременных изменений, которые охватили **все** сферы человеческой жизнедеятельности: экономику, финансы, технологии, социальные структуры, геополитику, межличностные отношения, религиозное сознание и т. д., и т. п.

Эта циклическая фаза кардинальных системных изменений является де-факто органическим продолжением той «мировой революции», которая действительно началась в первые десятилетия XX века. Тогда, сто лет назад, как и сейчас, на повестке дня стоял вопрос о принципиальном, полном сломе цивилизации глобального капитализма.

Нынешняя, господствующая и единственная, цивилизация на нашей планете является уникальной для всей известной человеческой истории. Подобной ей никогда не было. Она основана на тотальном, всепроникающем материализме, тотальном материальном отношении к реальности, тотальной материализации культуры, сознания и мышления. Эта языческая и даже богоборческая цивилизация ежедневно, ежечасно сотворяет новых и новых многочисленных материальных кумиров и идолов, в виде самых разнообразных товаров и товарных символов, подчиняя им все культурное, духовное, сакральное, Божественное.

Самым наглядным проявлением нынешней стадии драматического цивилизационного кризиса является обострение всей системы основных мировых экономических, социально-экономических, социально-культурных, политических, геополитических и т. д. противоречий. Почему, например, большинство экспертов самых разных школ и направлений так или иначе указывают на резкий рост социально-

экономического неравенства в мире? Потому что именно резкое усиление широкомасштабной несправедливости на всех стратах глобального социума является самым показательным индикатором развивающегося глобального системного кризиса. А отсюда — и масштабное углубление уровня конфликтности, растущая военно-силовая конфронтация во многих регионах, объективно ведущая к росту социального, религиозного, этно-национального, политического радикализма и экстремизма.

Во всей господствующей ныне цивилизационной системе происходит неконтролируемый рост совершенно особой онтологической неопределённости. По экспоненте нарастает количество принципиально новых, неизвестных по своим долгосрочным последствиям рисков и угроз, причём никто не знает, как долго будет продолжаться этот процесс и куда он, в конце концов, приведёт. Соответственно, и у т. н. мирового интеллектуального сообщества, и у различных политических элит современности отсутствуют какие-либо скоординированные, верифицируемые варианты рефлексивной системной стратегии для преодоления такой беспрецедентной неопределённости. Отсюда и появление новых линий разлома и конфронтации в мировом политическом истеблишменте, а также рост антагонистических противоречий внутри практически всех значимых национальных и даже транснациональных элитных групп.

Не случайно, именно на фоне роста такой глобальной неопределённости начался спонтанный, медленный, но объективный демонтаж однополярного мира. Хотя никто из власть предержащих не знает, какой мировой порядок идет на смену прежней системе, как этот новый порядок будет функционировать на практике во всё более

конфликтной международной среде, как он будет поддерживаться в том или ином случае.

Нарастающая глобальная неопределенность является, возможно, самым важным показателем этого цивилизационного кризиса.

В подобных условиях, вполне закономерно продолжается процесс ослабления институциональных инструментов глобального управления: ООН, ЮНЕСКО, МВФ, МБР, НАТО и т. д. С другой стороны, попытки создания альтернативных, новых институтов глобального и макрорегионального регулирования становятся дополнительным фактором углубления долгосрочной стратегической неопределенности.

Соединенные Штаты сегодня оказались в авангарде новой технологической революции, но сталкиваются при этом с такими сложнейшими системными вызовами, которых никогда не было в истории этой страны. Подавляющая часть высшего истеблишмента США просто не знает, что делать перед лицом вала угроз такого масштаба, а соответственно и не готова к сколько-нибудь кардинальным и болезненным для себя системным преобразованиям.

Для перехода в принципиально новую фазу цивилизационного развития высшая элита США (сегодня расколота и фактически находящаяся на грани прямой внутриэлитной войны) должна осуществить огромный комплекс системных реформ — даже более революционных, чем в своё время осуществил Ф.Рузвельт.

Так, оказавшись лицом к лицу с чудовищной и мрачной неопределённостью завершается история глобальной материалистической цивилизации капитализма, предпосылки которой возникли еще в XIII веке, но наиболее мощный импульс для развития которой дало Возрождение.

«Времена не выбирают!»

Господствующая ныне цивилизация обладает рядом ключевых характеристик, которые определяют ее историческую уникальность. Она может по праву называться «западной», не только потому, что зародилась в Европе, но и потому, что более 90 % экономических и культурных инноваций и стимулов её развития возникают в нескольких ключевых западных странах, прежде всего — в США.

1. Цивилизация ссудного капитала, в отличие от своих предшественниц в истории, господствует во всем мире. Ни одна другая цивилизационная система за последние несколько тысячелетий не имела настолько тотального, всеобъемлющего влияния на все аспекты глобального социума.

2. Западная цивилизация поглотила остатки иных цивилизационных форм на Земле и с достаточно большой эффективностью контролирует большинство культурных очагов по всему миру. Такой тотальный контроль был обеспечен ещё с середины XIX века. Поэтому в настоящее время нельзя говорить, например, о конкурирующих с западной и альтернативных ей китайской, латиноамериканской или русской цивилизациях. Все они, в той или иной мере, — лишь компоненты абсолютно доминирующей западной цивилизации. И нынешняя конфронтация, например, между США и КНР — это проявление не межцивилизационных, а внутрицивилизационных противоречий, каковыми были в свое время отношения между Великобританией и Соединенными Штатами.

Господствующая западная цивилизация расправлялась со своими потенциальными культурными конкурентами различными способами, но всегда

предельно цинично и безжалостно. Это в свое время хорошо показал П. Фейерабенд.

Однако у каждой медали есть и своя обратная сторона. На протяжении многих тысячелетий цивилизационное развитие происходило, в том числе, за счёт креативного диалога и взаимодействия различных цивилизационных моделей друг с другом. Уничтожив своих культурно-цивилизационных конкурентов или подавив их, Запад не только стал абсолютно господствующей цивилизацией в мире, но и заведомо обрёл себя на исчезновение, потеряв способность к цивилизационному самообучению и саморазвитию.

3. Системообразующий компонент цивилизации Запада проявляется и реализуется через механизм постоянно расширяющегося экономического воспроизводства. Соответственно, столь «экономикоцентричная» цивилизация неминуемо должна столкнуться с ростом глобальных ресурсных ограничений («Пределы роста»).

Процесс исчерпания невозобновляемых природных ресурсов (включая непрерывное ухудшение состояния воды и воздуха во всем мире), необходимых для воспроизводства социально-экономической модели массового производства и массового потребления, в последние десятилетия непрерывно ускоряется. Де-факто Земля сегодня просто не способна обеспечивать западную экономическую модель: требуется уже 1,7 планеты, чтобы непрерывно удовлетворять потребности в продовольствии и других биологических ресурсах.

4. Ключевая особенность нынешней фазы глобальной западной цивилизации в том, что она превратилась в паразитарно-империалистическую, поскольку де-факто продолжает функционировать, прежде всего, за счёт разрушения земной биосферы, с соответствующими последствиями. Например, в 2011 году общий уровень загрязнённости мирового океана

достиг такой стадии, что его традиционные системы самоочищения уже не справляются с растущими нагрузками и начинают разрушаться.

Стремление этой цивилизации к беспощадному контролю над природной средой, чудовищное по своим неконтролируемым последствиям воздействие антропогенного фактора уже привело к практически необратимому в ближайшие десятилетия нарушению гомеостаза между человечеством и всей сложнейшей природной системой планеты.

Проблема не только в драме происходящих климатических изменений — например, в подъёме мирового океана под воздействием таяния полюсных льдов. И не только в темпах загрязнения биосферы и связанных с ними усилении эпидемиологических угроз. И не только в ускоряющемся росте численности населения и угрозах многомиллионных миграционных потоков.

Истинная драма — в том, что эта цивилизация вступила в завершающую стадию своего существования, когда она уже автоматически, спонтанно продуцирует всё большее количество рисков и для себя, и для всей планеты. Например, ежегодно на рынок выбрасываются десятки тысяч новых продуктов питания, включающих генно-модифицированные компоненты. Какие чудовищные и необратимые мутации могут произойти в организме человека даже через 50–70 лет, не знает ни одна разведка и ни одна академия в мире.

Под воздействием агрессивного антропогенного фактора происходят неконтролируемые мутации сотен и тысяч видов микроорганизмов. К чему это приведёт, опять-таки неизвестно — так же, как последствия непрогнозируемого развития биологического оружия. Например, сегодня уже известно, где и какие буквы генетического «алфавита» нужно поменять в вирусах,

чтобы те приобрели абсолютную летальность по отношению к человеку. И это — на фоне того, что мощность нанобиотехнологий увеличивается в два раза каждые два года.

5. Господствующая в мире цивилизационная система Запада начиналась как иудео-христианская цивилизация. Однако постепенная секуляризация, по многим причинам, выбила из нее и основополагающие иудейские, и христианские ценности. Например, личностная религиозность неминуемо здесь вступает в конфликт с рыночными целями расширяющегося материального воспроизводства. «Человек-потребитель должен быть постоянно окружен потенциальными товарами, не отвлекаясь на религиозные химеры».

Другой момент. Действительно религиозный человек способен, в отличие от секуляризированной личности, успешно противостоять тотальному давлению этой цивилизации, уходя, хотя бы, в свой внутренний мир.

В психологическом плане, секуляризация способствует углубляющейся личностной безответственности, что опять-таки благоприятствует стратегии развития тотального, негласного контроля в рамках нынешней цивилизационной модели.

Наконец, еще один важный аспект. Секуляризация привела к тому, что вся эта цивилизация Запада оказалась пропитана ложью. Например, что такое реклама? По сути — простой обман. Но гораздо более драматично то, что внутри этой цивилизации оказались полностью стерты границы между ложью и истиной: в политике, в медиа, науке, социальных сетях, межличностных отношениях и т. д. Правда — всё, что продаётся, ложь — всё, что этому мешает.

6. Одним из системообразующих компонентов западной цивилизации является рациональная наука, которая выполняет производственные, идеологические,

мифологические и магические функции. Поскольку наука в XX веке полностью перешла на обслуживание интересов правящих классов, она, во многих случаях, оказывается по определению абсолютно аморальной и тотально безответственной.

Потеряв практически всю свою социальную независимость, отказавшись от ключевых моральных идеалов и действительной социальной ответственности, рациональная наука превратилась в решающий фактор существования и воспроизводства западной цивилизации, став, своего рода, квазирелигиозным институтом этой секуляристской цивилизации, наука не только ввела институты «внутренней инквизиции», но и оказывает мощное «шаманское» воздействие на сознание глобального социума и национальных элит.

7. Рост системной неопределённости проявляется и в продолжающейся разбалансировке цивилизации Запада. Например, переход к шестому технологическому укладу, появление принципиально новых инновационных «ноу-хау» неотвратимо формируют ситуацию, когда вроде бы уже устоявшиеся и привычные социально-психологические, социально-культурные, политико-экономические механизмы выживания, воспроизводства и развития общественной жизни на практике перестают работать. Например, в связи с расширением промышленной роботизации неожиданно появилась и стала резко обостряться проблема «избыточного, ненужного населения» даже в самих развитых западных странах. Или, обнаруживается, что традиционные механизмы социальной солидарности и взаимопомощи, базовые моральные принципы, регулировавшие сотни лет социальное поведение, вдруг оказываются совершенно не нужными в наступающем технотронном «завтра».

Для эффективного же внедрения принципиально новых социальных моделей и норм (которых еще нет) необходимы либо существенный отрезок исторического времени, либо тотальная, большая война.

8. Для фазы заката любой цивилизации, в том числе — и нынешней, присущи разнообразные формы деградации личности, кризис рационального индивида, торжество модели человека-функции, интеллектуальное, нравственное и физическое вырождение элитных групп.

Переход глобального капитализма на стадию массового производства и массового потребления привёл к формированию широкого спектра социально-политических и информационно-психологических технологий «массового производства одномерного человека», как это в свое время очень точно сформулировали Г. Маркузе и М. Маклюэн. «Одномерный человек» — это, по сути, «социальная точка», не имеющая сама по себе ни размера, ни значения, ни смысла, отдрессированный человек с несколькими, жестко ограниченными параметрами и функциями, в числе которых может быть даже «креатив», но строго регламентированный.

Личностная деградация не могла не затронуть и многочисленные элитные группы нынешней западной цивилизации. Одним из ярких проявлений является массовое, повсеместное распространение коррупции. В социальном отношении, коррупция суть форма прямого недоверия элит существующим институтам и регулирующим кодексам. Взлёт коррупции обычно предшествует слому режимов, государств и цивилизаций.

Другой всем известный пример — широкомасштабное распространение патологического безнравственного поведения: прежде всего, среди властвующих групп. Уровень моральной деградации в

«верхах» западной цивилизации уже вполне сопоставим со степенью разложения в Древнем Риме, Сасанидской империи или Византии накануне их гибели.

9. Симптомом приближающегося исчезновения цивилизации Запада является отсутствие каких-либо принципиально новых, действительно прорывных революционных идеологий и идеологических концепций, способных обеспечить принципиально новое внутрицивилизационное развитие.

И это — исторический тупик не только для искренних идеологов западной цивилизации, но и для её принципиальных противников.

Можно, конечно, возразить, что на самом деле конкуренция новых цивилизационных проектов уже началась. Например, Пекин презентовал свою «китайскую мечту», выдвинув собственный проект для всего мира. Скандальное избрание Трампа резко обострило жёсткие противоречия во всем американском социуме и высшем американском истеблишменте по поводу судьбы «американской мечты» в XXI веке. Растущее противостояние всё больше сопровождается бурные дискуссии по поводу будущего общеевропейского цивилизационного проекта.

Однако все эти попытки не внушают никакого оптимизма.

Даже Китай, с его декларируемой «социалистической идеологией», и всё более враждебная Западу Россия на самом деле, как уже отмечалось выше, остаются составными и неотъемлемыми компонентами нынешней западной цивилизации. КНР встроена в эту цивилизационную иерархию как «мировая мастерская», а РФ — как один из главных поставщиков энергоресурсов. Экономически ни КНР, ни РФ не самодостаточны, поэтому представить сегодня существование и развитие Китая и России вне

рамок глобальной «западной» цивилизации невозможно.

В конечном счете, чего хочет сегодня, например, Пекин? В принципе — сохранить ту самую глобальную систему экономического воспроизводства, со всеми её законами и нормами, благодаря которым КНР и стала одним из лидеров этой западной цивилизации, но поменять Америку на Китай, бренд «американское» заменить на «китайское» и т. д.

Поскольку прагматическое материальное сознание является ключевым стимулятором и одновременно критерием развития этой цивилизации, то ни китайский социум, ни российское общество, ни китайские и российские элитные группы отнюдь не уступают тем же США и американскому истеблишменту в соответствующих материальных устремлениях и настроениях.

Наконец, мало кто в России, или в Китае, или в США решается ответить на фундаментальный вопрос: «А что дальше — после капитализма?». Нет, футурологические гипотезы и представления существуют, достаточно много и разного рода аналитических разработок в этом направлении. Однако отсутствует самое главное — нет теории или доктрины, которые могли бы стать действительной основой для нового цивилизационного проекта.

Великая Октябрьская революция была примечательна как раз тем, что дала уникальный шанс реализоваться альтернативной капитализму модели развития, на основе которой и была предпринята попытка осуществить грандиозный «красный проект».

10. Любой народ, любое государство, любая цивилизация существуют только до тех пор, пока знают код смысла своей жизни — ради чего они появились и живут, какой вклад должны внести в развёртывание тайной судьбы Универсума, что обязаны сделать для

этого завтра и послезавтра. Когда такой смысл утрачивается или окончательно опошляется, то этот народ, это государство, эта цивилизация — заведомо обречены.

Для всё более атомизованного «одномерного» западного социума за последнюю треть века одной из наиболее характерных черт становится либо резкое снижение значимости, либо прямой распад консолидирующих идеологий и идеологических моделей как носителей тайны такого вневременного смысла.

Весёлые, наглые, ориентированные на будущее идеологии появляются только при достаточной жизнеспособности соответствующих социумов, а такая жизнеспособность, прежде всего, зависит от наличия некоего надвременного смысла. Как заметил по этому поводу Александр Хейг, в то время — госсекретарь США: «Есть вещи важнее, чем мир (жизнь)».

Западная, материалистическая цивилизация как раз и столкнулась напрямую с этой действительно драматической проблемой смысла жизни. Во имя чего существуют здесь личность и социальные общности? Чтобы постоянно покупать появляющиеся на рынке все новые и всё такие же бесполезные товары, вопреки предупреждению мудрого Сократа: «Как много на свете вещей, которые мне не нужны»? Или для появления на банковском счету новых нулей? А, может для роста знания всего человечества? А что это знание, в конечном счете, даёт: ведь накопление дискретных знаний — совсем не то же самое, что рост понимания?!

Один из неартикулируемых выводов квантовой механики как раз и заключается в том, что всё более масштабная аккумуляция дискретной, пусть даже квантифицированной информации обратно пропорциональна уровню понимания усложняющейся реальности.

11. Нынешняя единственная господствующая цивилизация на Земле уникальна наличием внутреннего комплекса Танатоса, синдрома саморазрушения, глубинного стремления к цивилизационному суициду. Ведь не случайно, что она сама сформировала и продолжает формировать систему из сотен угроз для себя, каждая из которых — потенциально имеет смертельную опасность: распространение ядерного оружия и других видов ОМП, растущий риск случайной ядерной войны, ускоряющееся разрушение биосферы, неконтролируемое технологическое развитие, эпидемии неизвестных смертельных болезней и т. д.

Более того, большинство из этих новых возникающих и нарастающих угроз принципиально неустранимы ни сегодня, ни завтра, ни даже послезавтра. Поэтому — «Оставь надежду всяк сюда (в эту цивилизацию) входящий!»

Тем не менее, возможен ли кардинальный «перезапуск» нынешней цивилизации?

Классический глобальный капитализм после 1983 года окончательно исчерпал свой внутренний креативный потенциал, свою способность к опережающей рефлексивной самотрансформации. Сегодняшним сверхсложным глобальным социально-экономическим механизмом практически уже невозможно более или менее рационально управлять.

Возможно, в последний раз такая системная самотрансформация западной цивилизации была проведена в тридцатые годы XX века при Ф. Рузвельте, когда исчерпавшая себя пространственная модель капитализма (описанная Лениным в «Империализме как высшей стадии капитализма»), была заменена на модель хронологической экспансии неокapитализма.

Правда, и при Р.Рейгане была предпринята попытка осуществить глубокие преобразования. Впрочем, её

результаты даже в среднесрочной перспективе оказались настолько противоречивыми, что практически сразу же привели к серьёзному обострению системных проблем внутри высшего американского истеблишмента в 90-е годы прошлого века.

Переход по дрожащему ветхому настилу над пропастью

Переходный период к принципиально неизвестной, новой цивилизации де-факто начался ещё с Первой Мировой войны, столетие завершения которой мы будем отмечать осенью этого года. Та война-катастрофа перечеркнула все иллюзии, которые оставались в европейских элитах относительно прогрессивной роли и миссии западной цивилизации.

Внутри каждой цивилизации на определенном этапе её развития обязательно возникает некое предчувствие своего исторического финала. В Римской империи существовал т. н. синдром «тысячи лет». Еще в эпоху царей мудрые оракулы предсказали, что Рим просуществует только тысячу лет. И, начиная со II века, по мере приближения предсказанной даты, странный паралич всё сильнее и сильнее охватывал и знать, и плебс Вечного Города, что лишь облегчило реализацию данного предсказания.

Предчувствия неминуемой гибели западной цивилизации внезапно появились в интеллектуальных кругах Запада в ходе и сразу после Первой мировой войны. Самым выдающимся примером таких предчувствий стала книга Освальда Шпенглера «Закат Европы». После неё и под её влиянием появилось множество текстов, которые с разных сторон показывали, как происходит этот «Закат». Из последних

по времени самыми примечательными в этом отношении можно считать: «Конец истории» Ф.Фукуямы (1989), «Смерть Запада» П.Бьюкенена (2002) и уже упоминавшийся «Come on!» — юбилейный доклад Римского клуба (2017).

Итак, после Первой мировой ощущением неизбежной гибели западной цивилизации было пропитано мироощущение не только властвующих кругов Европы, но и широких народных масс. Отсюда — появление принципиально новых цивилизационных проектов в 20-е и 30-е годы XX века, причем не только в изоциренных концептуальных текстах, но также в тщательно разработанных политико-идеологических и даже государственных формах.

Убеждённость в неизбежном завершении капитализма как глобальной цивилизационной системы питала левые идеи о неминуемости мировой революции. Сталин и Мао Цзэдун были убеждены именно в цивилизационной антагонистичности капитализма и социализма. И только постсталинское руководство, взяв на вооружение сначала идею «догнать и перегнать Америку», а затем — концепцию «мирного сосуществования двух общественно-политических систем», де-факто активизировало процесс конвергенции/интеграции СССР в западную цивилизацию, одновременно пытаясь совершенствовать и развивать цивилизацию советскую. Это смертельное противоречие оказалось неразрешимым. Фактически то же самое произошло и с Китаем после смерти Мао Цзэдуна в 1976 году.

С другой стороны, на «правом» фланге жёсткое отторжение «мирового еврейского капитализма» привело к появлению огромного спектра глубинных традиционалистских идей и образов в рамках германского национал-социализма, итальянского

корпоративного фашизма, японского и испанского национализмов и т. д.

Начавшийся переходный период от западной цивилизации к чему-то принципиально новому и неизвестному внешне будет, скорее всего, похож на переход от римско-эллинистической цивилизации к средневековой: от кричащей роскоши — к экономному аскетизму, от мании глобализма — к главенству региональных реалий, от плюралистического секуляризма — к суровым формам единого и целостного единобожия.

Сколько может продлиться переходный период к постзападной цивилизации? Если исходить из того, что он начался в период между 1910-м и 1920-м годами, то он идёт уже не менее ста лет. Глобальный кризис 2008-09 гг. открыл его новую фазу. А, учитывая резкое обострение практически всех системных цивилизационных процессов с начала нового века, можно предположить, что этот цивилизационный переход, скорее всего, затянется, как минимум, на весь XXI век. То есть окажется примерно в пять раз дольше, чем ветхозаветный «исход» евреев, длившийся 40 лет.

Не стройте иллюзий: не вы определяете свое будущее!

Никто не знает, кроме Всевышнего, какой и когда будет новая человеческая цивилизация на Земле, и сохранится ли она вообще. Но допустимая и, возможно, обоснованная предпосылка заключается в том, что появление и формирование такой принципиально иной цивилизации будет происходить под воздействием трех главных комплексных факторов.

1. Прежде всего, речь идёт об основном импульс-смысле в основе такой цивилизации. Какова будет

надвременная суть той цивилизации, которой ещё нет? Вокруг какого смыслообразующего комплекса ценностей, образов, представлений начнется её формирование? Будет ли это личность, а если да, то личность кого или чего? Или же реализуется какая-то тайная сокровенная система сакрально-религиозных или мистико-магических взглядов и практик? Или же это будет некий постепенно вызревающий способ социально-экономического воспроизводства? А, может быть, системообразующим ядром такой новой цивилизации станет комплекс культурно-социальных идеалов: народ, нация, традиция, всё человечество и т. д.? Или же смысловым ядром станет некая комбинация из всего вышеупомянутого?

2. Где и как будет происходить накопление личностного пассионарного потенциала, творческое совершенствование человеческого потенциала, способного через креативные мифы, возрожденные, глубинные предания, сокровенные, безумные теории и концепции, сумасшедшие лозунги не только сформулировать тот потаённый смысл, ради которого такая цивилизация должна не только появиться в потоке равнодушного времени, но и осуществить свою миссию? Какова будет секретная структура такого пассионарного потенциала, в чём будет заключаться механизм его формирования и самовоспроизводства?

3. Наконец, какой должна быть эффективная модель личностного харизматического лидерства на начальных этапах цивилизационного формирования? Харизматические лидеры всегда играли важнейшую роль в появлении принципиально новых цивилизационных форм, в том числе — через создание особых креативных элит.

Можно говорить, по крайней мере, о пяти потенциальных базовых сценариях завершающей стадии западной цивилизации и одновременно —

начальных фазах принципиально иного цивилизационного проекта.

И, скорее всего, до середины нынешнего столетия, эти сценарные контуры будут как бы латентно конкурировать друг с другом, особенно — с учётом проявления трех вышеуказанных комплексов факторов.

Первый сценарий — предельно катастрофический и пессимистический (практически для всех).

Завершение цикла Кали-юга, вместе с которым должна исчезнуть не только западная материалистическая цивилизация, но и практически вся человеческая («пятая») раса. Такая катастрофа может стать синергетическим результатом совпадения или слияния следующих факторов:

- неконтролируемого развития ракетно-ядерного и термоядерного оружия;

- «вирусного» распространения новейших нанотехнологий и информационных технологий в киберпространстве;

- форсирования, наложения и взаимного стимулирования уже происходящих и непредсказуемых изменений во всей биосфере, и, прежде всего, в среде обитания микроорганизмов: бактерий, микробов и т. д.

Существуют несколько вариантов реализации этого сценария, но самый вероятный заключается в следующем. Неконтролируемое распространение информационных и нанотехнологий в глобальном киберпространстве предельно повысит вероятность случайного возникновения широкомасштабной термоядерной войны. Она окажет максимально губительное воздействие на всю земную биосферу. Выжившие на первом этапе остатки человечества столкнутся с многолетним эффектом «ядерной зимы», широкомасштабными эпидемиями и т. д.

Вероятность этого сценария может существенно возрасти уже в промежутке 2025–2035 годов.

В результате, к концу нынешнего века могут исчезнуть от 80 % до 99 % всего нынешнего населения нашей планеты. Оставшиеся в живых пройдут крайне сложный процесс глубоких и, опять же, непредсказуемых мутаций.

В этом случае появление новой цивилизации затянется на неопределенно долгое время и будет связано с крайне медленным становлением шестой человеческой расы. Всевышний предупреждает в Священном Коране: «Неужели они не видят, сколько поколений Мы погубили до них, и что они уже не вернуться к ним?».

Второй сценарий — фактически столь же катастрофичный и столь же пессимистический (для очень многих).

Ныне идущая глобальная гибридная война достигнет своего апогея к середине XXI века. И та геополитическая коалиция, которая окажется перед угрозой тотального поражения с полной потерей политического, экономического и культурного суверенитета, может решиться на целенаправленное и крупномасштабное применение своего ядерного и термоядерного потенциала. Если такую тотальную войну (то есть переход в первый сценарий) удастся предотвратить, тем не менее, последствия подобного удара для всего человечества окажутся катастрофическими.

В результате первого этапа данного сценария погибнет до половины населения Земли. Оставшиеся в живых законсервируются в своих региональных ойкуменах, где начнется развитие традиционных религиозных и мистических верований, которые займут место дискредитировавших себя глобальных идеологий и религий. Но, в любом случае, глобальная западная цивилизация исчезнет. Начнётся и будет усиливаться конкуренция цивилизационных ареалов — причём во

многих случаях «точкой кристаллизации» таких новых, очень странных цивилизационных форм станет именно религиозный фактор.

На втором этапе, такая конкуренция выльется в длительную серию локальных войн, в результате которых сакрально-религиозный компонент в деградирующей жизни остатков человечества будет только усиливаться.

Третий сценарий — технотронный и оптимистический (но не для всех).

Различные его вариации основаны на убеждении, что фактически непрерывное развитие нынешней научно-технической революции через имплементацию достижений шестого и седьмого технологических укладов приведёт к достаточно мягкой и более-менее гармоничной трансформации западной материалистической цивилизации в принципиально иную, технотронную цивилизацию. Её сердцевиной станет система широкомасштабного, непрерывного развития креативного знания (прежде всего, за счет самовоспроизводства искусственного интеллекта), в результате чего проблема ограниченности природных ресурсов (прежде всего — энергии) будет окончательно преодолена. Это будет способствовать разрешению основных глобальных противоречий.

Такая «технотронная» цивилизация с самого начала станет развиваться не только как глобальная, но и как универсально-космическая. Всякого рода национальные, конфессиональные, традиционно-социальные и т. д. ограничения постепенно перестанут играть какую-либо существенную роль. Идеалом должна стать принципиально новая цивилизационная «матрица», кардинально отличная от всех предыдущих. По-своему, это также будет представлять собой переход к шестой человеческой расе (но рукотворной), на основе постоянной эволюции симбиоза креативной

личности с развивающимся искусственным интеллектом.

Власть и контроль в этой цивилизации будет принадлежать особой мировой интеллектуальной элите, направляющей постоянное творческое развитие (вспомните «Игру в бисер» Германа Гессе).

Поскольку не всё человечество способно приспособиться к сложнейшим вызовам технотронной эры, то глобальный социум будет жёстко стратифицирован.

«Высшие», то есть господствующая мировая интеллектуально-политическая элита, будут сконцентрированы исключительно в верхнем укладе, который будет представлять собой нечто похожее на огромную глобальную Кремниевую долину, со своими особыми условиями жизни. Там же, в верхнем укладе, начнёт формироваться своя, особая технотронная религия с культом симбиоза человека и искусственного интеллекта («человека-бога»), своя культура высшей исключительности и т. д.

Вторая страта обязана будет тесно сотрудничать с «высшими», непосредственно обслуживая элиту и реализуя в производственной сфере инновации первого уровня.

Третья страта должна стать основным поставщиком необходимых ресурсов и подготовленных кадров для двух верхних страт.

Наконец, в самом низу этой глобальной иерархической структуры возникнут многочисленные «несостоявшиеся государства» и даже целые регионы, чьим уделом окажутся непрерывные локальные войны с применением обычных вооружений, постоянный неуправляемый хаос, а также социально-экономическая и социально-политическая деградация.

Данные регионы могут представлять только спорадический интерес для новой технотронной

цивилизации. Четвертая нижняя страта представляет собой своего рода «черную дыру» для новой цивилизационной системы, куда будут принудительно высылаться все те группы и личности, которые не смогут или не пожелают приспособиться к ценностям и нормам «нового прекрасного мира».

Четвертый сценарий — экологический и почти оптимистический (во всяком случае, для очень многих).

Реализация данного сценария может начаться, если катастрофическое ухудшение глобальной экологической ситуации приведёт к вспышке широкомасштабных пандемий, уничтожающих сотни тысяч и миллионы людей как в развитых, так и в развивающихся странах (по исторической аналогии — опустошительные эпидемии чумы в средневековой Европе). Действующая медицинская система окажется неспособна справиться с принципиально новыми вариациями болезнетворных вирусов. Прямым триггером резкой дестабилизации станет гибель из-за обострения экологической ситуации, резкого ухудшения качества воды и воздуха и т. д., сотен тысяч детей. Официальные политические структуры: как властвующие, так и оппозиционные, — также проявят своё бессилие перед лицом таких пандемий. В этих кризисных условиях начнется широкомасштабная самоорганизация населения — прежде всего, в развитых странах, — путём формирования массовых политико-экологических организаций и движений, которые постепенно перейдут к контролю власти, сначала на местах, а затем и в центре. Всё это будет сопровождаться растущими конфликтными расколами в элитах, силовых структурах, традиционных государственных институтах, с массовой дискредитацией концепций, теорий, идеологий и институтов западной цивилизации, с отказом от её институтов и социально-политической практики.

Усиливающийся социально-политический и экономический хаос, рост преступности неминуемо приведут к резкому обострению проблем безопасности, к существенному падению уровня жизни. Попытки быстрого пересмотра законодательства только усугубят все эти проблемы.

Тогда, на втором этапе, должно начаться формирование новых политических систем на основе этих массовых политико-экологических движений. От эффективности этих организационных процессов и реализации соответствующих мобилизационных проектов зависит будущее данного сценария.

Пятый сценарий — крайне любопытный с точки зрения стратегического прогнозирования.

Суть его заключается в том, что целый ряд базовых трендов предыдущих четырех сценариев будет ускоряться, особенно — после 2025 года, всё интенсивнее взаимодействуя и влияя друг на друга. То есть, различные варианты будут не только конкурировать друг с другом, но и совместно формировать принципиально иной «рельеф цивилизационного будущего». При этом динамика усложняющейся неопределенности будет возрастать и на глобальном, и на региональном уровнях, формируя необычайную мозаику управляемого и неуправляемого хаоса.

Примерами таких, наиболее примечательных и долгосрочных переплетающихся трендов могут быть следующие:

— процесс реструктуризации и перепрограммирования глобального «deep state»,

— продолжающийся процесс разрушения модели стратегического сдерживания, который ускоряется в результате имплементации достижений шестого технологического уклада в военно-технической сфере,

прежде всего — в области наступательных стратегических средств и ПРО,

— деградация глобальных переговорных процессов, касающихся процессов разоружения в военно-стратегической сфере,

— обострение внутренних противоречий в политических истеблишментах США, ЕС, России, Китая; многое здесь будет зависеть от сравнительной скорости такого обострения,

— глобальный и национальные процессы формирования контрэлит традиционалистского и религиозного характера, их новых оргструктур и идеологий,

— развитие новых моделей взаимоотношений квазитеррористических образований с различными национальными спецслужбами как важного компонента эффективного ведения глобальной гибридной войны,

— взаимодействие и нарастающая конфронтация между трендом «нового изоляционизма» США и трендом «новой глобальной роли США»,

— формирование новых информационных, идеологических и институциональных моделей действительной, долгосрочной интеграции Исламского мира,

— процесс целенаправленного формирования социально-культурных и политико-идеологических концептов для преодоления негативных и неконтролируемых последствий внедрения достижений шестого технологического уклада,

— процесс кристаллизации новых харизматических лидеров и формирование нового поколения социально-экологических движений и организаций.

Уже на сегодняшний день можно выделить свыше 70 таких трендов, которые требуют внимательного мониторинга и изучения.

Сергей Белкин

Идеи и ценности в водовороте истории

Размышляя о «мире на переломе», заострю внимание на смысле темы.

Перелом — хоть и глобальный — это всего лишь смена направления движения. Мы же приближаемся к ситуации, когда сама опора под нами исчезает, ориентиры беспорядочно мелькают в тумане, а стрелки компасов безумно вращаются. Это — не перелом и не поворот. Это такая «встряска», из которой можно вообще не выйти. Мир, похоже, находится в преддверии именно такой всеобщей «встряски», водоворота истории, куда будут втянуты все. А когда и какие обломки стран и народов «река времён» выбросит в своём нижнем течении, мы пока не знаем. И, скорее всего, заранее знать не можем. Но вот «правила выживания» в водовороте истории мы обязаны попытаться понять. И следовать им — коль скоро мы не утратили собственной воли.

А мы её точно не утратили? В чём источник воли и как её наличие себя проявляет? Если у вас есть цель и вы к ней стремитесь, действуете, — значит, ваша воля жива! Если у народа или его части есть коллективная цель, и он своими совместными действиями стремится к ней — значит, жива и воля народа!

Есть ли у нас такая воля? Или мечта? Что с нами: государством, страной, народом, — будет, если мы ничем в этой сфере, пространстве идей и образов будущего, не объединены? С чем мы вступаем в грядущий водоворот истории? И с кем мы окажемся в этом водовороте, кто будет пытаться от нас

оттолкнуться, вынырнуть и выжить, загоня остальных на глубину, дробя их на части?

В борьбу за выживание и своё будущее благополучие уже вступили три могучих, опытных и безжалостных игрока: Америка, Европа и Китай. Настоящая схватка ещё не началась, «река времён» еще не скрутила всех в смертельный узел, пока еще можно плыть параллельными курсами, лишь расталкивая друг друга. Это время «до водоворота» нам, России — надо использовать для подготовки к грядущим испытаниям. Начать же следует с осознания реальности, для описания которой нужен адекватный (во многом — новый) язык. В терминах политических идеологий реальность уже давно не описывается.

Это же относится и к экономике, к её языку и системе понятий. Этот новый язык надо вырабатывать в категориях ценностей, целей, интересов, оперировать им в пространстве сосуществования моделей развития, поиска баланса взаимной безопасности.

Если попытаться описать идеологическое состояние российского общества, то придётся использовать такое понятие, как «аморфность» или близкие к нему, указывающие на невозможность структурирования по идеологическим параметрам. Идентифицировать различные страты на языке идеологий затруднительно, потому что наиболее существенные отличия не укладываются в традиционные академические описания идеологий. Да, в обществе — во всяком случае, в его политизированной части — имеются люди, считающие и называющие себя «либералами», «консерваторами», «коммунистами» и т. д. Часть из них даже примыкает к тем или иным чахлам сорнякам, именуемым политическими партиями. Основная же масса по этим признакам устойчиво неразличима.

Если же мы опишем общество на языке ценностей, предпочтений, ожиданий и т. п., то получим вполне

определенную картину: и качественную, и количественную, — позволяющую вырабатывать и осуществлять действенную политику. Нас любят «пугать» надвигающимся на всё и вся «постмодернизмом»: утратой ценностной шкалы, отличий «хорошо» от «плохо», «надо» от «не надо». Постмодернистский мир — это миф: такого мира в реальности нет и быть не может. «Make America Great Again!» — это всё, что угодно, только не постмодерн. Это предельно ясно, лапидарно сформулированная иерархия ценностей. Там, где есть осознанные интересы и целеполагание, — там нет и быть не может никакого политического постмодерна.

Постмодернистское общество существует лишь в интеллектуальных фантазиях, в действительности такое общество просто не может возникнуть. Потому что иерархия ценностей, как и сами ценности, существует всегда: от индивида до любого сообщества индивидов. Во все времена, во всех культурах, на любых стадиях развития. Осознание ценностей и их иерархии — неотменяемый закон жизни. И если кто-то кому-то (олигархи — народу, например) внушает идею постмодернистского равноправия всего и вся, то на самом деле идёт формирование жесточайшей иерархии ценностей, желанной этому манипулятору: ценности действительно размываются внутри объекта манипуляции, водворяемого в свою социальную нишу. Поэтому постмодерн существует и демонстрирует свою эффективность — но только в качестве инструмента для разрушения ценностных матриц общественного сознания.

Сперва цели, потом — идеологии

В мире не происходит борьбы идеологий, нет противоборства «систем», мифом является и столкновение цивилизаций. Есть схватка интересов, конкуренция целей, а это — противоборство ценностей. И ценности, и интересы лежат в экономической и духовной (в широком смысле) сферах. Обретая субъектность, они обзаводятся оружием: силовым и интеллектуальным. Последнее часто предстаёт в облике идеологий, вероучений, этических систем.

Существует ли акт выбора идеологии, осознанно осуществляемый индивидом? Думаю — крайне редко. Куда чаще выбирают не идеологию, а некоего лидера, которому «доверяют». В основном люди следуют своим житейским целям или подчиняются обстоятельствам, а о своей идеологической принадлежности просто не задумываются.

Нередко можно услышать: вот эта идеология — вредная, разрушительная, а вот та — правильная, созидательная. И вроде бы всё это верно говорится, да только практической пользы от такого говорения маловато. Потому что некий «господин N» хапнул в 90-е годы «Чеготоплавильный комбинат» и стал олигархом не потому, что следовал идеологическим установкам. Он хотел власти и богатства, получив их, стал заботиться о сохранении добытого. Для этого ему нужны соответствующие законы, определённым образом устроенное государство, и специально под охранение его благополучия «настроенное» население. А «настраивать» это население должным образом призваны специальные люди и институты в сфере СМИ, образования, культуры, политики. И то, что возникающее вследствие стремления к таким целям общество и государство какие-то там учёные головы назовут «либерально-демократическим» (или как-то там ещё) — дело десятое.

У населения при этом выбор невелик: то ли безропотно встраиваться в построенное олигархами общество, стараясь устроиться в нём получше, то ли бороться. Бороться можно либо за устранение «некоторых недостатков» сложившейся системы, либо за ликвидацию имеющегося и построение другого общества, в котором будут действовать другие правила.

Идеология (или её подобие) формируется вокруг какой-то вполне определённой, материальной цели. Если пришедшие к власти люди ставят своими целями личное обогащение и удержание власти, то выстраивается маскировочная дымовая завеса из лозунгов: «рыночная экономика», «конкуренция», «свобода личности»... Эта новая квази-идеология не предлагается взамен уничтожаемой коммунистической, её вообще не маркируют как идеологию. Это называют просто «нормальными», «естественными» принципами жизнеустройства, в котором есть место для любых идеологий и взглядов, — что аккуратно вписывают в Конституцию.

Такой подход — реализованный в России — оправдал себя (с точки зрения власти) полностью. Богатство перераспределено в пользу «реформаторов и их друзей», социальная активность общества надёжно регулируется, причем так, что само общество этого не чувствует и не замечает, пребывая в уверенности, что «борьба идей» и даже «проектов» продолжается... Продолжается использование весьма возвышенных слов и понятий: либерализм, консерватизм, социализм, национализм, гуманизм... Практически полезное осмысление этой словесной шелухи оказывается возможным только в рамках юмористической литературы: «В демократической России три типа реформ: экономические — когда чиновники грабят казну; социальные — когда они грабят народ;

политические — когда они делят награбленное» (Михаил Задорнов.)

...И вот этот могучий корабль «Демократическая Россия» подплывает к зоне водоворота истории. Параллельными курсами туда же втягиваются ещё более могучие корабли: «Америка». «Европа» и «Китай». На каждом из них идёт подготовка к передрягам, к борьбе: к нападению и защите. Защите чего? Своих ценностей, своих «мечт».

Американская мечта

Американская мечта всколыхнула Америку, выпорхнув в разгар Великой Депрессии из трактата Джеймса Адамса «Эпос Америки»: «...американская мечта о стране, где жизнь каждого человека будет лучше, богаче и полнее, где у каждого будет возможность получить то, чего он заслуживает. Это мечта не просто об автомобиле и высокой зарплате, но о таком социальном порядке, при котором каждый мужчина и каждая женщина могут в полной мере достичь того, чего они способны достичь изначально, причём их достижения должны быть признаны другими вне зависимости от случайных обстоятельств рождения или положения в обществе».

Американская мечта выросла из глубоких корней. Поколения иммигрантов ехали в Америку за мечтой — мечтой о свободе от сословных и религиозных ограничений, мечтой о достатке как вознаграждении за собственный труд, мечтой о равенстве возможностей. Мечта — это сперва эмоция, а уж потом доктрина. Чтобы мечта заработала и стала действенной, она прошла через горнило культуры, причём культуры массовой, она вошла в лексикон политиков, она завоевала одну из самых великих вершин

общественного сознания: она стала мифом! Интуитивно найденное словосочетание, вброшенное в контекст переживаний и чаяний, стало самодостаточным.

Существенной стороной мечты была и роль Америки в мире. Её важным компонентом стала доктрина Монро, возникшая на сто с лишним лет раньше самой мечты. И хотя её принципы (взаимного невмешательства стран) давно нарушены, Американская мечта продолжает нести в себе представления не только об исключительности Америки, её «незаменимости» для всего мира, но и уверенность в том, что Америка не «вмешивается в чужие дела», а несёт миру свет демократии и свободы, исправляет «плохие политические режимы», делая их «хорошими».

Американская мечта была — и всё еще остается — мощным стимулом, двигателем Америки. Её квинтэссенция: каждый может достичь успеха, если будет много и хорошо работать, развивая при этом свои личные качества, — продолжает определять настроения американского общества, несмотря на то, что уже более трети жителей США утратили веру в Американскую мечту. Её размывает видимое несоответствие реальному положению дел в стране, грубое искажение самой сути заложенных в ней идеалов, отход от традиционных американских ценностей...

И вот мы услышали: Make America Great Again!

Да — это апелляция к Американской мечте. И она вновь заработала.

Европейская мечта

У Европейской мечты нет такого письменного и эмоционального базиса, как у Американской мечты. Тем не менее, о ней можно говорить, отделяя собственно

политико-экономический проект создания Европейского союза от идущего рядом с ним и даже впереди него образа целостной Европы, который несет в себе качества именно мечты. Призывам к объединению европейских государств более сотни лет. Понадобились две чудовищные войны — вдобавок к сотням бывших в Европе до того, — чтобы эту идею удалось реализовать. Понадобилось создать мощный блок социалистических стран, чтобы европейские политики обрели опору, антитезу, воспринимаемую как угрозу, против которой надо объединяться. Но все эти факторы — лишь дополнительные мотивации для политических решений. Мечта же обретала свой долгий путь в древней европейской истории, в том числе — в истории великих империй: рождавшихся, распадавшихся, вновь возникавших и опять гибнувших...

Достаточно взглянуть на карту Европы, чтобы понять: мира и взаимного уважения народов тут не было веками. Скроить столь пёстрое, разноцветное лоскутное одеяло можно было только в результате непрерывных войн друг с другом. По правде сказать, исходные условия в этом смысле Европе достались весьма сложные: десятки этносов, языков, сперва множество, а потом вроде бы одна религия, но начавшая дробиться внутри себя самой на смертельно враждующие группы. Казни, резня, войны, инквизиция и — грабежи, грабежи, грабежи... Самые влиятельные мировые идеологии, в том числе — и наиболее радикальные, человеконенавистнические, родились в Европе. Даже Американская мечта, в сущности, зародилась в Европе: иммигранты, ехавшие из Европы в Америку, мечтали о том, о чём они в Европе и мечтать не могли.

Нет ничего сложнее и трагичнее, чем европейская история. Именно поэтому Европейская мечта выстрадала стремление к единению и миру, а не к

индивидуализму и конкуренции. Европейская мечта в этом смысле — антитеза Американской мечте. Если в Америке основу мечты составляют личные усилия, то в Европе приходится сперва позаботиться о создании благоприятной для этого среды обитания.

Для американцев свобода — это личная независимость. Для европейца — благоприятное взаимодействие с окружающими. Европа стремится выстроить некий мультикультурный мир, а национальный патриотизм, суверенитет — не в моде. Американцы же, напротив, демонстративно подчеркивают свою любовь к стране и патриотизм.

Трудно сказать, в какой мере нечто, называемое Европейской мечтой, пронизывает европейцев на эмоциональном уровне, придавая им силы и энтузиазм в процессе строительства «общеевропейского дома». Кажется, о таком уровне влияния мечты говорить рано. Пока можно говорить лишь о потенциальных возможностях формирования именно мечты из проекта «объединенной Европы». Если бы не порочное и саморазрушительное стремление оттяпать у бывшего Восточного блока как можно больше стран и народов ради его ослабления, а не ради собственной силы; если бы не растрата огромных ресурсов на воспитание ненависти к России, к её прошлому, настоящему и будущему, — Европейский союз мог бы стать намного более успешным проектом, где выкристаллизовалась бы и оптимистическая мечта, воодушевившая всех на движение к общей цели, а не на отторжение от «нежелательного» прошлого и «плохих» соседей.

Противоречия между Американской и Европейской мечтами очевидны. И они неизбежно приходят в столкновение. Если об экономических противоречиях, стремлении США подчинить своим интересам полумиллиардную Европу сказано и написано много, то о борьбе между такими эфемерными — по сравнению с

военными базами и финансовой системой — сущностями, как «две мечты», сказано меньше. Но именно мечты придают силы, а их отсутствие — лишает сил.

Сможет ли корабль «Европа» сохранить свою целостность в грядущем водовороте, или же на поверхности реки времён останутся лишь его обломки, — покажет время. Оснований для еврооптимизма пока немного. В чём сила спасительного консерватизма, и в чём, собственно, состоит этот консерватизм, Европа — как политический субъект — не знает. Что касается европейских интеллектуалов, то они, разумеется, всё знают и всё понимают. Много их сгинуло в водоворотах истории... Остались идеи, имена, памятники — всё, что угодно, только не разумная политика. Российско-Европейский катамаран, несомненно, преодолел бы любые водовороты, вихри и штормы, но, похоже, сложится ему — не судьба...

Китайская мечта

Как политический лозунг, Китайская мечта вошла в жизнь в 2012 году, когда Си Цзиньпин заявил, что «осуществление великого возрождения китайской нации — это величайшая мечта китайского нации начиная с Нового времени». И при этом сформулировал три её цели: превращение Китая в богатое и сильное государство, энергичное развитие китайской нации, создание счастливой жизни для народа. Распространение китайской мечты в обществе и её внедрение в сознание каждого китайца осуществляются при помощи механизмов общественного управления, отработанных Коммунистической партией Китая. Си Цзиньпин отметил три важные характеристики Китайской мечты: она

принадлежит «прошлому, настоящему и будущему», «государству, нации и также каждому китайцу», «китайская мечта наша, но ещё более она принадлежит молодому поколению».

Нельзя не заметить и того, что все простые и понятные каждому китайцу лозунги воспринимаются им как свои — как то, о чём действительно все мечтают. Так что, несмотря на своеобразную форму, в которой Китайская мечта была явлена народу и миру, её содержание не слишком отличается от Американской или Европейской: те же стремления к хорошей жизни, что и у всех народов.

Непримиримых противоречий между мечтой Китайской, Европейской и Американской — нет. Это не значит, что противоречий: экономических, политических и прочих, — нет вообще. Но на уровне мечты Китайская содержит как коллективистские стремления, различимые в европейском видении, так и индивидуальный успех, мечты о богатстве — сродни американским идеалам. В основе всех трёх «мечт» отчётливо виден традиционализм — с индивидуальными, разумеется, особенностями.

Китайская мечта может претендовать и на некий если не синтез, то эмоциональный консенсус марксизма, конфуцианства и экономического либерализма. Отходя в сторону от прямой идеологической конфронтации, Китайская мечта сохраняет приверженность одновременно и социализму, и конфуцианской этике, и экономическим свободам, конкуренции, стремлению к богатству. Китайская мечта не является продуктом исключительно внутреннего потребления. Она обращена ко всему миру. Си Цзиньпин заявляет, что «Китай будет не только развиваться сам, но и нести ответственность за развитие всего мира и вносить вклад в это развитие, создавать блага не только для народа Китая, но и для

народов всего мира. Осуществление Китайской мечты принесёт миру мир, а не потрясения, это шанс, а не угроза».

Практическая политика — это управление обществом для достижения каких-то целей. Какие бы политические и экономические цели ни ставились, у них есть этическое измерение: во благо или во зло. Только воздействуя на базис — а базисом является ценностно-этическое мироощущение народа, — можно добиться управленческого результата. Это общий принцип управления чем-либо. Базисом политики, осуществляемой в интересах конкретного народа, страны, должна быть его этическая система.

И если в Китае сложилась именно этическая система, пронизывающая всё мировоззрение, включая политические решения, то в России такой опоры у политиков нет. И в этом я вижу проблему выработки политики, стратегии развития России в интересах её народа. Практическая политика в России утратила связь с ценностно-этическим базисом народной жизни. Если эта связь не будет найдена как в своей глубинной сути, так и в форме, соответствующей «злобе дня», Россия может просто исчезнуть как государство.

Русская мечта

Разговор о Русской мечте можно начать с простого утверждения: её нет. А раз так, то, казалось бы, рассуждать и писать не о чем. Однако «блистательное отсутствие» Русской мечты столь многозначительно, что даёт серьёзный повод для размышлений.

Если бы Русская мечта существовала, то это означало бы существование некоей социально значимой и принимаемой большинством общества доминанты ожиданий, если говорить языком психологии, или

образа будущего, если говорить языком политики. Доминанта и образ не являются простой суммой личных планов и целей каждого. Этот социальный продукт должен быть создан преднамеренно, он должен быть предложен народу и воспринят им — как это имело место в случае с Американской или Китайской мечтой.

Так что Русская мечта — это вовсе не то, чем народ всегда обладает. Бывают периоды, когда народ продолжает существовать, не имея объединяющей его мечты. Именно этот период сейчас переживает Россия. В современных условиях такое состояние государства есть его слабость.

Кто-то из читателей, быть может, уже вспомнил про Русскую идею? Кто-то, возможно, полагает, что эти концепты: Русская мечта и Русская идея, — близки настолько, что представляют собой если не синонимы, то модификации чего-то глубинно совпадающего. Но это не так. Это две совершенно разные, принципиально — в самих основаниях! — не совпадающие между собой концепции.

Русская идея не концептуализирована как политическое действие. Она представляет собой философско-религиозный, а не политический концепт, оперируя которым в политическом дискурсе, не следует об этом забывать. Русская мечта не есть только лишь комплекс неких таинственных мироощущений народа, идеалов, к которым он готов устремиться и которые надо как-то распознать.

В рассматриваемом контексте мечта — это, прежде всего, политическая программа, выраженная в эмоционально-чувственной образной форме и направленная на реализацию той части мироощущения народа, которую мы называем чаяниями. Русская мечта — как духовно-материальный комплексный идеал народа — может быть действенным инструментом

практической политики. И подобное в нашей истории было.

Были периоды, когда народ охватывало некое общее стремление, которое мы — с оговорками, касающимися широты охвата народа, — можем называть Русской мечтой. Так, например, в первые полтора десятилетия XX века «прогрессивная» часть русского общества страстно желала Конституции, ограничения прав монарха. Для этой части общества такие изменения были, пожалуй, мечтой. Уже после свержения монархии, в горниле бушевавших тогда страстей и конкурировавших идей, удалось нащупать чаяния народа. Действительно массовый отклик обрели самые первые лозунги большевиков, бывших тогда в союзе с левыми эсерами: «Земля — крестьянам, мир — народам, хлеб — голодным!» Такие призывы, несомненно, оказывали эмоциональное воздействие сродни отклику на давнюю мечту, а поэтому и «четвертый член» большевистского призыва: «Власть — Советам!» — находил отклик.

Почему?

Фундаментальной, сакральной мечтой русского народа была и остаётся мечта о справедливом обществе. Стремление к справедливости несёт в себе признаки национальной мечты — и по степени устойчивости, и по уровню эмоционального накала, и по мифологичности самого образа справедливости. В каких конкретных формах может существовать такое общество, какой в нём должен быть установлен порядок, какими должны быть его социальная структура, уровень материального благосостояния и технического развития — вопросы, воспринимающиеся общественным подсознанием как вторичные. Рациональный ум вопиет: они не могут быть вторичными, это и есть либо справедливые, либо несправедливые компоненты, определяющие всю суть

общества! Нельзя раскрыть понятие справедливости, не раскрыв, не сконструировав важнейшие аспекты организации жизни! Но иррациональная, метафизическая часть общественного (и личного) сознания тихим голосом, на бессловесном уровне несёт в себе устойчивое ощущение и даже понимание того что — «по справедливости», «по правде», «по совести», а что — нет. Однако при этом «естественный отбор в мире идей» движется методом проб и ошибок: не все идеи (доктрины), которые люди посчитали правильными и полезными для жизни в какой-то период, оказались таковыми — правильными и полезными — для выживания и развития человечества.

Мечта, став политическим конструктом, может быть полезной для выживания и развития, может быть индифферентной по отношению к этим процессам, а может быть и вредной, вести к депопуляции и вырождению. Причем критерия, позволяющего в режиме реального времени с необходимой точностью определить, «вредна» или «полезна» мечта-идея, охватившая народ, — нет. Для оценки влияния на такие медленные и длительные процессы, как «выживание» и «развитие», нужны порой столетия. Результат действия мечты-идеи, воспринимаемый как успех на каком-то отрезке истории, может обернуться трагедией в будущем, если мечта утрачивает гибкость и превращается в догму.

Советская мечта

Октябрьская революция 1917 года, оседлав стремление народа к справедливости, дала народу явственные, материально ощутимые результаты в виде земли и мира, в виде подлинного равенства — отказа от сословий. Мечта о справедливом обществе во многом

принимала форму мечты о коммунизме: «коммунистическая мечта» стала русской мечтой в форме советской мечты! Эта советская мечта в виде мечты о коммунизме жила недолго, но ярко. Во времена, когда она являлась действенной силой, были достигнуты выдающиеся результаты в науке и технике, в образовании, здравоохранении, искусстве. «Советская мечта» отвечала требованиям, которые можно предъявить к политическому концепту, она действительно работала как инструмент реальной политики, и её идеалы воспринимало и разделяло большинство населения страны. Разумеется, не все поголовно — как не все поголовно граждане США разделяют идеалы Американской мечты. Никакого иного полноценного примера Русской мечты в нашей истории не было и нет.

Не следует считать Русской мечтой (как политическим концептом) ни архаичные представления о «лучшей жизни», закрепленные в фольклоре («молочные реки/кисельные берега»), ни спекулятивные построения, основанные на разного рода оценках потребностей населения, представленных в социологических исследованиях. Потребности — не мечта. Цели и способы их достижения — тоже не мечта. Подчеркнём ещё раз, что мы призываем воспринимать концепт Мечты как политический, как действенную программу — иначе его не следует рассматривать его как инструмент политики.

Русская коммунистическая мечта стала угасать в период наивысшего взлёта и развития своей материальной ипостаси, последовательность фундаментальных ошибок советского руководства привела к кризису 80-х, а потом — и к целенаправленной гибели государства со всеми «народными чаяниями», которые на него возлагались.

В 90-е годы произошло падение в бездну чудовищной несправедливости, принявшей, однако, и на этот раз облик борьбы за справедливость! Перестройка и последовавшие за ней катастрофы — путь бесконечной, каждодневной лжи, обмана, преступлений, грабежа, соглашательства и массового предательства народом идеалов — собственных и отеческих. Разрушение и разграбление не выдвинули ни одного лозунга, ни одного призыва, который хоть как-то напоминал бы Мечту, который нашёл бы отклик в том вечном стремлении к справедливости, которое всё ещё живет в народе. «Социализм с человеческим лицом», «больше демократии, больше социализма», «ускорение и гласность», «альтернативы рынку нет», «борьба с привилегиями» и «партократами» и т. п. — не являлись ни мечтами, ни даже самыми примитивными целями. Это манипулятивный процесс насильственного воздействия на сознание, одурманивание народа мошенниками, а не «оседлание волны народных чаяний».

Русская мечта как желанная возможность

Есть ли прок от Русской мечты, кабы она была? Кто-то скажет: какая разница: сгнуться в водовороте истории, будучи охваченным мечтой, или как-то иначе?

Есть разница...

В основе Мечты как политического конструкта лежит комплекс духовно-материальных идеалов, разделяемых большинством населения, стремление к реализации которых в реальной жизни ощущается как надлежащая норма. Отдельные аспекты Мечты в процессе стремления к их достижению становятся целями, подкрепленными теми или иными путями их осуществления. Мечта, будучи комплексом идеалов,

выражается в образно-эмоциональной форме и остается — в отличие от целей — расплывчатой, изменчивой, не поддающейся слишком точным определениям. Тем не менее, на эмоционально-образном уровне Мечта и объединяет, и увлекает огромные массы людей, с её помощью — как инструмента политики — люди оказываются способными к восприятию общих целей, вдохновляются, воодушевляются на совместные действия по их воплощению в жизнь. Мечта — это образ цели, которой ты сам можешь достигать, добиваться, это — действие и непременно оптимистическое ожидание. Пессимистическая мечта — оксюморон, нечто невозможное, это социальная патология. К сожалению, она не только существует, но и настойчиво себя предлагает, — но это тема отдельного разговора.

Общая позитивная мечта живёт и действует, если она адекватно отражает реалии, отвечает чаяниям людей, если её поддерживают в активном состоянии, а не превращают в примитивные догматические лозунги, если сама политическая власть не начинает эту мечту дискредитировать и уничтожать — как было в позднем «горбачёвском» СССР.

Фиксируемые социологическими исследованиями «просоветские» настроения, ностальгия по СССР, гордость за победы советского народа в войне и мирном труде — не являются современной Русской мечтой, хотя эти предпочтения выступают как доминантные. Этот факт может и должен быть базисом для формирования новой Русской мечты, но сам по себе он — не Мечта.

Современная Русская мечта вряд ли сможет стать эффективным инструментом, если она будет обращена только в прошлое — неважно, какое: коммунистическое или дореволюционное. Она не сможет стать им и в том случае, если будет оторвана от прошлого: и советского, и имперского, и ещё более древнего. Мечта должна

органично вырастать из прошлого народа, причем — позитивного прошлого. Трагедия современного разрушенного общественного сознания, отказывающегося формировать Мечту, состоит в том, что политики и пропагандисты опрокинули его не в достижения прошлого, а в выгребную яму русской истории. А в выгребной яме Мечта не живёт.

Общационациональная мечта — психологический феномен. А в психологии: и в личной, и в социальной, — хорошо известно, что невозможно «уйти из прошлого», отталкиваясь от него. Уйти из прошлого можно, лишь двигаясь к будущему, погружаясь в будущее. А из прошлого должен доноситься лишь свежий ветер собственной силы и гордости. Примеры и память о своих достижениях придадут силы, в то время как цепляние за свои слабости, несовершенства — ослабляет, лишает воли.

Вот почему политические силы, желающие сохранения своего статуса, с утра до ночи твердят про «преступления коммунистического режима», про «Сталин хуже Гитлера»... Их задача — не дать Русской мечте сформироваться, их цель — не выпускать нас из выгребной ямы. Их предшественники, большевистские пропагандисты, делали то же самое, формируя образ «царской России — тюрьмы народов», сводя все взаимоотношения людей к аспекту «эксплуататор/эксплуатируемый», а поиск ответов на метафизические вопросы — к «опиуму для народа». Но при этом рисовали образ «светлого будущего». Получалось: позади — черным-черно, сегодня — трудно, но зато завтра — светлым-светло. Однако, как показала практика, отбрасывание позитива из предшествующего прошлого, гипертрофия бывших в нём проблем ради формирования негативного образа сломанной системы общественного устройства — метод, лишаящий общество способности к формированию действенной

продуктивной мечты. Похожей болезнью страдает процесс вызревания Европейской мечты. В ней присутствует элемент того, что может её разрушить: у них едва ли не на первом месте тезис: «Прошлое не должно повториться!» И что же мы имеем по факту на сегодня? Мы имеем не «never again», а натуральное возрождение фашизма в бывшей Восточной Европе — фашизма, уже принявшего форму вооруженных действий, убийства людей.

Мечта, как эмоциональное ожидание справедливо устроенного и благополучного общества, — живёт и ждёт. Мечта, как мобилизующий инструмент, — в России пока не существует. Ужас 90-х сменился напряжением «нулевых», а ныне мы переживаем неопределённость «десятых». Политическая и культурная жизнь — та, в которой мечты рождаются, — отсутствует. Она даже не профанируется — как в приснопамятный период «перестройки».

За последние 30 лет мы пережили грандиозный погром ценностей. Говоря обобщенно и упрощенно, ломали базовую матрицу коллективизма, а вместо неё внедряли принципы индивидуализма. Алчный хапуга возведен в ранг успешного и уважаемого бизнесмена, а люди, продолжавшие соотносить свою жизнь с жизнью страны, объявлены недобитыми «совками» и жалкими неудачниками. В результате государство слабело на глазах всего мира по всем измеряемым параметрам: экономическим, культурным, военно-политическим. До его полного растворения в мировом пространстве оставались, возможно, считанные годы. Но в середине нулевых «что-то произошло». Природный — то есть присущий нашему народу на глубинном уровне — коллективизм стал себя проявлять. Об этом говорили различные социологические замеры, об этом свидетельствовал рост просоветских симпатий, это ярко проявилось в такой массовой акции, как рожденный в

народе «Бессмертный полк». Политика власти и ценности власти оставались прежними: условно «либерально-демократическими», а по сути — ценностями алчных хапуг, спекулянтов и национал-предателей. Но «что-то» сдвинулось и внутри власти: инстинкт самосохранения потребовал внесения корректив в пропаганду (поддержка «Бессмертного полка» и других патриотических акций) и — главное: укрепления армии, приведения ее к состоянию, способному защитить. Защитить — что? Страну или награбленное?

Общество ощущает данную ценностную двусмысленность, и проявляется это в парадоксальных явлениях: одновременно наблюдается рост протестных настроений и рост рейтинга президента страны. Чтобы коллективный разум народа не свихнулся от этого шизоидального самоощущения, у одной части общества возникает спасительная дихотомия: президент — хороший, а правительство — плохое. У другой — та же дихотомия, но наоборот: президент — плохой, а правительство — хорошее. Еще одной психологически спасительной дихотомией является позитивная оценка внешней и негативная — внутренней политики президента (и/или правительства). И это неплохой выход — лучше хотя бы так спасти «коллективный разум», чем утратить его полностью.

Мечта мечту не познаша...

Что ждёт нас в грядущем водовороте истории? В экономическом измерении картина предсказуема, проста и понятна. Исход её неясен, но содержание самой борьбы — вполне предсказуемо. В ценностном измерении всё не так очевидно. Хочется описать картину как борьбу консервативных и неких

«прогрессистских» ценностей, но заранее ясно: подобные термины сегодня непригодны. Даже такое расхожее понятие, как «консервативные ценности», — размывается в пределах России, не говоря о большем. Потому что для одних подобные ценности — это опора на коллективизм советского типа, для других «консерваторов» идеалом являются иные образцы и периоды истории и т. п. Кроме того, невозможно оперировать этими и подобными категориями в отрыве от важнейшего параметра менталитета: мировоззренческого базиса. А он оказался вообще вне наблюдений и измерений.

И еще одну озабоченность следует высказать. На наших глазах идёт процесс возникновения и становления «нового человека» — я имею в виду как формирование ещё не осознанной и не измеренной ценностной матрицы уже пришедшего поколения, так и наступление кибертехнологий, кардинально изменяющих представления о базисных вещах, о добре и зле. Важно не упустить из внимания этот процесс. Иначе мы окажемся в положении людей, отлично знающих, что такое чересседельник, шлея, супонь, гужи и подпруга. Только тягловых лошадей вокруг них уже нет, и эти сведения — бесполезны.

Несмотря на неясность языка описания пространства ценностей и их динамики, хочется хотя бы отметить, что рассмотренные здесь «мечты» и порождаемые ими политические курсы, соотносятся с так или иначе понимаемым консерватизмом или традиционализмом. Да, у каждой страны свой консерватизм и свои идеалы, но хочется задуматься: возможен ли некий консервативный если не альянс, то хотя бы компромисс, который позволит в этой схватке не погибнуть, не быть поглощенными сильным соперником, а продолжить свой собственный путь? Не пора ли начать диалог именно на этом языке и на этом

базисе, а не на обветшалом и бессмысленном языке идеологий?

Реальная политика занимается вопросами ресурсов и власти — понимаемых в широком смысле.

Ресурсы включают в себя не только «полезные ископаемые и продукты производства», но и людей, призванных правильно производить и надлежащим образом потреблять. И то, и другое качество людей воспитывается и управляется ценностными рычагами. Власть также опирается на человеческие качества, поэтому и в этой сфере ценностные рычаги — на первом месте. Властные кланы: как в пределах одного государства, так и в глобальном мире, — борются друг с другом, управляя ценностными матрицами людей. Религиозные войны — это войны ценностей, а почившее в бозе пресловутое «сосуществование двух систем» — сосуществование разных систем ценностей. Ценностные матрицы пожираются другими ценностными матрицами.

В той борьбе, о которой мы говорим как о «водовороте истории», весьма эффективным оружием является именно разрушение остатков ценностного базиса европейского и американского обществ, восходящего к библейским и гуманистическим ценностям. Инструменты «поликорректности», «гендерного равенства», «равноправия секс-меньшинств» и т. п. — мощный инструмент «постмодернизаторов», действующих и в США, и в Евросоюзе, и в России. Во всех странах идет борьба иллюзорного равноправия ценностей (постмодерн) с ценностями традиционными. При этом постмодерн, как уже отмечалось выше, на самом деле внедряет не равенство, а собственную, предельно жесткую систему ценностей, призванную углубить и закрепить социальное неравенство, а также, вполне вероятно,

создать общество, состоящее из людей и квази-людей (т. н. «человек служебный»).

В Европе традиционалисты эту борьбу проигрывают, в США борьба, в лучшем случае, идёт на равных, исход её не ясен. В России пока еще базис традиционных (со всем смысловыми оговорками) ценностей достаточно крепок и может породить влиятельную и действенную глобальную политическую доктрину. И не только выработать концепцию, но и стать мировым лидером в защите традиционных ценностей во всем мире, войдя в ценностные альянсы с близкими по духу силами во всем мире. Китай также естественным образом может присоединиться к подобному альянсу: его ценностная матрица достаточно традиционна, а собственной глобальной мессианской энергии в области духа Китай не имеет.

Уверен: есть прок от Русской мечты. Причем не только для России. Слаженно действующая команда может спасти свой корабль в бурю, привести его в гавань и показать пример другим. Для этого нам — народу и власти в широком смысле, — надо хотя бы попытаться заговорить на одном языке и стать командой. Надо собрать воедино расколотое общество или его значимую часть. Собрать воедино — не на уровне и не в форме высокого рейтинга политического лидера, а на уровне энтузиазма людей, стремящихся к общей цели. «Возможно ли это?» — со вздохом спросим мы, поколение не только разбитых надежд, но и растоптанных идеалов. Впрочем, моё же поколение — это одновременно поколение предателей и мародеров, сколотивших гигантские состояния и слепивших эту самую Демократическую Россию. Но ведь уже есть и другие поколения — без груза комплексов прошлого, с прагматичным отношением к

***настоящему и будущему. Они — смогут. Они —
сделают. Я бы очень хотел им чем-то помочь.***

Россия и глобальная нестабильность

«Круглый стол» Изборского клуба

Александр НАГОРНЫЙ, заместитель председателя Изборского клуба.

Уважаемые коллеги! Темой очередной нашей дискуссии является крах «однополярного мира» Pax Americana, его причины, его текущая динамика и его вероятные последствия, в том числе — те «окна возможностей» и те «окна угроз», которые в ходе данного процесса возникают для нашей страны. Мы видим, что Россия снова является «врагом номер один» для «коллективного Запада», снова находится на «линии атаки», с которой она ушла, с гигантскими потерями для себя в конце 80-х-начале 90-х годов прошлого века. За прошедшую треть века конфигурация мировой политики претерпела кардинальные изменения. Если раньше противостояние касалось, прежде всего, линии СССР — США и носило, хотя бы внешне, идеологический характер конфликта двух общественно-политических систем, социалистической и капиталистической, то сейчас мы видим совсем иную картину. США, с 1990 года ставшие безусловным глобальным лидером, сегодня это лидерство теряют, что вызывает и серьёзные внутренние трения, и растущие конфликты с их традиционными внешнеполитическими союзниками, и жёсткую конфронтационную политику в отношениях с Китаем и Россией. Всё это, на мой взгляд, у нас ещё недостаточно осмыслено и на государственном, и на общественном уровнях, что создаёт дополнительные риски и внутри России, и за её пределами. Надеюсь, что этот «круглый стол» позволит всем нам хотя бы

ненамного лучше увидеть и понять суть происходящих процессов.

Шамиль СУЛТАНОВ, президент Центра стратегических исследований «Россия-Исламский мир».

На мой взгляд, мы сейчас вступаем в уникальный исторический период, когда в течение сравнительно короткого времени происходят очень глубокие, фундаментальные изменения. Политические процессы, наподобие краха «однополярного мира» во главе с США, — это всего лишь «рябь на воде». Опубликованный в конце прошлого года итоговый доклад Римского клуба, который некоторые считают одним из величайших интеллектуальных достижений XXI века, при всех его интересных частностях, повторяет тезисы Маркса и Энгельса 170-летней давности — о необходимости перехода к принципиально новым способам организации человеческих сообществ и человечества в целом.

Ровно сто лет назад закончилась Первая мировая война, которая была воспринята как итог и квинтэссенция развития индустриальной цивилизации. Шпенглер в 1921 году написал «Закат Европы» — своего рода «Капитал» XX века. По большому счёту, в период 1914-1945 гг. шла выработка и реализация различных путей преодоления кризиса системы классического капитализма и их столкновение между собой. Одним из путей был большевизм, вторым — различные вариации фашизма и национал-социализма, третьим — «новый курс» Рузвельта, с переходом, уже в 60-е годы, к неолиберальной глобализации.

Одной из главных причин, приведших к краху советского проекта, был как раз отказ — после смерти Сталина — от жёсткого разделения своего общества и всего мира на «своих» и «чужих» по идеологическому признаку. Вопрос уже не стоял — «или-или»; после принятия XXII съездом КПСС в 1961 году новой

программы партии и Карибского кризиса 1962 года он уже трансформировался в «и-и». Была провозглашена цель «догнать и перегнать Америку», «мирного сосуществования двух разных общественно-политических систем» и так далее, что шло уже против самой логики исторического развития. То есть мы тогда признали одну важную вещь: что Советский Союз является частью мировой, то есть по факту — западной цивилизации. Что мы находимся с ней в одном измерении, в одной системе координат.

Отсюда — конвергенция, усиление экономических и прочих связей с Западом, создание своей «зоны влияния» во всём мире, на что расходовались громадные средства — в ущерб собственному развитию, отказ от самодостаточности нашей экономики. Процесс конвергенции завершился в 1991 году, когда и Советский Союз, и весь «лагерь социализма» привёл в соответствие социально-экономическую базу с общественно-политической и идеологической надстройкой. Это могло показаться неожиданным только для тех, кто был неспособен мыслить в категориях причинно-следственных отношений. На самом деле советско-партийные «элиты» успешно конвертировали свою власть в собственность, но не утратили и саму власть. Нам не повезло только с тем, что сама западная система давно вошла в нисходящую фазу развития, средний реальный доход в её рамках достиг своего максимума в далёком 1959 году и не растёт вот уже почти 60 лет. Даже если учесть появление качественно нового спектра товаров и услуг: персональных компьютеров, мобильной связи, транспорта, объёма доступной информации и т. п., — в других сферах нашей повседневной жизни потеряно не меньше — в качестве продовольствия и воды, образования, здравоохранения, в экологии, уровне

социальных связей; этот список можно продолжать ещё долго.

После кризиса 2008–2009 годов вся эта система вступила в свою финальную стадию, мы наблюдаем её агонию. И трагедия, на мой взгляд, заключается в том, что никто не понимает, как эту агонию прекратить и что может быть дальше: нет ни идеологии, ни теории, ни даже сколько-нибудь приемлемого образа будущего, которое реализуется в условиях кризисного перехода к новому технологическому укладу. Мы на общецивилизационном уровне столкнулись с проявлением известной и основополагающей для математики теоремы Геделя, согласно которой ни одна система не может быть достаточно полно и точно описана, а её проблемы — решены в рамках самой этой системы, без выхода за её рамки. Но пределы экстенсивного расширения системы «глобального рынка» были достигнуты в 1992 году, потенциал их интенсивного использования был исчерпан уже через пятнадцать лет. Что дальше?

А дальше мы видим только безуспешные попытки удержаться на краю пропасти. На мой взгляд, что-то подобное можно было наблюдать в Римской империи полторы тысячи лет назад, когда там происходил переход от Древнего мира к Средним векам. Но тогда переходный период продолжался 250–300 лет, теперь же он, скорее всего, будет исчисляться считанными годами. Тем более налицо кризис целеполагания. Заработать как можно больше — зачем? Больше узнать о себе и окружающем мире — зачем? Жить как можно дольше — зачем? Религии давно отодвинуты на второй план, а роль глобальной религии всех времён и народов призвана исполнять наука, которая одновременно исполняет и магическую, и мифологическую функции.

При этом наука создаёт столько угроз такого характера, которые она неспособна не только

устранить, но даже определить. Например, каждый год создаётся около тысячи новых химических веществ, которые попадают в пищу. Каждый год миллиарды людей съедают миллионы тонн генно-модифицированных организмов, хотя «горизонтальный перенос» генов ещё никто не отменял. К чему приведёт вал мутаций на протяжении хотя бы двух-трёх поколений, то есть 50-75 лет? А системы искусственного интеллекта? А создание систем оружия на новых физических принципах? Я хочу сказать, что наша «научная» цивилизация сегодня создаёт такую гигантскую неопределённость для самой себя, которую в принципе не может разрешить. И чем больше у нас дискретных знаний, тем меньше понимания того, как их увязать между собой. Это касается и теоретической физики, и биологии, и информатики, и политики, и чего угодно ещё.

Владимир ОВЧИНСКИЙ, *доктор юридических наук.*

А произойдёт ли технологическая революция в масштабах всего человечества? Или всё это — миф? У меня такое впечатление, что наша цивилизация завязла в очередном витке непрерывных конфликтов. Похоже всё-таки, что большой войны не будет, а договорённости между государствами будут достигаться и без войны. При этом ни в Америке, ни в России никаких предпосылок для перехода к новому технологическому укладу нет. Такой переход возможен и уже виден в Китае, в Японии, в Сингапуре, в Южной Корее, возможно — на Тайване, то есть там, где вся экономика переведена на стратегическую плановую основу. Социалистическое планирование — это и есть нормальное планирование XXI века, без которого никакая технологическая революция нигде невозможна. У нас в стране такого уровня стратегического планирования не существует, о нём никто не думает, социально-экономическая сфера — это вообще зона

либерального хаоса, в мутной воде которого идёт почти промышленный по своим масштабам и абсолютно бесконтрольный вылов «золотых рыбок».

Стратегическое планирование невозможно без понимания законов общественного развития и без использования новых технологий, таких как анализ больших данных, нейросети, квантовые эффекты. Но для них нужно место, нужно время, а самое главное — информационное «топливо» нужного качества. С тем, что сегодня даёт наше правительство в виде статистической и прочей информации, никуда доехать невозможно. Один из героев кинокомедии «Джентльмены удачи», если помните, был осуждён за то, что бензин разбавлял. Так вот, теперь то же самое на всех уровнях нашей «властной вертикали» происходит с информацией — везде фальшивые данные. Отсюда и пенсионная реформа, и рост цен, и невозможность нормальной работы. Какая у нас в стране на самом деле численность населения, какая на самом деле продолжительность жизни, какой на самом деле уровень преступности? Чего ни коснись — достоверных данных нет, опираться не на что.

В результате, если всё продолжать в таком же духе и без стратегического планирования, Россия очень быстро может стать маргинальным государством — даже независимо от того, какие у нас ракеты, какая идеология, какой величины госаппарат и кто является президентом.

Юрий ТАВРОВСКИЙ, востоковед, профессор РУДН.

Сегодня единственная большая страна, которая имеет стратегическое планирование, — это Китайская Народная Республика, чьи действия определены до 2049 года и детализированы до 2035 года. В данной сфере у Пекина конкурентов на современной политической карте мира нет. И то, что происходит в его отношениях с Вашингтоном, — это не торговая

война как таковая, а попытка США сдержать «красного дракона», пока у них, как им представляется, ещё есть такая возможность.

На мой взгляд, американцы рассматривают Китай не как экономического или политического конкурента, а как экзистенциального противника — почти такого же, как Россия. Что и было зафиксировано в их новой стратегии национальной безопасности. Потому что речь идёт не только о сотнях миллиардов долларов ежегодного торгового дефицита и более чем триллионном долге США перед КНР — речь идёт об альтернативной модели развития, о том самом «социализме с китайской спецификой», который является настолько эффективным инструментом в руках КПК и Председателя КНР Си Цзиньпина, что темпы роста китайской экономики каждый год оказываются минимум в 2–3 раза выше среднемировых.

Америка начала политику сдерживания Китая с 2009 года — после того, как тогдашний лидер КНР Ху Цзиньтао отверг предложение Барака Обамы создать Chimerica, или «G-2», то есть совместно доминировать в мире, но со старшинством США. Потом был провозглашённый Хиллари Клинтон «поворот к Азии» с попыткой создать Транстихоокеанское инвестиционное партнёрство без участия Пекина. Теперь вот, с приходом к власти Дональда Трампа, началась торговая война Америки против Китая. И введение ограничительных пошлин на китайский импорт — только начало. Возможны и удары в сфере финансов, и военные угрозы, и что угодно ещё.

В Пекине, видимо, поняли, что идти на уступки Вашингтону с целью сохранения доступа на американский рынок больше не стоит, и приняли соответствующее решение. Потому что Си Цзиньпин прилетал к Трампу во Флориду, все договоренности, достигнутые там, были разорваны; Трамп был с визитом

в КНР, его встречали, как мессию, подписали контрактов на 200 млрд. долл. — ничего не помогло: пошлины, торговая война в полном масштабе. Ясно, что конфронтация между Пекином и Вашингтоном будет нарастать, поэтому Китай в ответ на враждебные действия США — сосредотачивается.

Одним из важнейших элементов такого сосредоточения является развитие социализма в Китае. Речь идёт не об идеологии, а прежде всего — об экономике. Поскольку американцы хотят отсечь китайские товары и услуги не только от своего, но и по максимуму — от мирового рынка, то китайцы активно расширяют внутренний рынок. Согласно расчётам американских экономистов, численность населения КНР, которое по своему уровню жизни будет относиться к «среднему классу» уже к 2030 году достигнет 800 миллионов человек, то есть больше половины населения страны. Параллельно происходит «отстройка» от зоны доллара и формирование зоны юаня, в том числе через проект «Зоны Шёлкового пути», откуда Китай намерен черпать ресурсы и куда продавать продукцию.

Впрочем, про идеологию тоже не забывают. Сейчас в КНР активно внедряют формулу, согласно которой любовь к КПК является неотъемлемой частью китайского патриотизма. Недавно даже монахи Шаолиня провели публичное шествие с государственным красным флагом, чего никогда раньше не было. А главное, повторяюсь, это — стратегическое планирование, от которого китайские власти никогда не отказывались. Они имеют в этом деле уже 65-летний успешный опыт.

Россия для Китая важна с точки зрения стратегического взаимодействия — как союзник против США, а также как транзитная территория в Европу и на Ближний Восток, как источник сырья и некоторых

технологий — отчасти (но только отчасти, потому что покупательная способность у нас низкая — как рынок сбыта).

Андрей ОСТРОВСКИЙ, доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН.

В 2017 году ВВП Китая достиг отметки 82,7 трлн. юаней, что по обменному курсу соответствует 13-14 трлн. долл., а по паритету покупательной способности — больше 23 трлн. долл. Не знаю, что будет в этом году, но, наверное, свои традиционные 7 % роста КНР возьмёт, ещё сильнее укрепившись в статусе «экономики номер один» и «мастерской мира». А как это сказывается на вооружённых силах? Наши данные показывают, что новые образцы китайской военной техники вполне сопоставимы с действующими американскими. То есть, если США не удастся сделать рывок в ближайшие 5-7 лет, то Китай достигнет паритета с американской армией. Тем более, что по темпам роста роботизации национальной экономики КНР сейчас занимает первое место в мире, учёные со всего мира, включая Америку и Европу, толпами уезжают работать и жить в Поднебесную, и если там финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) поднимут с нынешних 1,1 % ВВП хотя бы до 1,5 %, как планируется, Народно-Освободительная Армия Китая (НОАК) в перспективе ближайших 10-15 лет может стать доминирующей глобальной силой. И это будет не «конец однополярного мира», о котором мы говорим, а новый «однополярный мир» — только не Pax Americana, а Pax China. И данную перспективу ни в коем случае нельзя упускать из виду. Тем более, что китайцы постоянно работают с опережением: например, 80 млрд. юаней ВВП были индикативным показателем для 2020 года. И он уже преодолён в 2017 году. Могут возразить, что всё

это «приписки», только вся проблема в том, что КНР — не Советский Союз, там предприятия не получают премий за «вал», а, наоборот, заинтересованы снижать официальные показатели своих оборотов и прибыли, чтобы платить меньше налогов. При этом создаётся такое впечатление, что в российской «властной вертикали» Китай серьёзно недооценивают — не на словах, а на деле. И одной из наших задач я считаю преодоление такой недооценки.

Валентин ИГНАТЬЕВ, доктор экономических наук, председатель подкомитета по экономической безопасности Торгово-промышленной палаты РФ.

Китай в научно-техническом отношении продолжает критически зависеть от США и Запада в целом.

В энергетике, например, всё, что делается в КНР, принадлежит американским корпорациям. США в рамках информационных технологий далеко впереди не только Китая, но и планеты всей. Китайский «управляющий класс» в целом не учится и не отдыхает на родине. Он действительно американизирован, англоязычен. КПК для него — это параллельная — **197** — вселенная, с которой он пересекается разве что по коррупционным делам.

Что касается санкций... Реально никаких санкций до августа нынешнего года против России введено не было. И сейчас санкции касаются только продукции двойного назначения, если их поставляют в РФ из третьих стран. Всё импортозамещение — следствие российских контрсанкций, которые были введены под предлогом санкционного режима Запада. Если этот принцип будет распространён на нефтегазовую отрасль — мы очень сильно пострадаем, поскольку себестоимость добычи углеводородных энергоносителей в России резко вырастет, а для всех других производителей «чёрного» и «голубого золота» останется без изменений.

Алексей ПОДБЕРЁЗКИН, доктор исторических наук, профессор МГИМО.

С какой бы стороны мы сегодня ни смотрели на ситуацию: военно-политической, финансово-экономической, информационно-идеологической, — главная беда и проблема заключается в том, что не видно, «куда нам плыть». С момента высшего пика нашей страны, который пришёлся на 1989 год, идёт резкий обвал, а потом, после 1998 года — очень медленный, неравномерный и непоследовательный рост. Только сейчас, спустя 29 лет, мы вернулись — и то лишь «в целом», совершенно при иной структуре распределения национального дохода, при вопиющем социальном неравенстве, — на уровень 1989 года, а всё это время другие страны мира: не только Китай (рост, по-моему, в 12 раз) или Америка (рост в 3,4 раза), с которыми Россия всё ещё пытается быть «на равных», но и многие другие, — не стояли на месте и ушли далеко вперёд. При этом у нас оказались угроблены целые отрасли производства, включая машиностроение (особенно станкостроение), производство электроники, автомобилей, шарикоподшипников, фармакологию, — тут список на несколько десятков страниц. Поэтому, я считаю, нам сделали сумасшедший подарок в виде санкций и связанной с ними необходимости импортозамещения, что привело к оживлению очень многих отраслей и технологических цепочек, до того пребывавших в состоянии анабиоза.

Кстати, когда в 1985 году к власти пришёл Горбачёв, то изменилась вся система приоритетов. Готовился большой Пленум ЦК КПСС, на котором должны были обсудить и принять программу опережающего научно-технического развития Советского Союза. Мне довелось познакомиться с некоторыми материалами, подготовленными для этого пленума, которые были датированы апрелем 1985 года.

И по этим материалам очень хорошо видны наши потери. Причём всё это продолжается и сейчас. Про Китай уже сказали, что у него темпы роста по 7 % ВВП ежегодно. Думаю, в этом году получится меньше, но всё равно не ниже 6 %. Индийцы, про которых у нас предпочитают молчать, Россию уже давно обогнали, прогнозируя у себя на 2018 год 7-7,5 % роста (при 9,5 трлн. долл. ВВП в прошлом году). Трамп, сколько бы над ним ни смеялись, свои 4 % тоже даст. А что у нас? Ожидают не больше 2 % роста, и то — если никаких форс-мажоров, включая новые санкции, не случится. Это — при мировых ценах на нефть почти вдвое выше цифры, заложенной в бюджет!..

Неудивительно, что одним из характерных качеств российских властных «верхов» является полная неспособность к адекватным оценкам и прогнозам развития ситуации. Всякий раз зима приходит неожиданно, а спиленным оказывается тот сук, на котором эта самая власть сидит. При каком-то необъяснимом фанфаронстве и шапкозакидательстве с её стороны. Хотя мы, со своими 2 % от мирового ВВП, сейчас противостояим коалиции США и их союзников с 50 %, а то и 60 %, то есть в 25-30 раз более мощному противнику. Трамп эту коалицию вовсе не уничтожает — он её реформатирует так, как удобно Америке. «Коллективный Запад» — это полтора миллиарда человек, Китай — это полтора миллиарда человек, исламский мир — больше миллиарда человек, Индия — это больше миллиарда человек. Вот кому мы противостояим, каким «центрам силы». Технологии у нас не развиваются, наши оборонные расходы — это расходы Саудовской Аравии или Индии, примерно на таком уровне. Новейшие образцы военной техники, о которых говорится «из каждого утюга», существуют в единичных экземплярах, и в случае конфликта на его исход, по большому счёту, повлиять не в состоянии.

Даже по экспертному обеспечению государственной и корпоративной деятельности — Россия находится примерно на уровне Мексики, мы в 3 раза уступаем той же Индии, и в 30 раз — США. 2000 сотрудников Rand Corporation каждый год делают прогноз относительно последствий полномасштабного ядерного конфликта с Россией. Последняя оценка американских потерь — 30 % ВВП и 10 % населения. Пока эти потери оцениваются как неприемлемые. Но они считают всё это постоянно, и как только — так сразу. То же самое — по любому экономическому, финансовому, политическому вопросу. Коалиция по Ближнему Востоку из 60 с лишним государств мира во главе с США не просто так сформировалась, правда? Надо ли удивляться, что деньги из отечественной экономики — ежегодно это сотни миллиардов долларов — выводятся в оффшоры? И мы их здесь, в России, не видим и никогда не увидим, судя по всему. Так что перспектива «отстать навсегда» для нас почти стопроцентна, потому что разговоры о необходимости «технологического рывка» начинаются перед каждыми выборами, то есть каждые два-три года, я их слышу уже лет тридцать, но воз и ныне там. Как говорил один известный сатирик, может, что-то пора менять в самой «консерватории»?

Леонид ИВАШОВ, генерал-полковник, президент Академии геополитических проблем.

Давайте скажем прямо, что сейчас вопрос стоит о самом существовании России. Не первый раз в отечественной истории, но, будем надеяться, и не последний. Прежде всего, надо понять, что происходит на глобальном уровне. Геополитики фиксируют, что структура мироустройства, основанная на примате национальных государств как субъектов глобальной политики, завершилась. Государства сегодня таковыми не являются. А кто же сегодня главные субъекты мировой политики? При существовании СССР и мировой

системы социализма государства необходимо доминировали над транснациональными корпорациями (ТНК), а те как политические субъекты ещё не сформировались, делегируя государствам защиту своих интересов и решение возникающих в связи с этим проблем.

Но после разрушения СССР и мира социализма произошли фундаментальные изменения ролей ТНК и традиционных государств. И сегодня государства, включая США, являются подчинёнными, подконтрольными ТНК военно-политическими структурами. И приход к власти в Америке Дональда Трампа — это как раз попытка пересмотреть данный формат отношений снова в пользу государства. То же самое происходит сейчас во всём мире. И Россия — особенно после прихода к власти Путина — трансформировалась из традиционного государства, подчинённого интересам ТНК, в государство-корпорацию. Именно эта трансформация вызывает такое недовольство и противодействие со стороны глобальных негосударственных корпораций. С мая этого года мы наблюдаем попытки обратно трансформировать Россию из государства-корпорации в корпорацию-государство: наступление на все государственные институты и подчинение всех государственных и общественных интересов интересам крупного капитала.

Сегодня наша армия и другие силовые структуры защищают — в той же Сирии, например, но готовятся делать это и внутри страны, — не интересы России, а интересы российских корпораций, которые, по гамбургскому счёту, более чем наполовину принадлежат уже частному и иностранному капиталу.

Сегодня конфликты идут по нескольким главным осям противостояния. Первая из них — ось «Запад — не-Запад». Внутри «Запада» при этом разгорается борьба

финансового капитала с производственным капиталом, что наиболее хорошо видно на примере США. Вторая ось «капитализм — социализм». Её существование обычно отрицают или не считают важным: мол, капитализм уже давно победил, — но на самом деле этот конфликт продолжается, и капитализм не выглядит в нём ни победителем, ни даже фаворитом. Об этом свидетельствует не только смена фронта тем же Римским клубом, но и уже идущий системный кризис нынешней глобальной экономики, из которого, по большому счёту, есть только два пути: или к социализму, или к новому рабовладельческому строю, с гибелью миллиардов людей и деградацией всей общественной структуры.

Как позиционируется наша страна в этой системе координат? Россия с конца 80-х годов прошлого века хотела стать частью Запада, но туда её не пустили, а сегодня хотят выбросить окончательно. Россия продолжает оставаться в основном сырьевой экономикой, а её рубль — зависимой от доллара счётной единицей. То есть мы находимся в самом низу глобальной системы производственного капитала. И вдобавок мы официально живём без идеологии. Между тем и пенсионная реформа, и уровень оплаты труда, и разрыв между уровнем жизни «верхов» и «низов», и отказ от предоставления гражданам РФ доступа к природной ренте показывают, что у нас ультракапиталистическое, олигархическое государство.

Да, у нас не до конца демонтированы высокотехнологичные производства, особенно в «оборонке» и энергетике, есть какие-то остатки систем образования и здравоохранения, но Россия — единственное из крупных современных государств, которое за последние полвека почти полностью изменило главный вектор своего цивилизационного развития. Это — самоубийство. Сегодня у нас нет

союзников и быть по определению не может. Откуда появятся союзники у того, кто решился на самоубийство?

Даже с Китаем всё не так просто. Насколько мне известно, на XIX съезде КПК: и в речах лидеров, и в принятых документах, — постоянно проводится мысль о том, что капиталистические страны являются противниками китайских коммунистов. И если Россия не сменит вектор движения на социалистический, наша страна окажется врагом КНР. Алексей Иванович правильно сказал про текущее состояние российской армии. Оно, мягко говоря, не идеальное. К тому же, её кадровый состав — это и всё, что у нас есть. Мобилизационные возможности практически отсутствуют, а современные войны кадровой армией не выигрываются. Тем более, за привилегии олигархов и чиновников армия всерьёз сражаться не будет.

Александр АЙВАЗОВ, директор Центра международных исследований экономических циклов Дж. Арриги и Н. Кондратьева.

С легкой руки ряда присутствующих здесь коллег стало весьма распространенным мнение о том, что сегодня всего три страны (Россия, Китай и США) выступают в качестве великих держав, образующих «глобальный треугольник», и только вокруг них будет строиться мир XXI века. В таком случае спрашивается, о каком «многополярном мире» мы можем вести речь? И второй вопрос: насколько верна сама эта концепция?

Мир сегодня переживает кризисный переход с V на VI технологический уклад (ТУ) и застыл в состоянии неустойчивого равновесия. Технологии VI ТУ, в основном, уже разработаны и используются — нет только массового притока инвестиций в новые отрасли и производства, поскольку глобальный финансовый капитал «занят» спекуляциями на финансовых рынках. И только когда все главные «пузыри» на этих рынках

лопнут, другого выхода, кроме развития нового ТУ, не останется. То же самое происходило и в период Великой депрессии, и в 1970-е-80-е годы.

Кто здесь будет лидером? Сегодня на первом месте по развитию технологий VI ТУ находятся США, второе место занимает Япония, третье — Южная Корея, и только за ними идет КНР. Правда, китайцы очень быстро догоняют передовые страны, чего не скажешь про нашу страну. Мы находимся далеко в конце этого списка, так как технологии VI ТУ не востребованы российской экономикой. Поэтому лучшие учёные, математики, программисты и инженеры уезжают в другие страны, где их достижения оказываются востребованы той самой новой «цифрономикой».

Мы всегда повторяем старые ошибки — вспомните лесковского Левшу. Так, Российская империя «проспала» формирование первых трех ТУ, что стоило ей сначала Венского мира, потом — поражений 1856 и 1905 годов, а, в конце концов, — и краха в ходе Первой мировой войны. Только сталинская индустриализация помогла нам своевременно освоить IV ТУ, сделав Советский Союз одним из лидеров научно-технического развития в середине XX века. Но V ТУ СССР снова «проспал», что стало одной из причин его краха.

И я не вижу никаких перспектив при переходе к VI ТУ. Согласно расчётам А.Мэддисона, к 2030 году мировую экономику будут возглавлять четыре «центра силы»: это Китай, Северная Америка (США-Канада-Мексика), Европа и Индия, к которым могут присоединиться и страны Латинской Америки, если им удастся объединиться в экономический союз по типу ЕС или ЕАЭС.

Что же касается России, то ее доля в 2,8 % мирового валового продукта — слишком мизерная величина, чтобы составить конкуренцию Китаю или другим лидерам экономического развития, даже в рамках ЕАЭС.

Более того, сейчас в РФ уровень неравенства выше, чем он был перед революциями 1917 года.

То есть наша страна объективно стоит перед лицом новой революции, а её шансы стать одним из полюсов нового «многополярного мира» всё быстрее стремятся к нулю. Отсюда — попытка решить внутренние проблемы за счёт сверхактивной внешней политики.

Если применять цивилизационный подход С.Хантингтона, то русская цивилизация (примерно 200 млн. человек) ничтожно мала по сравнению с обозначенными выше доминантами. В таком же положении находятся тюркская (примерно 160 млн. человек) и японская (125 млн. человек) цивилизации. Вот их объединение могло бы дать нам совместный шанс на выживание и развитие.

Именно в этом направлении проводит свою политику в последнее время президент В.В. Путин, налаживая тесные дружеские контакты с Турцией и Японией, в том числе — и личностные с руководителями этих стран. Такой цивилизационный союз объединил бы население в полмиллиарда человек и стал бы более-менее равновеликим другим цивилизациям.

Ростислав ИЩЕНКО, президент Центра системного анализа и прогнозирования.

Мне кажется, что единственная позиция, которая объединяет участников этой дискуссии — недовольство российской властью. От премьер-министра и главы Центробанка до МИДа и Минобороны.

При этом говорить, что Россия маргинализована, что она не имеет веса на мировой арене и ссылаться на номинальный ВВП, который составляет примерно 7,8 % от американского, — мне кажется, не совсем верно. Российское государство сегодня эклектично, но за этой видимой эклектикой, которая обращается одновременно и к России 90-х годов, и к Советскому Союзу, и к Российской империи, и к Древней Руси, стоит

та самая идеология объединения отечественной истории, вне которой общество и государство являются деревом без корней. Достаточно посмотреть на систему российских государственных наград, чтобы увидеть в ней именно эту идеологию. Кроме того, подобная эклектичность делает современную Россию достаточно пластичной и позволяет выдерживать такие удары, которые для более жёсткой структуры, возможно, оказались бы разрушительными.

Насчёт отсутствия идеологии. Это очень распространённый и, на мой взгляд, абсолютно не соответствующий действительности тезис. Вот *Pax Americana* — это идеология или нет? Конечно, это не идеология. Это идея, идеал американского господства, для достижения и обеспечения которого в США использовались в разное время разные идеологии. Корни *Pax Americana* — в идее *Pax Romana*. А что такое *Pax Romana*, «Римский мир»? «Римский мир» — это территории, объединённые латинским языком, римским правом и римскими дорогами. Последнее — самое важное, поскольку имевшейся у Рима скорости передачи информации на его бывших территориях, ставших Европой, снова удалось достичь только в XVIII веке, после чего этот процесс пошёл взрывным порядком. И все наши так называемые кризисы, все смены общественно-экономических формаций — в первую очередь, связаны с ускорением передачи информации.

В течение всей истории задачи подгонки тех или иных человеческих сообществ под новые параметры передачи информации, в конце концов, при всех издержках, успешно решались. Почему же сейчас мы говорим о глобальном системном кризисе, из которого не видно выхода? Потому что скорость передачи информации достигла таких пределов, за которыми ею не могут адекватно оперировать даже самые

подготовленные представители вида *homo sapiens*, не говоря уже об их сообществах (государственных, корпоративных и т. д.), поскольку скорость эскадры определяется скоростью самого тихоходного её корабля. А перекладывать всё это: анализ информации, оценку ситуации (синтез) и выработку решений (прогноз), — на нейросети, искусственный интеллект и прочий компьютерный «софт» и «хард» — означает вступление в сферу непредсказуемых, по сути, рисков, связанных с реальной системой ценностей и целей. Кто ставит большие потоки информации под контроль и лучше приспособливает их к своим потребностям — тот, по сути, выигрывает будущее у конкурентов. А не тот, у кого сейчас ВВП больше. В XVI–XVII веках у Китая была экономика, составлявшая, по разным оценкам, 60–70 % общемировой. Помогло ли это ему противостоять экспансии европейских государств? Не прошло и ста лет, как всё изменилось с точностью до наоборот.

Я не знаю и не могу утверждать, почему так происходит, но по всем показателям нынешняя система управления в России оказывается более чем конкурентоспособна на общемировом уровне. В противном случае — пример той же Украины у всех на глазах... Это не значит, что так будет всегда, но пока это так, и есть «золотое правило» управления: если что-то работает — не трогай. Тем более, если не понимаешь, как и почему это работает. Значит, надо, во-первых, разбираться с тем, как всё работает, чтобы понимать, где, когда и как нужно будет вносить изменения, а во-вторых — не гадать о том, кто кого «задушит»: Китай Америку или Америка Китай, — нужно развиваться самой России. И развиваться, прежде всего, в направлении работы с недостаточной, неполной или, наоборот, избыточной информацией.

Владимир ВИННИКОВ, культуролог.

Как говорят наши уважаемые английские «партнёры», «бокс — это обмен знаниями при помощи жестов». Очень хорошее определение, которое полностью соответствует их пониманию сути и смысла не только бокса, но и любых коммуникативных актов, любого их комплекса. Поэтому я весьма признателен Ростиславу Владимировичу за то, что он коснулся этой темы, уделив такое внимание проблеме не только скорости передачи информации, но также ценностей и целей, которые структурируют и направляют процесс такой передачи. Согласно известному афоризму Сенеки, для корабля, не знающего, куда ему плыть, ни один ветер не будет попутным. И Пушкин в гениальной «Осени» обрывает это своё стихотворение такой фразой:

*Громада двинулась и рассекает волны.
Плывёт. Куда ж нам плыть?..*

Нынешний системный цивилизационный кризис, на мой взгляд, сопоставим даже не с закатом Древнего Рима и последующими «тёмными веками» будущей Европы, а с «неолитической революцией», которая произошла примерно 12 тысяч лет назад, и вызван сменой всей системы координат человеческого бытия, человеческого взаимодействия с миром. Эту смену координат можно, по аналогии с «неолитической революцией», назвать революцией неолитической. В том, что она уже началась и набирает ход, нет никаких сомнений. Точно так же нет никаких сомнений в том, что прежние цивилизационные формы не выдержат новых нагрузок и будут разрушены. Прежде всего, это касается власти и собственности.

А раз так, нам придётся выходить за пределы той «матрицы», в которой все мы, так или иначе, существуем уже на протяжении минимум пятисот поколений. Казалось бы, пятьсот — не бог весть какая большая цифра, но мысленно проделайте небольшую квазиматематическую операцию: возведите самих себя в такую степень, — и вы поймёте, с чем имеете дело.

Отсюда возникает необходимость детального изучения структуры, пространства и времени коммуникативных актов: от элементарного до комплексных, в том числе — по поводу пресловутых власти и собственности. Чем лучше мы будем знать и уметь использовать эти закономерности, тем выше окажется вероятность нашего дальнейшего бытия как единой и целостной коммуникативной системы: общества, государства, народа, человечества и так далее. Скорость и объём передаваемой посредством коммуникативных актов информации сами по себе не настолько важны, как её правильное и точное использование. Согласно другой максиме того же Сенеки, даже ковыляющий по верной дороге всегда опередит бегущего, который сбился с пути. В 20-х годах прошлого века писатель Алексей Николаевич Толстой, находясь в эмиграции, сделал литературную обработку русской народной сказки «Теремок». Надеюсь, все её хорошо знают и помнят: мышка-норушка увидела на лесной поляне невесть откуда взявшийся там теремок и стала в нём жить. Потом уже к ней (вот они, отношения власти и собственности!) в теремок просят: лягушка-квакушка, зайчик-побегайчик, лисичка-сестричка, волчок-серый бочок и, наконец, медведь, который в теремке не помещается и его разрушает. В обработке Алексея Николаевича на том и сказке конец, а кто слушал — молодец. В исходном же, фольклорном варианте всё иначе — медведь и другие герои сказки строят теремок «больше и лучше прежнего». Как

показал исторический опыт, такое народное понимание революции оказалось ближе к истине, чем понимание графа Толстого, который, кстати, вернувшись в Советскую Россию, не словом, а делом признал свою неправоту.

Что же касается отмеченной в ходе нашей дискуссии «слабости» России перед лицом «коллективного Запада» и других «центров силы» современного мира, то должен ещё раз отметить, что взаимодействие подобных сложных систем носит не только информационный, но также деформационный и трансформационный характер, и в каждом из этих «пространств взаимодействия» решающую роль играет возможность, условно говоря, перевода «связанной» потенциальной энергии системы в «свободную» кинетическую, а по этому параметру наша коммуникативная общность вовсе не настолько безнадёжна, как это может показаться при сравнении по сугубо экономическим параметрам. Наконец, мы не находимся в ситуации «один против всех» — наоборот, текущее развитие событий создаёт для России вполне приемлемую «экологическую нишу», которая, судя по всему, в обозримой перспективе вряд ли будет ухудшаться.

Александр НАГОРНЫЙ.

Уважаемые коллеги! Благодарю всех за глубокие, содержательные и взаимоуважительные выступления. Подводя итог состоявшейся дискуссии, отмечу следующие ключевые — во всяком случае, для меня — моменты.

Во-первых, США как доминирующая глобальная сила по-прежнему превосходят КНР минимум на порядок. Не говоря уже про нашу страну.

Во-вторых, сегодня единственный шанс Китая и России выдержать растущее давление США — стоять, как выразился однажды Си Цзиньпин, плечом к плечу.

Следовательно, Китай — тот рычаг, при помощи которого мы можем варьировать ситуацию и обеспечивать собственную безопасность, одновременно обеспечивая безопасность Китая и мировую стабильность, что лишний раз подчёркивают крупнейшие, с участием китайской и монгольской армий, военные учения «Восток-2018», проведение которых совпало со временем работы Дальневосточного экономического форума.

В-третьих, и об этом мы говорим всё время, необходима целевая, системная трансформация всей модели социального, экономического и политического — не скажу «развития», потому что в её рамках «развитие» как таковое невозможно, но скажу «существования» — Российской Федерации, с учётом советского и китайского опыта. При этом главное внимание должно уделяться не добыче нефти и газа, а развитию человеческого потенциала российского общества, потому что иных ресурсов, позволяющих пережить уже идущий глобальный системный кризис, со всеми его рисками, включая военные, у нас нет.

Часть II

Центры силы

Ростислав Ищенко **Идентификация Трампа**

Когда в США ещё шла избирательная кампания, и большинство наблюдателей было уверено, что Хиллари Клинтон безальтернативно станет президентом, а Дональда Трампа рассматривали, как милого чудака (который может и хотел бы договориться с Россией, но кто ж ему даст?), мне довелось писать и о том, что Хиллари — далеко не такой однозначный фаворит, как кажется, и что Трамп (если станет президентом) — не такой уж подарок для нас. И вовсе не потому, что не хочет договориться с Россией. Договориться он искренне хочет, но — в американских интересах и на американских условиях, в обмен предлагая России забыть о санкциях, отдать Украину и поделить влияние в Сирии.

С точки зрения США, Москва должна была бы радостно согласиться. Выйти из конфликта с Америкой без потерь и даже с некоторыми приращениями, по мнению Вашингтона, — уже большое достижение. И Трамп справедливо считает себя более комфортным для России переговорщиком, чем Клинтон, которая вообще ничего не собиралась уступать и угрожала ядерным конфликтом.

Тем не менее, предложения Трампа для России неприемлемы. Они были бы уместны в 2007 году, даже в 2012 году. В это время Россия ещё пыталась избежать открытого конфликта с Западом, и Москва не окончательно похоронила надежды на адекватность лидеров США и ЕС. Однако выяснилось, что Запад сильно переоценивает свою мощь и недооценивает возросшие возможности России.

Речь идёт, в том числе, и о дипломатических возможностях, поскольку идея Запада о режиме санкций дополнялась идеей о полной дипломатической и политической изоляции России. Если бы идея изоляции была реализована, то санкции нанесли бы значительно больший урон. Не исключено даже, что сегодня мы бы не хихикали над фразой Обамы о «разорванной в клочья экономике» — не до смеха было бы. Но проект изоляции с треском провалился. Кроме США, ЕС, Канады, Японии и Австралии, никто более не попытался принять в нём участие.

Это значит, что Россия сохранила доступ к альтернативным рынкам. В таких условиях полное закрытие для неё западных рынков было глупостью. Это быстро ощутили на себе сельскохозяйственные производители ЕС, попавшие под контрсанкции. С этого момента Европа не только стала значительно осторожнее в дублировании вводимых США санкционных механизмов, но и приступила вначале к скрытому, а затем — ко всё более открытому саботажу, а также поиску путей обхода санкционного режима. Подчеркну, что европейский саботаж санкций (делавший их совершенно бессмысленными) начался ещё при Обаме.

Таким образом, именно система международных союзов и многосторонних интеграционных механизмов позволила России относительно легко перенести санкционный удар. Поэтому Россия сегодня ни в коем случае не может пойти навстречу Трампу и принять его «щедрое» предложение по урегулированию двусторонних отношений. Компромисс заключается не только в том, чтобы что-то дать, но и в том, чтобы что-то получить. А то, что хотят получить США, неприемлемо для России, поскольку изменяет баланс мировых сил не в её пользу. Москве предложено отказаться от поддержки Китая, Ирана, КНДР и других

государств, которые рассматриваются официальным Вашингтоном как свои противники.

Фактически России предлагают самой поспособствовать разрушению базы своей неуязвимости, оставив Китай с Ираном наедине сражаться против США. Независимо от того, кто после этого победит, союзников у России больше не будет. Нигде и никогда. Союзников интересует надёжная поддержка, а не ситуативная торговля их интересами. То есть, приняв предложение Трампа, Россия своими руками создаст условия для того, чтобы на следующем этапе оказаться уже не в нынешней «фейковой», а в самой настоящей международной изоляции, которая является одним из главных факторов успеха её врагов.

Именно поэтому переговоры идут, стороны регулярно констатируют несовпадение позиций по большинству стратегических проблем, США продолжают проводить санкционную политику, дополняя её политикой мелких информационных и политических провокаций против России и её граждан. Россия, в свою очередь, делает акцент на достижении взаимопонимания с Евросоюзом и перетаскиванию его главных игроков в свой лагерь. Москва, отбившись от попытки изолировать её, постепенно сама переходит к тактике изоляции США.

Данная тактика для России — вынужденное решение, продиктованное не столько даже американо-российскими противоречиями, сколько углубляющимся расколом в отношениях между США и их союзниками. Обиженный Эрдоган занимает в отношении Америки куда более эмоциональную позицию, чем Кремль, а в очередь за ним постепенно уже пристраиваются Меркель и Саркози, столкнувшиеся с ультиматумом Трампа Евросоюзу, который невозможно принять, ибо заключается он в том, что либо ЕС совершит экономическое самоубийство, приняв новые «правила

игры», односторонне выгодные Америке, либо Америка уберёт его своими санкциями (вводя запретительные импортные пошлины на европейские товары и услуги, а также прочие ограничительные меры).

Стоит отметить, что Трамп, продолжая жёсткое противостояние с Россией, тем не менее, подыграл нашей стране, усилив давление и на Китай (после чего резко возрос интерес Пекина к взаимодействию с Россией), а также разорвав партнёрские отношения с ЕС (об этом в Европе уже заявлено открыто) и буквально толкая Евросоюз в российские объятия.

Но не станем уподобляться американским оппонентам Трампа и не будем утверждать, что он специально подыгрывает Москве. Скорее, Трамп пытается защищать оставленную ему демократами безнадёжную позицию, надеясь, что упрямство и некоторые оставшиеся преимущества позволят ему переломить ситуацию, которая продолжает развиваться не в пользу США, и выиграть глобальную борьбу, что называется, «на выдохе».

Мы должны понимать, что Трамп — не одиночка, не эпатажный клоун, случайно прорвавшийся к власти. Это человек, за которым стоит мощная сила не до конца уничтоженного глобалистами национального бизнеса США. Точно так же, как против Трампа выступает двухпартийная коалиция глобалистов, он пытается опереться на широкую (даже шире, чем двухпартийную) коалицию условных американских изоляционистов. Пишу «условных», поскольку их стратегия не является классическим изоляционизмом, и изоляционистами они выглядят только при сравнении с глобалистами. Только глубина кризиса, куда США были загнаны глобалистскими администрациями, которые властвовали шесть сроков (24 года) подряд — независимо от того, республиканцы или демократы контролировали Белый дом и Конгресс, — привела к

оформлению альтернативной элитной группы, к выдвиганию промышленным капиталом своей собственной, альтернативной глобалистскому финансовому капиталу политической программы. В конечном итоге, это и привело в Белый дом Трампа, являющегося публичным «лицом» и харизматическим лидером изоляционистов.

Почему проиграли глобалисты? Их первоначальное предложение Америке было более чем приемлемым для всех слоёв общества. Именно поэтому они и задержались у власти столь долго, а в США заговорили о том, что демократы и республиканцы практически слились в одну партию финансового капитала.

Глобалисты рисовали такую нехитрую схему.

Во-первых, доминирование США в современном мире обеспечивает сверхприбылями американский финансовый капитал.

Во-вторых, оно позволяет промышленному капиталу конкурировать с иными центрами производства в тепличных условиях. Его поддерживает вся финансовая и военно-политическая мощь США, выбивая ему приоритетную позицию на рынках, устраняя целые страны, если те способны составить конкуренцию какой-либо отрасли промышленности, принуждая остальные, под страхом деструкции, заключать неравноправные торговые соглашения, дающие преимущество американской стороне. Наконец, на разорённой мировой периферии полно дешёвых рабочих рук, туда выгодно выносить производство, возвращая прибыли обратно в США.

В-третьих, собственному населению, теряющему места фермеров и заводских рабочих, США активно создавали рабочие места в сфере обслуживания, управления и в IT-компаниях. Относительно лёгкая (по сравнению с производством) и достаточно

высокооплачиваемая работа гасила недовольство потенциальных безработных.

В-четвёртых, банки кредитовали население практически неограниченно, кредиты были дешёвы и легкодоступны, купить в кредит можно было всё, так что многим казалось, будто финансовые пузыри могут надуваться вечно.

В-пятых, отсрочить крах такого рода «экономики финансовых пузырей» (bubblenomic) можно было только за счёт перераспределения в пользу США всё новых рынков и ресурсов. Обеспечить такое перераспределение могла только военно-политическая гегемония США на планете. В свою очередь, финансировать политику гегемонии можно было только до тех пор, пока доллар являлся мировой валютой (не только резервной, но и валютой торговых сделок), что обеспечивало практически неограниченный спрос на доллар и поглощало американскую эмиссию.

Всё это безупречно работало до кризиса 2008 года, после чего выяснилось: механизм поддержания относительного благополучия внутри США начал давать сбои. Многочисленные «количественные смягчения» практически полностью ушли в банковские спекуляции и не смогли обеспечить перезапуск bubblenomic. После чего исследователи стали отмечать резкий рост разрыва между сверхбогатыми представителями финансового капитала, состояние которых росло опережающими темпами, и всеми остальными, столь же быстро бедневшими.

Глобалисты (как демократы, так и республиканцы) были политической опорой.

Кризис породил дискуссию. Уже тогда, в рамках предвыборной кампании будущего президента Обамы были озвучены (пусть и не так ярко и выпукло) все основные позиции избирательной кампании Трампа. Но глобалисты ещё прочно удерживали в своих руках

контроль над государственным аппаратом, СМИ и финансами США, а Обама, в конечном счёте, стал выполнять их программу.

При этом программа была скорректирована, кризис нельзя было игнорировать. На новом этапе глобалисты предложили американскому обществу поднапрячься, сделать последнее усилие и уничтожить Россию как единственную страну, не только способную противостоять США и даже уничтожить их, но и публично бросающую им вызов, настаивая на наличии собственных сфер исключительных интересов.

Действительно, ликвидация России и установление прямого (или, что более вероятно, — опосредованного, как на Украине) контроля над её территорией и ресурсами, делала США практически неуязвимыми. Китай и ЕС, способные бросить Америке экономический вызов, оказывались бы под военно-политическим давлением с двух сторон, к тому же транзитное пространство между ними также оказалось бы под контролем США. Вашингтон контролировал бы основные источники энергоресурсов (и мог как угодно играть ценами на них), а также основные торговые пути, что позволяло ему получать прибыль даже от чужой торговли (причём зачастую — больше, чем получал бы сам торгующий).

Поэтому нельзя сказать, что идея глобалистов была неверной. Они предлагали вполне разумное и стратегически оправданное решение — нанести удар в ключевую точку и тем самым решить все проблемы Америки.

Проблема заключалась в том, что они не смогли должным образом подготовить и организовать своё наступление. Как уже было сказано, они банально недооценили силы и возможности России, в результате чего эту кампанию проиграли. К 2016 году стало ясно, что шантаж горячим конфликтом (ядерной войной)

остаётся последним аргументом глобалистов. Все остальные их карты оказались биты и продолжение розыгрыша — при условии продолжения той же игры на тех же площадках — неизбежно вело к конечному поражению США, которое можно было ещё отсрочить, но уже нельзя было отменить. Время неумолимо играло против Вашингтона.

Может быть, в других условиях американский истеблишмент и позволил бы глобалистам поиграть мускулами, но они уже имели опыт проигранной Грузинской войны (08.08.08.), потерянного Крыма, устоявшего в Сирии Асада. То есть, военные кампании глобалисты проигрывали так же эффективно, как и политические, — в результате американский истеблишмент просто раскололся по вопросу о том, стоит ли продолжать прежнюю политику и, с большим риском (США после ядерной войны шансов выжить не имели), всё же попытаться давить Россию, либо же полностью менять внешнеполитическую концепцию, с неизбежной при этом сменой внутренней и финансовой политики.

Как уже было сказано, приход к власти Трампа обеспечила та группа, которая считала, что принципы политики надо менять и ядерной войной рисковать нельзя. Действительно, сразу после его прихода к власти, характерные для Хиллари Клинтон и деятелей «позднеобамовской» администрации утверждения о возможности и реалистичности полномасштабного военного конфликта между США и Россией сошли на нет. Теперь такая возможность официальными лицами администрации публично отрицается.

Это не значит, что стоящие за Трампом изоляционисты готовы отказаться от мировой гегемонии. Нет. Лозунг «Сделать Америку вновь великой!» придуман не для красного словца и не для предвыборной кампании. Это действительно

определение цели трамповской администрации и стоящих за ней экономических и «силовых» группировок.

Они признали, что ставка исключительно на финансовый сектор и на возгонку ВВП путём банковских спекуляций себя не оправдала. Если большая часть продаваемых в США товаров завозится из-за границы, значит, мощь Америки иллюзорна. Достаточно перекрыть торговлю — и страну ждёт страшнейший товарный дефицит. Кроме того, в таких условиях, надуваемый пузырь внешнего долга рано или поздно лопнет, причём с катастрофическими последствиями. К тому моменту, как Трамп пришёл к власти, во всём мире правительства были озабочены тем, чтобы постепенно и не подвергаясь американским санкциям (или даже прямой агрессии) постепенно уйти от доллара в международных расчётах и отвязать от него свою экономику. Первые шаги в этом направлении были сделаны разными государствами и никаких иллюзий о возможности остановки этого процесса в США не испытывали. Было ясно, что если не возродить американскую промышленность, не сбалансировать бюджет и не уйти от зависимости от внешних поставок, крах Америки и «американской мечты» — исключительно вопрос времени.

Ведь даже для стабилизации (не говоря уже про сокращение) внешнего долга нужно было сначала хотя бы избавиться от полутриллионного отрицательного баланса во внешней торговле, что невозможно без восстановления собственного производства. Но проблема заключается в том, что собственное производство США даже в лучшие для себя годы (вторая половина XX века) выигрывало конкуренцию либо у ослабленных после войны конкурентов (Европа, Китай, Япония, СССР), либо же за счёт внеэкономических преференций, полученных

вследствие военно-политического давления... То есть Трампу для реализации его программы гегемония США необходима в той же мере, что и его соперникам-глобалистам.

Более того, растущий ресурсный дефицит уже вызвал раскол американской элиты на два лагеря, между которыми нарастает враждебность. В случае утраты глобальной гегемонии схватка за ресурсы, дестабилизирующая США и толкающая их к гражданской войне, неизбежно станет реальностью. Следовательно, сохранение гегемонии является не только условием продолжения функционирования глобалистской системы господства финансового капитала, но и необходимостью, обеспечивающей нормальное внутривнутриполитическое функционирование Америки, после перехода власти к национальному промышленному капиталу.

Чтобы оттесняемые от кормила власти финансисты не начали гражданскую войну, от них необходимо откупиться, сохранив им часть бывших прибылей. Это возможно только в том случае, если США останутся глобальной державой, а доллар — глобальной валютой.

Демократы-глобалисты, как и Гитлер в 1941 году, не смогли осуществить блицкриг против России. Стало ясно, что продолжение этой политики чревато быстрой катастрофой. Философия трампизма предполагала выход из проигранного генерального сражения, пока разгром не стал очевидным, и переход к манёвренной тактике, с опорой на сильные стороны американской системы.

В этом смысле необходимо рассматривать действия его администрации на российском, китайском и европейском направлениях. Трамп, как опытный «антикризисный менеджер» американского типа, везде пытается действовать при помощи кольта и доброго слова, сочетая меры давления с переговорами. При этом

на российском направлении меры давления сводятся в основном к исчерпавшим себя санкциям, на фоне которых официальный Вашингтон делает привлекательные предложения (или намекает на возможность их поступления) по урегулированию текущих кризисов, в которых активно задействована Россия (украинского и сирийского). На китайском и европейском направлениях развязана торговая война, а все предложения сводятся к требованию полной и безоговорочной капитуляции.

Казалось бы, Трамп, который утверждал, что США уже не могут позволить себе даже продолжать противостояние с Россией на прежнем уровне, добавил в число активных врагов США ещё Китай и ЕС. Зачем?

На деле всё не так просто. И Китай, и (в меньшей мере) ЕС активно пользовались американо-российским противостоянием для вытеснения США с традиционных для них рынков. Кроме того, Соединённые Штаты были вынуждены считаться с Евросоюзом при реализации своей международной политики. Например, именно под давлением ЕС, Обама заключил сделку с Ираном, которая явно противоречила задекларированным целям и интересам США. Не «выбив» Исламскую Республику из роли активного ближневосточного игрока, США не могли добиться в этом важнейшем регионе своих стратегических целей. Между тем, «атомная сделка» не просто давала возможность России и ЕС легально торговать с Ираном (в том числе поставляя ему новейшие системы вооружений), но обеспечивала ему восстановление статуса региональной державы.

Переходя в режим конфронтации, выдвигая ЕС и КНР жёсткие требования, Трамп исключает возможность повторения иранского прецедента. Но главное заключается не в этом. Дело в том, что и ЕС, и Китай имеют огромный (исчисляемый сотнями миллиардов долларов) профицит в торговле с США.

Поэтому политика введения запретительных пошлин бьёт по ним значительно сильнее. Они теряют рынок и доходы, которые не могут компенсировать в одночасье. Кроме того, они не могут ввести пошлины на ту же сумму, на которую их в состоянии ввести США. Просто потому, что ни ЕС, ни Китай не покупают в США столько, сколько те покупают у них.

Дополняющая пошлины политика санкций против иностранных предприятий, нарушающих американские санкции, должна, по идее Трампов, способствовать возвращению в США промышленного производства. Трамп умышленно создаёт дискомфорт для производства в ЕС и Китае, чтобы оно возвращалось, а какое-то — и перемещалось в США. Он пытается сделать Америку не просто долларовым принтером, но всемирной мастерской. И использует для этого последнее оставшееся у него оружие — ёмкость и платёжеспособность американского рынка.

Возможный ответ Китая и ЕС, направленный на удар по американскому долгу, не обязательно станет губительным для США, которые в состоянии резко обесценить долг за счёт ослабления доллара, но обязательно нанесёт невосполнимый ущерб мировой экономике и торговле.

Если сравнивать ситуацию со Второй мировой войной, то Трамп в политике пытается реализовать стратегию Манштейна, предложенную фельдмаршалом Гитлеру в 1943 году, после сталинградской, курской и североафриканской (тунисской) катастроф. Манштейн, понимая, что у Германии нет больше сил, чтобы бороться за перехват стратегической инициативы, переход в наступление и выигрыш войны, предложил перейти к манёвренной обороне, в ходе которой германские войска за счёт более качественного управления, должны были наносить противнику значительно (в три-пять раз) большие потери. По мысли

Манштейна, наступавшие армии СССР и союзников должны были истечь кровью на полях сражений, что дало бы Германии возможность заключить мир на условиях ничьей.

Последующее развитие событий показало, что вряд ли этот план мог сработать. Но следует признать, что он был хотя и авантюрное, но всё же перспективнее, чем принятое Гитлером решение держаться до конца везде и любой ценой.

Сегодня Трамп пытается, маневрируя, наносить жестокие экономические потери тем странам, которым США ещё в состоянии нанести ущерб, справедливо полагая, что Китай и ЕС могут оказаться менее устойчивы, чем Россия. По крайней мере, в прошлом так уже не раз бывало. Кроме того, удар по китайской и европейской экономике действительно подготовлен мощнейший — и не факт, что им удастся устоять.

И Пекин, и ЕС начали разработку планов противостояния США. Разумеется, их планы должны быть связаны с Россией, как единственной силой, которая уже продемонстрировала способность выстоять под американским давлением практически в одиночку. Поэтому администрация Трампа оказывает психологическое давление как на Брюссель с Пекином, так и на Москву.

России, как уже было сказано, дают понять, что сейчас у неё есть уникальный момент договориться на хороших условиях. Потом, мол, когда ЕС и Китай сломаются, предложения будут много хуже. В Москве знают, что Берлин, Париж и Пекин будут бороться. Но знают и то, что потери их будут катастрофическими, и они могут не выдержать. США рассчитывают, что Россия не устоит перед искушением забрать своё и выйти из игры. Это сразу сделало бы Европу и Китай более уязвимыми.

Одновременно, Вашингтон не скрывает сути своих предложений Кремлю — с тем, чтобы в Пекине и в ЕС учитывали, что Россия может их «сдать» в обмен на заманчивую перспективу нормализации отношений с США. Это должно ослаблять внутренние связи в только начавшей складываться антиамериканской коалиции.

Но, несмотря на сложные трамповские манёвры, позиции США остаются уязвимыми. Если потенциальные жертвы американской агрессии (Россия, Китай, ЕС) сплотятся и решат любой ценой выстоять, запас прочности у Америки должен исчерпаться раньше (разве что Европу относительно легко поджечь изнутри, но это уже будет жестом отчаяния со стороны Вашингтона).

Коллективное предложение союзников американской стороне заключается в том, что они готовы пойти на определённые издержки ради мягкого приземления американской гегемонии, чтобы США не валились с грохотом и осколки от их падения не разлетались по всему миру. На сегодня это предложение неприемлемо США по описанным выше причинам. Чтобы избежать внутренней конфронтации глобалистской и изоляционистской элит, Америке нужен даже не свободный доступ к ресурсам всего мира, а не какой-то их части, но и полный контроль над ними.

С этой точки зрения, упорная, на грани мании, борьба глобалистов против Трампа, ведущая ко «второй гражданской войне» в США, независимо от внешнеполитической ситуации (по причине иррациональной ненависти сторон друг к другу) даёт шанс на то, что внутренняя угроза изоляционистам окажется сильнее их желания сохранить единство Америки, и им придётся пойти на уступки внешним партнёрам ради победы во внешнеполитическом противостоянии.

Но пока что Трамп выступает от имени всех США и действительно добросовестно пытается защищать общий американский интерес против всего мира. Поэтому на сегодня Москва может с кем угодно договариваться против Вашингтона, но не может договариваться с Вашингтоном даже о своём нейтралитете в его борьбе с потенциальными и реальными союзниками России.

Юрий Тавровский

Китай: перемены по расписанию

«Наши перспективы ясные, но путь извилистый», — как-то на склоне своих лет изрек Мао Цзэдун. Что за «ясные перспективы» он видел для ввергнутой им же в «большой скачок» и «культурную революцию» многострадальной нации? Никаких проработанных долгосрочных программ «великого кормчего» до нашего времени не дошло. Но вот насчет «извилистого пути» прогноз полностью оправдался. Один крутой поворот сменялся другим, страна катилась вниз все быстрее и чуть не сорвалась в пропасть. После этого несколько поколений китайских руководителей были поглощены налаживанием нормальной жизни и наращиванием экономического потенциала. Им было не до попыток заглянуть за горизонт. Первую долгосрочную перспективу для Китая наметил Си Цзиньпин, выдвинув в конце 2012 года программу «Китайская мечта», рассчитанную до 2049 года с промежуточным рубежом 2021 года (100-летия образования КНР и основания Компартии Китая). На XIX съезде КПК добавился еще один рубеж — 2035 год. Определены и конкретные цели для каждого из этапов 37-летнего марафона.

В 2020 году наступит «средняя зажиточность»

Выдвижение среднесрочных и долгосрочных ориентиров стратегического развития крайне важно и является необходимым условием устойчивого движения вперед. Но неизбежно встает вопрос о достижимости этих ориентиров. Трудно загадывать до 2035 и, тем

более, до 2049 года. Но вот в реальности выполнения программы до 2021 года и построения в Китае «общества средней зажиточности» (*сяо кан*) сомневаться уже не приходится.

Дело в том, что за пять лет, прошедших после состоявшегося в 2012 году XVIII съезда КПК, в Китае была опробована новая модель социально-экономического развития. Она получила название «социализм с китайской спецификой новой эпохи», поскольку является глубокой модификацией предыдущей модели под названием просто «социализм с китайской спецификой». Успешно проработавшая около 30 лет старая модель «архитектора реформ» Дэн Сяопина с середины «нулевых» годов становилась всё менее эффективной, и ей на смену был предложен целый комплекс принципиально новых стратегий под общим названием «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации». Сокращенно — «Китайская мечта».

В конце 2012 года Си Цзиньпин выдвинул этот долгосрочный план и вскоре стал дополнять его появлявшимися одной за другой стратегиями: «новая норма» — в области экономики, «управление государством при помощи законов» — в общественной жизни, «один пояс и один путь» — в области международных экономических связей. Эти стратегии и другие, менее масштабные тактические установки, дополняли друг друга и постепенно сложились в целостную и успешно функционирующую систему. Ко времени проведения XIX съезда КПК в конце октября 2017 года стало совершенно ясно, что пятилетний испытательный период эксперимента под названием «Китайская мечта» завершился вполне удачно.

Возьмём для начала важнейшие экономические показатели, которые иллюстрируют реализацию стратегии «новая норма» (*синь чантай*). Они

впечатляют. Официальные данные Статистического управления правительства таковы: за 2013–2016 годы среднегодовой рост ВВП Китая был на уровне 7,2 %. Для Китая это означает, что программа-минимум «Китайской мечты» — построение к 2020 году «общества средней зажиточности» — будет выполнена. Ведь для этого было бы достаточно и 6,5 %-ного роста. Впечатляют и другие показатели: двухпроцентная инфляция и пятипроцентная безработица. Это означает, что Китай преодолел наблюдавшуюся с середины «нулевых годов» тенденцию затухания темпов экономического развития и вышел на траекторию устойчивого прогресса.

КНР осталась локомотивом глобальной экономики — с 2013 по 2016 годы её вклад в мировое хозяйство достиг примерно 30 %, превысив сумму общего вклада США, Евросоюза и Японии. Доля ВВП КНР в мировой экономике в 2016 году составила 14,8 %, что на 3,4 % выше, чем в 2012 году. Закрепление на XIX съезде «новой нормы» как составной части «социализма с китайской спецификой новой эпохи» позволяет другим странам выстраивать свои стратегии экономического развития с учётом мощного и долгосрочного фактора Китая.

Стоит отметить, что «новая норма» с самого начала подразумевала переход к высококачественному развитию. Вместо гонки за высоким процентом прироста ВВП и ставки на завоевание экспортных рынков любой, подчас весьма высокой, ценой (низкие зарплаты, загрязнение окружающей среды, неравномерность развития города и села, разных регионов), началась переориентация на рынок внутренний, который призван стать главной движущей силой экономического роста. С 2013 по 2016 годы вклад конечного потребления в экономический рост составил больше половины — 55 %. Ряды потребителей

расширяются за счёт роста доходов граждан, легализации сельских жителей-мигрантов в городах, быстрого сокращения числа бедных. В 2017 году средний доход населения составил 25974 юаня (4033 долл.). При этом доходы в городах и деревнях составили соответственно 36396 и 13432 юаня. К концу 2016 года в городах жило 57,4 % населения Китая, это почти на 5 % больше, чем четырьмя годами раньше.

Искоренение бедности, одна из главных задач Си Цзиньпина, тоже идет уверенными темпами. Численность живущих ниже черты бедности (2300 юаней в год) составляла к осени 2017 года 43 млн. 350 тысяч человек, то есть это число сократилось на 55 млн. 640 тысяч по сравнению с 2012 годом. Уже к 2020 году не только должно быть покончено с нищетой в масштабах всего Китая — к этому времени, как подсчитали китайские экономисты, численность «среднего класса» составит 440 млн. человек. Еще через 10 лет, к 2030 году, согласно оценкам американских экспертов из Института Брукинга, «средний класс» будет насчитывать 850 млн. человек, то есть 73 % жителей Поднебесной.

Конечно, кому-то в жизни повезет больше, кому-то меньше. Но никто не упадёт, разбившись насмерть. Для этого предусматриваются «страховочные сети», вводятся общенациональная система социального обеспечения, а также небывалая в истории Поднебесной всеобщая пенсионная система. К 2020 году 90 % граждан Китая получают карты соцстрахования, гарантирующие минимальные стандарты обеспечения жизни. Для пожилых людей очень важно и такое нововведение, как отмена наценок на продаваемые в больницах лекарства. Уже подсчитано, что только эта мера сократит личные расходы граждан в общей стоимости услуг здравоохранения сразу до менее 30 %.

Завершение социалистической модернизации

К числу самых важных и довольно неожиданных новаций XIX съезда, «главного партсобрания КПК», надо отнести выдвижение еще одной вехи на пути к 2049 году, когда ожидается реализация всего плана «Китайская мечта». Если раньше была лишь одна, промежуточная веха, и подчеркивалось, что к 2020 году (именно тогда завершится выполнение текущей пятилетки) будет покончено с нищетой и сформируется «общество среднего достатка», то теперь решение этой задачи может считаться практически обеспеченным, и на пути к реализации «Китайской мечты» появился новый рубеж — 2035 год. «На основе полного построения общества среднего достатка за 15 лет упорной борьбы предстоит в основном осуществить социалистическую модернизацию», — заявил в своем докладе XIX съезду Си Цзиньпин. Практичным китайцам предлагается потрудиться во имя выполнения программы, в реальности которой большинство из них сможет убедиться еще при собственной жизни. Весьма показательна нарисованная Си Цзиньпином картина общества, которое будет создано к 2035 году.

«К тому времени значительно возрастет экономическая и научно-техническая мощь страны, Китай поднимется до уровня стран — лидеров инновационного типа. Будет полностью обеспечено право народа на равноправное участие в общественных делах и равноправное развитие. Будет в основном завершено создание правового государства, правового правительства и правового общества. Все механизмы и институты станут более совершенными, в основном будет осуществлена модернизация системы и потенциала государственного управления... Жизнь

народа станет зажиточнее, заметно вырастет доля населения со средним уровнем доходов, резко сократится разрыв в уровне развития города, села и регионов, сократится также разрыв в уровнях жизни разных слоёв населения. В основном будет обеспечен равный доступ к ключевым общественным услугам, будут сделаны твердые шаги к достижению всеобщей зажиточности населения. Будет в основном сформирована современная архитектура социального управления. Общество станет не только жизнеспособным, но также гармоничным и упорядоченным. Коренным образом улучшится окружающая среда, в основном будет выполнена задача создания «прекрасного Китая».

Перенос центра тяжести всего экономического развития Китая с покорения внешних рынков на обслуживание собственных потребителей не только означает справедливый возврат долгов перед обществом, накопившихся за десятилетия «реформ и открытости». Тяжкий и зачастую недостаточно оплачиваемый труд сотен миллионов тружеников позволил Китаю стать «мастерской мира», накопить огромные финансовые запасы. Но важно и то, что ликвидация бедности, повышение стандартов жизни большинства китайцев до уровня «среднего класса» будут означать возникновение небывало ёмкого рынка из 1400 млн. потребителей. Си Цзиньпин в своём докладе предложил считать главной проблемой китайского общества «противоречие между постоянно растущими потребностями народа в прекрасной жизни и неравномерностью и неполнотой развития». Как будет решаться это противоречие? В программных материалах XIX съезда выделяются следующие основные направления.

Заканчивается период высоких темпов развития экономики и усиливается акцент на

высококачественное развитие. За минувшие пять лет темпы роста в среднем составили 7,2 %, что ниже показателей предшествующих десятилетий, но выше среднемировых (2,6 %). Поддерживать приемлемые темпы помогут испытанные средства, в том числе вложения в создание инфраструктуры: скоростных железных и шоссейных дорог, воздушных и водных путей сообщения, трубопроводов и электрических сетей, логистических центров и новых городов. Эти многомиллиардные вложения помогут смягчить последствия ликвидации избыточных мощностей и высвобождения рабочей силы.

Новыми источниками роста станут инновационное развитие, особенно — оптимизация экономики, её производственной и отраслевой структуры, сокращение численности работников в низкооплачиваемых отраслях и расширение числа высокооплачиваемых ставок в производствах товаров с высокой добавленной стоимостью. С 2015 года реализуется программа «Сделано в Китае 2025», призванная обеспечить глобальное первенство в более чем 10 стратегических высокотехнологичных отраслях: от робототехники до беспилотных автомобилей на альтернативных источниках энергии.

Устранению главного противоречия будет способствовать начавшийся период быстрого роста «среднего класса» или, как говорят в Китае, «людей со средним уровнем доходов». В минувшие несколько лет эта группа населения расширялась быстрее, чем темпы роста ВВП. Теперь, при ожидаемом замедлении темпов, важно найти пути пополнения «среднего класса» за счет новых сегментов. Весьма серьезный источник — это превращение всё ещё сверхэксплуатируемых внутренних мигрантов в полноправных граждан и потребителей. Армия покинувших свои деревенские дома и устремившихся в города крестьян в конце 2016

года оценивалась в 282 млн. человек! Столь впечатляющие цифры будут быстро сокращаться по мере того, как на селе будут создаваться новые рабочие места, в том числе — в сфере электронной торговли и других форм предпринимательства. С введением новых правил, мигранты смогут легально прописаться в городах, заняться бизнесом, получить стандартный доступ к медицинскому обслуживанию и образованию, пенсионному обеспечению и т. д.

Нижние сегменты «среднего класса» вырастут и за счёт создания общенациональной пенсионной системы. Пока пенсию получают далеко не все категории пожилых людей, да и разница в пенсиях этих категорий очень велика. На конец 2015 года в Китае насчитывалось 222 млн. человек старше 60 лет, это примерно 16 % граждан. Население довольно быстро стареет, и без внедрения невиданной в истории Китая всеобщей пенсионной системы возможна как социальная нестабильность, так и сокращение числа потребителей.

Не забыта и молодёжь. Система дошкольного образования уже за следующие три года охватит 85 % детишек по сравнению с нынешними 77 %. Старшие классы школы будет посещать 90 % юношей и девушек по сравнению с нынешним уровнем в 87 %. Студентами станут 50 % выпускников по сравнению с нынешними 42,7 %. Эти цифры в статье известного ученого Ху Аньгана из Университета Цинхуа хорошо иллюстрируют провозглашенный на XIX съезде КПК поворот к изначальным целям китайского социализма.

Улучшение качества жизни невозможно без решения или хотя бы ослабления жилищной проблемы. В этой области создалась парадоксальная ситуация — ежегодно строится огромное количество новых домов, целые районы и даже новые города, но на конец 2017 года непроданными оставались 590 млн. кв. м коммерческих площадей, включая жильё, офисную и

другую недвижимость. Стоит учесть, что даже эта гигантская цифра на 15 % меньше итогов предыдущего года — сказались стимулы правительства: льготные ставки на кредиты, административное ограничение цен и т. д. Но всё равно стоимость «квадрата» подчас лишает молодых людей, даже неплохо зарабатывающих, возможности купить жильё и завести семью. В то же время простаивают новостройки, из-за ошибок девелоперов возникли даже целые «мёртвые города».

«Средний класс» будет расти и в своих верхних сегментах. Заканчивается период жесткого контроля и усиливается поощрение инновационной и предпринимательской деятельности. Отменяется система обязательного одобрения инвестпроектов властями разного уровня — вместо этого создается ограниченный «негативный список» в областях, затрагивающих национальную безопасность и международную деятельность. За его пределами можно вкладывать средства в любые начинания в уведомительном порядке, без предварительного разрешения. Пока такие правила действуют только в 11 зонах свободной торговли. Но скоро весь Китай станет единой свободной торговой зоной.

Росту благосостояния китайцев будет содействовать политика «открытых дверей»: как для импорта зарубежных товаров, капиталов и технологий, так и для экспорта китайской продукции на внешние рынки. «Следует и дальше уделять внимание заимствованиям извне и выходу вовне. За счет расширения внешней торговли, культивирования новых форм хозяйственной деятельности и новых моделей торговли следует интенсивнее превращать Китай в полноценную торговую державу», — подчеркивалось в докладе съезду.

Качество жизни китайцев неотделимо от качества окружающей среды. К 2035 году будет ликвидирован затяжной экологический кризис. Сейчас загрязнены пятая часть рек и озёр, пятая часть земель. В 80 % городов воздух не соответствует даже самым минимальным стандартам. Сокращается продолжительность жизни, усиливается выезд ценных специалистов за рубеж. В то же время концентрация вредных примесей в воздухе за последние пять лет сократилась на треть, в Пекине и других утопавших в смоге городах всё чаще застаёшь солнечные дни. Теперь борьба с загрязнением будет вестись самым эффективным методом — за счёт экологически неблагоприятных предприятий при ужесточении контрольных функций государства, которое создаст новые органы контроля. То же самое относится и к весьма острой проблеме продовольственной безопасности. Ужесточается контроль за соблюдением стандартов, которые будут существенно ужесточены. К 2035 году нормой для Китая должны стать зелёные горы, чистая вода, голубое небо — то есть, говоря словами Си Цзиньпина: «Прекрасный Китай».

Великое возрождение Китая

Как будет выглядеть Китай в 2049 году, по завершении начатого в 2012 году марафона под названием «Китайская мечта»? По понятным причинам, конкретных параметров Пекин пока не публикует. В докладе на XIX съезде Си Цзиньпин нарисовал контуры «великого возрождения китайской нации» довольно широкими мазками. «После осуществления в основном модернизации страны, пройдя еще один пятнадцатилетний этап упорной борьбы, предстоит превратить нашу страну в богатую и могущественную,

демократическую и цивилизованную, гармоничную и прекрасную модернизированную социалистическую державу. К тому времени будет значительно повышен уровень материальной, политической, духовной культуры, а также уровень цивилизованности общества и экологической цивилизации Китая, будет осуществлена модернизация системы и потенциала государственного управления. К тому времени Китай по совокупной национальной мощи и международному влиянию войдёт в число стран-лидеров, в основном будет достигнута всеобщая зажиточность, народ будет жить ещё более счастливой и благополучной жизнью. Китайская нация сможет предстать в семье мировых наций с более гордо поднятой головой».

Залогом выполнения всех этих впечатляющих планов должно стать соблюдение принципов социальной справедливости и сокращения нынешнего небывалого разрыва между «верхами» и «низами», создания сравнительно однородного общества. Ради этого не только ведётся борьба с бедностью и выращивается средний класс, но также активизируется борьба с коррупцией. Если формулой «сяо кан» выражена ближайшая цель движения вперёд, то для характеристики грядущего состояния китайского общества лучше всего подойдет другой конфуцианский термин — *да тун*, «великое единение». Этот термин обозначает восславленный многими поколениями философов, поэтов и мечтателей идеал обеспеченного и справедливого общества для всех. «Поднебесная принадлежит всем — это великое Дао», — заявил на съезде главный коммунист Китая.

Насколько велико «окно возможностей»?

XIX съезд КПК стал высшей точкой развития Китая за 40 лет политики «реформ и открытости».

С неё видна и впечатляющая перспектива будущего могущества Поднебесной. Перспектива поистине глобальная. С 2016 года Пекин стал говорить о собственном видении мирового развития, глобального управления. Очевидно, в пекинских «мозговых трестах» сочли необратимой тенденции деглобализации Запада, внутренних распрей в Америке, стагнации в Европе и России, перманентной нестабильности на Ближнем Востоке. На этом фоне успехи движения по пути «социализма с китайской спецификой новой эпохи» выглядели впечатляющим контрастом.

Открылось небывалое «окно возможностей». Глядя в это «окно», Си Цзиньпин провозгласил концепцию под названием «создание сообщества единой судьбы человечества» в качестве теоретической основы международной деятельности партии и, следовательно, всего Китая.

Понимая возможный рост настороженности в отношении глобальных устремлений Поднебесной, руководитель КНР призвал мировое сообщество не бояться Китая: как нынешнего, так и того, который возникнет в обозримом будущем. «Наше развитие не представляет угрозы ни для какого бы то ни было государства. Какого бы уровня в своём развитии ни достиг Китай, он никогда не будет претендовать на положение гегемона, никогда не будет проводить политику экспансии».

После XIX съезда КПК прошло всего несколько месяцев, как вдруг на до сих пор гладком пути к достижению поставленных масштабных целей стали возникать шероховатости и иные препятствия. Главным источником китайских неприятностей стали США, чьи элиты окончательно разглядели в Поднебесной главного конкурента или даже экзистенциального

противника. Выразителем этих настроений стал президент Дональд Трамп, хотя и его соперница от Демократической партии Хиллари Клинтон тоже не жалела обещаний «обуздать Пекин» в своих предвыборных речах. Несмотря на примирительные слова китайских руководителей, неожиданный визит Си Цзиньпина в Америку и сверхтёплый прием Трампа в Пекине, сопровождавшиеся многомиллиардными льготными контрактами, Вашингтон развязал торговую войну. Списки облагаемых пошлинами китайских товаров расширяются, ставки тарифов растут на глазах. Китай отвечает адекватно. «Обмен огнём» нарастает с каждой неделей.

Экономические последствия американских санкций уже начали сказываться: падает курс юаня, замедлились темпы роста ВВП. Довольно неожиданно торговая война стала влиять и на внутреннюю обстановку в Китае. Партийное руководство велело перестать похвалять в СМИ об успехах на всех фронтах экономики и науки, о превосходстве Китая над США и другими ведущими державами мира. Впору вспомнить слова Сталина про «головокружение от успехов», сказанные после проблем с коллективизацией советской деревни. В партийной печати появились передовые статьи с призывами к трезвой оценке достижений и проблем. Наиболее активных т. н. «триумфалистов» пытаются изгнать с университетских кафедр и редакционных кабинетов. На глазах меняется поведение молодых бизнесменов и сотрудников государственных компаний, которые ещё недавно, позабыв о традиционной китайской вежливости и деловой этике, чувствовали себя «новыми хозяевами мира»: вызывающе вели переговоры, не соблюдали положения даже подписанных соглашений, меняя их условия под предлогом «новых обстоятельств», годами задерживали платежи за поставленные товары и

услуги. Не исключено, что этот «субъективный фактор» повлиял на недавний отказ сразу нескольких стран зоны «Шелкового пути» от совместных с Китаем проектов или пересмотра их условий.

В то же время в интернете и даже в некоторых печатных изданиях появились публикации с мягкой критикой нынешнего руководства за забвение совета Дэн Сяопина «не высовываться и накапливать силы» во внешней политике, за чрезмерную помощь третьим странам, за излишнюю активность в борьбе против коррупции, за воспевание коммунистических традиций времен не только Дэн Сяопина, но и Мао Цзэдуна... Особенно сильны такие критические настроения в приморских провинциях, тесно связанных с американским рынком производственными цепочками. Там всерьёз опасаются закрытия предприятий и массовой безработицы.

«Либералы поднимают голову», — говорил мне недавно известный китайский политолог, активный сторонник Си Цзиньпина. В свою очередь, активизируются и «маоисты» — бывшие хунвэйбины, не без ностальгии вспоминающие о погромах власть и деньги имущих в годы «культурной революции», недовольные расширением прослойки сверхбогатых людей, их влиянием на современное китайское общество.

Насколько серьёзны внешние и внутренние проблемы, стоящие перед Пекином? Смогут ли они замедлить движение высокоскоростного локомотива «Китайская мечта» или даже пустить его под откос? Думаю, что накопленные КНР за «тучные годы» валютные резервы (3.14 трлн. долл. в конце 2017 года) помогут довольно долго и успешно сопротивляться натиску США. Начавшаяся ещё несколько лет назад переориентация на растущий собственный рынок, а также расширение выхода на рынки стран БРИКС, ШОС,

Евросоюза, АСЕАН также смягчат последствия американо-китайской торговой войны.

Что касается внутреннего положения, то санкции в первую очередь повлияли на ту часть общества, которая и без того была ориентирована на Запад, связана с ним явными и тайными нитями: обучением детей в престижных университетах, обладанием счетами и недвижимостью. Зато это давление может усилить и без того сильные националистические чувства гораздо большего числа китайцев, а также одобряющих курс Си Цзиньпина армии и органов безопасности. Взятая после XIX съезда линия на возрождение и укрепление социалистических ценностей может стать ещё более выраженной. Кроме того, Китай способен активизировать свои усилия по созданию альтернативной «империи доллара» финансовой системы, вытесняя нынешнюю «валюту номер один» из расчётов со своими партнерами, а также выводя активы из американской банковской системы. Ещё одной составляющей комплексного ответа Пекина на действия Вашингтона может стать быстрое сближение с Москвой — вплоть до создания военно-политического союза.

В любом случае, даже при задержке на каком-то отрезке пути, локомотив «Китайская мечта» может нагнать своё отставание на другом. В целом движение идёт по расписанию. Следующая станция — 2020 год, Затем — 2035 год. Прибытие в пункт назначения — год, 2049.

Андрей Островский **КНР: есть ли пределы роста?**

Вот уже много лет, начиная с 80-х гг. прошлого века, многочисленные эксперты предсказывают экономике КНР стремительное снижение темпов роста и, в конечном счете, крах всего «китайского проекта», вплоть до распада самой населённой страны мира. Для доказательства этого тезиса приводятся такие возможные факторы, как последствия от вступления КНР в ВТО, закрытие большого количества нерентабельных предприятий, большой разрыв в доходах между богатыми и бедными, приморскими и внутренними районами, сложности в получении банковских кредитов для большинства предприятий, а также проблемы народонаселения и экологии. Как основной аргумент, доказывающий правоту этих экспертов, выдвигался также тезис о том, что публикуемые ГСУ КНР с начала 1980-х гг. статистические данные являются завышенными, и мировое сообщество просто переоценивает результаты китайских экономических реформ.

В последнее время активно заговорили о том, что Китай исчерпал все внутренние резервы роста, и для дальнейшего устойчивого развития ему необходимо активно развивать внешнеэкономическую экспансию, наращивать объем инвестиций за рубежом. Поэтому для сдерживания развития китайской экономики рекомендуют ограничивать потенциал внешнеэкономических связей Китая и с этой целью даже идти на нарушения основных принципов ВТО. Судя по всему, в США всерьез восприняли эти рекомендации и начали против КНР торговую войну,

пытаюсь ограничить китайский экспорт и инвестиции за рубеж.

Огромные диспропорции в развитии между приморскими и внутренними районами — это реальность, поскольку на протяжении многих лет Китай развивался неравномерно, в основном — за счёт своих приморских районов. С начала XXI века в Китае реализуются различные программы регионального развития, которые предусматривают значительные инвестиции в экономику западных, центральных и старых промышленных северо-восточных районов Китая. Однако практически по всем основным экономическим показателям: объём ВВП, инвестиций, внешней торговли, размер местных бюджетов, жизненный уровень населения, — территории внутренних районов Китая значительно уступают приморским провинциям. Но такая ситуация показывает, что внутренние районы КНР являются гигантским резервом для развития её экономики в XXI веке. Реально ли это?

Если сопоставлять результаты социально-экономического развития Китая за 1980–2017 гг. с результатами таких стран, как Индия и Россия, то мы увидим, что в начале 80-х гг. Китай и Индия находились примерно на одном уровне, а в настоящее время Китай опережает Индию в 5 раз. 25 лет назад экономика России была больше китайской, а сегодня объём российской экономики составляет всего 12 % от экономики КНР.

В то время, как мировая экономика время от времени попадает в полосу различных финансовых и экономических кризисов, Китай уверенно движется вперед. На фоне остальных стран мира его экономика растёт примерно в 2 раза быстрее и является главным «локомотивом» мирового развития. КНР сохраняет лидирующее положение в мире в сфере внешней

торговли: 1-е место в мире по объему экспорта и 2-е место по объему импорта. Китай становится одним из основных игроков на международном финансовом рынке, китайская валюта вошла в корзину обязательного резервирования МВФ наряду с американским долларом, евро, британским фунтом и японской иеной.

Отсюда можно сделать вывод, что активно разрабатываемые на Западе «теории о распаде Китая» (*Чжунго бэнкуйлунь*) не соответствуют реальному положению дел. И, как отметил в интервью китайской газете «Хуаньцю шибао» в ходе XIX съезда КПК (октябрь 2017 г.) профессор Фуданьского университета (Шанхай) Чжан Вэйвэй, «в настоящее время «теория о распаде Китая» сама потерпела полный распад».

Тем не менее, в настоящее время для устойчивого социально-экономического развития Китая существует ряд проблем — таких, как нехватка энергоресурсов, избыточное население за пределами трудоспособного возраста, чрезмерная загрязненность окружающей среды. Безусловно, эти проблемы тормозят поступательное развитие Китая, затрудняют решение поставленных задач построения общества «малого благоденствия».

Составление научно обоснованного прогноза развития китайской экономики — дело сложное. Зачастую не только долгосрочные, но и кратко- и среднесрочные прогнозы по Китаю оказывались весьма далекими от реальности: как в силу недостаточного знания прогнозистами китайской действительности, так и недооценки потенциала самого Китая. В настоящее время необходимо обратить внимание на ранее сделанные прогнозы развития китайской экономики: 1) американских ученых; 2) советских и российских ученых; 3) китайских ученых и государственных структур КНР.

Американские прогнозы

В начале XXI века американские ученые, как правило, давали весьма скромные прогнозы развития китайской экономики. По этим прогнозам, до 2010 г. среднегодовые темпы прироста ВВП КНР должны были составлять: 6,5–8,5 % (А.Кейдл), 5,5–7,5 % (А.Мэдисон), 5,5–6,0 % (А.Сигал), 6,6 % (Всемирный банк), 9,0 % (Лоуренс Лоу), 2,0–2,5 % (Т.Равски). Тем не менее, официальные среднегодовые темпы прироста ВВП КНР составили в 1979–2010 гг. — 9,9 %, а в 2001–2010 гг. — 10,5 %. Как можно видеть, наиболее точным оказался прогноз американского профессора Лоуренса Лау из Стэнфордского университета. Однако другие американские ученые, в частности, Т.Равски и А.Уолдрон неоднократно выступали с заявлениями о фальсификации китайской статистики и возможности резкого падения ВВП после вступления КНР в ВТО в 2001 г. по причинам, связанным с неконкурентоспособностью китайских товаров как на мировом, так и на внутреннем рынке в условиях снижения таможенных тарифов, ликвидации нетарифных ограничений, отмены импортных квот и др.

По вопросу темпов прироста ВВП КНР еще в 2003 г. состоялась полемика двух известных американских китаеведов: экономистов Томаса Равски и Николаса Ларди о качестве китайской статистики и способах проверки китайских данных. В ходе этой полемики Н.Ларди убедительно доказал, соответствие данных китайской статистики по ВВП реальному положению дел на основе таможенных данных по росту импорта в КНР (проверяемые показатели по данным внешнеторговой статистики, как международных организаций, так и стран-торговых партнеров Китая). В дальнейшем американскими учеными был подготовлен

доклад о ситуации в мировой экономике и политике в 2025 году, который обсуждался на встрече американских и российских ученых в Институте США и Канады РАН в 2008 году, когда между Россией и США были нормальные отношения. В своем докладе американские ученые сделали вывод, что уже к 2025 году КНР обгонит США по объему ВВП по текущему курсу юаня к доллару.

Советские и российские прогнозы

В СССР также составлялись прогнозы развития китайской экономики до 2000 года и позднее — в частности, в Институте Дальнего Востока РАН.

Первый прогноз такого рода был составлен еще в 1983 году под руководством Е.А. Коновалова. В основу данного прогноза легли заявления китайского руководства на XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.) об учетверении (*фань лян фань*) показателя валовой продукции промышленности и сельского хозяйства (ВППиСХ) в 4 раза в 2000 году по сравнению с 1980 годом, а также о необходимости сдерживания численности населения КНР на уровне 1,2 млрд. человек до 2000 года. Это означало, что в 2000 г. объем ВППиСХ должен составить 2,8 трлн. юаней (примерно 1,7 трлн. долл. по текущему курсу на 1981 год), то есть в 4 раза выше озвученного на XII съезде КПК показателя на 1980 год — 700 млрд. юаней. В то время многие российские эксперты также сильно сомневались в возможности достижения таких показателей.

Однако на практике прогнозные показатели были превышены уже в 1994 году, как по объему ВППиСХ, так и по численности населения.

В конце XX-начале XXI века в ходе возвышения Китая в российской научной печати также стали

появляться различные прогнозные оценки. В частности, В.Гельбрас полагал, что реальные показатели китайской экономики ниже, чем данные в статистических сборниках из-за расхождений данных по темпам прироста ВВП и объемам грузоперевозок и потребления всех видов энергии. В то же время А.Анисимов, наоборот, считал, что Китай занижает экономические показатели, многие статистические данные занижены из-за суженной учетной базы, многие данные публикуются с различным уровнем репрезентативности, а немалая часть производства вообще не фиксируется.

В частности, говоря о китайской статистике, следует отметить, что в КНР показываются отдельно данные о добавленной стоимости в промышленности — 18 трлн. юаней и валовая продукция промышленности сверхлимитных предприятий — 62 трлн. юаней в 2010 г... В формировании валового внутреннего продукта участвует только первый показатель, в то время как реальный потенциал экономики страны во многом определяет показатель валовой продукции промышленности, который уже лучше коррелируется с годовым объемом инвестиций в основные производственные фонды на 2010 год — 27,8 трлн. юаней (70 % ВВП и 44,8 % ВПП).

Китайские прогнозы

В 1996 г. в Китае был подготовлен прогноз развития социально-экономического развития страны под руководством известных экономистов Юй Гуанюаня и Ли Чэнсюня. В нем рассматривались три этапа развития Китая: предполагалось, что в 1996–2010 гг. темпы прироста ВВП **составят 8–9 % (в среднем 8,5 % в год)**, ВВП в 2010 г. достигнет 20 трлн. юаней, а

душевой показатель — 14000 юаней в год. Согласно статистическим данным на 2010 год среднегодовые темпы прироста ВВП оказались выше предусмотренных данным прогнозом, что привело к двукратному превышению показателя ВВП — 40 трлн. юаней вместо 20 трлн. в 2010 г. и более чем двукратному превышению душевого показателя ВВП — примерно 30000 юаней по сравнению с 14000 юаней в год на человека в 2010 г.

На втором этапе, в 2011-2030 гг., предусматривались уже более низкие темпы прироста ВВП — **6-7 % годовых (в среднем 6,5 % в год)**, при выходе на показатель ВВП в 70 трлн. юаней и душевой показатель в 45000 юаней к 2030 году.

Таким образом, сделанный в начале XXI века коллективом Института современных проблем университета Цинхуа (Пекин) под руководством профессора Ху Аньгана прогноз социально-экономического развития Китая можно рассматривать на фоне ранее подготовленного долгосрочного прогноза АОН Китая и Центра стратегического развития Госсовета КНР. В прогнозе Ху Аньгана были намечены следующие основные цели социально-экономического и политического развития Китая к 2030 году:

1) стать «государством всеобщей зажиточности» (*гунтун фуюй*), всеобщей мощи, всеобщих инноваций, всеобщего распределения» для более чем миллиардного народа;

2) стать самой мощной в мире экономикой, обогнав США по объему ВВП более чем в 2,0-2,2 раза;

3) стать «страной счастья» для всего населения, обогнав США по показателю индекса развития человеческого потенциала в 3,2 раза;

4) стать «зеленой страной», то есть экологически чистым государством.

С 1979 года Дэн Сяопин в своих выступлениях неоднократно ставил цель достижения «большой

китайской мечты» «малого благоденствия», для реализации которой выдвигались лозунги «семья малого благоденствия» (*сяокан чжицзя*), «уровень малого благоденствия» (*сяокан шуйпин*), «общество малого благоденствия» (*сяокан шэхуэй*), реализация которых была необходимым этапом для приближения Китая к осуществлению «всеобщего единства» (*датун*). Для построения общества «всеобщей зажиточности» Дэн Сяопин выделил два этапа развития: 1978–2001 гг. под лозунгом «пусть богатеют передовые» и с 2002 г. под лозунгом «всеобщей зажиточности». То есть на первом этапе, до 2002 года, предусматривался ускоренный рост благосостояния для той части населения, большая часть доходов которой являлась либо оплатой квалифицированного труда, либо различными видами предпринимательских доходов. На втором этапе, с 2002 года, планировалось перейти к иным формам распределения национального дохода — таким, как различные фонды социального страхования, пенсии, пособия, бесплатное образование и здравоохранение и другие формы льгот и дотаций для социально незащищенной части общества.

Для достижения цели построения «общества всеобщей зажиточности» к 2030 году в КНР была намечена **программа «модернизации с китайской спецификой»**, состоящей из четырех шагов:

1) 1978–1990 гг. — переход от бедности к уровню «обогреть и накормить» (*вэньбао шуйпин*);

2) 1990–2000 гг. — переход от уровня «обогреть и накормить» к уровню «малого благоденствия» (*сяокан шуйпин*);

3) 2000–2020 гг. — переход от уровня «малого благоденствия» к «обществу малого благоденствия» (*сяокан шэхуэй*);

4) 2020–2030 гг. — переход от общества «малого благоденствия» к обществу «всеобщей зажиточности»

(гунтун фуюй).

За это время Китай уже совершил большой рывок в плане повышения государственной мощи (по объему ВВП): с 10-го места в 1978 году до 5-го места в 2000 году, 2-го места в 2010 году и, согласно прогнозам коллектива университета Цинхуа **должен выйти на 1-е место в мире по номинальному объему ВВП к 2020 году.**

В рамках экономического цикла с 1820 по 2030 гг., согласно расчетам Ху Аньгана, по паритету покупательной способности (ППС) Китай к 2030 году займет лидирующие позиции в мировой экономике, подняв свою долю с 4,6 % в 1973 г. до 11,8 % в 2000 г., 20,7 % в 2010 г., 28,9 % в 2020 г. и до 33,4 % в 2030 г., опередив США.

За последние годы значительно вырос объем внешней торговли Китая: с 20,6 млрд. долл. в 1978 г. до 4,16 трлн. долл. в 2017 г., т. е. более чем в 200 раз. Прогнозируется, что Китай заметно увеличит свою долю в мировом экспорте: с 10,4 % его общего объема в 2010 г. до 24,0 % в 2030 г.; и в мировом импорте: с 9,1 % в 2010 г. до 27,0 % в 2030 г.

Следовательно, Китай уже в первой трети XXI века должен изменить свой нынешний статус «мировой фабрики» на статус «мирового рынка».

Такая ситуация связана и с изменениями мировых инвестиционных потоков. Если в 2000 году суммарная доля иностранных инвестиций в КНР и зарубежных инвестиций из КНР составляла всего 2,9 % мирового объема, то в 2009 году она составила уже 8,5 %, в 2020 г. должна достигнуть 15 %, а в 2030 г. — уже 20 %, что будет равно всему объему инвестиций в зоне НАФТА и ЕС. В 2017 г. общий объем прямых иностранных инвестиций в КНР составил 131 млрд. долл., а из КНР — 120 млрд. долл. К 2030 г. общий объем прямых инвестиций в КНР и из КНР должен будет составить

примерно 4,5–5,0 трлн. долл. Таким образом, по мнению авторов прогноза, **к 2030 г. Китай станет и крупнейшим рынком инвестиций в мире.**

Согласно китайским прогнозам, среднегодовые темпы роста мирового ВВП за 2006–2020 гг. составят примерно 4,2–4,4 % по сравнению с 4,0 % в 2001–2005 гг. и 3,1 % в 1991–2000 гг. — прежде всего, за счет роста экономик КНР и Индии. В КНР среднегодовые темпы роста ВВП в 2001–2016 гг. были на уровне 9,5 %, а в 2017 г. показатель ВВП КНР составил 82,7 трлн. юаней (12,5 трлн. долл. по текущему валютному курсу и 23,2 трлн. долл. по паритету покупательной способности (ППС)).

В последующие 10 лет темпы экономического роста должны составить примерно 6,5–7,0 % в год, а объем ВВП — вырасти в 2 раза по сравнению с 2010 г. и превысить 80 трлн. юаней (12 трлн. долл.) или примерно 9500 долл. на душу населения в 2020 г. По этому показателю Китай войдет в число стран со средним доходом на душу населения. По объему ВВП на душу населения Китай в 2020 г. переместится с 76-го места на 52-е (19000 долл. на человека по ППС в 2020 г.).

Быстрое развитие мировой экономики создаст спрос на инвестиционные ресурсы. Потребность в них обеспечивается выбытием и заменой мощностей, созданных в 1975–2000 гг. В настоящее время Китай занимает 1-е место в мире по объему привлеченных инвестиций. Доля государственных вложений — минимальная во всех странах мира, в 2016 году она составила всего 5,2 %, на внутренние банковские кредиты пришлось 10,8 %, а на иностранные инвестиции — 227 млрд. юаней, или менее 0,1 % всех источников инвестиций (общий объем инвестиций за 2016 г. — 61,7 трлн. юаней). Главным источником

являются собственные средства предприятий — 65 % всех инвестиций Китая в 2016 г.

До вступления в ВТО, которое произошло в 2001 году, Китай практически не направлял инвестиции за рубеж, оставляя их внутри страны. Однако после вступления в ВТО капитала из КНР за рубеж резко активизировался, и по этому показателю опередил не только страны БРИКС, но и многие другие страны мира.

Предполагается, что в рамках глобальной научно-технической революции Китай станет основным актором на мировом рынке инноваций. Для этого у него есть предпосылки в виде стремительного роста общей численности инженерно-технических и научных работников, а также большого объема экспорта высокотехнологичной продукции по сравнению с ведущими странами мира. В частности, в 2000 г. в мире насчитывалось всего 6,88 млн. инженерно-технических и научных работников, из которых на Китай приходилось 690 тыс. человек (примерно 10 % общего количества), в 2007 г. — 7,21 млн. чел., из которых 1,42 млн. чел. (примерно 20 %) приходилось на Китай. Если в 2010 г. этот показатель составлял 2,554 млн. чел., а в 2016 г. — 3,85 млн. чел., то в 2030 г., по прогнозам китайских ученых, в мире будет насчитываться 15 млн. инженерно-технических и научных работников, из которых 4,5 млн. чел. (30 %) будут составлять ученые, инженеры и техники из Китая. В настоящее время о росте затрат на НИОКР лучше всего свидетельствует резкое увеличение экспорта высокотехнологичной продукции *made in China*. В частности, уже в 2006 г. по показателю доли экспорта высокотехнологичной продукции КНР вышел на 1-е место — 16,9 % объема мирового экспорта «хайтека», опередив США (16,8 %), ЕС (15,0 %) и Японию (8,0 %). Нетрудно предположить, что к 2030 г. Китай

упрочит свое лидирующее положение в мире по этому показателю.

Академия наук Китая в своем прогнозе предсказывает, что к 2040 году доход в КНР на душу населения составит более 20 тыс. долларов, по основным экономическим показателям Китай войдет в первые 40 стран мира, уровень охвата пенсионным и медицинским страхованием составит 100 %, уровень распространения высшего образования — свыше 80 %, средняя ожидаемая продолжительность жизни — более 80 лет, а по индексу развития человеческого потенциала КНР войдет в «топ-20» стран мира.

От прогнозов — к планам, от планов — к делам

За пятилетний период от XVIII съезда КПК (2012) до XIX съезда (2017) были сделаны заметные достижения в области науки и техники. В частности, был осуществлен запуск человека в космос, осуществляется создание космической станции «Тяньгун» («Небесный дворец») и спуск под воду в батискафе «Цзяолун» («Водяной дракон») на глубину 7200 метров в Марианской впадине на Тихом океане. Также за эти годы был создан самый быстродействующий суперкомпьютер в мире «Тяньхэ» («Млечный путь») и построена сеть высокоскоростных железных дорог общей протяженностью свыше 15 тыс. км, введена в эксплуатацию спутниковая навигационная система «Бэйдоу» («Северная Медведица») и создан истребитель J-20 с изменяющейся стреловидностью крыла, сопоставимый по своим характеристикам с американским истребителем пятого поколения F-53, а также проведены испытания гиперзвукового оружия.

Согласно оценкам ряда экспертов, в дальнейшем доля экономически активного населения начнет постепенно снижаться, и Китай будет вынужден ориентироваться не на привлечение большого количества занятой неквалифицированным физическим трудом рабочей силы, а на повышение производительности труда на каждом рабочем месте, в том числе — и в сельском хозяйстве. Это означает, что **за годы 13-й и 14-й пятилеток (2016-2025 гг.) Китай должен будет совершить переход от экстенсивных форм развития производства к интенсивным, к развитию инновационной экономики.** Только в этом случае можно будет решить проблему избыточного населения КНР за пределами рабочего возраста (свыше 60 лет) и относительной нехватки природных ресурсов, а также охраны окружающей среды за счет внедрения новых энергосберегающих технологий. Не случайно во время общения в Интернете с населением страны в 2012 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил о том, что «подъём Китая обеспечен за счет подготовки специалистов и развития образования, и в КНР уделяют большое внимание двум цифрам: **удельный вес расходов на образование в ВВП и расходов на научно-исследовательскую деятельность в объеме производства**». Именно эти меры позволят Китаю решить основную задачу перехода к интенсивным формам развития производства в ближайшее десятилетие и обеспечить поступательное движение вперед экономики страны.

По оценкам китайских ученых, к 2030 г. Китай по объему затрат на научно-технические разработки выйдет на 1-е место в мире, и его доля в ВВП страны составит 3 % (сейчас — 2,09 %), а в общем объеме мировых затрат достигнет 25 %. Однако при этом показатели КНР по выпуску научных статей и заявкам на патенты будут относительно ниже, чем в США и ЕС. К

этому моменту Китай также будет держать 1-е место в мире по доле экспорта высокотехнологичной продукции.

На наш взгляд, такое развитие событий вполне возможно, так как Китай уже значительно опередил США в области информатизации и стал «мощным информатизированным государством в мире» (*шицзе синьсихуа цянго*). Согласно данным ГСУ КНР, в 2003 г. в КНР насчитывалось 260 млн. телефонных абонентов, и по этому показателю Китай занял первое место в мире, а в 2004 г. Китай обогнал США по количеству абонентов мобильных телефонов. В 2016 г. общая численность абонентов мобильных телефонов составила 1418 млн. чел. (или 102,5 мобильных телефона на 100 человек), в Китае насчитывалось 772 млн. пользователей Интернета (уровень охвата всего населения — 55,8 %) из которых 348,5 млн. чел. составили абоненты широкополосной сети Интернета.

В марте 2018 г. на 3-й сессии ВСНП премьер Ли Кэцян заявил о курсе на формирование в стране концепции «Интернет плюс», которая построена на всеобъемлющем и всестороннем использовании информационных сетей для развития общества. К 2025 г. «Интернет плюс» должен стать новой экономической моделью, а также главным стимулом экономического и социального развития и инноваций.

К этому следует добавить, что в настоящее время в Китае реализуется программа «Сделано в Китае 2025». В рамках данной программы реализуется четыре основных проекта:

- 1) «умное производство»;
- 2) «укрепление базы промышленности»;
- 3) «зелёное» производство;
- 4) «инновации в области оборудования высокого класса».

Уже в настоящее время в КНР действует «Дорожная карта инновационного развития робототехники Пекина», и Китай стал крупнейшим в мире рынком по производству и применению роботов. В частности, в 2016 г. объём производства в китайской индустрии робототехники достиг 5 млрд. долл. Таким образом, за счет применения роботов в производстве КНР в состоянии решить проблему наступающей нехватки рабочей силы в трудоспособном возрасте.

В результате проводимой в ходе реформ политики открытости в XXI веке реализуется стратегия «выхода вовне». За эти годы значительно вырос как объем экспорта, так и импорта. Китай перешел от экспорта товаров первичной переработки (сырье и материалы) к преимущественному экспорту продукции машиностроения новых и высоких технологий. Значительную роль в этом сыграли различные факторы, начиная от расширения прав предприятий в сфере внешнеэкономической деятельности на первом этапе реформы и заканчивая вступлением КНР в ВТО. В результате за последние годы заметно усилилась зависимость экономики КНР от внешней торговли.

За 2009–2014 гг. происходил быстрый рост внешней торговли Китая за счет растущего экспорта товаров с высокой долей добавленной стоимости, однако с 2014 по 2016 гг. в результате нового витка мирового финансового кризиса емкость мирового рынка заметно уменьшилось, что в значительной степени стало ограничивать китайский экспорт. В результате объем внешней торговли Китая в 2015–2016 гг. заметно сократился по сравнению с 2014 г. Судя по всему, в Китае предвидели такое развитие ситуации в мировой экономике, и Китай выдвинул инициативу «Один пояс, один путь», направленную на создание новых рынков снабжения и сбыта для своей быстро развивающейся экономики.

Осенью 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин на встрече с президентом Казахстана Н.Назарбаевым объявил о начале реализации проекта «экономический пояс Шелкового пути», состоящего из двух частей: сухопутного пути через Казахстан и Россию в страны Европы и морского пути через страны Юго-Восточной Азии. Для финансовой поддержки этой инициативы были созданы две мощные финансовые структуры: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути, с помощью которых реализуются необходимые инфраструктурные проекты. В конце 2017 г. доля внешней торговли и инвестиционного сотрудничества со странами на маршрутах Шелкового пути была еще невелика. Объём внешней торговли Китая со странами «Пояса и пути» составлял 1092,5 млрд. долл. (примерно 24 % объёма внешней торговли), а объём инвестиций в эти страны достиг 14,4 млрд. долл. (12,0 % объёма зарубежных инвестиций КНР). Динамика этих показателей говорит о том, что Китай активно осваивает новые рынки как для реализации своей продукции, так и для поставок природных ресурсов, в первую очередь — энергоресурсов, необходимых его экономике.

Такое развитие событий показывает, что при определенных условиях, после перехода к полной конвертируемости юаня и расширения экспорта в страны ЮВА, Китай со временем сможет превратить юань в резервную валюту не только в странах Юго-Восточной и Восточной Азии, но и в странах на маршрутах «Одного пояса, одного пути».

Китай способен успешно решать вопросы дальнейшего социально-экономического развития, но перед ним стоят три основные проблемы:

- 1) огромная численность в целом стареющего населения;
- 2) относительная нехватка энергоресурсов;

3) экологический кризис.

В КНР ставится задача развития низкоуглеродной экономики, связанной с сокращением всех видов выбросов в воздух, воду и землю. В частности, планируется, что к 2020 году эмиссия двуокиси углерода на единицу ВВП должна быть снижена до 40-45 % от уровня 2005 года, а потребление энергоресурсов на 10000 юаней ВВП в 2020 г. должно составить не более 0,84 т.у. т по сравнению с 1,32 т.у. т в 2005 г.

В настоящее время программа социально-экономического развития Китая направлена на замену сложившейся экспортно-ориентированной и инвестиционной модели моделью общества потребления в результате реализации планов устойчивого экономического развития на ближайшие пять лет. По нашим оценкам, **в случае сохранения имеющихся темпов прироста ВВП у КНР и США, к 2020 г. КНР вполне может опередить США по номинальному объёму ВВП и выйти на первое место в мире как по объёму ВВП, так и по объёму внутреннего потребления.**

Анатолий Кошкин **Горизонты Страны Восходящего Солнца**

Для начала стоит предупредить читателей о том, что изложенные ниже соображения относительно того, по какому вектору будет развиваться в ближайшие годы наша дальневосточная соседка Япония, не претендуют на какую-то абсолютную истину, поскольку за рамками анализа остаётся слишком много факторов, включая природный. Страна Восходящего Солнца в этом отношении уникальна — ее с пугающей периодичностью посещают практически все существующие на Земле стихийные бедствия: землетрясения, извержения вулканов, тайфуны, цунами, наводнения, оползни и так далее. Любое такое проявление климатической или геологической активности способно сильно повлиять на Страну Восходящего Солнца.

Многие в России по-прежнему воспринимают её как процветающую державу, лидера научно-технического прогресса, где решены многие социальные проблемы, уровень жизни населения — один из самых высоких в мире, а потому жители Японии держат рекорды по продолжительности счастливой жизни. Думающие так находятся в плену стереотипов 60-х-70-х годов XX века, когда эта страна переживала период, как тогда говорили, «экономического чуда».

Правящие круги Японии в те годы не скрывали, что заботиться о социальном благополучии народа их заставляло существование в непосредственной близости от социалистических стран с их бесплатной медициной, образованием, правом на труд и отдых, а

также другими атрибутами общества социальной справедливости. Средства для этого в Японии были. Как образно объяснял автору этих строк один японский капиталист, в период быстрого экономического роста доходы предпринимателей были столь велики, что «деньги, не помещаясь, вываливались из карманов». Вот эти-то «избыточные деньги» и шли на удовлетворение нужд трудящихся.

С другой стороны, в стране были весьма сильны левые партии, Социалистическая и Коммунистическая, а также поддерживающие их влиятельные массовые профсоюзы. Они не только отстаивали экономические интересы трудящихся масс, но и, имея более трети состава депутатского корпуса страны, эффективно противостояли партии крупного капитала — Либерально-демократической, которая во внешней политике полностью следовала установкам США.

Однако за последние четверть века экономическая, социальная и политическая ситуация в Японии претерпела существенные изменения. Темпы роста экономики сократились до скромных 1-2 %, а в отдельные годы и вовсе уходили в минус. Правительство стало сокращать социальные программы, возлагать на трудящихся тяготы преодоления экономических невзгод.

Основными причинами столь продолжительной рецессии, стали, на наш взгляд, резкий спад в сфере инвестиционной деятельности и глобальная зависимость Японии от экспорта. Другими словами, некогда обеспечивавший экономический рост экспортный фактор японской экономики начал давать сбои. Прежде всего — вследствие снижения конкурентоспособности японских товаров, включая бытовую электронику, которая некогда была желанна по всему миру, что обеспечивало Стране восходящего солнца баснословные прибыли. Однако экономический

рост в КНР, Республике Корея, на Тайване, в странах Юго-Восточной Азии, овладение ими «секретами» японского менеджмента и технологиями при дешевых, по сравнению с Японией, рабочей силе и ресурсах, привели к тому, что потребители изделий той же электронной промышленности стали предпочитать, хотя и менее качественную, но гораздо более дешевую продукцию других стран Юго-Восточной Азии.

Стремясь сократить затраты, в первую очередь — на персонал, японские концерны стали активно переносить производственные мощности в третьи страны, рассчитывая на снижение себестоимости продукции за счет местной дешевой рабочей силы. Однако этот ресурс давал ограниченный по времени результат, ибо развивающиеся страны Восточной Азии, в первую очередь КНР и Республика Корея (Южная Корея) по мере накопления капитала и освоения передовых технологий стремились преодолеть зависимость от «японской помощи», делая ставку на собственное производство.

В настоящее время ресурс «нового колониализма» Японии в странах Восточной Азии заметно сократился. Встал вопрос, как обеспечить долгосрочный рост или хотя бы удержание нынешнего уровня японской экономики, за счет каких новых товаров пополнять казну и не допустить резкого падения уровня жизни в стране?

Хотя это открыто не признается, но, похоже, официальным Токио взят курс на восстановление ведущих позиций Японии в мировой экономике за счет воссоздания в стране военно-промышленного комплекса (ВПК). Важным сигналом стал отказ в 2014 году нынешнего правительства во главе с премьер-министром Синдзо Абэ от провозглашенной в Японии политики запрета на экспорт оружия и военных

технологий, который действовал в стране почти полвека.

Не приходится пояснять, что снятие существовавшего с 1976 года запрета было утверждено парламентом по требованию крупного капитала и консервативных политических кругов, утверждавших, что из-за этого японский бизнес упускает существенные прибыли на мировом рынке вооружений. В консервативных политических кругах также полагали, что подобные запреты уменьшают возможности Токио влиять на ситуацию в мире. Расчет делается на то, что, как это было во многих других странах мира, именно военно-промышленный комплекс станет локомотивом вывода экономики страны из стагнации.

В этом, на наш взгляд, и заключается стратегический план Синдзо Абэ, призывающий «превратить Японию в нормальное государство», то есть в государство с полноценными мощными вооруженными силами, оснащенными всеми видами современного оружия, включая и ракетно-ядерное. Заметим, что, желал того или нет Дональд Трамп, но его высказывание о том, что богатые Япония и Южная Корея должны сами заботиться о своей обороноспособности, полностью укладывается в замыслы диктующих Абэ свою волю японских «неоконов».

Как нельзя кстати для реализации этих планов оказалась и вынужденная разработка в КНДР оборонительного ракетно-ядерного оружия, что трактуется официальным Токио как прямая угроза Японии, которой-де надо противостоять всеми возможными силами и средствами. С целью добиться согласия народа с курсом на фактическую ремилитаризацию используется и угроза «наращивания вооруженных сил КНР и России», представление совместных военных учений этих двух стран как якобы

направленных против «беззащитной Японии». И это дает эффект — уже более половины японских избирателей готовы согласиться с устранением из действующей Конституции и без того выхолощенных в предшествующие годы антивоенных статей основного закона страны.

Думается, на волне «защиты от внешних угроз» правительству нетрудно будет добиваться и роста бюджетных расходов на военные нужды. Если сейчас действуют ограничения расходов на оборону в 1 % от размера валового внутреннего продукта (ВВП), то руководство правящей Либерально-демократической партии требует повысить эту цифру вдвое, до 2 % ВВП. Но даже при сохранении прежнего лимита бюджет министерства обороны Японии вот уже шесть лет подряд растет на 2–2,5 % в год и уже превысил 5 трлн. иен, что в долларовом исчислении сопоставимо с оборонным бюджетом таких крупных ядерных держав, как Великобритания, Франция и даже Россия. Однако этого, как считает руководство ЛДП, мало для дальнейшего переоснащения вооруженных сил страны. Можно не сомневаться, что процесс увеличения в стране роли военно-промышленного комплекса и вооруженных сил будет сопровождаться заметным ростом расходов на вооружение и содержание персонала.

Дополнительные средства потребуются и для финансирования военного производства, выделения субсидий предприятиям этого сектора. А компенсировать их за счет экспорта вооружений будет не просто. Ибо ясно, что японскому оружию, из-за его высокой себестоимости, будет трудно пробиться на уже поделенные рынки вооружений. Однако концерны Страны Восходящего Солнца уповают на то, что при больших заказах высокоэффективные новые образцы японского оружия будут производиться в массовом

количестве, что значительно удешевит их себестоимость. А общий высокий научно-технический уровень страны позволит создавать такое оружие, которое будет превосходить ныне реализуемые в мире образцы традиционных производителей оружия. Нельзя исключать, что в сейфах японских монополий уже есть такие, основанные на новейших достижениях науки и техники, разработки, которые могут заинтересовать не только «развивающиеся страны», но и крупные державы.

Снятие всех ограничений позволит Японии производить не только оборонительное, но и ударное наступательное оружие: авианосцы и подводные лодки, боевые самолеты, ракеты среднего и дальнего радиуса действия и т. п. Конечно же, не являются для Японии секретом и технологии создания современного ядерного оружия: как бомбового, так и ракетного. По существующим данным, накопленного в стране оружейного плутония (как отхода работы японских АЭС) хватит для быстрого создания тысяч ядерных зарядов. Можно не сомневаться, что к этому всё давно готово, и в Токио ждут лишь удобного момента для объявления себя ядерной державой, и даже готовы сами создать такой момент. Противостоять внутри Японии такому сценарию развития событий будут лишь раздробленные антивоенные левые силы, влияние которых в стране с каждым годом падает.

Так что ремилитаризация японского государства, еще совсем недавно — немыслимая, может стать реальностью уже в недалекой перспективе. Безусловно, это вызовет негативную реакцию в соседних с Японией и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, где еще помнят о жестоком японском оккупационном режиме в годы Второй мировой войны. Велика опасность того, что курс Токио на возрождение своей страны в качестве военной державы вызовет ответную

бурную гонку вооружений в Северо-Восточной Азии, прежде всего — в КНР. Разумеется, не сможет безучастно наблюдать за ростом военных амбиций Японии и Российская Федерация, к которой в Токио продолжают предъявлять территориальные претензии относительно Южных Курил.

Изложенная перспектива — отнюдь не умозрительные выкладки политолога. Сохранение еще на три года у власти в Японии кабинета Синдзо Абэ дает серьезные основания рассматривать изложенное выше как программу вывода Страны Восходящего Солнца из экономической стагнации и политического тупика именно на пути ее превращения в самостоятельного военно-политического игрока не только в АТР, но и на глобальной международной арене. Тем более, что законодательная база для этого уже создана. В 2015 году, используя большинство в парламенте, правящая партия во главе с Абэ, вопреки возражениям оппозиции и антивоенных сил, протащила через парламент законопроект, позволяющий японским вооруженным силам, в нарушение конституции страны, участвовать совместно с армией США в боевых операциях за рубежом. Тогда действующий премьер-министр убеждал своих соотечественников в том, что «страна в опасности», и данный закон якобы необходим для её защиты от внешней агрессии. «Ситуация с безопасностью вокруг Японии в последнее время резко ухудшилась. Этот закон абсолютно необходим для защиты жизни наших людей и предотвращения войны», — заявил Синдзо Абэ.

Но подобная риторика не может затушевать намерения японских правящих кругов впредь подключать свои вооруженные силы к военным операциям США за рубежом. Отмена мирных статей конституции в период продленного правления Абэ, именуемого в стране «ястребом», неизбежно приведет к

ситуации, когда японские контингенты будут «на законных основаниях» отстаивать интересы японо-американского альянса по всему миру.

Серьезное воздействие на перспективы экономического и социального развития Японии будет оказывать и уже оказывает прогнозируемое неуклонное сокращение численности населения страны, в том числе — работоспособного. Уже сейчас здесь ощущается нехватка рабочей силы. Согласно существующим прогнозам, ныне занимающая 10-е место среди наиболее населенных стран мира Япония вступит в процесс депопуляции: в 2015 г. её население составляло 127,9 млн. человек, в 2020 г. эта цифра снизится до 126,5 млн., в 2030 г. — до 121,5 млн., в 2050 г. — до 108,8 млн., а в 2100 г. — до 84,5 млн. человек.

Причины столь неблагоприятного для Японии процесса не столько экономические, сколько социальные, связанные с трансформацией национальной психологии и отношения к жизни нового поколения японцев. Они просто перестают воспроизводить потомство. По данным «Японской ассоциации планирования семьи», 45 % японок в возрасте от 16 до 24 лет «не заинтересованы или презируют сексуальные контакты». Отмечается «синдром безбрачия» — 61 % неженатых мужчин и 49 % незамужних женщин (по другим данным, до 70 % мужчин и 60 % женщин) в возрасте от 18 до 34 лет никогда не состояли в каких-либо интимных отношениях. По этому показателю Япония занимает первое место в мире.

2017 год стал годом самой низкой рождаемости в Японии за прошедшие сто лет. По данным министерства здравоохранения Японии, число родившихся младенцев среди коренного населения на 125 миллионов жителей Японии составило всего 941 тыс. человек — при

смертности в 1,34 млн человек. И это тоже «рекорд» с момента окончания Второй мировой войны. За этими цифрами стоит постоянное снижение доли женщин репродуктивного возраста в структуре японского населения, которое и в целом стремительно стареет: людей в возрасте старше 65 лет в стране 27,5 %, а детей до 14 лет — 12,7 %.

Обращает на себя внимание и рост числа так называемых «гражданских браков», когда молодые люди живут вместе, не оформляя брак и не стремясь к рождению детей. Если в 2016 году в стране было зарегистрировано 621 тыс. браков, то в следующем 2017 году их стало на 9 тыс. меньше, и эта тенденция является устойчивой на протяжении уже многих лет. С другой стороны, растет число молодых людей, именуемых в Японии «хикикомори» или «хикки», которые не только отказываются от создания семьи и рождения детей, но вообще стремятся отстраниться от человеческого общения, «убегая» в виртуальный мир интернета.

Сокращение рождаемости всерьез заботит власти страны — при администрации премьер-министра существует специальный комитет по преодолению снижения рождаемости. Ибо при увеличении доли пожилых людей и сокращении общей численности населения некому будет платить налоги, в том числе — на социальное обеспечение населения, что чревато серьезными экономическими и социальными проблемами.

Одним из путей разрешения проблемы нехватки трудовых резервов станет в ближайшей перспективе широкое внедрение робототехники в самые различные отрасли производства и в социальную сферу. Создание различного рода роботов в Японии — это не увлечение гаджетами, а насущная необходимость для поддержания японской экономики «на плаву». Заметим

также, что в условиях нежелания японской молодежи служить в армии роботы, видимо, найдут свое широкое применение и в вооруженных силах страны.

В подтверждение вышесказанного приведем пример того, как уже сейчас японские компании по причине нехватки рабочей силы внедряют роботов в сферу услуг. Эксперимент по использованию робота, оснащенного искусственным интеллектом для защиты зданий, стартовал в Иокогаме. Как сообщает центральная японская телерадиовещательная компания NHK, крупная фирма по продаже недвижимости начала внедрять роботов. Было создано несколько видов роботов, среди них — выполняющие функции уборщика, охранника и грузчика. Робот-охранник высотой около 1,3 метра оборудован камерой и оснащен функцией распознавания движения в пространстве, чтобы выявлять нарушения в обеспечении безопасности и просто не сталкиваться с предметами и людьми. Робот-грузчик способен транспортировать большое количество ланч-боксов и даже мешков с песком. Его грузоподъемность значительно превосходит грузоподъемность мужчины среднего телосложения. Если результаты этого эксперимента окажутся положительными, роботы займут соответствующие рабочие места по всей стране.

В завершение хотелось бы кратко коснуться некоторых аспектов прогнозируемого внешнеполитического будущего Японии, в том числе — ее политического и экономического курса в отношениях с Российской Федерацией.

Пребывание Синдзо Абэ на посту премьер-министра Японии в течение еще трех лет дает основание полагать, что его взаимодействие с Москвой будет по-прежнему преследовать две главные цели. Это — недопущение, по возможности, дальнейшего сближения России с Китаем, особенно — в оборонной сфере, а

также реализация плана путём экономического сотрудничества добиться изменения позиции российского руководства в отношении Южных Курил. Однако напряженная военно-политическая обстановка в Северо-Восточной Азии в целом, несмотря на некоторые признаки ее ослабления в связи с наметившимся межкорейским диалогом, обострение российско-американских и американо-китайских отношений едва ли позволят Абэ добиться реализации этих целей. Преемники же Абэ на посту премьер-министра будут гораздо в меньшей степени привержены российскому направлению японской внешней политики и дипломатии.

Вместе с тем, в долгосрочных интересах Японии развивать экономические связи с Россией, в первую очередь — в торговле энергоресурсами: природным газом, нефтью, углем. Реально осуществление крупных проектов по экспорту в Японию российской электроэнергии, модернизации Транссиба в целях расширения и ускорения поставок японских товаров в Европу. С другой стороны, широкому двустороннему экономическому сотрудничеству двух стран будут мешать милитаризация Японии, углубление военного взаимодействия Токио с Вашингтоном. Несмотря на сделанные в предвыборном задоре Дональдом Трампом допущения ослабления американского «ядерного зонтика» над Японией, американская правящая элита не позволит подвергнуть сомнению военные связи со своим дальневосточным союзником, эффективно выполняющим роль «непотопляемого авианосца» США. Причем — авианосца ударного, контролирующего тихоокеанские коммуникации и противостоящего основным противникам США: Китайской Народной Республике и России.

Дмитрий Митяев, Сергей Батчиков, Александр Агеев

В чужом пиру похмелье

Российская экономика и бизнес-элита в режиме санкций

Российская бизнес-элита (как вся в целом, так и каждый её представитель в отдельности) находится сегодня на перепутье: для двойной лояльности уже нет места, надо либо возвращаться на Родину, либо окончательно рвать с ней, надеясь, что на Западе не ограбят вчистую. Как отец в евангельской притче о блудном сыне, Россия рада возвращению любого своего гражданина, если он раскаялся и готов делом искупить ошибки буйной юности, послужив интересам страны и народа, особенно — в условиях перехода Запада к ограблению всех «блудных сынов» и страны в целом. Пока к этому готовы не многие, опасаясь, что на Родине спросят за «грехи прошлого», поскольку «большая приватизация» девяностых была не только несправедливой, но и незаконной даже по «мутным» законам переходного времени.

Однако в условиях войны может быть прощено почти всё, если только вместо «клятвы дарения» в отношении Запада человек готов принести «клятву служения» Родине, добровольно отдав «нажитое непосильным трудом» для защиты Отечества. Логика защиты Отечества в России побеждает логику смуты и гражданской войны: это происходило и в начале XVII века; и в 1812 г., когда вторжение Наполеона примирило фактически две нации (говорившее по-французски дворянство и жившее общиной и далекое от западных идей крестьянство), дав толчок созданию

единой русской национальной культуры; и в 1941-1945 гг., когда, несмотря на все классовые и прочие противоречия, вторжение Гитлера поддержало не более 10 % населения страны.

Согласно некоторым оценкам, «сталинская» индустриализация 30-х годов прошлого века (*«Пробежать за 10 лет путь, который Запад прошёл за 100 лет, иначе нас сомнут»*) была бы вообще невозможна без старообрядческого и царского золота (продажа церковных ценностей и зерна дала не более трети потребного для старта модернизации страны).

И сегодня мы видим, что 84 % наших сограждан, находящихся за рубежом (это даже больше, чем 76 % внутри страны), голосуют на президентских выборах за Путина, понимая в глубине своего неизжитого русского сознания, что Запад им такого волеизъявления не простит. Значит, есть для русского сознания вещи поважнее *благополучия!* «На Родину!» — выход для большинства наших соотечественников, живущих вне пределов Российской Федерации (а тот «человеческий капитал» в 2-3 млн. инженеров и учёных, который «ушёл» на Запад после 1991 года с целью самореализации и финансового благополучия, стоит 3-5 трлн. долл., что в 3-4 раза больше, чем убежавший из России за эту четверть века собственно финансовый капитал). Частью обратного потока может стать бизнес-элита.

I. Геополитическая и экономическая повестка дня

1.1. Запад в очередном раунде «Большой игры» против России

Если задаться вопросом, чего на самом деле хочет от России Запад, то ответом на него будет следующая схема.

Нарратив-2018:

Кремль — преступная организация («государство-мафия»), вслед за ФСБ, ГРУ и др., в отношении которых санкции Госдепа и Минфина США уже введены.

Следствие:

Все, кто с Кремлём, — пособники преступной организации.

Задача:

Сделать российскую бизнес-элиту «токсичной» — и чтобы просто её ограбить, и чтобы решить свои внешне- и внутривнутриполитические задачи.

Обоснование (политическое, правовое и информационное):

Тотальная диффамация русских. Доказательств в случае с русскими не нужно.^[16]

В перспективе можно и нужно отобрать у российских олигархов «всё лишнее» (оставив их самих на Западе до полного «окончания разбирательств»).

Считается, что цель «нанести удар по Минфину РФ, ограничив операции с госдолгом», пока не ставится, но ситуация может моментально измениться как только на западных рынках начнется масштабная «игра на понижение».

Соотношение долгов/активов России и Запада провоцирует последнего на грабёж: чистая международная инвестиционная позиция (МИП) России положительна. «По состоянию на 1 октября 2017 г. зарубежные активы Российской Федерации составили 1.322,8 млрд. долл. Обязательства перед нерезидентами (остальным миром) были равны 1.051,8 млрд. долл. Разница между активами и обязательствами (чистая международная

инвестиционная позиция) составила 271,0 млрд. долл... Кстати, ещё на 1 января 2017 г. чистая МИП России была равна 222 млрд. долл., т. е. за девять месяцев прошлого года, когда международная атмосфера продолжала накаляться, Россия «подставилась» ещё почти на полсотни миллиардов долларов».

Если в условиях войны ежегодно отдавать врагу 5 % ВВП (по текущему курсу) — много не навоюешь (да и рост ВВП невозможен в принципе)...

В целом легальные и нелегальные зарубежные активы российского происхождения составляют несколько триллионов долларов (до 5 трлн. долл., включая оценки вывезенного из страны «человеческого капитала»). Их заморозка и конфискация могут существенно ухудшить финансовое положение РФ. Для сравнения: накопленные иностранные инвестиции в России составляют менее 500 млрд. долл. Это показывает, что в случае взаимной конфискации активов Россия будет в существенном проигрыше.

Цель-максимум — списать на РФ вероятное обрушение американской и в целом западной финансовой системы. Хотя эта цель пока маскируется, мы точно увидим её проявление в ближайшие недели и месяцы — это вопрос повода, но не причины.

1.2. «Параметры порядка» и факторы дестабилизации глобальной системы

«Параметры порядка» для экономики США и РФ разные, хотя они и сопряжены через целый ряд прямых и обратных финансово-информационных и иных связей. Для США (и глобальной экономики в целом) это такие переменные, как доходность гособлигаций (для определенности возьмем десятилетние трежерис),

индекс доллара, рост экономики, приток/отток капитала, дефицит торгового баланса, дефицит бюджета, индекс Доу Джонса. Для экономики РФ важны несколько иные параметры, хотя они и связаны структурно с глобальными: цена на нефть, обменный курс рубля, динамика ВВП, отток капитала, динамика золотовалютных резервов и внешнего долга. Изменения этих параметров при разных сценариях развития событий будут подробно рассмотрены ниже.

Поскольку сценарии динамики экономики США (и — с некоторым временным лагом — всего мира) коррелируют с соответствующими сценариями для экономики России, наша задача в этой «игре на понижение» формулируется примерно следующим образом: не стать «разменной фишкой», исключить усиление внешних воздействий. Так уже было в глобальном трансформационном кризисе 1980-х, когда катастрофа СССР стала «допингом» и дала ресурсы на купирование болезненной перестройки экономик Запада после «нефтяного шока» и шока рейганомики. Точно так же в 1998 г. азиатский кризис вызвал в России коллапс финансовой системы.

Обратные примеры умелого «отключения» от глобальных шоков и использования их себе на пользу показала наша страна в 1930-е годы (когда Великая депрессия в США помогла дать старт индустриализации в СССР) и в 2000 г., когда крах фондового пузыря «новой экономики» привёл к возвращению повышательной тенденции на сырьевых рынках и при изначально разумной макроэкономической политике позволил России погасить все внешние долги, а также на протяжении почти 10 лет иметь темпы роста ВВП выше, чем в мире в целом.

При нынешнем кажущемся благополучии мировой экономики, реальные риски, по оценкам ОЭСР, сейчас не меньше уровня, чем были до кризиса 2007–2009 гг.

[17] Тем не менее, по оценкам большинства международных организаций (Всемирного банка, МВФ, ОЭСР), рост мировой экономики в 2018 г. должен ускориться. При этом большинство оценок было пересмотрено в пользу повышения темпов роста по сравнению с предыдущими прогнозами. Очень напоминает «метод Мюнхгаузена» — вытаскивания себя из болота (вместе с конём) за волосы всё более позитивных ожиданий.

Наблюдавшийся в 2016–2017 гг. рост экономики в ведущих странах был следствием беспрецедентной господдержки экономики и рынков в виде программ количественного смягчения. Масштаб воздействия регуляторов предполагал бурный рост, однако темпы оживления оказались умеренными. Более того, ситуация продолжает требовать столь радикальных мер поддержки, что вопреки возникающим проблемам конфликта интересов, идеологии невмешательства регуляторов в инвестиции на фондовых рынках, центральные банки ряда стран начали напрямую участвовать в покупке акций и облигаций конкретных корпораций. Такое происходит, в частности в ЕС, Норвегии, Швейцарии и Японии (Банк Японии выкупил уже 75 % японского фондового рынка). Наблюдается «забавный» феномен: сегодня доходность «мусорных» (в т. ч. околодефолтных) облигаций компаний «еврозоны» (благодаря «подвигам» ЕЦБ) — ниже, чем «первоклассных» американских облигаций Минфина США. Это показатель того, что обратные связи отключены, рынка просто нет.

Новая масштабная коррекция тем более вероятна, что рост фондовых рынков не подкрепляется ни соответствующей динамикой ВВП, ни улучшением показателей корпоративного сектора в целом. Более того, задолженность американских нефинансовых

корпораций достигла тех максимумов, которые были характерны для уровней, предшествовавших кризисным провалам в прошлом. Аналогичные показатели, фондового рынка, также достигли своих очередных пиков.

Многолетней проблемой экономики США остается двойной дефицит: торгового баланса и федерального бюджета. Этот дефицит будет значительно увеличен вследствие как налоговой реформы Трампа, так и начатой им торговой войны. Согласно оценкам Комитета по бюджету Конгресса США (апрель 2018), дефицит бюджета уже в 2019 г. подойдёт к отметке 1 трлн. долл., а в 2020 г. — превысит её. В 2021–2028 гг. дефицит составит в среднем 4,9 % ВВП, более высокие значения этого показателя наблюдались после Второй мировой войны только в посткризисный период 2009–2012 гг.

Значительные риски несут и необеспеченные обязательства США, рост которых за последние 17 лет существенно обогнал рост ВВП страны, на конец 2017 г. их объём в два раза превысил объём госдолга.

Одним из ключевых факторов, способных вызвать дестабилизацию мировой финансовой системы, является повышение учётной ставки ФРС США. Ожидалось, что в 2018 г. она будет повышена трижды, теперь же речь идёт уже о четырёх повышениях. По оценкам ОЭСР, к концу 2019 г. учётная ставка ФРС достигнет 3 % (верхняя граница).

Рост ставок также осложнит ситуацию из-за большого объёма валютных свопов, которые активно используются в настоящее время финансовыми институтами. Их ежегодный объём, по оценкам Банка международных расчетов, превышает 5 трлн. долл. При низких процентных ставках ряд банков (в первую очередь, шведские и немецкие) активно применяли эти инструменты с целью хеджирования рисков. При

повышении ставки могут возникнуть массовые убытки и технические дефолты. Повышение ставок может вызвать глобальные кризисные процессы и с учётом высокой долговой нагрузки в мировом масштабе (глобального долгового пузыря).

Хотя банковский леверидж в США (отношение активов к капиталу) за последние годы снизился, с учётом рынка деривативов и теневой (оффшорной) финансовой системы наблюдается резкий рост рисков в кредитной системе США в целом. Отметим, что объёмы операций с деривативами на мировых рынках и накопленные объёмы деривативов у крупнейших американских банков превышают предкризисные уровни.

В глобальном масштабе текущую нестабильность — в дополнение к «пузырям» на сырьевом, фондовом и долговом рынках — усиливают и «пузыри» на рынке криптовалют.^[18]

Весной 2018 г. наблюдалось ухудшение большинства экономических и финансовых показателей, что свидетельствует о замедлении экономического роста в мире. При этом ФРС США сокращает свой баланс на 20 млрд. долл. в месяц, а к концу 2018 г. планируется выйти на отметку 50 млрд. долл. ЕЦБ сократил программу количественного смягчения до 30 млрд. евро (максимум составлял 80 млрд. евро) в месяц. Начало процесса количественного ужесточения уже привело к снижению темпов роста денежной массы и в итоге может существенно препятствовать глобальному росту.

Исходя из «параметров порядка» американской и глобальной финансовой системы, её «хрупкости» в условиях перехода ФРС (и за ней других центробанков) к сокращению своего баланса, сформулируем сценарии саморазрушения/сноса этой системы, которые

различаются степенью вероятного ущерба для российской экономики и её бизнес-элит.

1.3. Определение вероятных параметров краха/управляемого сноса

Режим краха/сноса по теоретическим соображениям и по опыту (в т. ч. и российскому) может протекать в трех сценариях: кризиса (падение на 10-15 %), коллапса (падение до трети) и катастрофы (до половины и более).

«Тайминг» этой игры составляет не недели, а месяцы и даже (с учётом масштаба системы), скорее всего, годы. Распад Российской империи занял около года (1917), распад СССР — около трех лет (1989-1991). Распад глобальной американоцентричной системы потребует соразмерного времени.

При этом, как считают финансовые аналитики, **«решение вытащить вилку из розетки уже принято»**.

Проблема в том, что для устранения «пузыря центробанков» необходимо признание их собственной ответственности, а главное — демонтаж их власти, которая выросла за последние 10 лет до беспрецедентных уровней.

Гораздо проще назначить ответственной Россию и потребовать от неё «заткнуться и убраться», как это сделал министр обороны Соединённого Королевства Гэвин Уильямсон. Мы услышим прямые обвинения России в обрушении глобальной (западной) финансовой системы, как только по ней пойдут первые открытые трещины: будет ли это пресловутая кибератака, «новичок», «старичок» или «бодрячок», — роли не играет.

А) Сценарий “Благоприятный” (вероятность — стремится к нулю)

Благоприятный сценарий близок к тому, что ожидают ОЭСР и другие международные организации, полагающие, что, несмотря на глобальные риски, темпы роста мировой экономики ускорятся. Так, по прогнозам ОЭСР (март 2018 г.), эти темпы вырастут с 3,7 % (2017 г.) до 3,9 % в 2018-2019 гг. При благоприятном сценарии в США возможны ускорение роста ключевых экономических показателей, стабилизация рынка труда, рост внутреннего спроса, нормализация баланса ФРС и пр.

В благоприятном сценарии предполагается, что американская налоговая реформа имени Дональда Трампа пройдет успешно. Суммарный эффект от уменьшения налоговой нагрузки на бизнес и домохозяйства может составить 0,5-0,75 % ВВП. В сочетании с повышением ставки ФРС налоговая реформа способна стимулировать приток капитала в США — знаменитый «долларовый пылесос».

Но способна ли налоговая реформа сбалансировать бюджет США? Вряд ли — скорее, наоборот. Этот сценарий, как включенный форсаж, способен дать Трампу всплеск для закрепления власти республиканцев к промежуточным выборам в ноябре, а затем инерция победит.

Б) Сценарий “Инерционный” (вероятность — 1/9)

В этом сценарии предполагается, что при определенных условиях устранение «пузырей» (долговых, фондовых, криптовалютных и др.) может происходить достаточно медленно, приобретая вид скорее «сдутия», чем «схлопывания». При этом отдельные «пузыри» (например, на рынке гособлигаций) могут даже какое-то время расти.

При таком инерционном сценарии рост мировой экономики может затормозиться, цены на нефть — несколько снизиться из-за снижения мирового спроса и ухудшения ожиданий участников мировых сырьевых и финансовых рынков. Для западных стран санкции могут создать дополнительные препятствия с точки зрения выстраивания взаимовыгодного механизма сотрудничества и формирования условий, расширяющих возможности их собственного развития.

В) Сценарий “Кризис” (вероятность — 1/3)

В сценарии «кризис» предполагается вовлечение экономики США в рецессию и финансовое сжатие.

Будут иметь место ухудшение показателей финансового сектора и паника на американских рынках, что вызовет комплекс нерыночных мер со стороны правительства США — вплоть до приостановки биржевых торгов (для ряда наших компаний — например, Русала — это уже реальность).

Деятельность российских бизнес-групп, ориентированных на каналы внешнего финансирования, резко осложнилась по мере ужесточения режима санкций (включения компаний и лиц в SDN-лист Минфина США, предусматривающий полный «отказ в обслуживании» таких субъектов американской финансовой и правовой системой плюс вторичные санкции против тех, кто продолжает с ними иметь дело). Традиционный канал финансирования через западные и оффшорные центры перекрыт, что транслируется в экономику РФ по каналам текущих операций (экспорта) и капитальных операций (необходимость досрочного возврата кредитов). В данном сценарии при негативной геополитической ситуации и неблагоприятной ценовой конъюнктуре мировых товарных рынков стоимость российского экспорта заметно снизится, что затормозит или даже существенно сократит и внутренний спрос.

Г) Сценарий “Коллапс” (вероятность — 2/9)

По прогнозам Голдман Сакс, в ближайшие шесть месяцев доходность 10-летних казначейских облигаций вырастет до 3,5 %. Это спровоцирует уход инвесторов из акций в гособлигации, усиливая обвал фондовых рынков. Рост учётной ставки и доходности гособлигаций также должен привести к оттоку капитала с рынков развивающихся стран, что вызовет там обвалы и дестабилизацию. Трёхмесячная ставка по долларовому Libor, используемая при ценообразовании в многочисленных контрактах по всему миру, уже выросла до самых высоких значений с 2008 г. Последние годы глобальные банки на рынке процентных свопов в основном играли на успокоение/снижение ставок. Скачок доходности поставит их перед выбором: либо выплаты по этому инструменту в среднесрочной перспективе порядка 3–5 трлн. долл., либо попытка заставить ФРС отказаться от политики дальнейшего повышения ставок и вернуться к политике нулевых или даже (как у ЕЦБ и Банка Японии) отрицательных ставок с новым раундом «количественного смягчения». Этот момент попытки рынка (глобальных финансовых игроков) «сломать ФРС» может спровоцировать переход кризиса финансовой системы в режим коллапса.

В данном случае, при сохранении текущего режима «встраивания РФ в мировую экономику» и продолжении реализуемой ЦБ и Минфином политики «вашингтонского консенсуса», произойдёт существенное падение экономики РФ, способное перерасти в полномасштабную катастрофу, аналогичную началу девяностых. Это будет означать во внутренних расчётах — массовые неплатежи и банкротства, в связи с чем могут возникнуть проблемы энерго- и продуктоснабжения больших городов. На поддержку банковского сектора в рамках данного

сценария потребуется около 10-15 трлн. рублей (в текущих ценах).

При «коллапсе» показатели вывоза капитала из России достигнут 100 млрд. долл. и выше (как в 2014 г.), что невозможно без растраты валютных резервов страны. Этому будет способствовать нарастающая дисфункциональность финансовой системы, которая постепенно будет прекращать кредитовать реальную экономику и даже обслуживать платежный оборот. Произойдет массовое бегство вкладчиков из банков. Даже госбанки не смогут удержать своих клиентов.

Д) Сценарий «Катастрофа» (вероятность — 1/3)

В сценариях «коллапс» и «катастрофа» предполагается, что на экономическую ситуацию всё сильнее будут влиять геополитические факторы.

Сценарий «катастрофа» может произойти в силу одновременного стечения процессов деструкции, когда из-за какого-то первичного шока (необязательно в финансовой сфере) начнут параллельно развиваться взаимно усиливающие друг друга факторы кризисных обострений. Возникнет резонанс разрушительных волн разной природы и амплитуды.

Существенный обвал может произойти и на сырьевых рынках как в силу объективных факторов (например, шока и паники потребителей), так и субъективных, в т. ч. — информационных и геополитических, факторов.

В ситуации глобального экономического хаоса, паралича мировой финансовой системы и кризиса доверия к ведущим регуляторам (ФРС, центробанкам и минфинам западных стран), экономика РФ, при отсутствии адекватной политики со стороны российских регуляторов, также автоматически попадет в ситуацию катастрофы. Девальвация рубля может приобрести неконтролируемый характер. Станет невозможным финансирование критического импорта. В режим

натурального хозяйства могут перейти и население, и крупные компании (бартер, свои платежные системы, собственные системы распределения продуктов питания и т. д.).

Сценарий «Катастрофа», вероятно, приведет к кардинальному пересмотру подходов к российской экономической политике. В частности, представляются возможными такие меры, как введение запрета на экспорт капитала, резкое ужесточение валютного регулирования, национализация ряда промышленных, торговых и транспортных предприятий. При этом неизбежен отказ от «плавающего» курса рубля, «замораживание» цен на многие товары и услуги, а также контроль над распределением жилья и важнейших товаров. Однако эта запоздалая реакция не купирует угроз.

Хотя в 2018 г. вероятность финансовой катастрофы в США (и тем самым крах/управляемый снос глобальной финсистемы) кажется несущественной, по мере развития кризиса и в случае перехода его в режим схлопывания (коллапса) подобный исход будет казаться для основных проигрывающих схватку глобальных игроков все менее немыслимым — так в свое время для советской партхозноменклатуры стал желанным роспуск СССР после коллапса финансовой системы Союза и невозможности дележа союзных выгод (в т. ч. от эмиссии).

Как в военном деле надо быть готовым к нападению всеми силами и средствами, которые имеет противник, так и в сегодняшней «предвоенной» ситуации и бизнесу, и государству Российскому надо готовиться, прежде всего, к наихудшему из возможных сценариев — «Катастрофе».

Много лет либералы пугали нас автаркией («Венесуэльским путем»), США вознамерились реализовать эту модель для нас за год-два,

увертываясь (как они надеются) от собственной катастрофы.

II. Адаптация российской бизнес-элиты к «игре без правил»

Что такое западные «правила игры» для российской бизнес-элиты?

Это — возможность «встраиваться» в глобальное финансовое и правовое пространство, использовать чужие юрисдикции и банки в своих интересах.

И хотя это «встраивание» всегда несло на себе известные риски, они считались ниже, чем риски отечественного правоприменения и денежного оборота. Такое вытеснение «удобной юрисдикцией» неудобной российской (как хорошими деньгами плохих — знаменитый закон денежного обращения Грешема) было, безусловно, почти всегда правилом в 1990-е. Так оставалось в основном в 2000-е; и уже не совсем так в 2010-е. В 2018-м это становится **совсем не так**: мышеловка захлопывается быстрее, чем соображают в ней мыши, стащившие туда весь сыр и свившие там гнездышки для своих мышат.

Чужие юрисдикции перестают быть для бизнеса комфортными ровно в тот момент, когда глобальные банкиры, аудиторы, рейтинговые агентства, суды и прочие системные элементы этой «удобной инфраструктуры» начинают рассматривать все операции (причем, задним числом, с момента закладки к ним бизнеса на обслуживание) под «русофобской лупой»: если есть в происхождении капитала намёк на «русский след», режим с благопритствования сначала меняется на режим изоляции, а для непонятливых — и на «тюремный режим».

Правовая база в виде «Закона о криминальных финансах» и права администрации без суда и следствия объявлять любого вне закона (как физ. лицо, так и компанию), а также карать за любые отношения с объявленными вне закона (т. н. «вторичные санкции») подготовлена как в США, так и в Великобритании. Спорить тут бесполезно.

2.1. Назад в 1990-е? Эскалация угроз

«Плата» за пользование чужой финансово-правовой инфраструктурой переносилась на российское государство (недоплата налогов, вывоз капитала во всех формах и проч.). За безопасность и бесперебойность этого процесса отвечали делегированные во власть представители бизнес-элиты, которые объясняли политическому руководству и населению, что «иного не дано», что кроме неолиберального «мэйнстрима» для таких стран, как Россия, ничего в мире нет. Режим «встраивания» работает хоть как-то и для кого-то только до «момента истины» — схлопывания внешних долговых и фондовых пирамид, куда встроены наши РБГ и конкретные, давно легализованные на Западе граждане двух-трех (иногда больше) государств. Для Запада — они все русские, все, кто сделал здесь деньги и «имеет связи с Кремлём». Гражданства, приобретенные за инвестиции (это есть в соответствующих законах), можно отобрать задним числом, объявив инвестиции криминальными и/или «новых граждан» подозрительными/токсичными. И вот уже Лондон пересматривает задним числом 700 выданных инвестиционных виз, а Кипр собирается пересмотреть выданные ранее инвестиционные гражданства. Затем — Мальта, далее везде.

Запад никогда не воспринимал использование чужими (русскими, арабами или китайцами) своего финансового и правового пространства в качестве неотъемлемого права последних. С точки зрения Запада, это — временно дарованная привилегия, которая должна подтверждаться выгодой для глобальных банков и центров потребления: пока есть приток ресурсов (в первую очередь — финансовых), можно потерпеть наивность чужаков, считающих удобства на Западе «общечеловеческими».

Но как только «чужие» начинают переигрывать «своих» на созданном для «своих» поле (будь то спорт, экономика или война) — включаются «встроенные закладки» (антидопинговая система, рейтинги, аудит — всё что угодно) и начинается «игра без правил».

Вводя санкции или используя накопленную информацию о всех бизнес-операциях и интересах, накопленных в системе за многие десятилетия, западные монетарные власти всего лишь реализуют свою интеллектуальную собственность на базовое правовое обеспечение — как Майкрософт оставляет за собой право на «обновления» и использование персональных данных всех пользователей своего «удобного софта». «Мягкая сила» (soft power) основана, прежде всего, на подавляющем господстве в области программного обеспечения. Зависимость российского бизнеса в информационной сфере тотальна: более 97 % государственных информационных систем работает на западном софте, в бизнесе эта доля, вероятно, сопоставима. Поэтому, когда крупнейшие мировые компании вводят санкции (прекращают поставки софта и продление обслуживания ранее поставленных систем), это ставит под угрозу всю деятельность крупнейших российских компаний.

В этой ситуации решение проблемы «информационного суверенитета» не менее важно и

приоритетно чем возврат «финансового суверенитета» страны.

Краткосрочная цель «кремлёвского доклада» США — «подвесить» как можно больше российских компаний и лиц, присвоив им некие «индексы коррупции», на основании чего в дальнейшем (в неопределенное время и неопределенным способом) можно будет их «щипать» и «разделять».

Отработка «технологий ощипывания» и выбрасывания с глобальных рынков производится открыто с начала апреля на примере группы О.Дерипаски, в которую входит более 100 компаний в трёх оффшорных юрисдикциях. Стоило двадцать лет выстраивать хитроумные схемы владения, запутанные, защищенные лучшими международными юристами трастовые и иные редуты, чтобы тот, кто и придумал все эти юрисдикции и взрастил всех этих юристов, в один момент перемножил это всё на ноль: токсично всё, о чем вы даже подумали применительно к этому человеку и к его армии. Хотя закаленный герой алюминиевых войн 1990-х попробует.

Внешняя оболочка империи О.Дерипаски, на которую привлекались средства на глобальных рынках, представляет собой структуры в оффшорных юрисдикциях (Кипр, BVI, Нидерланды), которые практически не связаны с реальными активами в России. Схема владения в электроэнергетике вообще «закольцована». Алюминиевый бизнес замкнут на 6 компаний BVI, однако последние не имеют прямого отношения к «вывеске» оффшора, на который привлекались средства (компания SPV), таким образом, владелец готовился к ситуации форс-мажора, и «ящерица может легко отбросить свой хвост». Так кажется на первый взгляд.

Однако то, что является нормальной защитой в обычной ситуации, с точки зрения логики SDN является

«пустой уловкой»: любые, даже самые слабые, следы будут трактоваться в логике войны против «ОПГ Кремль».

Предложенный 23 апреля с.г. Минфином США «выход из ситуации»: снятие санкций с Русала в случае ухода О.Дерипаски как его главного бенефициара, — «лукавый»: в SDN-лист включены в качестве «друзей Путина» почти все руководители крупнейших госкомпаний и госбанков, а также многих частных. Поэтому логика смены собственников и руководителей по требованию Минфина США ведет к требованию смещения В.Путина.

Тем не менее, если «не играть в поддавки», ряд российских стратегических активов (газ, нефть, металлы, химия, логистика, атомная и оборонная промышленность) достаточно защищены от внешнего «враждебного поглощения» как с точки зрения структуризации бизнеса, так и с точки зрения технологической и рыночной самодостаточности. Если часть из них можно «достать» через США и Европу, которые служат основными потребителями их продукции, то некоторые можно «добыть» только «вместе со страной».

Осознавая свою «стратегичность», соответствующие РБГ проводят достаточно активную и успешную глобальную экспансию, которую невозможно остановить чисто финансовыми средствами. Но можно — нечистыми и нефинансовыми.

Поэтому другая, среднесрочная цель «доклада Мнучина» — не банальный захват российских средств и активов, находящихся на Западе, а отсечение всех РБГ от глобальных рынков, при этом с комфортными для США исключениями (типа поставки ракетных двигателей, атомного топлива, титана и др.) — в расчёте на то, что нуждающиеся в валюте русские не посмеют ответить контрударом даже в условиях

блокировки для них европейских и (косвенно, через отказ от финансового и информационного обслуживания) азиатских рынков.

Есть у «доклада Мнучина» и долгосрочная цель — склонить все стратегические РБГ к переходу в статус «дочек» глобальных корпораций и фондов (прежде всего, с американской пропиской): тогда санкции де-факто перестанут действовать, даже если они не будут отменены де-юре.

Это — проект «пересборки» нашей страны при внешнем сохранении суверенитета и приличий: таким же образом после 1945 г. были «пересобраны» Германия и Япония, которые в обмен получили временную возможность быстрого, встроенного в глобальный рынок развития.

Если США перешли к «разборке по понятиям», логично было бы разговаривать с ними на том же языке. После санкций против О.Дерипаски и его компаний в Сбербанке возникла потенциальная дыра (по оценке Fitch, в 20 % капитала или в 11 млрд. долл.), при этом американские акционеры владеют примерно 20 % капитала Сбербанка. Самое время предложить «взаимозачёт» — поменять акции на долги, и пусть американские акционеры идут в Минфин США с вопросом, что им делать с этой «уступкой прав требования». Но такое решение (есть и более радикальные, основанные на возврате к происхождению «Русала» в конце 1990-х годов, так же как и для остальных частных компаний — судебная оценка залоговых аукционов, как уже было сделано в голландском суде в деле «Юкоса») — это «выход за флажки», означающий, что мы собираемся играть по своим правилам, а не адаптироваться к игре без правил.

Сакраментальный вопрос: **кто на этом пиру российские бизнесмены и чиновники: «чужие»? «хищники»? «жертвы»?**

В индивидуальном плане — люди как люди, хотя в «свободной охоте» рыночных реформ успешны были прежде всего те, кто не сильно мучился рефлексией, но имел железную хватку и мог отстоять захваченное. Однако для большинства «выход за флажки» ментально и интеллектуально почти недоступен — легче попытаться приспособиться к условиям санкций в надежде «проскочить между струй».

На таких Запад собаку съел, и Минфин США готов объявить любого россиянина вне закона. К удивлению многих, в SDN-лист включили Виктора Вексельберга, который имеет серьёзные связи и бизнес в самих США. Может быть, это знак всем остальным о том, что попытки возврата в Россию или двойной лояльности быть не может? По данным управляющего директора юридической фирмы Marks & Sokolov Брюса Маркса, который представлял интересы канадской Norex Petroleum в её иске против Виктора Вексельберга и Леонарда Блаватника в США, у Вексельберга был вид на жительство в США, но «в середине 2000-х он отказался от американской грин-карты. В результате этого решения его статус в США изменился на иностранца (alien), и поэтому стало возможным наложить на него санкции, что и было сделано.»^[19]

«Обосновывая введение санкций против Дерипаски, Минфин США указал на то, что тот сам заявлял о наличии у него российского дипломатического паспорта и участии в переговорах за рубежом от имени российских властей, а также на наличие слухов, согласно которым Дерипаска имел связи с организованной преступностью и был причастен к подкупу чиновника и к убийству неназванного бизнесмена.»^[20] Таково почти официальное обоснование санкций к крупнейшему (после Китая) производителю алюминия.

2.3. Возможности манёвра «все вдруг»

Адекватная реакция на эскалацию финансовой агрессии Запада состоит не только в обсуждении министром финансов А.Силуановым на весенней сессии МВФ в Вашингтоне с г-ном С.Мнучиным и «обеспокоенными американскими инвесторами» перспектив вывода из России застрявших прибылей от кэрри-трейд, а также планов по наращиванию заимствований в этом году (с 0,8 до 1 трлн. долл.) при одновременной покупке валюты на бирже (безумная политика «занимай и сберегай», при которой на разнице в ставках теряется 5-7 % годовых), но и в решении комплекса вопросов адаптации финансовой политики к новым условиям и, по возможности, опережающего (сценарного) моделирования и реагирования.

Среди таких элементов команды «все вдруг» предлагается:

— Разработать оперативный план нейтрализации угроз национальной безопасности и обороны в валютной, финансовой и внешнеторговой сферах, имея в виду его обязательный характер для всех органов государственной власти, компаний и банков с госконтролем.

— Банку России довести к 2020 г. долю золота в ЗВР с нынешних 20 % до минимум 50 %, максимально сократив долю государственных облигаций стран НАТО (сейчас — 230 млрд. долл., или почти 50 % активов),

— Отозвать ценные бумаги российских эмитентов из депозитариев стран НАТО, запретив их хранение и оборот в нероссийских юрисдикциях. Московской бирже прекратить прямой доступ к депозитариям стран НАТО и к торгам на бирже зарубежным компаниям (за исключением стран ШОС) [\[21\]](#).

— Перейти на оплату основных экспортных товаров в рублях либо ввести обязательную продажу валютной выручки. Дополнительный спрос на рубль в размере экспортной выручки от основных продуктов экспорта (газ, нефть, нефтепродукты, металлы, удобрения и др.) в размере 2 трлн. руб. в месяц (30 млрд. долл.) позволит не только стабилизировать курс рубля, но и провести обеспеченную денежную эмиссию с обязательствами компаний по направлению не менее 30 % средств на инвестиции (что позволит выполнить соответствующую установку президентского Федерального послания 2018 года). При этом обслуживание соответствующих валютных обязательств компаний должно происходить за счёт средств ЗВР, а в случае блокировки последних должен объявляться автоматический дефолт по таким выплатам до снятия соответствующих блокировок и санкций.

— Дать директивы Минфину РФ незамедлительно прекратить покупку валюты на биржевом рынке за счет средств бюджета с отменой «бюджетного правила» и направлении всех высвобожденных средств на решение задач, поставленных в президентском Федеральном послании 2018 года.

— Банку России принять публичное «правило процентной политики» (реальная ключевая ставка ЦБ РФ не выше 1.5 % годовых), а также «правило курсовой политики» (удержание реального курса рубля на заданном уровне), что даст предсказуемость для принятия долгосрочных инвестиционных решений и предотвратит очередные атаки на рубль. Использовать все доступные Банку России инструменты защиты устойчивости рубля и финансовых рынков.

— Восстановить контроль Банка России над Московской биржей, для чего консолидировать контрольный пакет и избрать председателем

Наблюдательного совета биржи одного из первых зампредов ЦБ РФ.

— Восстановить предварительный валютный контроль по операциям с компаниями из стран НАТО и оффшорных зон. Поручить ЦБ РФ и Росфинмониторингу блокировать все операции по выводу валютных средств в пользу организаций стран НАТО и оффшорных зон в случае распространения западных санкций на Минфин и ЦБ, а также системообразующие банки и компании России.

Это лишь некоторые из тех мер, к которым можно и нужно прибегнуть для защиты и консолидации интересов государства и РБГ в объявленной уже 9 месяцев назад (принятие СААТСА) тотальной финансовой войне.

III. Российские бизнес-элиты к 2020 году

Замысел противника — разобраться с каждой РБГ поодиночке, не допустить консолидации их интересов и позиций, а также трансляции «воли к жизни» на уровень политического руководства страны. Поэтому мы видим не фронтальную атаку США сразу на всех, а постепенное усиление санкционной волны по разным поводам.

Внешние воздействия на структуру нашей экономики не следует переоценивать: эконометрические оценки влияния санкций за период 2014–2018 гг. показывают вклад санкций в общую динамику экономики на уровне 1/5, остальные 4/5 определяются действующей макроэкономической, денежно-кредитной, бюджетно-налоговой и надзорной политикой правительства и Центробанка.

В данной связи крайне актуальным является и сокращение вложений ЗВР России в американские

активы. Как стало известно, «с учётом всех рисков» Центробанк в апреле-мае 2018 г. вывел из американских государственных облигаций и бондов свыше 81 млрд. долл., доведя их объём до 14,9 млрд. долл., что вызвало новый виток ужесточения антироссийских санкций, включая заморозку части российских активов в американской юрисдикции. К конфискационным мерам США неоднократно прибегали в прошлом. Учитывая последние прецеденты заморозки средств суверенного фонда и других зарубежных активов Казахстана, следует помнить и о возможности заморозки или ареста российских активов в других ведущих западных странах. О такой возможности говорил недавно бывший председатель Банка Англии М.Кинг: «при серьёзных обострениях отношений иностранные активы могут быть аннулированы»^[22].

Конечно, нынешнюю систему управления экономикой РФ это не сломает, и причина тут проста: доходы от сырьевого экспорта. В 2017 году профицит российского торгового баланса (по товарам и услугам) составил 130,117 млрд. долл., в первой половине текущего года, по данным ФТС, — 98 млрд. долл. Благодаря им положительное сальдо счёта текущих операций платёжного баланса РФ может достигать около 20–35 млрд. долл. — даже с учётом существенного оттока капитала (по многим каналам). Т. е. рост цен на экспортные товары РФ как побочное действие секторальных и индивидуальных санкций оказывается «встроенным демпфером», смягчающим их негативный эффект для отечественной экономической системы.

Но при сохранении действующей модели «встраивания» процентный канал денежной трансмиссии не сможет обеспечить связи цены денег с основными макроэкономическими параметрами

(включая валютный курс). Сохранение процентных ставок на достаточно высоком уровне (при сохранении прежних подходов регуляторов) не будет стимулировать рост инвестиционного и потребительского спроса. «Стагфляционная ловушка» российской экономики будет в этом случае существенно усилена и вместо слабого роста начнётся новая фаза «рецессии».

Запад использует санкционное давление как вполне успешную стратегию: так, после включения в SDN-список Русала его капитализация упала на 70 %, в то время как капитализация Алкоа — напротив, существенно (до 30 % на пике) выросла. Санкции против российских компаний рикошетом бьют по европейским бизнес-элитам. Когда Меркель и Макрон обратились к Трампу с предложением не распространять на европейские компании, работающие с Ираном и Россией, вторичные санкции Минфина США, им было отказано. Формально — потому что данный закон таких исключений не предусматривает, а содержательно — потому что он был принят против всех конкурентов Америки.

3.1. Реструктуризация модели российской экономики. Сценарии для РБГ до 2020 г

Согласно подсчётам Всемирного банка, за последние 15 лет доля частного бизнеса в российском ВВП уменьшилась с 65 % до 29 %, а доля государства, соответственно, выросла с 35% до 71 % ВВП. Теперь, с точки зрения Запада, РБГ и Кремль — почти близнецы-братья, а поэтому, атакуя РБГ, Минфин США и Ко атакуют башни Кремля.

Административная конфискация (полная правовая база для неё: и по частным лицам, и по компаниям, — в

США и Британии полностью сформирована) всегда быстрее и проще любых судебных или конкурсных процедур. Если в России при национализации бизнеса нужно по закону выкупать имущество, а недовольный может обратиться в суд, то британские и американские законы о криминальных финансах сродни ленинским декретам о национализации: секретарь/канцлер казначейства США/Британии — это, своего рода, «матрос Железняк», который в любой момент относительно любого актива заявить «Караул устал!» и забрать всё себе.

В этом — вся суть западной (англосаксонской) системы: после стадии «напитывания губки», длящейся годами и десятилетиями, неизбежно следует стадия «выжимания губки». «Ползучая национализация» нулевых подобна накоплению частного капитала в 1990-е годы (только с противоположным знаком). Российская экономика входит в режим быстрой насильственной реструктуризации собственности (банковская система вошла в него с опережением на 1-2 года), в результате чего возможны изменения, сопоставимые с крахом «семибанкирщины» после дефолта 1998 г.

Эти возможные изменения под воздействием санкционных атак и/или кризисного изменения мировой конъюнктуры в ближайшие год-два таковы:

— **Слом модели воспроизводства.** Описанный выше «трехтактный движок» российской экономики: «ББК-ТЭК-ОПК» (финансисты-экспортёры-силовики), — который год «барахлит», поскольку его «топливный насос», отвечающий за подачу внешних займов и инвестиций (ББК), полностью забит. Более того, Минфин и банки могут стать инструментом откачки (заморозки) накопленных экспортерами резервов (хранящихся в бюджете и банках) и ступором для развития ОПК, критическое значение которого в

условиях «гибридной войны» будет только возрастать. В этой ситуации возрастает роль Минфина и ЦБ как прямых доноров затронутых санкциями РБГ, что повышает риск атаки непосредственно на этих «кредиторов последней инстанции».

Наращивание долга (с целью инвестиций) Газпрома и Роснефти, также как и фондирование Сбербанка и ВТБ, шло с 2014 г. во многом по схеме «выпуск облигаций банка/корпорации — включение их в ломбардный список ЦБ — рефинансирование банков-андеррайтеров ЦБ». Эта схема — вынужденная стыдливая замена прямой западной схемы эмиссии, до 90 % которой идет на покупку бюджетных и ипотечных бумаг. Но этой схемы становится недостаточно в условиях навязанного нам перехода на стандарт Базель III. Скрытый кризис ликвидности, основанный на латентной неплатежеспособности банков (размер «плохих долгов» в балансах превышает их капитал), пока купируется ЦБ РФ.

Поэтому при новой санкционной атаке или глобальном финансовом кризисе велик риск «схлопывания» нашего бюджетно-банковского комплекса (ББК из 7-10 банков) до вырожденной связки ЦБ-Минфин: вслед за регионами Федеральное казначейство (как ЦБ с системообразующими банками) может оказаться вынужденным управлять бюджетами неплатежеспособных РБГ. При этом зависимость РБГ от валютного долга будет нарастать (сейчас на его обслуживание уходит, по оценкам ЦБ РФ, 40 % всей валютной выручки, в условиях внешнего закрытия рынков и/или очередной девальвации эта доля может превысить 60–70 %, что несет риск дефолта ряда РБГ и нагрузки на ликвидную часть ЗВР).

В этих условиях все РБГ, а не только банки, должны моделировать свой прогнозный валютный баланс и реструктурировать внешнюю задолженность, не

ожидая хеджирования своих рисков ЦБ и правительством, а также госбанками (как это случилось в 2008 г., когда по всяким «барьерным опционам», согласно оценкам Г.Грефа, ББК получил от компаний ТЭКа 1 трлн. руб. «премий за риск»).

— **Следующая волна санкций приблизит «момент истины.** Велик риск прямой атаки на один из двух крупнейших госбанков, скорее всего — на ВТБ, президент которого А.Костин уже попал в SDN-лист, и риски которого слабее чем у Сбербанка защищены структурой его капитала (в капитале Сбербанка до 40 % принадлежит крупнейшим банкам и фондам США и Британии). Уязвимость бизнеса ВТБ также вызвана его внешнеторговым профилем и наличием активов (загранбанков) в странах НАТО. Не менее интересен для финансовой агрессии Газпромбанк (глава банка А.Акимов также включен в SDN-лист), который рассматривается как «семейный банкир» Кремля и в котором хранится значительная часть «вторых валютных резервов» — депозитов Сургутнефтегаза и Роснефтегаза, что технически облегчает нападение (доллары в конечном счете в ФРС, евро в ЕЦБ). Другие крупные (системообразующие) банки — на очереди.

Потенциально мишенью атаки второй очереди служит и Роснефть (например, через активизацию претензий ЮКОСа, повод для атаки может быть найден в Венесуэле или в Ираке). Хотя считается, что структура капитала (почти 20 % капитала в руках BP) и управления (7 из 11 членов совета директоров иностранцы, председатель совета директоров — Г.Шрёдер) защитят эту компанию, однако санкции вводят американцы, им проблемы BP (конкурента ЭКСОН, «сланцевиков») скорее стимул, чем тормоз. Ен+ «важные иностранцы» в СД не спасли от нападения.

В третьей очереди на санкции стоит Газпром, несмотря на представленные в нем интересы

американских и европейских компаний. Борьба против «Северного потока-2» для администрации Трампа становится делом принципа: шанс стать энергетической сверхдержавой, подвинув с пьедестала арабов и русских, дорогого стоит. Речь идёт не только о нескольких десятках миллиардов долларов в год дополнительной прибыли, но, что гораздо важнее, — о продлении безальтернативности системы нефтедоллара, уже не на основе «больших сделок» с саудитами и китайцами, а на базе собственных поставок сланцевых нефти и газа главным конкурентам (ЕС и КНР). Для этого нужна дестабилизация Ближнего Востока и подрыв — любой ценой! — энергомоста Россия-Германия. С Венесуэлой же получилось (добыча и экспорт нефти упал в 2–3 раза), почему не получится с Россией или Ираном? — такова логика этой битвы, которая входит в острую фазу.

— **Итог санкционно-торговой войны — мобилизационная структура экономики.** Под накатом санкционных волн основные РБГ будут вынуждены ускорить импортозамещение, провести мобилизацию финансовых ресурсов внутри страны, разработать корпоративные программы адаптации к новой реальности. Скорее всего, как и в финансовом секторе, произойдет консолидация активов. Требуется, чтобы эта консолидация проходила в России, а не в оффшорных структурах, что упростит Западу решение основной его задачи: отъёма стратегических активов под вывеской номинальных владельцев.

3.2. Основные сектора российской экономики: «съесть слона по частям»

Очевидно, что санкционная война имеет свою логику: начав с финансов (ограничения на

кредитование от 2014 и 2015 года), энергетики и технологий, в 2018 г. Минфин США перешел к следующей фазе: через персональные санкции (включение в SDN-лист — практически, изоляция лица от американской юридической и платежной системы, а через вторичные санкции — от глобальной правовой и финансовой системы) забрать целые сектора глобальных рынков/активов. Начали с Русала, на очереди — металлы, химия и нефтегаз. Почему металлы или удобрения так интересны для санкционной атаки?

Высокая концентрация собственности в немногих руках при полной публичности компаний, приличные доли глобальных рынков, отличная доходность (обусловленная отсутствием экспортных пошлин или других инструментов изъятия природной ренты), уязвимая капитализация при серьезной закредитованности в западных банках, — всё это делает компании этих отраслей весьма уязвимыми для возможного враждебного поглощения и перераспределения собственности.

Введение Трампом 25 %-ных пошлин на импорт металлов из РФ в какой-то мере восполняет отсутствие соответствующего налогообложения сверхприбылей этих компаний в России (без экономии на «роялти», Северсталь, НЛМК и другие не могли бы позволить себе глобальную экспансию, в т. ч. — на американский рынок, который сейчас для них закрывают пошлиной с той стороны). США рассматривают пониженное налогообложение, как и низкий курс рубля, в качестве демпинга, незаконной экспортной субсидии. Впрочем, там достаточно ссылки на «национальную безопасность» — и можно ввести пошлины на что угодно.

Следующий сектор, на который логична прямая атака, — финансы. Во-первых, он компактен: в руках 4-5 игроков сконцентрировано 2/3 активов, включая: сам ЦБ

(активы комбанков под прямым управлением 7,5 трлн. руб.), дочку ЦБ — Сбербанк (активы почти 25 трлн. руб. или 30 % активов всех банков РФ), ВТБ (активы более 12 трлн. руб.) и Газпромбанк (активы 6,5 трлн. руб.). Во-вторых, доля скрытой просрочки по данным АКРА и западных рейтинговых агентств приближается (в отдельных банках превышает) капитал. И, в-третьих, процесс «токсикации», запущенный санкционными атаками, затрагивает в первую очередь банки (напомним — риски на группу О.Дерипаски в Сбербанке превышают 10 млрд. долл. или 20 % капитала банка).

3.4. Условия для перехвата стратегической инициативы

Основные черты новой фазы глобального системного кризиса, начавшейся в текущем году:

— США распространяют стратегию хаоса, ранее отработанную сначала на Корею и Индокитае (1950-е годы), Латинской Америке (с 1960-х годов), республиках бывшего СССР и Югославии (1990-е), Ближнем Востоке (2000-е и 2010-е) на весь мир, в попытке затормозить утерю своей гегемонии и отобрать силой у конкурентов рынки и «пространство развития».

— США атакуют в тех сферах, где у них еще есть решающее преимущество: финансы, информационные технологии, контроль путей мировой (преимущественно морской) торговли. Но, используя эти «козыри», Трамп со своими «ястребами» не оставляет объектам атаки выбора, провоцируя своей глобальной торгово-санкционной войной создание «оси» ЕС-Китай-Россия-Иран. Трампу надо или договариваться с этой «четвёркой», или идти напролом. Если и когда в США начнётся финансовый кризис, Трамп, скорее всего, пойдёт напролом. Хочется верить, что столкнуть страны

«четвёрки» между собой и «поджечь Евразию» в третий раз после двух мировых пожаров в прошлом веке ему не удастся.

— Как показывает анализ позиций и перспектив РБГ в условиях вероятно, растянутого на год-два краха/управляемого сноса глобальной финансово-информационной управляющей системы, готовность к сопротивлению и самостоятельной игре возникает там и тогда, где и когда есть «длинная воля» и стратегическое планирование, подкрепленное всем арсеналом мер противоборства (финансовая разведка, регулярные штабные учения и т. д.).

IV. Условия осознания новой реальности и конструирование желаемого будущего

Достаточно давно в мире начался качественно новый этап развития общественного производства — этап перехода от индустриальной фазы к информационной. Это революционное изменение потребовало кардинальных преобразований в системе управления. Прежний иерархический способ организации работ оказался в новых условиях несостоятельным. Прежде всего, это относится к производству интеллектуального продукта (или проекта), который предшествует созданию продукта физического. Усложнение стоящих на повестке дня задач потребовало привлечения растущего числа специалистов, при этом оказалось, что при увеличении числа иерархических уровней неизбежно падает КПД совместной работы (эффект «испорченного телефона» при передаче информации сверху вниз и обратно) и её суммарная креативность (работа «забюрокрачивается», вырождается в написание отчетов о выполнении заданий). Это явилось причиной перехода в развитых

странах от традиционных иерархических структур к сетевым.

В этих условиях устаревшей и неэффективной оказалась не только организационная форма российских аналитических центров, но и методологическая база, на которой они до сих пор работают. В США ещё в 60-е-70-е годы XX века значительная часть интеллектуального сообщества усвоила «философию нестабильности», в которой мир видится как неравновесная система, как непрерывные переходы «порядок-хаос» с частым расщеплением путей таких переходов — «точками бифуркации», в которых направить развитие даже больших систем можно с помощью очень слабых «точечных» воздействий. Лучшие стратеги Запада, конструкторы «цветных революций» и гибридных войн овладели методологией Ленина («мастера хаоса») и Антонио Грамши (создателя доктрины «фрактальной» молекулярной агрессии в сознание). Эти доктрины дополнены теориями сложных систем, представлениями синергетики и психоанализа, подходами постмодернизма. Язык этих центров стал языком разведок и политиков. В аналитических докладах корпорации РЭНД или разведсообществ нет и следа либерализма, «матрица» которого предназначена исключительно на экспорт. Требуется **«импортозамещение мозгов»** с опорой на собственные научные и культурные достижения.

Но административно-финансовое доминирование ультралиберальной корпорации «ЦСР-Институт Гайдара-ВШЭ-РАНХиГС» над всеми остальными (в т. ч. институтами РАН), сложившееся за последние 20 лет, практически «асфальтирует поляну», отсекая вероятных конкурентов от основных заказов государства и корпораций.

Существует также скрытый премиальный сегмент, сложившийся в 1990-е годы, где западные консультанты типа МакКинзи, Бостон Консалтинг Групп, Бэйн, ПрайсУотерхаус, КПМГ и др. продолжают «править бал» в самых высоких государственных и корпоративных кабинетах. Отраслевые и региональные стратегии, программы развития и инвест-планы крупнейших корпораций (с соответствующими западными решениями-закладками) — всё это на 2/3 разрабатывается американцами и британцами, или по их стандартам.

Сложилась тотальная машина превосходства, чужого «софта познания реальности и конструирования будущего» (как и в целом в области промышленного софта — 97 % базового ПО в инфраструктурных и стратегических отраслях занимают глобальные корпорации: Oracle, SAP, Microsoft и др.). Без быстрого и качественного «импортозамещения» в сфере софта («цифровой реальности», которая всё больше определяет реальность «оффлайн») не только прорыв, но и суверенитет страны невозможны.

В области сценарного моделирования, «ощупывания» и конструирования будущего наступило также время «больших умных сетей» (Big Smart Grids), распределенных («облачных») задач и их решений (вычислений). Слово «умный» здесь понимается в смысле мощности элементов и каналов сетей, впервые в истории ставших сравнимыми со сложностью отдельного человеческого мозга. И потому задача осмысления настоящего и форматирования будущего не может решаться «партией нового типа» (время партий, как и время профсоюзов, прошло вместе с традиционным классовым обществом), но — некоторой специально организованной сетью, структурой клубного типа, которая и должна стать новым «субъектом развития».

Наши РБГ, по сути своей, — уже сверхбольшая «умная сеть», но алгоритмы её работы пока задаются нашими конкурентами или даже врагами.

Возникла объективная потребность в создании «клуба альтернатив» для России, который мог бы взять на себя не только задачи анализа на новой методологической (междисциплинарной) основе, но и синтеза реальных альтернатив, «конструирования Образа будущего (Победы)». Прорывы происходят только в момент очередного кризиса, ослабления связей в старой системе («атаки хаоса»). К этому моменту надо готовиться, чтобы в момент кризиса системный процесс был запущен. Сейчас такой момент наступил. Требуется «новый курс» власти по отношению к бизнесу (в том числе — крупному), который предполагает:

— Развитие системы стратегического планирования с формированием долгосрочных (до 2025 года минимум) программ развития основных секторов экономики страны совместно с компаниями-лидерами этих секторов (по модели ГЧП) с целью решения задач применения их продукции на внутреннем рынке (переход от ситуации, когда 2/3 нефти, газа, металлов, химической продукции, удобрений экспортируется, к применению их внутри страны — не менее половины к 2030 г.) путем развития новых производств шестого технологического уклада.

— Как условие реализации стратегии прорыва — придание отраслевым объединениям компаний-лидеров общественно-государственных функций и заключение с ними специнвестконтрактов (СПИКов) под персональную и корпоративную ответственность за достижение поставленных целей.

— Отнесение инвестиций, осуществляемых в рамках стратегических планов (специнвестконтрактов), на себестоимость продукции в полном объеме, включая

соответствующие НИОКР, проводимые отраслевыми объединениями. Разрешение применения ускоренной амортизации для приоритетных программ развития, закрепленных специнвестконтрактами.

— Фиксация тарифов естественных монополий (Газпром, Россети, РЖД) на период реализации «стратегии прорыва» под встречные обязательства компаний-участников не повышать цены на продукцию в рамках приоритетных программ. Обязательства Минфина РФ не ухудшать налоговые условия для участников приоритетных программ. Обязательства ЦБ РФ проводить умеренно мягкую денежно-кредитную политику (реальная ключевая ставка не выше 1,5 % годовых), обеспечить устойчивость и постепенное укрепление рубля, а также принимать обязательства (облигации и права требования по кредитным договорам) в ломбардном списке и в залоговом обеспечении. На период реализации «стратегии прорыва» снять излишне жесткие нормативы банковского регулирования Базель III.

Послесловие. Императив перезагрузки

Ни один бизнес — даже поменявший прописку и ориентацию с Лондона и оффшоров на Москву и регионы страны, включая САРы; ни одна власть, опирающаяся на авторитет первого лица и традиционный аппарат; ни растерянное и с трудом выживающее население, — никто из них в одиночку не вытянет тяжести и сложности задачи сохранения страны и её прорывного развития в условиях начинающегося глобального шторма.

Только ценностная мобилизация на основе ответственности перед предками и потомками, путём выстраивания баланса интересов, с подключением

энергий тысяч и миллионов родовых и индивидуальных «длинных волей», способны дать тот сплав, то «народное ополчение», которое обеспечит сохранение и успешное развитие страны в XXI веке в интересах всех и каждого.

Есть два исторических варианта сочетания контрактов с народом и элитой: екатерининский (закрепощение крестьян и вольность дворянства) и петровский (он же, с модификациями, сталинский), включающий ответственность служилого и торгового сословий с мобилизацией народа на войну и строительство нового града и мира. Первое сочетание нравится элитам, второе — большинству народа.

«Равноудаление» олигархов 2000-х годов в сочетании с разумной политикой повышения доходов населения (бюджетников и пенсионеров), казалось бы, свидетельствовали о выборе «петровского варианта» контрактов Кремля с элитой и народом: повышение ответственности и сплочение вокруг достижения общих целей. Однако искушения «кумовского капитализма» (своим — всё, остальным — закон), рост роли административного и силового аппарата за 2010-е годы почти разрушили этот вектор модернизации и роста, став одним из значимых факторов стагнации экономики, застоя социальной энергии.

Выбор «жёсткого контракта» власти с населением (пенсионная реформа, повышение НДС и т. д.) создает рамку для инерционного сценария ответа на внешние шоки: приватизация остатков государства (при укреплении его внешнего фасада), затем — новая редакция «капитализма катастроф» и путь на обочину истории.

Но остается возможность выработки такого же (если не жёстче) нового контракта Кремля со служилой и торговой (бизнес-) элитой, что предполагает «национализацию третьего сословия» с репатриацией его активов и обязательств. Население, конечно, никто

не спрашивает, но парадокс любого развития (даже мобилизационного) заключается в том, что оно требует «сознательности», превращения атомизированного «плебса» в народ.

Без консолидации бизнес-элит и их договора в новых условиях с властью и обществом выбраться из «медовой ловушки» западной финансово-правовой системы невозможно.

Общие контуры такой консолидации в целом уже понятны:

— **«Общее дело»:** обмен капитала и энергии бизнесмена-репатрианта на «место в общем строю» согласно профилю деятельности лица и общему замыслу прорыва страны к новому уровню развития. Так, финансисты должны получить гарантии вхождения их банков и финансовых компаний в состав «системно значимых» финансовых институтов страны; сырьевики и прочие представители глобально ориентированных отраслей (зависимых от конъюнктуры глобальных рынков) — гарантии защиты от закрытия этих рынков странами-конкурентами (или соответствующих ответных мер) и участие в выработке долгосрочных параметров повышательного развития российских рынков с защитой от импорта (в т. ч. — с гарантированным долгосрочным курсом рубля); предприниматели «новой экономики» и высокотехнологичных отраслей (включая оборонку) — гарантии модернизации структуры экономики и защиты от враждебного поглощения мировыми (западными и восточными) ТНК.

— **«Возврат принесенного ветром».** Поскольку формальные сроки давности оспаривания сделок «залоговой» приватизации прошли, в качестве паллиатива их легитимизации в глазах общества и гарантии того, что соответствующие стратегические активы останутся (вернутся) в российской юрисдикции,

крупные предприниматели могут давать «клятву дарения» — но в пользу не глобальных, а отечественных благотворительных фондов и эндаунментов: образовательных, медицинских, научных, культурных и иных, действующих в пользу программ развития страны и социального мира.^[23]

— **«Равноприближенность вместо равноудаленности».** Поскольку контракт власти и бизнеса 2000-х («равноудаление олигархов» от Кремля в обмен на прозрачные и равные правила игры) в 2010-е перестал работать, Кремль может объявить равные условия приближения для всех крупных предпринимателей, берущих на себя организацию или решающее участие в стратегическом развитии (национальных проектах), включив тех, кто подписывает соответствующие долгосрочные инвестконтракты (например, в форме сверхкрупных СПИКов, скажем, от 300 млрд. руб.) в состав Президентского Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. Лица, подписавшие СПИКи будут «отвечать головой» (карманом) и репутацией. Такой объём залповых инвестиций (репатриация капитала на 50 и более млрд. долл. в год) потребует межотраслевой и межрегиональной координации, что, наконец, запустит процедуры стратегического планирования, предусмотренные ФЗ-172.

— **«Консолидация капитала и создание мега-РБГ»** (по типу Росатома, Ростеха, Норникеля, Русала и созданных двух СП в цифре — Сбербанк с Яндексом и Мэйл-групп с Ростехом и ГПБ). Вместо 35–50 крупных РБГ может остаться 10–12 (как в банковском секторе осталось 5–7 крупных банков), что позволит сохранить позиции на внешних рынках и сократить издержки в период внутренней модернизации. Хотя с точки зрения антимонопольной политики такая консолидация

(«чеболизация») представляется опасной, она может стать альтернативой мобилизационной экономике с госмонополией на внешнюю торговлю, трансграничные платежи и т. п.

— **«Новый курс»** по отношению к элитам должен быть увязан с таковым по отношению к населению (трудовым ресурсам: нынешним, будущим и прошлым): вместо вгоняющих общество в депрессию пенсионной реформы, повышения НДС и иных элементов «шоковой терапии-2» народу должно быть предложено служение («пожизненный найм» в общем деле) через участие во вновь объявленных проектах власти и бизнеса. Только создание новых рабочих мест с достойной оплатой, сохранение остатков «общественных фондов потребления» (в т. ч. — пенсионного и медицинского) способно включить людей в созидание. В «связке трех сил» (чиновничество-предприниматели-народ) Кремль не может мыслить в парадигме «отнять и поделить», сокращая госпрограммы и долю бюджета в ВВП (как делает нынешний Минфин). Новый контракт власти с бизнесом предполагает и новый контракт власти с народом.

Проработка граничных условий нового контракта власти и бизнеса есть первый необходимый шаг большой совместной работы: в конечном счете, предстоит спроектировать такую экономику (в том числе, национальные рынки капитала и труда), которая включает в себя механизм выработки и согласования стратегических решений в области бизнеса и социального развития страны.

Часть III

Прогноз погоды

Елена Ларина, Владимир Овчинский **Парадокс Ферми и угрозы будущего**

Настольные книги технооптимистов

В начале этого года Amazon опубликовал результаты продаж в разделе «Прогностика и нон-фикшн». С большим отрывом первые пять мест занимают книги Э.Шмидта и Д.Коэна «Новый цифровой мир», Дж. Рифкина «Третья производственная революция», К.Шваба «Четвертая промышленная революция», Ю.Харари «Homo deus» и Н.Бострома «Искусственный интеллект: этапы, угрозы и стратегии». Общий тираж этих книг, переведенных на десятки языков мира, превысил 2 млн. экземпляров. При всех отличиях и особенностях позиций авторов, их объединяют технооптимизм и эйфория относительно технологических достижений последнего времени, а также вера в экспоненциальный рост знаний, услуг и продуктов в ближайшие годы и десятилетия. Указанные авторы сформировали идеологию технооптимизма. Сегодня именно она является господствующей в политических, деловых и военно-разведывательных элитах большинства стран мира. Уважаемые мыслители распространяли на весь мир известную максиму Начальника Третьего Е.И.В. отделения, графа Бенкендорфа «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение».

Парадоксальным образом, ни в одной из этих наиболее влиятельных книг современности не найти

ответа на знаменитый парадокс Ферми. Выдающийся физик, лауреат Нобелевской премии Энрике Ферми, рассуждая с друзьями физиками и журналистами на актуальную в конце 40-х гг. прошлого века тему НЛО, задался резонным вопросом: «А где они все?». Ферми сделал вывод: «Главный парадокс науки заключается не в возможности встречи с инопланетянами, а в отсутствии подобных встреч, и более того, каких-либо следов разумной жизни в космосе». Энрике Ферми высказал свой парадокс в 1950 г. Прошло почти 70 лет, а вопрос остался без ответа.

Мало кто понимает мощь и загадочность этого парадокса. Чтобы дать представление об этом, приведем несколько цифр. Согласно данным мощнейших радио- и иных телескопов, в нашей галактике насчитывается примерно 300–400 млрд. звезд. Примерно в такое же количество оценивается количество галактик в видимой вселенной. То есть получается, что на каждую земную песчинку приходится примерно 10 тысяч звезд. Данные космологии позволяют оценить количество звезд, похожих на наше солнце, — от 5 % до 12 % от общего числа звезд. Если взять нижний порог этой оценки, то окажется, что в видимой вселенной имеется 500 млрд. млрд. или 500 квинтиллионов солнцеподобных звезд. Не так давно Национальная академия наук США определила, что в звездных системах, подобных нашей, примерно 1/5 имеют землеподобные планеты. Эту цифру, кстати, подтверждают и прямые астрономические наблюдения с использованием новейшей аппаратуры. Из всего этого следует, что примерно вокруг 100 млрд. млрд. звезд во вселенной вращаются землеподобные планеты с вероятной жизнью, т. е. на каждую земную песчинку приходится 100 подобных планет. Предположим, что жизнь является крайней редкостью, а разумная жизнь —

вообще уникальным явлением, которое характерно лишь для 1 % планет с жизнью. Но и в этом случае мы получим 10 квадриллионов или 10 млн. млрд. разумных форм жизни в наблюдаемой вселенной. Из них на нашу галактику должно приходиться как минимум 100 тыс. Поскольку наша солнечная система и Земля относятся к молодым космологическим образованиям, то как минимум 40–50 тыс. разумных цивилизаций должны обгонять нашу на десятки тысяч лет. Точку зрения Ферми сегодня разделяют практически все физики и специалисты по космологии.

С 60-х гг. XX века, при участии США, СССР (сегодня — России) и других развитых стран, осуществляется международный проект SETI или Проект Поиска внеземного разума. 50 лет расположенные на Земле и в космосе радиотелескопы и другие мощнейшие средства наблюдения обшаривают космос в поисках сигналов. А их нет. Вообще. На сегодня у науки отсутствует объяснение столь поразительного факта. Как сказал один из крупнейших физиков современности Джон Уиллер: «Самая большая загадка, на которую не может ответить наука, это — почему мы остаемся одинокими во вселенной». Отвечая на его вопрос, крупнейший футуролог, автор всемирного бестселлера «Третья волна» о грядущем в XXI веке научно-техническом перевороте, Элвин Тоффлер сказал, что, возможно, «в механизм развития цивилизаций на технологической стадии встроена закономерность их самоуничтожения». Мы одиноки во вселенной, поскольку технологические цивилизации, развиваясь несколько веков по экспоненте, затем гибнут, не справившись с рисками и угрозами, связанными с расхождением между динамикой технологического могущества и потенциалом разрешения противоречий и устранения рисков, с этим связанных.

Удовлетворительный ответ на парадокс Ферми отсутствует. И это заставляет всерьез отнестись к рискам и угрозам экспоненциального развития. Профессионалы риск-менеджмента хорошо знают, что борьбу с угрозами и минимизацию рисков необходимо начинать с их выявления, классификации и ранжирования.

Риски и угрозы новой промышленной революции

Подавляющее большинство авторов, включая К.Шваба, полагают, что нынешняя производственная революция базируется на пяти технологических пакетах. Это — искусственный интеллект, большие данные, интернет вещей, роботизация и дешевый мобильный широкополосный интернет. Магистральное направление — алгоритмизация общества на основе его оцифровки, либо датизации. На наших глазах происходит одновременное формирование интернета вещей (IoT) и переход к интернету всего. Что касается интернета вещей, то, согласно данным компании Juniper Research, в 2018 г. подключено к интернету 21 млрд. IoT-устройств, более 2 млрд. серверов, компьютеров и планшетов и почти 4 млрд. смартфонов. К 2022 г. количество подключенных устройств превысит 50 млрд., выход в интернет будут иметь все производственные линии, инфраструктурные сети и т. п.

Интернет всего, который сложится в начале 20-х гг. XXI века, будет включать в себя привычный многосекторный интернет контента, IoT, преимущественно одноранговый интернет транзакций и киборг-интернет с подключенными к сети искусственными компонентами и устройствами в

человеческом теле. Сложится огромная, включающая более 30 млрд. устройств, сеть, число связей в которой будет исчисляться десятками триллионов. Именно здесь — основной риск процессов новой производственной революции. Такого рода сеть, включающая разнообразные сегменты: иерархические и одноранговые сети, коммуникации по оптиковолоконным сетям и подключение через ретрансляторы и спутники, является чрезвычайно уязвимой. Согласно исследованиям, проведенным в MIT, веерные отключения и отказы в результате ошибок и несовершенства станут для такого рода сети повседневной практикой и будут измеряться десятками в год.

Согласно опросу, который в 2018 году провела компания Gartner среди директоров по информационной безопасности 2000 наиболее крупных компаний Америки, 65 % полагают, что IoT сделает их компании беззащитными. Для такого рода оценок у директоров есть достаточно оснований. Резкое повышение связанности сетей не только обеспечивает их быстроедействие и является важнейшей предпосылкой для сбора и обработки больших данных, но и резко повышает риски атак со стороны преступников, террористов и иных злоумышленников.

Не будет преувеличением сказать, что ситуационная среда для преступлений необратимо изменилась. В доцифровом мире мы могли четко различать уличную организованную преступность и высокотехнологичный криминал. В связанном цифровом мире даже незначительное преступление может неожиданно, в том числе — и для преступников, привести к целому каскаду негативных последствий.

Департамент Внутренней безопасности США в 2017 г. выявил, что еще в 2012 г. злоумышленники сумели проникнуть в систему термостатов

государственного завода в Нью-Джерси, производящего ядерные компоненты, и почти пять лет находились в системе. Согласно данным компании Verizon, в 2016–2017 гг. IT сервера 15 университетов США подверглись атаке со стороны собственных торговых автоматов по продаже напитков и бутербродов, расположенных в кампусах. В Великобритании за этот же период было обнаружено более 1000 уязвимостей в IoT устройствах, содержащихся в инсулиновых помпах, дефибрилляторах и кардиостимуляторах.

В интервью журналу Vice в конце 2016 г. создатель поисковика по IoT Shodan Джон Мэтерли рассказал, что в течение года ему, используя поисковик, удалось обнаружить уязвимости и подключиться к ускорителю элементарных частиц во Франции, многомегаваттной гидроэлектростанции в Китае, англо-американской единой сети суперкомпьютеров, объединяющей министерства энергетики двух стран, АНБ и британский Центр электронной разведки. Ему удалось выяснить, что эти уязвимости существовали на объектах вне поля зрения служб информационной безопасности в течение от 6 месяцев до 2,5 лет.

По мнению ушедшего в отставку бывшего председателя Национального совета по разведке Д.Клэппера: «Мир интернета всего — это по определению опасный мир. Более того, развитие информационно-коммуникационных технологий и формирование единой цифровой среды делает Америку по существу беззащитной. Для того чтобы закрыть все уязвимости в десятках миллионов смартфонов и устройств IoT, требуется затратить сумму, эквивалентную 15–20 % национального бюджета США. Этого сделано не будет, потому что такие расходы неподъемны для американской экономики. Значит, опасности и риски с каждым днем будут нарастать».

Такая ситуация характерна не только для Америки, но и для всех стран-лидеров в области информационно-коммуникационных технологий.

Всеобщая связанность и подключенность к интернету, как базису новой производственной революции, несет в себе главные риски, чреватые не только веерными, но и волновыми каскадами отказов и техногенных катастроф.

Магистральное направление производственной революции — алгоритмизация всех сторон жизни современного мира. Однако она не только открывает новые возможности, но и создает угрозы привычному образу жизни и сложившимся культурам...

В течение первых 20 лет истории интернета человеческая деятельность, как в производственном, так и в бытовом аспектах осуществлялась по устоявшимся схемам и лекалам. Революционные перемены случились, когда цифровая среда стала интегрироваться на базе платформ. Платформа — это программно-аппаратная среда алгоритмического поиска, осуществления и контроля за исполнением сделок (других взаимодействий) на основе интеллектуального анализа больших данных». Первая полноценная платформа, вторичный рынок товаров и услуг eBay, появилась еще в 90-е годы. Но лишь в десятые годы платформы стали «нервными узлами» интернета и других видов сетей.

Сегодня на платформенный принцип перешли социальные сети, интернет-магазины, различного рода сервисы и т. п. Наиболее часто в качестве примера платформ используются сервисы так называемой «совместной рыночной экономики», типа Uber, Яндекс. Такси, Airbnb и т. п.

Однако платформы отличаются от традиционных рыночных площадок (marketplace). «Marketplace — это свободное, неограниченное и непрограммируемое

взаимодействие на определенной физической или виртуальной площадке. Платформа предполагает, что пользователи (например, продавцы или покупатели услуг) действуют по определенным правилам и процедурам, строгим алгоритмам, и, хотя располагают правом свободного выбора, непрерывно получают от платформы рекомендации, корректирующие их поведение и определяющие выбор. Они действуют по алгоритму, заложенному на программном уровне в платформу, и в итоге добиваются искомого: заказывают такси, снимают квартиру в незнакомом городе, нанимают того или иного фрилансера и т. п. Причем алгоритмическим является поведение, как продавцов, так и покупателей».

Платформенный или алгоритмический способ организации коммерческой деятельности развивается экспоненциально. Еще в 2012 г. на платформы приходилось менее 1,5 % всего коммерческого оборота в США в потребительском секторе, сейчас — более 15 %, а к 2020 г., согласно консервативному варианту прогноза, будет приходиться более 30 %. С учетом того, что платформенные принципы и алгоритмизацию взаимодействия продавцов и покупателей все шире используют торговые сети, к 2020 г. как минимум более половины американской экономики без учета финансового сектора перейдет в категорию алгоритмической.

Американские и большинство зарубежных авторов рассматривают платформы как торжество принципа P2P систем, или систем «равный с равным». В реальности это не так. У каждой платформы есть хозяин — собственник. Он контролирует алгоритмы и владеет большими данными, определяет структуру деятельности продавцов и покупателей, правила и во многом — итоги их взаимодействия в процессе сделок. Платформы только притворяются рынками. На деле это

среда непрерывного принудительного планирования и управления поведением.

Социальное программирование и подталкивание

Еще классики марксизма-ленинизма писали, что объективная реальность дана нам в ощущениях. Например, в природе нет цветов: цвета — итог взаимодействия наших сенсоров с реальностью. Любые взаимодействия осуществляются через интерфейс: то, что соединяет нас с реальностью всех трех миров. Интерфейс есть у всех трех типов машин.

В последние три-пять лет выяснилось, что интерфейсы как нельзя лучше подходят для алгоритмизации человеческого поведения. Используя интерфейсы, можно побудить человека к тем или иным действиям, к заранее обусловленному выбору из нескольких альтернатив. Использование интерфейсов для алгоритмизации поведения получило название «надж». Подталкивание, как дословно переводится Nudge, осуществляется как в реальной жизни, так и в информационной среде. Так, К. Санстейн и Р. Таллер установили, что выбор школьниками между полезными, но не слишком привлекательными, продуктами и вредными, но притягательными для детей, лакомствами зависит не только от их предпочтений, но и от расположения продуктов на полках школьных столовых.

Д. Халперн, один из ведущих когнитивных психологов и проектировщик интерфейсов программ и сервисов, описывает, как сильно на выбор пользователей влияют, казалось бы, такие мелочи, как расположение того или иного элемента интерфейса, шрифт, длина пользовательского соглашения и т. п.

В качестве примера он приводит опыт известного рекомендательного сервиса для любителей зрелищных телефильмов. Сервис в порядке эксперимента в течение недели вставил в пользовательское соглашение пункт о том, что клиенты сервиса в случае внезапной смерти завещают внутренние органы владельцам сервиса, а те могут их использовать по собственному разумению. Из более, чем 250 тыс. ежедневных посетителей сервиса не подписали пользовательское соглашение менее чем 1,3 %.

Эксперимент был шуточный, но разработчики наджетехнологий используют автоматизмы человеческого поведения во вполне серьезных целях. В 2017 г. издан доклад OECD «Behavioural Insights and Public Policy. Lessons from Around the World». Согласно докладу, правительства уже 25 стран используют более чем 100 приложений, программ, ресурсов, реализующих надж для решения государственных задач, связанных с управлением выбором и поведением граждан. Еще более широко распространено использование надж в бизнесе. Более 200 компаний, преимущественно в США, Великобритании, странах ЕС, Сингапуре и Гонконге используют надж в коммерческих целях, прежде всего — в секторе B2C.

Хозяева информационных потоков и их технологии

Информация нужна для основы основ разумной жизни — реагирования на действительность, определения целей и ориентации в изменяющейся ситуации.

На рубеже 2000-х-2010-х годов был опубликован бестселлер Эли Паризера об интернет-пузырях. В предисловии к англоязычному изданию книги автор

написал: «Моя книга о том, как интернет, когда-то «открытый» и «свободный», стал контролировать нас и ограничивать в информации. Крупнейшие интернет-компании используют многочисленные алгоритмы и фильтры, чтобы показывать нам то, что является для нас наиболее релевантным. Взять хотя бы Google — он корректирует результаты поиска, ориентируясь на наши интересы. То же происходит и с лентой новостей в Facebook — там только те люди, по чьим ссылкам мы чаще всего переходим. И таких примеров множество.

Идея «релевантного интернета» не плоха сама по себе. Но она имеет и обратную сторону. Во-первых, через фильтры мы не можем разглядеть всей картины. Мы видим лишь ее отредактированный вариант. Во-вторых, мы не замечаем самих фильтров. Поэтому даже не догадываемся, что из картины что-то выбросили, что есть другие точки зрения. И, наконец, сегодня не мы определяем, что нам важно и интересно. За нас это делают машины».

Происходит это не из-за коварных козней С. Брина, Л. Пейджа или М. Цукерберга, а потому, что каждый ресурс стремится как можно дольше удерживать пользователя, приковывать его внимание, формировать вкусы, интересы, привычки каждого отдельного человека. Не зря в алгоритмической экономике главный и самый дефицитный ресурс — это внимание.

Ключевым является параметр времени пребывания на ресурсе. Если в середине «нулевых» он составлял более 3,5 минут, то сейчас не превышает 17 секунд. Наиболее мощные платформы ведут подлинную битву за внимание. Гуру информационных технологий М. Голдхарбер вспоминает, что заговорил об этом более 30 лет назад: «Реальной целью в ситуации выбора информации является внимание — внимание других людей. Область поставки такого внимания ограничена, поскольку каждый человек может отдать только свое

внимание в течение жизни. В то же самое время внимание является, несомненно, желаемым; оно необходимо каждому, и, в отличие от материальных благ, не бывает слишком много внимания. Поэтому как существующие, так и будущие «информационные технологии» лучше понимаются как «технологии внимания», каждая из которых предлагает свое оружие в битве за внимание».

Интернет-пузырь превратился в информационную тюрьму — пока еще нестроного режима. В 2017 г., выступая на одном из ведущих американских каналов, автор международного бестселлера «Explaining individual behavior on the social net» В. Хендрикс сообщил, что до 70 % американцев и более 80 % граждан ЕС удовлетворяются уже освоенными и постоянно посещаемыми интернет-ресурсами, группами в соцсетях и телевизионными каналами. Они пассивно потребляют информацию и не имеют склонности к исследовательской активности в интернете. В этом же выступлении, ссылаясь на статистику Google, В. Хендрикс сказал: «В США в 2015–2016 гг. у среднестатистического пользователя интернета в возрасте от 21 до 45 лет на один запрос поисковику Google относительно нового объекта интереса и внимания приходится более 70 рутинных запросов, уточняющих отдельные характеристики, цену, параметры и т. п. объектов, хорошо знакомых и интересующих пользователя».

Принудительное сужение когнитивного разнообразия пользователей поисковиками и платформами в погоне за вниманием, привлечением рекламодателей и т. п. — ведет к социальной инстинктизации, вырабатывает автоматизм и усиливает стереотипы поведения. Как экспериментально показал российский нейрофизиолог и нейропсихолог С.Савельев, автоматизация познавательной

поведенческой активности ведет к морфологическим изменениям в головном мозге.

Благодаря потрясающей пластичности мозга церебральное закрепление алгоритмического поведения происходит не в течение миллионов и тысяч лет и даже столетий, как считалось ранее, а за десятилетия.

Вторым направлением целенаправленного, отчасти организованного, отчасти спонтанного воздействия инфосферы на когнитивные особенности и поведение людей стало стремительное «зашумление» информационного пространства. По данным одного из ведущих американских прогнозистов Н. Сильвера, мощность информационного шума в интернете непрерывно нарастает.

Причин тому минимум три. Первая — лавинообразно растущая масса спама и плагиата в интернете. По данным агентства Gartner если в 2000 г. доля оригинального текстового контента в интернете составляла 75–80 %, в 2010 г. снизилась до 30–35 %, а сейчас не превышает 5–7 %. Интернет превратился во всемирную информационную свалку.

Вторая причина — рост разрыва в интеллектуальном потенциале пользователей интернета. Все большая доля населения информационно насыщенные и практически полезные ресурсы воспринимает как белый шум, т. е. бесполезную информацию.

Большинство людей уже не обладает необходимыми знаниями и познавательными навыками, чтобы воспринять или, тем более, — осмыслить сложный контент.

Третья причина, о которой впервые рассказали Э. Шмидт и Д. Ассандж во время обсуждения проекта книги «Новый цифровой мир», — намеренное зашумление информационного пространства для маскировки и сокрытия действительно важных

сообщений и знаний. Недавно российские исследователи Е. Луценко и А. Орлов математически доказали, что белый шум может выступать едва ли не наиболее стойким и эффективным криптографическим алгоритмом. Они же показали, что «зашумление информационного пространства ведет к формированию у наиболее интеллектуально продвинутых его обитателей, догадывающихся о криптографической функции белого шума, комплекса информационной неполноценности и бессилия с последующей алгоритмизацией их познавательной деятельности».

Информационная среда чутко (и часто — опережающим образом) реагирует на реальные конфликты, столкновения, войны и перемены. Производственная революция, вне зависимости от своего номера, неизменно сопровождается нарастанием локальной и глобальной конфликтности: бунтами, революциями, горячими и холодными гражданскими и межгосударственными войнами. И нынешняя — не исключение. В 2016 г., по мнению редакции Оксфордского словаря, словом года стала “пост-правда”. Данный термин описывает ситуацию, когда истина становится принципиально неважной. Президентская кампания 2016 г. в США прошла под знаком пост-правды. Демократы и республиканцы активно обвиняли друг друга в использовании лжи, фейковых новостей, армий ботов, разносящих неправду, и т. п.

Между тем, ничего нового в пост-правде нет. Более 25 лет назад политический аналитик и китаист Г. Айзенкс, предисловие к первой книге которого о китайской революции написал еще Л. Троцкий, опубликовал работу «Идолы племени: групповая идентичность и политические изменения». В этой книге показана неизбежность нарастания конфликтов в развитых странах и перехода их из фазы споров и

конкуренции в стадию борьбы, «холодных» и даже «горячих» гражданских войн. В таких войнах, по Г.Айзенксу, неизбежно формируется групповая идентичность на основе противопоставления одной группы другой по принципу «свой-чужой». Это противопоставление наиболее остро будет проявляться не в политике и экономике, где противоборства ограничены институтами и правилами, а в информационной сфере. Российский теоретик и практик медиа-коммуникаций В. Соловей на массиве исторических данных показал неизбежность перерастания внутригражданских конфликтов в информационные войны.

В ходе информационных войн правда отходит на второй план. В инфосфере, как на реальном поле боя, действует принцип «все для фронта, все для победы». Неважно, кто, что и насколько правдиво сообщает. Главное, что информация наносит вред врагу и укрепляет собственную идентичность.

Любые войны, информационные здесь — не исключение, предполагают четкое планирование и беспрекословное подчинение. Соответственно, эпоха пост-правды — это эпоха тотального управления информационными потоками, программирующими и алгоритмизирующими массовое поведение.

Человек в цифровом мире

Тенденции развития информационной среды в последние 25 и особенно 10 лет, с интернет-пузырями и эхо-камерами, тотальным контентным загрязнением, размыванием границ информации и дезинформации, психологическими и информационными войнами, — привели к появлению трех принципиально новых феноменов.

Во-первых, у всё большего числа и доли пользователей, особенно молодежи, понятийно-логическое мышление уступает первенство образно-ассоциативному или клиповому. Клиповое мышление предполагает сосредоточенность на восприятии и переживании, а не на понимании и анализе. У клипового мышления есть свои плюсы и минусы. Исследователи из MIT и Института сложности в Санта-Фе установили, что клиповый тип мышления на порядок повышает внушаемость людей, их склонность к суггестии.

Во-вторых, примерно половина пользователей всех возрастов и более 90 % молодежи находятся в режиме потребления информации нон-стоп. Если в работах психологов и социологов двух предыдущих десятилетий этот феномен описывался как интернет-зависимость, то теперь, после выхода упомянутой выше книги Э. Шмидта и Д.Коэна, исследователи пишут о переселении молодежи в цифровой мир. В среднем молодой американец в возрасте от 18 до 35 лет обращается к гаджетам не реже, чем раз в 10 минут. Причем промежутки между обращениями из года в год уменьшаются в геометрической прогрессии.

В-третьих, некогда единый интернет распадается на отдельные кластеры и фрагменты, мало связанные между собой. Деление происходит не только по интеллектуальному или имущественному критериям. Границы проходят даже внутри семей, друзей и родственников, в основном — в соответствии с культурными ориентациями, политическими убеждениями, характером времяпрепровождения и т. п. Хотя формально в интернете продолжает действовать закон пяти рукопожатий, более двух третей пользователей интернета в развитых странах не выбирают даже число Данбара, поддерживая более-менее постоянные контакты менее чем с 150 людьми.

Еще на рубеже 50-х-60-х гг. XX века — в эпоху расцвета радио и телевидения — известный американский социолог и политолог Г. Лассуэлл охарактеризовал тогдашние США как «высокоманипулируемое общество, в котором информационные потоки управляют поведением граждан и врачуют их психологические недуги». Дезориентированность в сочетании с подверженностью к суггестии значительной части населения стимулирует элиты к поддержке не только теоретических, но и практических разработок в области социального программирования групп разной размерности.

Социальное программирование по своему арсеналу и сути глубже, чем надж. Если надж использует преимущественно поведенческие стереотипы и привычки, то социальное программирование предполагает разработку определенных языков, посредством которых можно описывать процедуры, подспудно заставляющие человека осуществлять определенные действия. А главное — не просто описывать, но и реализовывать такие процедуры. В социальном программировании используются не только стереотипы и привычки, но и особенности восприятия, а также характеристики психических состояний — например, такие, как тревожность, возбужденность, агрессия и т. п. Наиболее далеко теоретические и практические разработки в области социального программирования или social software продвинулись в США, Великобритании, Нидерландах и Японии.

Железная пята автоматизации

На наших глазах происходят прогрессирующая роботизация, повсеместное распространение интернета вещей и широкое использование в здравоохранении

различного рода синтетических, а в последние годы — органических имплантатов. Тенденции трансформации физической среды оказывают такое же воздействие на человека, что и процессы в среде информационной.

По данным Международной Федерации робототехники, в настоящее время в мире на производстве работает примерно 300 тыс. роботизированных участков, линий, производств. Число роботов растет в среднем на 20 % в год. 75 % продаж производственных роботов приходится на Китай, Южную Корею, Японию, США и Германию. При этом на США приходится более 75 % мирового выпуска роботов, оснащенных вычислительным интеллектом и способных к многофункциональной деятельности. По экспоненте растет число транспортных и бытовых роботов.

Роботы уже сегодня вызывают страх у рабочих, юристов, представителей других профессий с повторяющимися трудовыми операциями. Так, на выборах 2016 г. самая сильная корреляция между голосованием за Трампа наблюдалась с показателем доли в избирательных округах работников, чей труд в ближайшие 5-7 лет может быть роботизирован. Трамп сознательно эксплуатировал страх перед будущим и тоску по прошлому.

Но страх перед будущим — лишь одна сторона дела. Другая — в том, что, будучи перемещенным непосредственно из сферы производства в область контроля, управления и преодоления форс-мажорных ситуаций, работник все равно вынужден подстраиваться под роботов. Именно человек становится наиболее непредсказуемым, а значит — и ненадежным, звеном автоматизированных производств.

Алгоритмизирует поведение людей также интернет вещей, который стремительно превращается в интернет всего. Он генерирует огромные потоки машиночитаемой информации о повседневном поведении людей. Если

данные из привычного интернета характеризуют ментальный мир человека, его покупательское поведение, то интернет вещей уже фиксирует в развитых странах каждый шаг человека, создавая постоянно пополняемый архив его жизненной повседневной активности.

В мире всеобщей алгоритмизации управления и функционирования человек должен алгоритмизировать собственное поведение. Даже если он будет сопротивляться, за него все сделают компании-производители гаджетов, вещей, автомобилей и т. п., подсоединенных к платформам интеллектуального анализа данных.

Нынешнее программирование групп пользователей/потребителей осуществляется на основе огромных, постоянно пополняемых массивов поведенческих данных. Сегодня они состоят из трех компонентов. Одна часть данных принадлежит владельцам платформ, поисковиков и ресурсов интернета. Другая — производителям операционных систем для гаджетов, прежде всего Apple и Google. Третья — производителям «умных вещей», информация от которых поступает как телекоммуникационным провайдерам, так и производителям. Сегодня крупнейшие информационные компании имеют хранилища поведенческих данных, не только сравнимые, но, видимо, даже превышающие емкость нового дата-центра АНБ в Юте. Причем все эти данные компании получают с полного согласия пользователей.

Помимо того, что компании используют поведенческие данные в своих целях, они легально продают их на сторону, в первую очередь — брокерам данных. Крупнейший из них, Axion, располагает поведенческими архивами почти на миллиард жителей планеты, включая все основные страны, кроме Китая. В

среднем профиль данных на одного человека имеет от 120 до 150 параметров.

Помимо интернета вещей, все активнее пробивает себе дорогу интернет имплантатов. Сейчас уже более 2 % американцев используют имплантаты, имеющие, наряду с автономной, также удаленную систему управления через интернет. Сейчас это, в основном, кардиостимуляторы и церебральные имплантаты. По мнению медиков, до 2020 г. не только резко снизится стоимость имплантатов, но и появятся имплантаты нового поколения, созданные не из синтетических, а из органических веществ, полученных в результате достижений синтетической биологии. В ближайшие 5-10 лет до 20 % американцев будут иметь программируемые извне имплантаты в теле. Как в случае с интернетом, через 5-7 лет вслед за Америкой в биоинформационное будущее устремятся и другие страны.

Таким образом, к психологическому и поведенческому программированию в ближайшие годы добавится биофизиологическая алгоритмизация. В пору говорить о переходе от стадии «человека разумного» к стадии «человека программируемого».

Эту тенденцию уже давно заметили наиболее проницательные мыслители. Один из трех наиболее цитируемых исследователей в области философии и психологии сознания Д. Деннет утверждает: «Возможно осуществить человеческое сознание в машине. В конечном счете, машина — мы сами. Мы — роботы, сделанные из роботов, сделанных из роботов. Мы невероятно сложны, триллионы подвижных частей. Но все это роботизированные части. Здесь нет никакого чуда». Деннет рассматривает сознание, как случайную устойчивую композицию из мемов. Ведущий нейропсихолог-когнитивист Т. Метцингер вообще отрицает наличие у человека сознания как особого

феномена: «Хотя наш мозг создает тоннель эго или сознание, в этом тоннеле никто не живет. Мы живем посредством этого тоннеля и сквозь него, но не существует никакого «человечка», который заправляет всем у нас в голове. В мире не существует такой вещи, как Я или психики. Биологический организм как таковой не есть Я. Эго — тоже не есть Я. Оно представляет собой только форму контента представлений — контента я-модели, активированной в мозгу. Я — это иллюзия». Позиции Деннета и Метцингера являются мейнстримом не только для большинства современных нейропсихологов, но и, что более важно, для политиков, финансистов, политтехнологов, разработчиков программ и сервисов.

Последние 15 лет нарастающими темпами идет процесс целенаправленного изменения человека как разумного, обладающего развитой психикой, социального существа со свободой воли. Сама деятельность, ее информационная среда и материальные факторы подавляют в человеке процессный, недезъюнктивный (если пользоваться термином В. Брушлинского), творческий контур психики и мышления, замещая его дезъюнктивным, операционным и алгоритмическим.

Антропологический переход

Подавляющее большинство авторов — пожалуй, за исключением Н.Бострома и Р.Курцвейла, — сводят происходящие на наших глазах процессы и перемены к производственной революции. Однако, внимательное изучение этих тенденций в контексте глобальной человеческой истории позволяет сделать качественно иной вывод. Хотя первооткрыватели третьей (или четвертой) производственной революции подчеркивают

ее принципиальную новизну по сравнению с тем, что было раньше, объективные факты говорят об ином. На конференции 2017 г. в Чикагском университете по вопросам истории науки и техники было справедливо отмечено, что практически все технологии и нововведения новой производственной революции имеют корни в 60-х-70-х годах прошлого века. Это относится к программно-аппаратным разработкам в области искусственного интеллекта, робототехнике, для мобильных коммуникационных устройств и т. п. В начале XXI века уровень производственно-технического развития позволил в полной мере реализовать научные разработки 60-х-70-х годов. Именно это инженерное освоение научного потенциала эпохи Холодной войны и является прочным фундаментом четвертой производственной революции.

Что же до антропологического перехода, то он, хотя и связан с четвертой производственной революцией, носит гораздо более глубокий по последствиям, мощный по проявлениям и всеохватывающий по локации процесс, базирующийся на достижениях науки уже XXI века. Аналогами антропологического перехода являются, во-первых, окончательное завоевание господства современного вида человека кроманьонца в период 35–45 тыс лет до н. э., во-вторых, неолитическая революция, относимая большинством историков к 10 тыс лет назад, когда человеческие общины перешли от охоты и собирательства к земледелию, животноводству и торговле, с появлением первых городов.

Суть антропологического перехода состоит в разделении человечества даже не на новые касты или, тем более, классы, а на новые виды. Наряду с привычным алгоритмизированным человечеством, ожидается появление нового вида людей, качественно отличающихся от сегодняшних по своему

интеллектуальному потенциалу, состоянию здоровья, продолжительности жизни, возможностям адаптации к различным средам и т. п.

Новый антропологический переход базируется на трех принципиальных технологических пакетах. Первый — это разнообразные способы интерфейсов и соединений вычислительных устройств с человеческой психикой и мозгом как ее физиологическим коррелятом. Второй — создание и миниатюризация гаджетов, позволяющих людям пребывать одновременно в привычной и цифровой реальностях, т. е., по сути, существовать в объемной дополненной реальности. Третий — различные применения синтетической биологии и биоинженерии в их наиболее продвинутых видах.

Традиционно интерфейс мозг-компьютер относили к программно-аппаратным комплексам, которые позволяют силой мысли, а точнее — биоэлектромагнитных импульсов как её коррелятов, управлять частями человеческого тела и программно-аппаратными устройствами внешнего мира. До последнего времени именно подобные разработки определяли лицо интерфейсных технологий. Такая ситуация неудивительна. В Соединенных Штатах, Израиле, Китае и России, такого рода разработки финансировали, прежде всего, военные. С целью скачкообразного повышения адаптационных способностей организма и управления экзоскелетами, а также реабилитации последствий увечий в ходе военных действий. Однако в 2017-2018 гг. группам исследователей в MIT, Колтеке и нескольких стартапах удалось не просто сконструировать, но и запустить в качестве опытных образцов интерфейсы нового типа. Они позволяют силой мысли отдавать команды вычислительным устройствам на поиск, анализ или сохранение той или иной информации и даже на

проведение вычислений. Более того, группе Колтека удалось сделать первый в мире человеко-машинный интерфейс с двойным контуром. Человек не только может дать мысленную команду искусственному интеллекту, в данном случае IBM Watson, но и получить от него прямой ответ, загружаемый непосредственно на сетчатку. По сути, человек, обладающий таким интерфейсом, дополняет свою психику вычислительной мощностью искусственного интеллекта, которую может использовать непрерывно в диалоговом режиме.

Несколько слов о технологическом пакете, связанном с синтетической биологией и редактированием генов. По мнению большинства ведущих специалистов, уже достигнутый уровень развития биотехнологий позволил перейти к производству индивидуальных лекарств, созданных под конкретного человека с учетом особенностей его организма. Уже сегодня биотехнологии позволяют обеспечить глубокую реабилитацию даже больных организмов и продление активного долголетия до 80-90 лет. С технологическим освоением научных достижений синтетической биологии активное долголетие может быть удешевлено и массово продлено до 120-140 лет с рода фиксации биологических характеристик человека на уровне нынешних 45-55 лет вплоть до момента физической смерти. Практическую реализацию этой возможности большинство экспертов относит на 2020-2025 гг.

Фазовый переход

Этому процессу благоприятствует глобальная мировая обстановка. Вот уже более 25 лет в мире активно идет процесс отрицательной конвергенции: капиталистические страны, особенно развитые,

приобретают все больше черт административного, бюрократического социализма. А большинство бывших социалистических стран впитали худшие черты не только капитализма, но и архаических докапиталистических формаций.

С крушением биполярного мира акцент с развития способностей был перенесен на удовлетворение потребностей. Консюмеризм, потребительство стали мейнстримом, формирующим ценности, цели и поведение основной массы населения в развитых странах. Одновременно потребительское поведение стало определяться не доходами от производственной деятельности, а условиями предоставления кредитов. Сами по себе условия потребительских кредитов являются мощнейшим инструментом social software.

Нарастающей алгоритмизации человека способствует его нейропсихофизиология. Мозг расходует около 20 % энергии, потребляемой организмом человека, хотя составляет только 2 % от массы тела. При решении сложных проблем и интенсивном мышлении энергозатраты возрастают до 25-27 %. Думать — энергозатратно, а потому с эволюционной точки зрения, зачастую невыгодно. Если социум не предъявляет к своим членам повышенных интеллектуальных требований, люди склонны минимизировать сложные мыслительные процессы и замещать сознательное поведение психофизиологическими и социальными автоматизмами.

С психологической точки зрения, значительная часть процессов человеческой жизни и деятельности, относимых не только к психофизиологии, но и к социальным взаимодействиям, происходит бессознательно через установки, поведенческие стереотипы, культурные правила, бытовые привычки и т. п. Это доказано экспериментально. Поэтому, если

внешняя среда не только благоприятствует, но и прямо подталкивает человека к алгоритмическому, операционному поведению, использующему стереотипы, то люди охотно переходят на автоматический режим существования.

Наконец, социальное программирование наиболее полно выражает внутреннюю природу власти. «... Истинная власть — это, как правило, тайная власть или явная власть в ее тайных действиях». Тайные по смыслу, но открытые по содержанию действия сильных мира сего создают криптократию. Криптократия — не насилие, не убеждение, а алгоритмизация, последовательное сокращение степеней свободы и незаметное для человека превращение личных и групповых интересов в безусловную мотивацию достижения внешних для него целей.

Власть интеллекта

Наполнение власти программно-технологическим содержанием предполагает и сопровождается качественными изменениями в правящих элитах. Наиболее передовая часть господствующих групп превращается в «иное человечество», в другой вид *sapiens*. Еще в 2015 г. о подобном рассказывал директор Курчатковского института М.Ковальчук в Совете Федерации.

Любая технология имеет тройное применение: гражданское, военное и криминальное. Менее распространено понимание, что технологии амбивалентны по критериям эффективности. Так, технология, обеспечивающая алгоритмизацию, снижение степеней свободы поведения, при ином использовании способствует снижению внешней детерминации активности и увеличению господства

субъекта над средой. Это относится не только к отдельным людям, но и к социуму в целом.

В течение 2010-х годов сформировался и экспоненциально развивается технологический кластер, позволяющий в краткосрочной перспективе сформировать новый вид человека разумного. В него входят искусственный интеллект; интернет всего с тотальной оцифровкой, хранением и обработкой данных обо всем; синтетическая биология; дополненная реальность и прямой интерфейс мозг-компьютер.

Этот кластер является технологическим пакетом для создания сначала гибридного интеллекта как результата взаимодействия человеческого и искусственного интеллектов, а затем и интегрального человеко-машинного суперинтеллекта. Базовой технологией гибридного интеллекта является глубокое машинное обучение, распознавание процессов, связей, объектов и аномалий на основе глубоких нейронных сетей и иных вычислительных методов. Замыкающая технология технопакета — это создание прямого многофункционального, имплантируемого интерфейса мозг-компьютер.

Для адекватного понимания базовой технологии важно отрешиться от господствующего понимания искусственного интеллекта как подобия человеческого. Наиболее яркое представление этот подход получил в оценке принадлежности того или иного программно-аппаратного комплекса к искусственному интеллекту посредством проведения теста Тьюринга (выяснения, может ли пользователь, взаимодействуя с вычислительным интеллектом, определить, кто перед ним: человек или машина).

Гораздо более прагматичный операционный подход был сформулирован заместителем директора ФБР по информационным технологиям Стивеном Л. Моррисом в начале 2017 г.: «Искусственный интеллект — это

программно-аппаратный комплекс, обеспечивающий поддержку и/или принятие результативных решений в динамичной, неустойчивой среде в установленное время, на основе заведомо неполной, нечеткой и не имеющей полной доказательной базы информации. Применительно к одним задачам искусственный интеллект самостоятельно принимает решения, но в большинстве случаев является элементом гибридного интеллекта, взаимодействуя с человеком». Именно гибридный, а не искусственный, интеллект является магистральной дорогой к суперинтеллекту.

Три ведущих корпорации уже приступили к созданию многофункциональных прямых интерфейсов между человеческим мозгом и вычислительным интеллектом. Это проекты Brain Machine Interface F (BMIF), Neuralink, Directconnection. Их ведут соответственно Facebook, Элон Маск и Алфавит (Google). Ориентировочное время выпуска полноценного многофункционального интерфейса всё то же — 2022-2025 гг.

По мнению Стивена Л. Морриса, комплексная реализация технопакета суперинтеллекта потребует, наряду с программными средствами, изменений и в аппаратной базе. Здесь ключевая роль принадлежит не столько квантовым компьютерам, сколько харду не на базе традиционных чипов, а использующему мемристоры, а также графические процессоры нового поколения и графен как материал для чипов.

По оценке офиса директора Национальной разведки США, сделанной в 2017 г., новый вид человека с суперинтеллектом станет реальностью в районе 2025 г. Сходные оценки: в интервале 2023-2027 гг., — дают компании Gartner и McKinsey. Конкретные сроки могут быть ошибочными, но появление носителей суперинтеллекта безальтернативно. Все основные

компоненты харда и софта для него уже созданы. Речь идет лишь об их совершенствовании и компоновке.

Антропологический переход и перереформатирование мира

Появление нового вида людей, которые, несомненно, будут относиться к нынешней властвующей элите и ее ближайшему технологическому окружению в странах — лидерах технологической гонки, способно до неузнаваемости изменить человеческую цивилизацию.

В российской аналитике и прогностике господствует картина мира, в которой в XXI веке, как и в прошлом, основные конфликты и борьба будут происходить между странами и блоками. У геополитиков будущее — это продолженное прошлое. Для прежнего медленного мира такой подход был приемлем. Но современный быстрый, турбулентный мир его отвергает. Будущее от прошлого отделено качественным скачком, фазовым переходом.

Роковым образом ошибается в прогнозах значительная часть отечественной правящей страты — бенефициары российской экономики. Они полагают себя неотъемлемой частью глобальной правящей элиты и демонстрируют соответствующее стратегическое, тактическое и бытовое поведение. Они же ежедневно показывают обществу безудержную склонность к накоплению недвижимости, наличных, роскоши и низкорисковых финансовых активов, которые считают гарантией благополучия в будущем. В геополитическом мире такой подход имеет свои резоны. Но там, где властвует хронополитика, а прошлое и будущее разделяет фазовый переход, основные активы

российской квазиэлиты в мире будущего — обуза, а не потенциал.

Уже в среднесрочной перспективе, в ближайшие 10-15 лет, а, возможно — и раньше, произойдет резкое деление мира не по географическому, а по хронологическому (временному) или технологическому признаку. Из властвующей элиты стран — безусловных технологических лидеров современного мира выделится крайне малая не более 0,3-0,5 % населения, часть — так называемые holders (холдеры). Это — хозяева и разработчики алгоритмов, программ, технологий. Именно они станут обладателями гибридного интеллекта и улучшенных физиологических носителей (тел) на основе достижения синтетической биологии. Также, согласно оценкам Gartner, порядка 5-10 % населения стран-лидеров составят staff — персонал или «служебные люди» по терминологии М.Ковальчука. Он будет занят в обеспечении функционирования и развития алгоритмической экономики и общества в целом.

Остальное население развитых стран, вне зависимости от имеющихся у них активов, превратятся в lamers (ламеров). Ламеры не нужны для воспроизводства в «прекрасном новом мире». При одном раскладе им будет позволено заниматься самопрокормом на территориях, контролируемых холдерами, а при другом — они смогут получить гарантированное содержание, например, в виде «безусловного базового дохода» и жить в своего рода лимитированном коммунизме.

На порядок печальней перспективы граждан стран, не вошедших в узкую группу лидеров гонки за будущее, которую сейчас возглавляют США, Великобритания, Китай и Япония. Пока еще держатся за лидерами Южная Корея, Канада, Австралия, Германия, а также некоторые страны Северной Европы. Российские

аналитики любят оперировать терминами «управляемый хаос», «цветные революции» и т. п. Им невдомек, что в алгоритмических обществах управляемый хаос и цветные революции гораздо страшнее для метрополий, чем для деструктурируемых стран и территорий. Любой хаос предполагает наличие большого числа сил и групп, располагающих и применяющим разнообразное вооружение: от огнестрельного до кибернетического. Цветные революции предполагают утрату государством монополии на насилие и ослабление контроля над оборотом оружия. Нынешняя Украина — лучшее тому свидетельство.

В эпоху оружия массового поражения, огневых и взрывных систем развитые государства были способны осуществлять удаленный контроль над производством и транспортировкой вооружений. Кроме того, хаотизированные территории были отделены от субъектов хаотизации тысячами километров, непреодолимыми для оружия массового поражения, задействованного в таких конфликтах. Но кибер-, био- и генетическое оружие по своей поражающей силе уже сегодня не только не уступает, но зачастую превосходит оружие массового поражения, вплоть до тактического ядерного. В то же время контроль над подобного рода вооружением сегодня невозможен, а в будущем затруднен. Производство подобного типа вооружений возможно не только в рамках небольших структур, но и с использованием распределенных аутсорсинговых сетей. Наконец, для кибер- или био-оружия удаленность локации применения не играет никакой роли. По оценке офиса директора Национальной разведки США за 2017 год, среди всех стран мира именно США, Япония, Великобритания и западноевропейские страны являются наиболее уязвимыми целями для нанесения кибер- и био- ударов

с неприемлемыми последствиями. В этой связи сегодняшняя ситуация вокруг КНДР может рассматриваться как модельная отработка уничтожения субъектов, претендующих на самостоятельность в алгоритмическом мире.

Администрация Трампа, по крайней мере — ее военно-политическое крыло, видит свою задачу в превентивной зачистке потенциальных очагов деструкции и выработке эффективных технологий для этого. Именно в этом для правящей элиты США заключается смысл борьбы с ИГИЛ. В будущем этот подход будет только усиливаться. Соответственно, населению стран, которые проиграют гонку за будущее, останется либо выполнять сервисные услуги в рамках рекреационного использования их свободных от технологий территорий, либо исчезнуть, подобно древним египтянам, кельтам и другим когда-то великим народам. Для алгоритмических обществ эти народы — *aliens* (чужие). Причина — не в конспирологическом коварном заговоре «закулисы Гуглберга», якобы ставшей преемницей Бильдербергской группы, а в императивах безопасности алгоритмических обществ.

В гонке за будущее выделились неоспоримые лидеры. Gartner, McKinsey, а также исследовательские группы Всемирного экономического форума в Давосе ведут тщательный анализ субъектов собственности на наиболее перспективные компании и патенты на технопакеты, связанные с производственной революцией, гибридным интеллектом и *social software*. Если обобщить их данные за 2016–начало 2017 гг., получается следующая картина. Неоспоримый лидер — США: на собственников из этой страны приходится примерно 75 % акций наиболее перспективных компаний, патентов. На них работают наиболее цитируемые в мире исследователи, занимающиеся

технологиями алгоритмизации и гибридного интеллекта.

Затем уверенно идут Китай с 8 % и Япония с 5 %. Остальная доля более-менее равномерно распределена между Великобританией, Израилем, Германией, странами Северной Европы и Южной Кореей. Россия, несмотря на отдельные достижения и десятки тысяч исследователей, ученых, программистов, работающих в США, Великобритании, странах ЕС и Южной Корее, пока «выпала» из технологической гонки.

Природно-климатическая турбулентность

Третьим ключевым процессом, определяющим будущее человечества в ближней перспективе — на горизонте до середины нынешнего столетия — является растущая неустойчивость природно-климатических условий. Как известно, тема климата, а точнее — «глобального потепления», стала одной из центральных в глобальной политике. Одно из главных противоречий между США и другими ведущими странами мира связано как раз с отношением к Парижскому соглашению, предусматривающему добровольное ограничение производственно-экономического развития с целью удержать повышение температуры в пределах 2 °С к 2025 г.

В 2018 г. опубликованы две фундаментальные работы, связанные с климатическими прогнозами и обеспечением человечества пресной водой. Ученые Шведского центра устойчивости при Стокгольмском университете и специалисты из Австралийского национального университета при поддержке математиков — специалистов по имитационному моделированию из Соединенных Штатов и России выяснили, что меры, предусмотренные Парижским

соглашением по климату, не позволят к 2050 г. удержать повышение температуры в пределах 1,5–2 °С — температура поднимется, как минимум, на 3–5 °С, а уровень мирового океана — на 10–25 метров. Земля частично уйдет под воду, а частично превратится в большую теплицу. Согласно этим расчетам, точка невозврата ещё не пройдена. В настоящее время глобальная средняя температура увеличилась только на один градус. При этом выбросы парниковых газов, вокруг которых идет весь сыр-бор, — не единственный и даже не главный фактор повышения температуры. Исследование показывает, что если повышение температуры в среднем на 0,17 °С в год из-за деятельности человека продолжится и далее, то в 2025 г. температура в совокупности повысится на два градуса выше нормы, что спровоцирует необратимые процессы в атмосфере и биосфере, которые вызовут самоорганизованное повышение температуры. На повышение температуры влияние оказывают не только выбросы парниковых газов, но и различного рода эмульсий, промышленных химических веществ, хищническая вырубка лесов, особенно в районе Амазонии и российской тайги, а также загрязнение поверхности моря пленками химического и особенно нефтяного происхождения, таяние вечной мерзлоты и т. д. Международное обсуждение глобального моделирования климата, в котором участвовали не только политики, но и отставные военные, руководители крупных корпораций, известные исследователи показало следующее. У человечества есть максимум семь-восемь лет для того, чтобы начать осуществлять решительные согласованные меры по уменьшению негативного воздействия на среду обитания и предотвращения прохождения точки невозврата, после которой любые усилия будут уже бессмысленны.

Не меньшее внимание привлёк опубликованный летом 2018 года доклад ООН о пресной воде, представленный Генеральным секретарем ООН А.Гуттеришем. Согласно этому докладу, уже в настоящее время не менее 2 млрд. человек испытывают нехватку пресной воды. 80 % сточных вод попадает к окружающую среду без обработки. Не менее 1,5 млрд. человек пользуются пресной водой, загрязненной различного рода промышленными отходами. В целом 4,5 млрд. человек живут в условиях антисанитарии. Согласно выводам экспертов ООН, к 2050 г. около 6 млрд. человек будут страдать из-за нехватки водных ресурсов, а засухи в 20-е-30-е годы будут случаться в 1,5-1,8 раза чаще, чем во второй половине XX века. Специалисты ООН полагают, что особо опасная ситуация в ближайшие пять-семь лет сложится вокруг бассейнов крупнейших рек мира, уровень воды в которых из года в год колеблется, имея общую тенденции к снижению. Речь идет о Ниле, Тигре, Иордане и Инде.

Следует отметить, что параллельно климатологи фиксируют увеличение числа и мощности различного рода аномальных явлений, включая жару, холод, изменения привычных течений, ураганы, штормы и т. п.

Ведущие фабрики мысли в последние годы сделали вывод об усилении негативного воздействия климатических сдвигов на политическую ситуацию в целом ряде регионов, особенно в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, в северной и тропической Африке. В 2015-2018 гг. опубликован ряд докладов. В них красной нитью проходит мысль о неизбежности крупных гражданских войн и, соответственно, массовых потоков нелегальной миграции из районов Северной и тропической Африки в Европу, из Центральной Азии — в Казахстан и Россию, и из Среднего и Ближнего Востока — в Европу, включая страны постсоветского

пространства. Эти прогнозы базируются на мощном историческом фундаменте. Для неангажированных наблюдателей не секрет, что триггером, переведшим копившееся социальное недовольство в странах Северной Африки в «арабскую весну», стало значительное повышение цен на продукты, особенно рис, хлеб и бобовые. Повышение цен в значительной степени было связано с засухой. Также хорошо известно, что начало гражданской войны в Сирии было во многом вызвано длительной сильной засухой, охватившей восточные и северные районы Сирии, где традиционно проживало суннитское население и производилась основная часть сельскохозяйственной продукции страны. Климатические изменения неизбежно отражаются на сельском хозяйстве, а трудности снабжения продовольствием и рост цен на него неизбежно обостряют социальные конфликты. По оценкам автора международного бестселлера «Сыновья и мировое господство» Г.Хайнсона, описанная выше «петля разрушений» на рубеже 2010-х-2020-х годов может вызвать миграционные потоки в ЕС, исчисляемые не сотнями тысяч, как это было в 2014-2016 гг., а миллионами, а то и десятками миллионов.

Негативное влияние климатических сдвигов будет происходить в условиях торможения глобализации. Процессы, запущенные президентом США Д.Трампом, независимо от последующего развития событий, уже привели к необратимым сдвигам, и будут иметь инерционное влияние в дальнейшем. Помимо прочего, на глобальном уровне это означает следующее. Странам Средней и Центральной Азии, африканским государствам в ближайшие 10-20 лет не удастся повторить прорыв Китая, Турции, Индии, Бразилии, отчасти Вьетнама, запрыгнувшего в уже уходящий поезд глобализации. Сотням миллионов людей не удастся вырваться из нищеты, голода, отсутствия

медицинской помощи и образовательных перспектив. В то же время, эти люди в беднейших странах, особенно — молодежь, будут иметь доступ к смартфонам, а соответственно — и к элементарным достижениям производственной революции. Поскольку любая технология имеет тройное назначение: военное, гражданское и криминальное, — мировая нищая деревня неизбежно постарается нанести ответный удар глобальному богатеющему городу.

Вместо заключения. И последние станут первыми

Масштабное развертывание новой производственной революции, стремительный старт антропологического перехода будут проходить в условиях нарастающей турбулентности глобальной среды обитания, а также нарастания противоречий и конфликтов между мировой деревней и процветающими мегаполисами. В этих условиях можно предположить, что ближайшие 25 лет будут едва ли не самым опасным периодом в человеческой истории — периодом, когда у человечества будет большой шанс присоединиться к числу молчащих планет, иллюстрирующих парадокс Ферми. Масштабы рисков и величина угроз позволяют всерьёз поставить задачу выживания как имеющую абсолютный приоритет. К сожалению, эта задача должным образом не отрелефлексирована ведущими российскими фабриками мысли и экспертным сообществом. Для ее решения предлагаются либо архаические рецепты, базирующиеся исключительно на прошлом, либо предложения, как под копирку перенять мировой опыт, например — цифровизацию экономики, использования оправдавших себя в течение последнего 50-летия

институтов развития и т. п. Между тем, решение задачи выживания предполагает не копирование чужого, а использование собственных оригинальных разработок, отвечающих, помимо прочего, культуре народов, населяющих Россию, и менталитета, порожденного русским языком. Вместо того, чтобы для отчетной галочки пытаться насадить всеобщую цифровизацию, необходимо вернуться к задаче, поставленной Президентом РФ В.В.Путиным в выступлении на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 28 сентября 2015 г.: «Нам нужны качественно иные подходы. Речь должна идти о внедрении принципиально новых природоподобных технологий, которые не наносят урон окружающему миру, а существуют с ним в гармонии, и позволят восстановить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой. Это, действительно, вызов планетарного масштаба...»

Важнейшими составляющими природоподобных технологий являются хай-хьюм и конкретно принципиально новые технологии раскрытия спящих способностей и возможностей человека и т. п. На основе широкого использования природоподобных технологий, включая организационные, экономические и социальные технологии, можно успешно решить задачи выживания и элиминировать ключевые риски, с которыми в ближайшие 20–25 лет столкнется человечество.

Риск первый — риск турбулентности. Эффективная алгоритмизация, программирование и управление возможны лишь в средах, для которых внешние и внутренние возмущения меньше некоторых объективных параметров. Операционные технологии, а значит — алгоритмизация, программирование и управление, — возможны лишь в относительно стабильных средах. Если среда нестабильна, итоги использования новых технологий непредсказуемы.

Риск второй — риск «эффекта домино». Риски внутрисистемных отказов и веерных выходов из строя растут быстрее, чем увеличивается взаимная увязанность и избыточность элементов системы. Грубо говоря, чем более все со всем связано, тем выше риск отказов и катастроф не только из-за целенаправленных действий, но и по случайным причинам.

Риск третий — риск агрессии, или «кошмар Лема». Еще в 1980-е гг. Станислав Лем предположил, что в рамках технологического прогресса способность все меньших, вплоть до двух-трех человек, групп нанести неприемлемый ущерб городам, странам и блокам стран растет экспоненциально. В 2017 г. Национальный разведывательный совет США опубликовал доклад «Глобальные тренды: парадоксы прогресса», в котором отмечалось: «В последние годы проявилась тенденция, которая будет оказывать влияние в течение ближайших 20 лет. Негосударственные группы, в том числе террористы, боевики, преступные группировки и активисты будут иметь все более широкий доступ ко все более разнообразному спектру летальных и нелетальных средств огневого, инфраструктурного и поведенческого поражения. В условиях, когда небольшие террористические, повстанческие и преступные группы могут иметь на вооружении технологии массового поражения, может возникнуть уникальная ситуация, отбрасывающая нас в Средневековье, когда государства воевали с бандами преступников и отрядами наемников. Эта тенденция уже проявляет себя».

Риск четвертый — риск оптимизации. Главным направлением развития вычислительного интеллекта является глубокое машинное обучение с использованием все более глубоких нейронных сетей. В итоге уже сегодня, при использовании нейронных сетей с глубиной более 30 слоев, исследователи не

представляют себе, каким образом вычислительный интеллект пришел к решению той или иной задачи. При решении задач на оптимизацию это означает, что пользователи не знают всей совокупности параметров, при которых задача по заданному критерию оптимизации решена наилучшим образом. Грубо говоря, может оказаться, что оптимальное решение по заданному критерию предполагает значения сопутствующих параметров, которые несовместимы с существованием оптимизируемого объекта.

Наконец, риск пятый — риск слепоты или скрытых параметров. Поскольку господство и подчинение в алгоритмических обществах построены на операционном, алгоритмическом контуре психики и управления, представляя собой реализацию машин третьего типа, то эти машины и симбиотически связанные с ними суперинтеллекты не способны работать с процессным, поисково-прогностическим (творческим) контуром психики, мышления и активности.

Для них все решения этого контура находятся в зоне скрытых параметров. Для суперинтеллекта они находятся в так называемой «слепой зоне».

В этих условиях безальтернативно на место геополитики, борьбы за пространство и ресурсы, придет хронополитика — борьба за время и информацию. По сути, хронополитика — это борьба за выбор будущего. С одной стороны, как справедливо отметил мыслитель и писатель-фантаст Уильям Гиббсон: «Будущее уже наступило. Просто оно пока еще неравномерно распределено». С другой стороны, перефразируя Маяковского, не только поэзия, но и политика становится «ездой в неизвестное».

На наших глазах безвозвратно уходит в прошлое мир, скроенный по британской модели. С начала первой производственной революции в конце XVIII века и

вплоть до нынешнего дня вся планета живет в экономическом, политическом, технологическом, ментальном и ценностном пространствах, основанных на англосаксонской модели мира: индивидуализме, рационализме, конкуренции и т. п.

Новое время требует новой модели. Борьба за эту модель и составляет суть хронополитики. В новом быстром и опасном мире нельзя оказаться позади в научной, образовательной, технологической и других гонках. Проигравший опоздает не на десятилетия, а на столетия и даже навсегда. В турбулентном мире важно не только находиться среди лидеров гонки за будущее, но и гарантировать жизнеспособность, выживаемость. Гонка за будущее — это не стометровка. Соответственно, нельзя сломя голову, не заботясь об устойчивости, традициях и стабильности, бездумно копировать чужие инновации. В стремительном мире безоглядная увлеченность будущим столь же опасна, как и сосредоточенность исключительно на прошлом, стремление к архаизации. Необходим баланс. Только баланс может обеспечить поворот от потребляющего к производящему обществу, экономике и культуре.

Владимир Иванов, Георгий Малинецкий

От НТР — к ГТР

Что такое гуманитарно-техническая революция?

В настоящее время появилось очень много научных исследований, научно-популярных статей и книг, посвященных будущему. Это не случайно.

Во-первых, это отвечает нашим чаяниям — хочется понять, что ожидает наших детей и внуков, к чему их стоит подготовить, от чего уберечь, где «подстелить соломки». О том же в незапамятные времена говорил Блаженный Августин, полагавший, что прошлое миновало, настоящее эфемерно и беспокоиться следует только о будущем.

Во-вторых, наша цивилизация находится в точке бифуркации. В математике так называют параметры, в которых развитие изучаемой системы теряет инерцию, и возникают новые возможности. Это время выбора. До последних десятилетий в течение сотен тысяч лет численность людей на Земле росла по гиперболическому закону. Эта зависимость имеет особенность (сингулярность). Если бы наша численность росла в том же темпе, то к 2025 г. нас стало бы бесконечно много. Другими словами, возможности экстенсивного развития исчерпаны. По данным английских ученых, созданная нами техносфера уже весит в 30 раз больше всей биосферы.

Нужно искать новые пути в будущее, новые алгоритмы развития. Исторический прогноз, стратегическое планирование, проектирование будущего, «управление из будущего» на наших глазах сходят со страниц научно-фантастических романов и

входят в научное и технологическое пространство. Дело в том, что для принятия эффективных, дальновидных решений на государственном уровне во многих сферах жизнедеятельности (освоение территории, национальная оборона, система образования, инновационная политика, не говоря уже об экономике) нужны ясные, научно обоснованные представления о наиболее вероятных сценариях нашего развития на ближайшие 30 лет. Если мы всерьез не будем задумываться о будущем, то оно может не состояться или оказаться совсем не таким, как нам хочется.

В-третьих, рассуждения о будущем, его отражение посредством искусства, науки, религий является очень эффективной социальной технологией, инструментом воздействия на общество. Происходило это с незапамятных времен. Достаточно вспомнить одну из самых загадочных книг христианства, Апокалипсис или Откровение Иоанна Богослова, пророчества других мировых религий, а позже — и ученых. Однако, ситуация кардинально изменилась. Мир стал гораздо более рефлексивным, чем раньше. Имеет место «эффект Эдипа» — феномен «само-сбывающегося прогноза». Мы странным образом оказываемся там, куда попасть вроде бы не хотели. Прогноз, ставший известным тем, к кому он относится, играет программирующую роль.

Технологии информационного и рефлексивного управления, которые вначале вошли в практику межгосударственной борьбы и только потом — в академическую науку, очень эффективно используют эффект Эдипа.

Можно напомнить сборник «Иного не дано», вышедший в горбачевские времена под редакцией Ю.Афанасьева и собравший под одной обложкой «прорабов перестройки», доказывавших, что выбора нет. Конечно, выбор был — развитие Китая, траектории

постсоветских государств это убедительно показали. В этих заметках не стоит разбираться, была ли в трудах «прорабов» заведомая ложь (впрочем, в своих мемуарах многие настаивали именно на этом и позиционировали себя как убежденных противников советского строя) или глубокая некомпетентность, но свою роль в развале СССР и организации «крупнейшей геополитической катастрофы XX века» этот труд сыграл. Прогноз сегодня является весьма эффективным оружием.

Здесь трудно обсудить даже небольшую часть проблем, связанных с будущим, и в наши намерения это не входит. Однако, нам кажется, что сегодня в большинстве работ о будущем ответы ищутся совсем не там, где они могут находиться. Ситуация отчасти похожа на притчу о человеке, который искал монету под фонарем, хотя потерял её совсем в другом месте — ведь в темноте всё равно ничего не найдешь. Судя по всему, «искать придется в темноте» — мы имеем дело с новой ситуацией, в которой многие старые инструменты неприменимы. И в этой ситуации размышления фантастов и футурологов, заглядывающих в будущее, могут оказаться не менее полезными и конструктивными, чем установленные и апробированные результаты ученых, опирающихся на прошлый опыт и не желающих выходить за пределы своих конкретных научных дисциплин.

Финансовый аналитик, публицист и философ Нассим Талеб ввел очень удачную метафору — «чёрный лебедь». До открытия Австралии европейцами считалось, что лебеди бывают только белыми. Когда путешественники увидели чёрных лебедей, которые водятся в Австралии, их представления о пространстве возможного расширились. Чёрный лебедь — это «неожиданная неожиданность», которая до того, как она произошла, казалась невероятной. В искусстве, в науке, в инновационной сфере человечество не раз

сталкивалось с «чёрными лебедями», которые меняли очень многое.

Ученые, рассуждая о будущем, обычно выделяют существующие или наметившиеся тенденции и экстраполируют (продолжают) их в будущее. Математики знают, что такая процедура неустойчива. Небольшая вначале ошибка может привести к совсем другой траектории, нежели «расчётная». Поэтому планы и проекты будущего развития приходится часто «пересчитывать» и пересматривать, опираясь на математические модели и знания экспертов. Кроме того, в пограничье между индустриальной и постиндустриальной фазами развития, преодолевая постиндустриальный барьер, мы в этом столетии не раз столкнемся с большими неожиданностями, с «чёрными лебедями».

Нашу задачу по-иному взглянуть на будущее облегчает доклад академика С.Ю.Глазьева (см. «Изборский клуб», 2018, № 6), в котором представлено видение грядущего глазами экономиста, а также прекрасный обзор современной западной футурологии Е.С.Лариной и В.С.Овчинского. В этих работах много глубоких, интересных идей, с которыми трудно не согласиться. Но некоторые детали стоит уточнить, и, кроме того, нам кажется важным сделать небольшой шаг от того «круга света», где большинство наших коллег ищет ответы на вопросы о будущем.

Парадокс Ферми. Возможны варианты

«Наш мир окажется жалким недоразумением, если каждому веку в нем не найдется что исследовать».

Луций Анней СЕНЕКА

В названии статьи Е.С.Лариной и В.С.Овчинского фигурирует парадокс Ферми. Вслед за выдающимся физиком они удивляются, почему мы не слышим в радиодиапазоне сигналы, следы деятельности, какие-то признаки существования других цивилизаций. Наше присутствие во вселенной другие её обитатели, если таковые существуют, могут заметить, начиная с 1900 г., когда мы начали пользоваться радиосвязью.

То, что именно Ферми отметил это странное, на первый взгляд, обстоятельство, — неудивительно. На его глазах преобразалась физика. Когда он поступал в университет и беседовал с деканом, он, по словам биографов, уже перечитал всё, что было опубликовано по физике на итальянском — видимо, это было не слишком много. Ферми был одним из создателей ядерной физики, которая за десяток лет прошла путь от первых экспериментов по делению урана до создания атомной бомбы, которая изменила мир. В такие эпохи «бури и натиска», стремительного развития и огромных надежд, когда горизонты кажутся безграничными, исследователи интуитивно ощущают, что они узнали и знают удивительно много. Но это замечательное время больших свершений, «научного праздника» проходит — и начинаются будни.

В Институте астрономии РАН тоже проводили ряд оценок, связанных с парадоксом Ферми. Судя по ним, для того, чтобы мы не видели иных цивилизаций, время их существования... не должно превышать 1000 лет. Подходящее сравнение — редкий дождь. Падает капля, возникает пузырь (цивилизация), затем лопается. И когда падает следующая капля, то уже не видно никаких следов предыдущей. Ряд недавних работ показали, что если все люди на Земле вмиг исчезнут, то всего через 2 млн. лет не удастся обнаружить следов нашей цивилизации.

В трактовке Лариной и Овчинским парадокса Ферми есть большая тревога — цивилизации почему-то гибнут. Но ведь тут можно рассуждать и другим образом. То, что кажется неудачей, может оказаться, напротив, свидетельством успеха.

Например, физик-теоретик Ф.Дайсон предположил, что высокоразвитые цивилизации могут окружать свои звезды оболочкой (её сейчас называют «сферой Дайсона»), чтобы использовать всю энергию своей звезды. Действительно, зачем «обогревать космическое пространство»?

Другой вариант. Почему свет сошелся клином на электромагнитном излучении, которое мы сами научились описывать и использовать не более двух веков назад. Вполне возможно, что цивилизации, которые старше нас на миллионы лет, не сидели сложа руки, и смогли найти другие средства связи.

В эпоху Ферми возникла удивительно красивая и волнующая физическая картина мира. Но сейчас-то её нет и в помине. Студентам-физикам уже на первых лекциях объясняют, что наши теории относятся к 2 % вещества и полей вселенной, а почти всё остальное приходится на долю темной материи и темной энергии (если бы их не было, то вселенная расширялась бы иначе). Об этих сущностях мы сейчас не знаем почти ничего, и есть большие сомнения, что сможем узнать в обозримом будущем.

Наконец, есть еще одна возможность, на которую обратил внимание выдающийся польский фантаст и футуролог Станислав Лем. Возможно, цивилизации, которые намного старше нас и осуществляют мониторинг той части вселенной, в которой находится Земля, просто берегут нас. Развитие должно быть естественным, иначе мы можем что-то важное пропустить. И «игрушки цивилизаций старшего возраста», скорее всего, не ускорят, а затормозят наше

развитие. Даже учителя начальной школы знают, что гораздо ценнее для ученика та задача, которую он решил сам, а не та, решение которой он подсмотрел у соседа.

Так что парадокс Ферми можно трактовать не только с тревогой и знаком минус, но и с надеждой и знаком плюс.

Что такое гуманитарно-технологическая революция?

«Предсказывать очень трудно, особенно трудно предсказывать будущее».

Нильс БОР

Среди студентов Физтеха была популярна такая поговорка: «Когда все пошли в гусары, Эйнштейн пошел в физики, когда все пошли в физики, иди в управление». Нам очень трудно представить, что привычный уклад, приоритеты, способы решения проблем изменяются в течение нескольких десятилетий.

В статье академика С.Ю.Глазьева перечислены сразу семь вариантов будущего. На какой из них ориентироваться? Богатырь стоял на перепутье и перед ним открывались три пути, и то возникли большие проблемы — то «дорожная карта», высеченная на камне, оказалась неверной. А тут один из ведущих российских политологов и экономистов называет их 7. Опять вспоминается поговорка: «Не может же быть так, что ничего не было, что-нибудь да будет». Вывод один — карта будущего сегодня формируется не только в экономическом и политическом пространстве.

Очевидно, есть другие: не менее, а может быть, и намного более важные, — факторы...

Предвидеть будущие революции, кризисы, войны помогал анализ «длиных волн» технологического развития (кондратьевских циклов), смены технологических укладов. Например, сотрудники Института мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО) В.И.Пантин и В.В.Лапкин предсказали мировой экономический кризис 2008-09 гг. с точностью в несколько месяцев за 5 лет до его наступления. Но если мы стоим на пороге больших перемен, то логика кондратьевских циклов может перестать работать. Ведь не так давно этих циклов не было. Быть может, это просто наследие индустриальной эпохи, а в постиндустриальном мире всё будет обстоять иначе...

На рисунке 1 показан рост валового внутреннего продукта (ВВП) стран БРИКС (статистика и прогноз). Видно, что для всех этих стран имеет место экспоненциальный рост, но с различными показателями. Иначе говоря, ВВП растет по закону геометрической прогрессии — в одинаковое число раз за одинаковые промежутки времени. Но является ли сам ВВП хорошим показателем для новой реальности, формирующейся у нас на глазах? Впрочем, уже на этих графиках видно, что экономическое развитие России разительно отличается от того, что происходит в других странах БРИКС. Что-то не то делается в нашем хозяйстве. И, чтобы решить поставленную президентом страны задачу об увеличении темпов роста до уровня, превышающего среднемировые показатели, нужны кардинальные перемены в нашей экономической политике.

Рис. 1. Зависимость ВВП от времени для ряда стран

Виден медленный рост ВВП России. Индия и Китай начинали с низкой базы и растут очень быстро. Примерно в таком же темпе следовало бы расти и нам.

Рисунок любезно представлен С.А.Маховым.

Хорошее впечатление на читателя производят числительные: «третья волна», «третья энергетическая революция», «четвертая промышленная революция». На наш взгляд, глядя через подобные «технократические очки», мы не видим главных перемен, происходящих сейчас.

Сейчас кардинально меняется место человека в мире, в экономике, в культуре. Становится иным сам вектор технологического развития. В самом деле, индустриальное развитие, опираясь на невиданный ранее уровень разделения труда (именно его, а не «невидимую руку рынка» ставил во главу угла Адам Смит в своей классической книге), на эффект масштаба и мировую торговлю. Технологии достигли такого уровня, что эти факторы стали ключевыми —

параметрами порядка в терминах *теории самоорганизации* или *синергетики*. Социальная структура и культура в целом подстроилась к этим технологическим реалиям. Разделение труда нашло блестящее воплощение в предложенном Генри Фордом конвейере, позволившем эффективно использовать большое количество неквалифицированной рабочей силы.

Эффект масштаба проявился в том, что гигантские заводы, корабли, электростанции производили товары и услуги гораздо дешевле, чем меньшие предприятия. Большие масштабы и мировая торговля потребовали стандартизации и взаимозаменяемости. Под этим флагом в XIX в. были приложены огромные усилия, чтобы ввести метрическую систему мер. Семейство Ротшильдов, которое во всем этом активно участвовало, продвигало идею введения единой для всего мира денежной единицы.

Мир представлялся в виде огромной машины или фабрики, в которой люди были её деталями, без каждой из которых весь механизм может остановиться. Необходимость и возможность взаимозаменяемости сделали массовость символом индустриальной эпохи. Это время массового образования, крупного машинного производства, массовых армий, массовой культуры, оружия массового поражения.

В науке на этой волне возникла первая междисциплинарная сфера знания — *кибернетика*, которая изучала общие принципы управления и связи: в технике, в обществе, в человеке. Ключевую роль в ней играла концепция «черного ящика» — системы, о содержании и структуре которой мы ничего не знаем, но которая в ответ на заданные входные воздействия дает заданный набор выходных символов. В этой логике машина должна работать, и не так важно, как она устроена внутри. Такой «машинный подход» оказал

большое влияние даже на теоретическую физику, а не только на социальные и гуманитарные науки, в частности — на экономику. Мы до сих пор оперируем такими «массовыми показателями» как валовой внутренний продукт (ВВП), индекс промышленного производства, индекс Доу — Джонса и т. д. Конечно, этими эконометрическими инструментами очень удобно пользоваться, но важно отдавать себе отчет в том, что во многих случаях это примерно то же самое, что и «средняя температура по больнице».

В «киберэкономической» логике любой экономический актор, будь то физическое или юридическое лицо, стремится максимизировать свою прибыль и занять более высокое положение в той иерархической системе, к которой принадлежит (что дает власть и возможность получать вдобавок и статусную ренту, связанную с этим положением). В такой модели социально-экономическая система выглядит примерно так, как детская игра в «царя горы».

В науке такой подход называют «теорией рациональных ожиданий» и связывают с ним решение сложных оптимизационных задач. Самое удивительное состоит в том, что этот подход работал, а в некоторых случаях — работает до сих пор. В этом случае мы имеем императив «человек для экономики», машина должна работать, целое оказывается гораздо важнее отдельных частей. Капитал, основные фонды, созданные за много лет, намного превышают то, что может быть достаточно быстро сделано «здесь и сейчас».

При таком подходе сила государств определяется размерами подконтрольных им территорий, запасами полезных ископаемых, созданными основными фондами и инфраструктурой, численностью населения и армии, которая должна все это защищать.

Однако эта простая и стройная картина, которую излагают студентам, в значительной мере — уже достояние прошлого. Это сделали очевидным работы Йозефа Шумпетера и Дэниэла Белла, которые (первый — в 1930-е, а второй — в 1970-е годы) изучали влияние научных открытий, изобретений и новых технологий на развитие социально-экономических систем.

Инновации являются очень сильным аргументом в конкурентной борьбе. И, казалось бы, все экономические акторы должны самым активным образом внедрять их с целью улучшить свое положение на рынке. Но всё оказалось совсем не так, как предполагалось. Лишь 10 % экономических агентов ищут и внедряют изобретения и технологии — Шумпетер назвал их «инноваторами». В то время, как 90 % стремятся сохранить текущее положение вещей, круг поставщиков, «отбить инвестиции», уже вложенные в основные фонды, вместо того, чтобы создавать новые. Они тоже ищут изобретения, но обычно с другой целью: чтобы, скупив патенты, притормозить инвесторов. Эта картина разительно отличается от представлений «теории рациональных ожиданий» — ведь основная часть экономических агентов действует, на первый взгляд, иррационально.

Идет игра по другим правилам, когда экономика начинает оказываться в подчиненной роли. Наглядный пример — экономические санкции. Наше руководство объясняет, что Европе выгоднее покупать российский газ, чем американский, и, соответственно, создавать инфраструктуру под это — «Северный поток-2». Но американские санкции действуют, Европа их поддерживает, в результате экономические интересы европейских компаний и целых стран приносятся в жертву американской политике. С либеральными идеями свободы рынка, с правилами Всемирной

торговой организации (ВТО), с представлениями теории рациональных ожиданий всё это несовместимо.

Наверное, многие помнят ленинское утверждение о том, что политика является концентрированным выражением экономики, но в кризисные периоды мы видим обратное — экономика становится инструментом (и жертвой) политики. Хотя, за политику одних стран часто платят другие, зависящие от них, страны.

Впрочем, Адам Смит — любимец наших либералов — еще в XVIII в. писал: «Оборона страны гораздо важнее, чем богатство!» и «Никакую войну, связанную с большими расходами или отличающуюся своей продолжительностью, нельзя без неудобств вести за счёт вывода сырых продуктов». То есть страна, которая занимается исключительно экспортом сырья и не обладает эффективной обрабатывающей промышленностью, рано или поздно потеряет не только свой экономический потенциал, но и политический суверенитет. Кажется, что это написано недавно и про современную Россию — не в бровь, а в глаз!

Происходящие сейчас перемены удивительно точно предсказал упомянутый выше Дэниэл Белл в 1970-х гг. Он ввел «осевой принцип» — в соответствии с ним историческое развитие можно рассматривать в разных проекциях. Например, если в качестве «оси» мы возьмем формы собственности и соответствующие им формации: феодализм, капитализм, социализм, — то мы получим то, что дает исторический материализм. Но оси могут быть и другими — скажем, статус и историческая роль знаний. Тогда социальная эволюция будет выглядеть иначе: как доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество. В последнем основным источником богатства и власти выступает знание, а решающим средством управления становятся не машинные, как в индустриальную эпоху, а интеллектуальные технологии.

Белл писал о «телекоммуникационной революции». О компьютерах, как символе эпохи и о главных направлениях будущих перемен, предвидя:

— переход от индустриального к «сервисному» обществу;

— принципиальное значение для технологических нововведений кодифицированного теоретического знания;

— превращение новых интеллектуальных технологий в ключевой инструмент системного анализа и принятия решений.

Траектория, пройденная человечеством за последние полвека, отличается от той картины, которую описывал Белл, в двух отношениях. Быстрое повышение комфорта в развитых странах, расширение набора предлагаемых товаров, ликвидация значительной части физического труда, «шопинг» как любимое занятие сотен миллионов людей в развитых странах — всё это создало иллюзию «общества потребления». Казалось, что в этом обществе можно неограниченно долго жить в кредит, не особенно напрягаясь, со временем получая доступ ко всё большему количеству первоклассных товаров и постоянно улучшая качество жизни. Причем это «качество» понималось, прежде всего, в материальном смысле. Возникло представление об «экономике для человека», естественности «социального государства», «конце истории», «окончательной победе либерализма».

Именно эту траекторию и хотят продолжить в будущее «технооптимисты», о которых пишут Е.С.Ларина и В.С.Овчинский. Например, Юваль Ной Харрари, автор бестселлера с говорящим названием «Homo Deus. Краткая история будущего» (Homo Deus — Человек-Бог), пишет: «Главным продуктом экономики XXI века будут не вооружение, автомобиль или одежда

— а тело, мозги и интеллект... Подобно тому, как результатом промышленной революции стало возникновение рабочего класса, так следующая масштабная революция создаст класс неработающий, бесполезный... Обращение с животными дает достаточное представление о том, как в будущем усовершенствованные люди будут поступать со всеми остальными... Демократия и свободный рынок рухнут, когда Google и Facebook будут знать нас лучше, чем мы сами; власть, полномочия и компетенции перейдут от живых людей к сетевым алгоритмам... Люди не будут противостоять машинам, они сольются в единое целое... Таким будет наш новый мир. Это следующий этап эволюции».

Однако, опыт истории свидетельствует, что «сверхчеловек» обычно оказывается недочеловеком. Но, видно, урок не впрок. Главная ошибка подобных рассуждений — линейная экстраполяция, уверенность в том, что наметившиеся сейчас тенденции будут действовать всегда.

На клавиши компьютеров нажимать приятно, и виртуальную реальность легко подстроить под себя. Но вспомним биологию — бесполезные органы со временем отмирают или деградируют. Или историю — как только боярство, а потом и дворянство получало послабление и освобождение от обязательной государственной службы, то вскоре и пропадало. А тут — «бесполезный класс»...

Ещё в 1970-х гг. Дж. Форрестер, Д. Медоуз, Н.Н. Моисеев, В.А. Егоров с помощью математических моделей показывали, что продолжение траектории, по которой мы двигались весь двадцатый век, ведет в тупик. Мы не нашли дешевой, чистой энергии. А «альтернативные источники» пока серьезной альтернативой не являются. И с продовольствием всё не так благобно, как думают оптимисты. Да и прежние,

классовые проблемы далеки от решения. Лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц в книге «Великое разделение» убедительно показывает, что с 1970-х гг. американская экономика развивалась в интересах «Одного процента» (богатейших людей страны), в то время как остальные 99 % не стали жить существенно лучше.

Тем не менее, кардинальные изменения налицо. В.И. Ленин писал, что социалистический строй окончательно победит капиталистический, когда будет иметь более высокую производительность труда. Это взгляд индустриальной эпохи.

В постиндустриальном мире продолжительность активной, здоровой жизни, её качество, степень удовлетворенности ею становятся важнейшими аргументами в конкуренции на цивилизационном, государственном или региональном уровне. Всё более важной характеристикой для государства становится «индекс счастья», отражающий восприятие людьми своей реальности. На рисунке 2 представлен этот уровень для нескольких государств мира. Видно, что он не всегда совпадает с уровнем подушевого дохода в соответствующей стране. Кроме того, сейчас приходится думать не только о том, чтобы производить получше, побольше и побыстрее, но и о том, какие природные ресурсы мы оставим нашим детям и внукам.

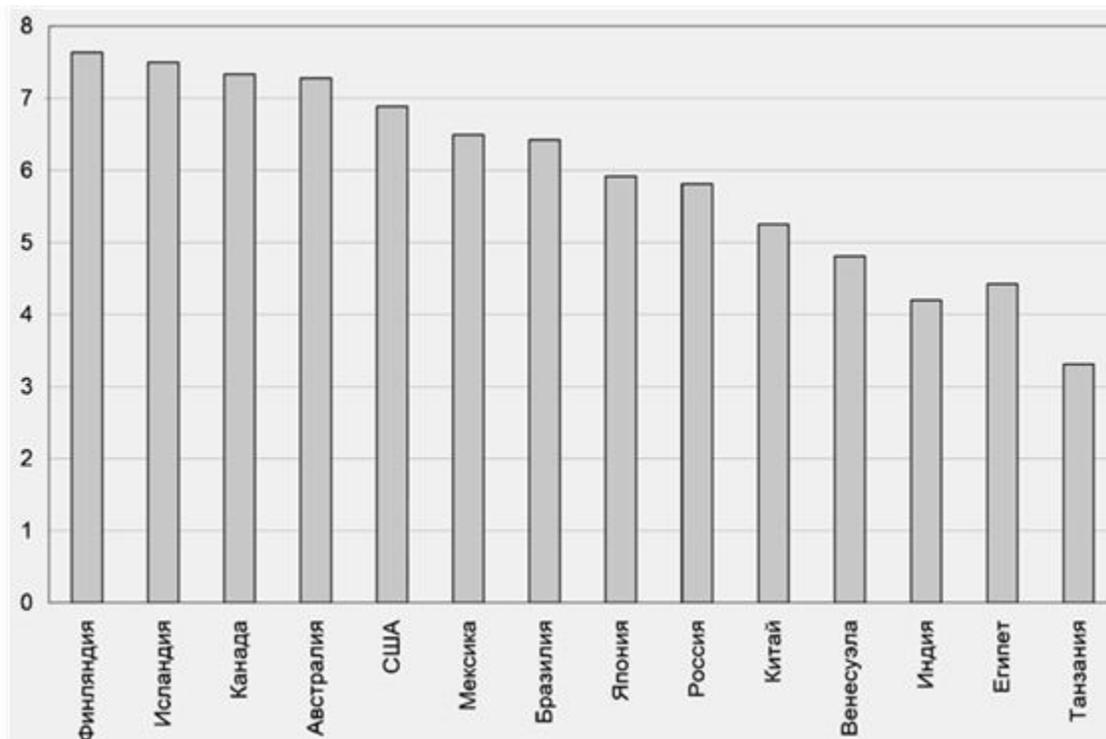
В Советском Союзе был лозунг: «Всё во имя человека, всё для блага человека». Индустриальная экономика не позволяла во многих сферах воплотить этот императив в реальность. В постиндустриальном обществе пространство возможностей расширяется, хотя и здесь говорить о «всё более полном удовлетворении растущих потребностей людей» не приходится. «Общество потребления» — это, скорее, морковка перед носом, а не реальная перспектива.

Императив «экономика для человека» связан не только с потреблением, распределением, сферой услуг, но и с новой ролью инноваций, отдельных людей и организаций в экономическом развитии. Происходит переход от бытия к становлению. Инновационная активность, социальная солидарность, творческий потенциал общества и уровень культуры начинают играть не меньшую, а в ряде случаев — и большую роль, чем созданные основные фонды и финансовые ресурсы.

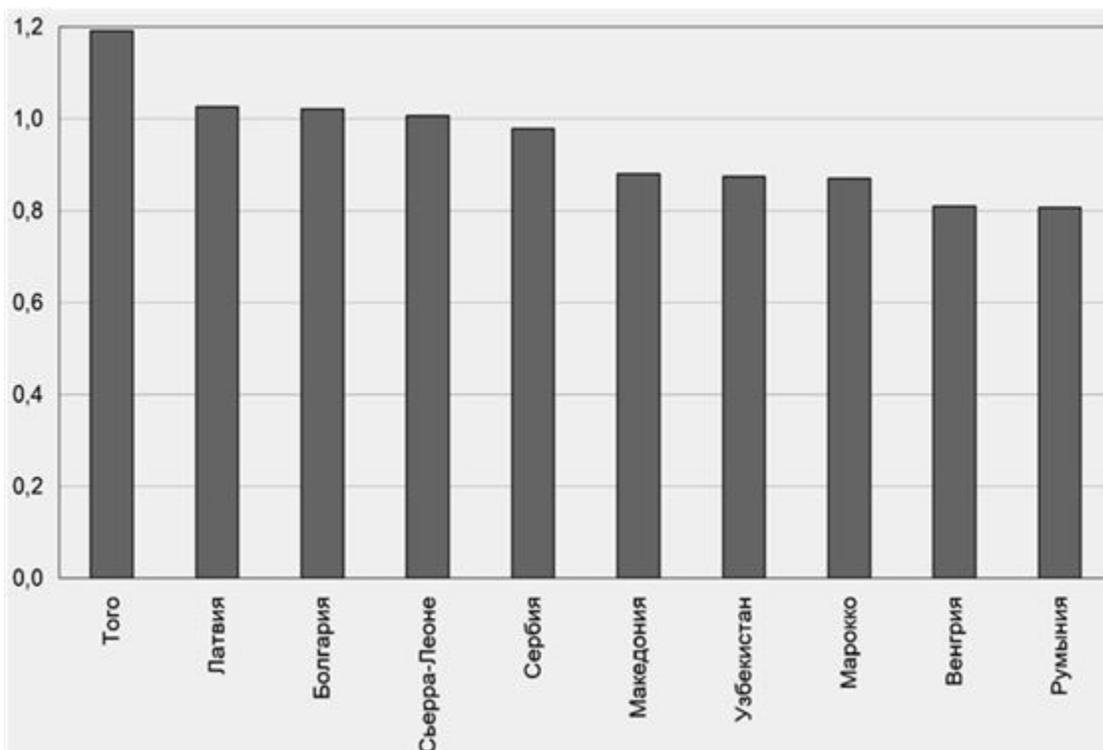
Экономика занимает своё важное, значимое, но подчиненное место. Она поддерживает усилия людей, ставящих задачи, далеко выходящие за узко понимаемую «бухгалтерскую целесообразность».

Рис. 2. Индекс счастья и его изменение для ряда стран

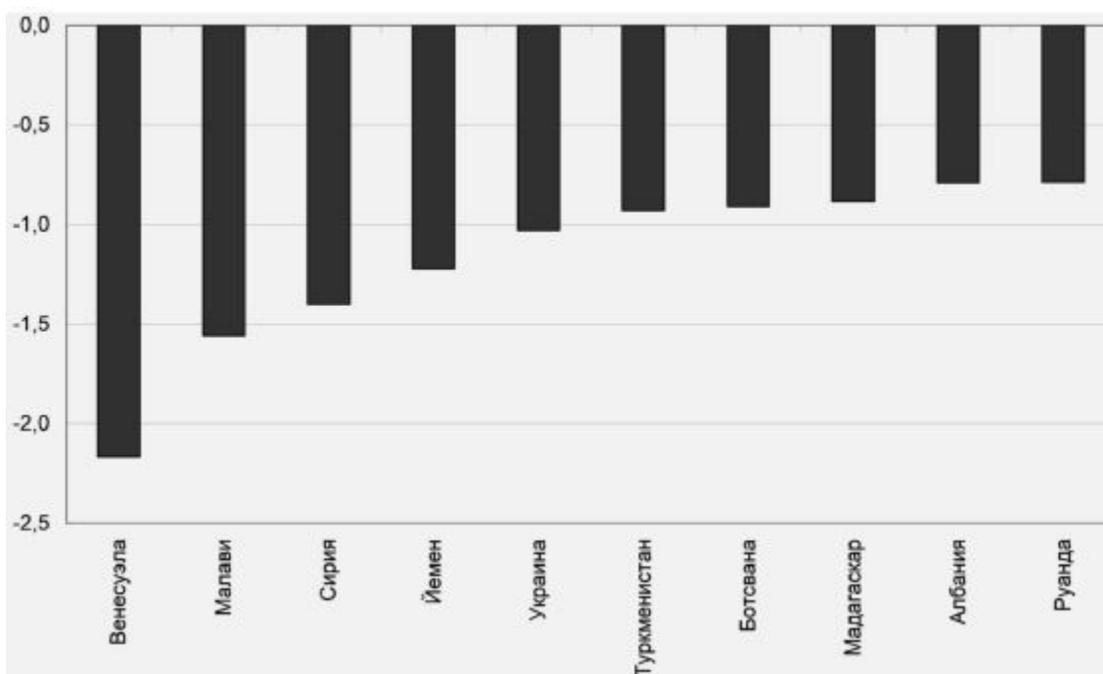
а) 2017 г.,

б) наибольшее позитивное изменение,

в) наибольшее негативное изменение.

К сожалению, мы пока не знаем, как связаны другие макропеременные с этой величиной.

Можно сказать, что у нас в уравнении нет правой части.

Возможно, это дело будущего.

Когда президента США спрашивали, что же американцы нашли на Луне (имея в виду проект «Аполлон», стоивший более 16 млрд. долл.), он отвечал — массу прекрасных микросхем. И действительно, этот проект позволил создать множество технологий, которые дали огромный толчок многим отраслям американской промышленности. Но они получили больше — наглядно продемонстрировали организационное и технологическое преимущество своей цивилизации, способность воплощать мечту выдающихся учёных и инженеров. И это очень сильно повлияло на видение будущего всем человечеством, на оценку роли и возможностей советской цивилизации и всей мировой системы социализма, что, в конечном счете, имело большие геополитические последствия. По-видимому, большой ошибкой руководства СССР стал фактический выход нашей страны из лунной программы из-за «нежелания быть вторыми». Мы не прошли свой «путь к Луне», когда для того были все возможности, пожертвовав научной, технологической, инженерной стороной проекта ради ложно понятой политической и экономической целесообразности.

Подводя итог, можно сказать, что тектонические сдвиги, далеко выходящие за рамки промышленности, «цифровизации» или энергетики, позволяют говорить о *гуманитарно-технологической революции*.

Мир выбирает будущее

«Мечты, которые сбываются, — это не мечты, а планы».

Александр ВАМПИЛОВ

В настоящее время нет недостатка в различных проектах будущего, прогнозах и футурологических исследованиях. Одни из них опираются на серьёзную научную основу и ориентированы на экспертов и руководителей. Другие рассчитывают на массового потребителя и статус бестселлеров. Однако за всеми этими мечтами и проектами есть и следующий уровень. Это — намерения, отражающие реальные цели, порой весьма далекие от декларируемых. Реальные цели отражают **возможности, которыми обладают стратегические субъекты, усилия, вкладываемые в создание возможностей, а также то, как они используются или не используются.**

Приведем примеры использования возможностей науки в интересах технологического прорыва страны.

С 1970-х гг. в Японии, позаимствовавшей опыт Советского Союза в области планирования, раз в пять лет проводится национальный форсайт. Более 10 000 ученых, экспертов, предпринимателей, рассматривая развитие своих областей и системы в целом, стремятся определить, какой должна быть Япония через 30 лет. Как известно, идеи становятся огромной силой, когда они овладевают массами. Облик будущего, предлагаемый экспертами и руководителями, широко обсуждается в обществе, дополняется, корректируется. Взрослые, ответственные люди намечают контуры той реальности, в которой предстоит жить их детям и внукам.

Затем делается второй важный шаг. После того, как долговременный прогноз получен, стратегические цели намечены и отражены в конкретных показателях, рассматриваются ближайшие пять лет. Люди выясняют, что надо сделать за эти годы, чтобы, в конце концов,

прийти к далекой намеченной цели. Здесь формулируются конкретные проблемы и научно-технические задачи, которые следует решить, чтобы прийти в желаемое будущее, осуществляется индикативное планирование. Как правило, ставится около сотни проблем, для каждой из них описывается, что же должно быть сделано, что это даст обществу в целом, отдельному гражданину, как повлияет на национальную безопасность. Более того, оцениваются ресурсы, которые, скорее всего, потребует решение каждой поставленной проблемы, уточняется постановка задачи, кадровое обеспечение, а также во многих случаях явно указываются и компании, которые обладают необходимым научно-техническим потенциалом. В подобном плане зачастую рассматриваются и **синергетические эффекты** — указывается, какие новые возможности общество получит от совместного решения нескольких из поставленных задач. Естественно, акцент делается на «локомотивных» отраслях экономики, в которых страна должна занимать ведущее место в мире.

Японский опыт показывает удачное сочетание организации и самоорганизации. Подобный пятилетний план является организующим, задающим ориентиры началом. Его исполнение во многом определяется инициативой, активностью, кооперацией отдельных компаний, организаций, исследователей, инженеров, предпринимателей. Компании, берущиеся за решение поставленных проблем, могут претендовать на налоговые льготы; университеты ясно представляют, какие специалисты понадобятся в обозримом будущем; предприниматели понимают, на какие научные разработки они смогут опираться.

Некоторые задачи формулируются в яркой, наглядной форме. У Японии очень сильные позиции в области робототехники. И в качестве одной из таких

задач рассматривалось в свое время создание «танцующих роботов». Это очень сложно, так как сочетание быстрых и медленных движений, отслеживание действий партнеров в режиме реального времени потребовало целого комплекса «пионерских» решений. Однако фирме Honda удалось решить эту проблему и получить огромные преференции за выдающийся вклад в развитие научно-технической сферы Японии.

В настоящее время в этой области перед японскими инженерами и исследователями поставлена амбициозная задача — к 2050 г. создать команду роботов, которые, играя в футбол по «человеческим правилам», могут побеждать сборную мира, составленную из ведущих футболистов планеты.

На первый взгляд, такая задача выглядит странно. Ещё более необычно она выглядела тогда, когда ставилась. Но если вспомнить, что в Японии на 10 тыс. работающих приходится более 300 промышленных роботов (в России — всего 2), а в войнах недалекого будущего солдат на поле боя заменят роботы, то всё становится на свои места.

По прошествии пяти лет работы подводятся итоги. Разбирается, какие задачи решены и получены ли ожидаемые от их решения результаты (как правило, решается около 80 % задач), особое внимание уделяется тому, что не сделано, и выясняется, по каким причинам это произошло, и что следует сделать в этой связи.

Далее проводится следующий форсайт. Будущее «перевычисляется», и страна вновь заглядывает на 30 лет вперед, затем цикл повторяется. Мировое лидерство Японии в ряде отраслей промышленности и фундаментальных исследований показывает высокую эффективность подобной техники «работы с будущим».

Не разбирая особенностей технологических прорывов, которые осуществили в новейшей истории Япония, Южная Корея, Сингапур, обратим внимание на две общие черты этих проектов. Первая — огромная роль гуманитарных технологий в их организации. Цель «прорваться в будущее» становилась национальной идеей и оправдывала сверхусилия в настоящем. Кроме того, каждый из этих проектов не был «калькой» с западных образцов, а опирался на собственные, устоявшиеся и проверенные веками, смыслы, ценности и традиции этих обществ.

Вторая особенность связана с теорией выдающегося русского экономиста Н.Д.Кондратьева и теорией «длинных волн» технологического перевооружения (кондратьевских волн). На протяжении каждой волны происходит переход от одного технологического уклада (и, соответственно, «локомотивных» отраслей — флагманов технологического развития) к другому. Прорывы на этом пути везде и всегда были связаны с огромными систематическими усилиями элит и народов, направленными на **создание не текущего, а следующего уклада**, что, естественно, подразумевало высокую норму накопления и строительство новых заводов. В 70-е-80-е годы это был V уклад, локомотивными отраслями которого были электроника, телекоммуникации, малотоннажная химия, новые технологии работы с массовым сознанием (позволяющим «заточить» покупателя под новый товар).

Сейчас страны-лидеры переходят к VI технологическому укладу (можно было бы обсудить и перспективный технологический уклад — более сложную концепцию развития, но это увело бы далеко от основной линии). Здесь локомотивные отрасли иные: **биотехнологии, новая медицина, новое природопользование, когнитивные технологии,**

робототехника, высокие гуманитарные технологии, полномасштабные технологии виртуальной реальности, нанотехнологии. Именно сейчас выясняется, что является главным, а что — отойдет на второй план.

Обсуждая технологические уклады, обычно не обращают должного внимания на их научное основание. При этом фундаментальные научные достижения, которые лежат в основе технологий будущего уклада, были созданы в ходе развития предыдущего.

Связь между фундаментальной и прикладной наукой, образованием и инновациями отлично отражает схема, которую любил приводить выдающийся просветитель России С.П.Капица (см. рис. 3).

Двадцатый век, его технологии, экономику и историю в большей степени определили три фундаментальных научных достижения — говоря словами известного философа и историка науки Томаса Куна, они породили научно-техническую революцию и создали новую парадигму, в рамках которой происходило (а отчасти — и сейчас происходит) социально-экономическое развитие. Это — **создание теории относительности, разработка квантовой механики и развитие теории алгоритмов**, что привело к появлению компьютеров.

Рис. 3. Взаимосвязь образования, инноваций и науки в соответствии с теорией С.П.Капицы

При такой связи видно, что бессмысленно требовать от академии, занимающейся фундаментальными исследованиями, прикладных результатов. С другой стороны, для развивающихся стран создание сильной образовательной системы может служить фактором стабилизирующим социальную систему.

Судя по всему, следующий уклад определится другим фундаментальным достижением XX в. — **установлением сущности генетического кода**. Оно позволило создать эффективные технологии секвенирования геномов. За десятилетие стоимость секвенирования генома, как текста, состоящего из 3-х млрд. «букв» и определяющего наследственность человека, уменьшилась в 20 тысяч раз. То, что полвека назад находилось на переднем крае науки, стало стандартным медицинским анализом. Это открыло путь к индивидуальной медицине, генетически модифицированным организмам (ГМО), к новым типам оружия. Каждая третья научная работа сейчас выполняется в области медицины. Именно биотехнологии определяют вектор технологического

развития и контуры будущего в середине текущего века.

Как и век назад, ведущие игроки на мировой шахматной доске (сейчас это США и Китай) вкладывают огромные усилия в прикладную науку (НИР) и опытно-конструкторские разработки (ОКР), чтобы благодаря новым технологиям (промышленным, гуманитарным, военным) сместить стратегическое равновесие в свою пользу. Более трети всех научных публикаций в мире приходится на долю этих двух стран. Продолжается гонка высокотехнологичных вооружений.

Одновременно мы имеем дело с явным «кризисом будущего» в массовом сознании. Место научной фантастики, очень популярной полвека назад, заняла «фэнтези» — будущее в прошлом. В массовом сознании происходит переход от науки и техники к религии и магии, от Жюль Верна к Кастанеде.

Имеет место застой в фундаментальной физике — несмотря на обилие «нобелевок», результатов, сравнимых с квантовой теорией и теорией относительности, не было и нет. Другие науки — такие, как химия или география — можно сказать, решили свои фундаментальные проблемы. Основные «континенты» в научном пространстве, играющие для нас принципиальную роль, уже открыты — пришло время их осваивать. Если в XX в. центральными фигурами были ученые, то сейчас **наступает век инженеров**. В результате — чем отличается наш современный быт от быта 1960-х годов прошлого века? Кроме мобильных и ноутбуков, мы почти ничего не приобрели и, видимо, многое в социальной сфере потеряли...

Однако в «быстром времени» всё выглядит иначе. В США надувается пузырь высокотехнологичных компаний, прежде всего, информационно-коммуникационных (ИКТ). Последние вкладывают

гигантские средства в искусственный интеллект и беспилотный транспорт. Инвестиции Amazon, AlphaBet (Google) или Microsoft в исследования и разработки ежегодно превышают 10 млрд. долл. «Венчурные» инвестиции в США уже превышают 60 млрд. долл. в год. Увеличивается число «единорогов» — частных стартапов, стоимость которых превышает 1 млрд. долл.: в 2015 г. их насчитывалось 141, а в 2018 г. — уже 263, причем из них 123 — в США. Их общая капитализация в 850 млрд. долл. никак не связана с их текущими прибылями. Так, самый большой «единорог» — Uber, оцененный в 68 млрд. долл., — так и не смог «выйти в плюс». Эксперты и представители высокотехнологичных компаний уверяют, что уроки «кризиса доткомов», краха «новой экономики» США 2000-х гг. учтены, и теперь всё будет иначе. Поверить в это трудно — перед тем, как «пузырь» лопнет, всегда говорится то же самое.

Можно напомнить большие надежды на освоение космоса и развитие авиации, сверхзвуковые ТУ-144 и Concorrd. Однако, мы по-прежнему летаем на Boeing-737 (появился в 1960-х гг.) и Airbus 320 (1980-е гг.).

Тем не менее, активная работа идет, её результаты могут быть неожиданными, и в целом у работающих есть шанс обогнать тех, кто лишь наблюдает за этим процессом.

Моцартовское начало

«Ты, Моцарт, Бог — и сам того не знаешь!»

Александр ПУШКИН

И здесь следует вернуться к гуманитарно-технологической революции, к влиянию общества на технологии и технологий на общество. Главный урок постмарксистской социологии сводится к тому, что одному и тому же базису могут соответствовать разные надстройки.

Реализация императива «экономика для человека» позволяет разбудить его высшие способности в занятиях наукой, искусством, инженерным и социальным творчеством. Освободившиеся от утомительной ежедневной рутины, люди могут пойти вверх. Эта возможность лежит в основе коммунистического мировоззрения «Империализм убивает моцартовское (творческое. — авт.) начало даже в тех, кто в высшей степени расположен к его раскрытию. Коммунизм же пробудит это начало даже в тех, кто отчужден от этого, спящего в нем начала», — так формулирует эту надежду известный российский политолог Сергей Кургинян.

И развитие технологий дает для этого все возможности. Можно повышать квалификацию, сокращать рабочее время и делать его более дорогим. Идеологи постиндустриализма Э. Тоффлер и Д. Белл, вероятно, имели в виду именно эту траекторию. Белл писал, что если индустриальное общество создало конвейер, постиндустриальное общество приведет к поточному созданию информации, к появлению «когнитариата» — «интеллектуального класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов». Возникла иллюзия, что этот «креативный класс», «креаклы», «серые кардиналы» при правящих элитах получают и часть политической власти. А в будущем, по мере развития технологий, станут ещё более влиятельной силой. При этом классики постиндустриализма подчеркивали, что доля сектора

услуг в ВВП развитых стран неуклонно растет. И действительно, за 1960–2007 гг. доля промышленности в глобальном продукте сократилась с 40 % до 28 %, а доля занятых — до 21 %. В США в сфере услуг создается более 80 % ВВП.

С 1960-х гг. по настоящее время огромное количество экспертов и политиков толкуют, что экономика будущего — это экономика услуг.

К сожалению, радужные надежды «когнитариата» не оправдываются. «Надстройка», создаваемая мировыми элитами, оказывается совсем другой. Происходит девальвация труда, его стоимости и сложности, рост неравенства и формирование сословного общества. Семь из десяти самых быстрорастущих профессий США в рейтинге Bureau of Statistics связаны с низкооплачиваемым рутинным трудом: это сиделки, официанты, повара, продавцы, курьеры.

Вместо «экономики услуг» создается «экономика слуг». Социальное диктует экономическому, происходит ренессанс самых непроизводительных, рутинных и архаичных профессий. Масштабная деиндустриализация привела к тому, что начал «таять» сам «когнитариат». Упрощается и социальная структура, оформляются классы «слуг» и «господ», сокращается прослойка «среднего класса», всё больше функций которого препоручается машинам. История поворачивается вспять.

В статье А. Сахнина ряд аргументов, которой мы привели выше, эта тенденция определяется следующим образом: «Старый афоризм Розы Люксембург «Социализм или варварство» сегодня приобрел новый смысл. Мы на всех парах движемся в новое варварство: в экономику, где человек может потребляться только как тело, как расходный материал; в общество, где

власть человека над силами природы заменена господством человека над человеком».

Мир — в точке бифуркации. Наше будущее — под вопросом. Одно лишь отношение к знанию, не является параметром порядка в современном мире. Дэниел Белл, Макс Вебер и множество других социологов, отодвигающих классовое на второй план, были неправы.

Мир сложнее. Надо учитывать и технологическое, и социальное, и гуманитарное развитие в их взаимосвязи. В век синтеза и эпоху самоорганизации это естественно.

Будущее определится тем, насколько быстро и эффективно пройдет гуманитарно-технологическая революция, будем ли мы подчиняться созданным нами самими инструментам или управлять ими; позволим ли мы истории двигаться вперед или согласимся с теми, кто поворачивает её назад...

Гуманитарно-технологическая революция является главной надеждой на то, что удастся обойтись без разрушительных социальных революций и пойти в будущее эволюционным путем. Повестка дня на XXI в. должна определиться в ближайшее десятилетие.

Россия всегда в большей степени была страной будущего. Вспомним известное: «Москва — третий Рим, а четвертому не бывать», чеховское «небо в алмазах» или курс научного коммунизма, на котором во всех вузах страны подробно, в течение целого семестра, студентам рассказывали, в какое будущее мы должны прийти. Одной из самых тяжелых утрат, произошедших в «лихие девяностые» стала утрата образа будущего, перспектив и вдохновляющих целей. Уже более тридцати лет продолжается затянувшийся «кризис целеполагания». При этом правящие элиты настаивают на отказе от идеологии и велят действовать «как все».

Результаты такого курса налицо. Наша страна на экономической, научной, технологической, образовательной картах мира с 1991 г. становится всё меньше. Если в 1990 г. около 350 млн. человек считали русский язык родным, то к настоящему времени их число сократилось до 280 млн.

Неудовлетворительны и результаты социально-экономического развития. Государство более не может выполнять взятые на себя ранее социальные обязательства. Одно из проявлений этого — повышение пенсионного возраста на 5 лет. В результате этого на российском рынке труда со временем дополнительно появится около 17 млн. пожилых людей. И пока не ясно, где же они будут работать, как будут сводить концы с концами. Блестящий тактический маневр может обернуться большим стратегическим проигрышем.

В президентском федеральном послании от 1 марта 2018 г. главным врагом России В.В. Путин назвал отсталость и призвал вложить все возможные усилия, чтобы преодолеть её. С этим трудно не согласиться. Однако не стоит забывать, что эта отсталость в течение десятилетий создавалась искусственно.

В самом деле, Пенсионному фонду не хватает триллионов рублей, потому что население мало отчисляет в него. Мало отчисляет оно, потому что зарплаты у большинства невелики и практически не растут. Не увеличиваются они, потому что экономика, как говорят наши руководители, «чувствует себя уверенно», но не растёт. Не растёт она потому, что не строятся новые высокотехнологичные предприятия. Анализ российского инжиниринга показывает, что российские компании способны создавать большие предприятия «под ключ» только в сферах железнодорожного транспорта и атомной энергетики. Для всего остального приходится звать иностранцев...

Одна из главных причин такого состояния дел — у нас не разрабатываются современные технологии, которые позволили бы отвоевать значимую долю внутреннего рынка и конкурировать на внешнем. Технологий же нет, потому что прикладная наука, дающая 75 % изобретений, была разгромлена ещё в 1990-е гг., и в многочисленных «стратегиях», «доктринах», «дорожных картах» вопрос о её возрождении не ставится... Важнейший ресурс развития «выключен». Ученых — вместо того, чтобы они делали дело и решали насущные для общества задачи, — понуждают как можно больше публиковаться. Желательно — в зарубежных журналах. Казаться, а не быть.

И всё же, в логике гуманитарно-технологической революции главным является, видимо, не это. У Федора Михайловича Достоевского есть мысль о том, что если мы сегодня начнем лучше относиться друг к другу, то завтра на Земле будет Царство Божье. Нам надо изменить отношение к себе, к своему делу и к будущему России.

В нынешний, переломный период именно интересы и задачи всего общества, нашего отечества являются главными. Им должны быть подчинены корпоративные интересы, они в большой степени должны определять и наши жизненные траектории. Пока эта пирамида перевернута с ног на голову.

Наглядный пример, с которым сталкивались очень многие. Приходит человек или группа людей к своему руководителю и доказывает, что задачи, которые решает его структура, могут быть решены в 10, а иногда — и в 100 раз дешевле, чем сейчас, просит одобрения и поддержки. Но получает отказ. Логика руководства понятна: если то, за что он отвечает, окажется дешевле в 100 раз, то многократно уменьшатся финансовые потоки, которые он

контролирует, а вместе с ними — его аппаратные возможности и перспективы. Очевидно, он объяснит (если снизойдет до объяснений), что несет ответственность за десятки тысяч людей и за то, чтобы те не остались без работы. В результате наша экономика остается затратно-растратной, мы упускаем возможности и выгоды, а страна теряет историческое время.

Логика должна быть другой: все мы — в одной лодке. Олигархам и «эффективным менеджерам» не удастся отсидеться за четырехметровыми заборами или убежать — у нас слишком маленькая планета. Попытки сформировать сословное общество, в конце концов, приведут к социальной революции. Вопрос лишь в том, к какой.

Проще говоря, будущее России в мире, завтрашний её день — определяются уровнем *социальной солидарности* сегодня. Имея это понимание и пользуясь современными гуманитарными технологиями, можно очень многого добиться. И, конечно, нужна интеллектуальная честность со стороны правящей элиты, то есть конкретное и ясное представление образа того будущего, куда она собирается привести Россию.

Академик Глазьев выдвинул стратегию, реализация которой может обеспечить рост отечественной экономики на 8 % в год. В ней предлагается опережающее развитие нового технологического уклада, который растет во всем мире с темпом до 30 % в год (а мы пока только имитируем развитие). Мы можем наверстывать упущенное в областях, где есть традиции, кадровый и научный потенциал: электроника (элементная база, электронное машиностроение и т. д.), авиационная, биотехнологическая промышленность, энергетическое и транспортное машиностроение, — всё то, что входит в понятие «новой индустриализации».

Очевидно, что мы должны не гнать на Запад и на Восток сырьё, а продавать сделанную из него продукцию.

И, конечно, пора жить своим умом. Западным компаниям, которые пишут стратегии нашим государственным органам, зарубежным аудиторам и прочим «гуру консалтинга» пора отдохнуть от российских проблем и заняться другими делами. Нам пора выйти из когорты вечно развивающихся, но не способных развиться стран, которых окормляют эти выдающиеся специалисты. Видимо, они слишком хороши для нас. Да и покойный Егор Гайдар говорил, что народ не тот попался...

Сейчас популярна такая притча. Человек ежедневно приходит в храм и молит Бога: «Я бедный, больной, несчастный, у меня много детей. Помоги мне, Боже, как-нибудь. Дай мне выиграть миллион по лотерейному билету». Месяц ходит, два. Надоело это священнику. И, в конце концов, он и говорит: «Господи! Помоги же этому несчастному. Ты можешь?» «Могу, — отвечает Бог, — Но, пусть он хоть билет лотерейный купит».

России пора купить лотерейный билет. Билет в Будущее.

Алексей Анпилов

Гибель империй

Случайность, фатум или злой рок?

Введение

Феномен империи в истории человечества возникал неоднократно. При этом статус «империи» впоследствии присваивали столь разным государственным образованиям, что в настоящее время в русском языке присутствует сразу два определения империи.

Первое значение слова «империя» касается классических имперских государств, которые существовали в античности и средневековье и, как правило, имели монархическую природу. В случае такой узкой трактовки термина «империей» называется монархическое государство во главе с монархом, имеющим неограниченную власть — императором. Такими образованиями, например, были античные Римская империя, Византия, Китай, Македонская империя или средневековый Китай и Священная Римская империя.

Однако в новое и новейшее время миру был явлен совсем иной формат империй, которого касается второе значение русского слова «империя» и английского *empire*. Как оказалось, формальное наличие всесильного монарха-императора является лишь атрибутивной функцией, в то время, как возникновение, существование и гибель империй диктуется совсем иными, внутренними законами.

В рамках второго определения империи таковой считается любое сложное по форме собственное

устройства государство, состоящее из метрополии (центральной части) и колоний или провинций (периферийных частей), при этом данное государство имеет чётко выраженную, экспансионистскую природу. Под такое определение уже легко попадают Французская империя XIX-XX веков, имевшая большую часть времени своего существования республиканскую природу, современная и историческая Британская империя, представляющая собой конституционную монархию, и даже СССР, называвшийся в мире «Красной империей».

Столь же уместно определение «империи» применительно к глобальной системе американской гегемонии, основанной на контроле над мировой финансовой системой, и восприятие современного нам Евросоюза, как «бюрократической империи»: и глобальная империя США, и имперский проект Евросоюза являются сложными по форме своего устройства межгосударственными объединениями, состоящими из метрополии и зависимых колоний или провинций, а также имеющими чётко выраженную, экспансионистскую природу, часто именуемую «глобализмом».

Расширение определения империи на второй, более высокий уровень абстракции, уже не считающий монархическую форму правления обязательным фактором, позволяет нам рассмотреть феномен империй с использованием универсального математического подхода. Такой подход позволяет не просто накапливать и учитывать исторические факты, но и, что гораздо важнее, — делать значимые выводы и даже уверенные прогнозы. Такой системный подход позволяет сомкнуть историю с футурологией и дать объяснение массе наблюдаемых в истории и неизбежных в будущем феноменов. К числу которых,

безусловно, относится и главный феномен — рождения, расцвета, упадка и гибели империй.

Рождённые, чтобы жить. И чтобы умереть

Цикл рождения, становления, расцвета, упадка и гибели империи стал настолько узнаваемым сюжетом, что укоренился не только в исторической науке, но и в культуре, искусстве и даже массовом бессознательном. Картины вселенского апокалипсиса и армагеддона стали одной из культурных доминант ещё во времена раннего христианства. Откровение Иоанна Богослова (греч. Αποκάλυψη του Ιωάννη, часто в русском сокращаемое до «Апокалипсиса»), будучи последней книгой Нового Завета, повествует именно о «конце времён», сопровождающемся крахом существующего миропорядка, многочисленными катаклизмами и бедствиями, и имеет четко выраженную визионерскую, предсказательную природу.

Как считается сегодня, Апокалипсис был написан Иоанном между 81 и 96 годами н. э., во времена спокойного правления императора Домициана, но после кровавого «первого междуцарствия», закончившего римскую династию Юлиев-Клавдиев и начавшего династию Флавиев. Ощущение «конца света» во времена наивысшего расцвета империи может представляться смысловым парадоксом — но именно в момент наивысшего подъёма империи в ней уже можно обнаружить смертельные язвы, впоследствии приводящие к неизбежному упадку. И Иоанн Богослов, сочиняя в пещере на острове Патмос свой религиозный текст, фактически предвидел — пусть и на своём религиозно-художественном уровне — события II–III веков, когда Римская империя угодила в длительный

цивилизационный кризис, из которого так и не смогла выбраться.

Столь же интересно и другое художественное произведение — цикл из пяти картин известного американского художника Томаса Коула «Путь империи», который был написан им в 1833–1836 годах. На картинах изображены взлёт и падение воображаемого города, расположенного в нижнем конце речной долины, где река впадает в морскую бухту. Долину, несмотря на массу изменений, связанных с течением времени, легко узнать на всех полотнах. В частности, этому помогает большой камень, который неустойчиво покоится на вершине далёкого утёса, нависающего над долиной. Многие комментаторы серии «Путь империи» считают, что эта деталь картин была введена Коулом в серию намеренно, чтобы символически показать контраст между неизменностью земли и мимолётностью жизни человека и хрупкостью творений его рук.

Интересно то, что Коул создавал свою серию как художественный памфлет на классические античные и средневековые империи, а также на современную ему Британскую империю, но американский истеблишмент воспринял цикл картин Коула, как предупреждение в свой адрес. В частности, министр финансов Леви Вудбери, ставший позднее судьёй Верховного суда США, ответил Коулу, что в Соединённых Штатах не будет разрушения — а будет лишь «восхождение вверх» по спирали. Символично, не правда ли: министр финансов отвечает художнику по поводу краха империи — за добрую сотню лет до расцвета «империи доллара» и за 150 лет до возможного «краха доллара», который является одним из сюжетов современного мира?

Переходя от художественных и культурных феноменов к реальной истории, мы видим, что империи следовали этому циклу практически всегда. Даже если

формально империя существовала несколько столетий, она за это время успевала несколько раз «пересобрататься» из руин и пепла, пройдя через разрушительные кризисы. Так, в истории Римской Империи таких кризисов за неполные пять веков было восемь, Священная Римская Империя получила те же восемь кризисов за девять веков своего существования, Китайская Империя «пересобиралась» 13 раз за свою более чем двухтысячелетнюю историю, а рекордсменом по кризисам оказалась Византия — за тысячу лет своего существования Восточная Римская Империя угодила в целых 14 кризисов, в том числе — связанных с временной утерей практически всей имперской структуры.

При этом имперский кризис часто был не просто «апокалипсисом», «концом света» — но и являлся точкой нового «рождения» империи, когда старые принципы государственного устройства, идеологии и общественного договора вынужденно менялись на новые, которые позволяли старой империи возродиться буквально «с чистого листа». Наиболее близким к нам примером будет связка Российская Империя-Советский Союз-Российская Федерация, которую стоит воспринимать, как двойную «пересборку» русского имперского проекта, а не как три отдельных государства. Тогда становится понятной историческая преемственность СССР от Российской Империи и Российской Федерации от СССР, и возможным — системный анализ тех изменений, которые произошли после кризисов 1917 и 1991 годов.

Учитывая кризисы, сопровождавшие, казалось бы, «тысячелетние» империи, можно увидеть, что реальный «имперский жизненный цикл» составляет всего лишь 150-200 лет, а иногда — и того меньше, около века. Тринадцать китайских кризисов за более чем две тысячи лет — это ещё достаточно стабильное,

«нормальное» развитие имперского проекта, которое соответствует классическому аграрному демографическому циклу, составляющему от 200 до 300 лет. В том же случае, если имперская система выходит из равновесия в гораздо большей мере, нежели в случае стабильного и устойчивого Китая, имперские кризисы могут стать перманентными, пока не будет найдено новое решение для развития проекта. Например, в истории Римской империи восемь её кризисов разбиты на четыре чётко различимые группы, каждая из которых приводила к практически полному реформатированию внутренней структуры и внешней политики. При последнем из этих кризисов Западный Рим просто не выжил — хотя Восточная империя, реформатировав себя в том же кризисе V века нашей эры, смогла просуществовать ещё тысячу лет, опять же, получив свои пять кризисных периодов, последний из которых она также не пережила.

Что же является основой роста, расцвета, упадка, кризиса и возможной гибели империй?

Имперский интеграл

Для исторического анализа феномена империи нам необходимо получить некий математический аппарат, абстрактно, но точно описывающий процесс имперского развития. Пока в какой-либо отрасли знания нет математики — она представляет собой только механический процесс накопления массы разрозненных фактов, которые часто интерпретируются весьма вольно и бездумно, а в случае с историей или с геополитикой — ещё и в угоду существующей политической или общественной конъюнктуре.

С другой стороны, даже простейший график, на котором уложены в унифицированном виде те или иные

параметры сложной системы, даёт картину некоего исторического процесса, в котором, например, уже нет «плохих» Тони Блэра с Маргарет Тэтчер, шаг за шагом загоняющих Англию в историческое безвременье, или же «хорошей» королевы Виктории, при которой над Британской империей буквально не заходило солнце. Сталин в рамках такого анализа должен быть лишён эмоциональной оценки, точно так же, как Николай II, Ленин, Горбачёв или Пётр I. Мы должны анализировать сухой график, а не погружаться в споры о «страстотерпцах», «тиранах», «деспотах» или «помазанниках божьих». Так как уже определили, что в силу каких-то сугубо внутренних причин проблемы конституционной монархии, республики или государственного коммунизма оказываются разительно похожими.

Поэтому проиллюстрировать такой подход к анализу «пути империи» стоит простым и наглядным графиком, который условно можно назвать «ресурсы/структура/расходы». Потому что именно в нём обычно наглядно показан сюжет любого крупного цивилизационного кризиса, без разницы — происходит ли он во времена краха Римской Империи, войны за «испанское наследство» или же нынешнего длительного процесса увядания английского, европейского и, частично, русского геополитического влияния.

Вот этот график. Сначала его стоит рассмотреть в полном виде, а затем — возвращаться к нему по мере развития того или иного исторического сюжета:

Поскольку история и общественные науки ещё только учатся пользоваться математикой, то вид этого графика весьма условен. Понятная координата этого графика пока что одна — это время. Любое человеческое общество развивается во времени — и рецепты, которые подходили для условий Российской

империи образца 1904 года, ещё не проигравшей войну с Японией, никак нельзя было применять для СССР 1941 года, ещё не выигравшего войну с фашистской Германией и Японией. Просто потому, что СССР находился в ином состоянии, нежели поздняя Российская империя. А вот крах Рима или же нынешнее увядание Великобритании, Евросоюза или США могут оказаться чрезвычайно схожими, так как эти системы попадали (или в ближайшее время — попадут) в одни и те же условия и испытывали (испытывают в будущем) на себе влияние сходных факторов.

Поэтому, выбирая на временной оси некую условную точку «начала империи», можно строить параметрические графики. А вот с вертикальной осью ситуация посложнее. Тут отображены сразу три функции: создание первичных ресурсов, создание инфраструктуры того или иного общества и затраты на поддержание такой инфраструктуры.

Понятное дело, определение некоей абстрактной «мощности» этих трёх функций на одном графике весьма условно. Миллион кирпичей можно превратить в Колизей, а потом этот Колизей разобрать на тот же миллион кирпичей и сделать из них, например, 1000 домов на развалинах Рима. Но с точки зрения исторического процесса все эти сущности взаимосвязаны: сначала определённые ресурсы тратятся на создание некоей сложной сущности, важной для людей, а потом эта сущность постепенно ветшает и приходит в негодность, а люди в это время пытаются её спасти и сохранить. Как мы упоминали, часто этот процесс заканчивается весьма печально — сложная, построенная людьми система попадает в кризис и, не получая подпитки свежими ресурсами извне или за счёт внутренних резервов, неизбежно разрушается и распадается на более простые компоненты.

При этом, что интересно, часто сами по себе первичные ресурсы в такой создающейся, а потом — разрушающейся системе вроде бы никуда не деваются, каменные блоки сначала «собираются» в Колизей, а потом — распадаются, порождая на руинах старого мира новые организационные формы, обычно более простые и менее требовательные к ресурсам. По сути дела, в таком варианте человеческое общество и представляющая такую общность людей видимая империя ведут себя как биологический супер-организм, который тоже проходит в своём развитии естественные этапы рождения, роста, старения и смерти. Отсюда, кстати, и образы «дряхлой» Римской Империи V века нашей эры, «больного человека Европы» — поздней Османской империи или же навязчивый образ старой английской девы в качестве образа современного Британского Содружества. Мы интуитивно понимаем, что «золотой век» Рима — это первый, а не пятый век нашей эры, Стамбул проиграл не в XX веке, а ещё в XVII и так далее.

Конечно же, такой сверхорганизм, как мировая в прошлом держава, гораздо сложнее какой-нибудь амёбы — точно так же, как римский Колизей много сложнее любого каменного блока, но тут в любом случае приходится оперировать неточными аналогиями. Всё-таки история и социология пока только учатся пользоваться математикой, а приведенные в статье графики носят оценочный характер. Тем не менее, при желании ресурсный график можно построить с большей точностью, а график расходов того или иного государства столь же просто почерпнуть из его бюджетов, цифр ВВП и отраслевого баланса.

«Время бури и натиска»: благостная экспонента

Начальный этап развития любой империи, будь то государство Александра Македонского, классического Рима или же колониальной Британской империи, — более-менее одинаков. Обычно в это время все три кривых растут по экспоненте, хотя и с небольшим отставанием друг от друга. В этот удивительный момент времени всё кажется безоблачным, и ещё «ничто не предвещает скорого конца». Современники и потомки воспринимают это время, как «время бури и натиска», в котором безудержный рост и взрывное развитие являлись привычной и обыденной ситуацией, а все насущные проблемы решались буквально по мановению некой «волшебной палочки».

Что интересно — суммарные значения наличных ресурсов или абсолютные объёмы создаваемой имперской инфраструктуры не играют на данном графике никакой роли. Важен сам принцип империи, в котором всё доступное количество ресурсов тратится не на гомеостатическое, равновесное поддержание

некоего «скромного» существования, а на пространственную, технологическую, культурную или экономическую экспансию имперского общества и государства.

Как следствие этого процесса количественного и качественного роста имперского сверхорганизма, который очень напоминает математическую функцию экспоненты, начальные количества ресурсов оказываются отнюдь не столь важны, как возможность последующего вовлечения в процесс роста новых, доступных для освоения свободных ресурсов. Для примера, на приведенном графике в условных единицах показана «прожорливость» экспоненты к ресурсам: увеличение ресурсной базы в 2 раза продлевает период экспоненциального роста всего лишь в полтора раза (с условных 40 до 60 лет), а увеличение в целых 4 раза — и того меньше, с 60 до 75 лет.

Отсюда мы можем сделать интересный вывод: рост империи — не просто некая историческая прихоть или же нестигаемая воля того или иного абсолютного монарха, но это «альфа и омега» любого имперского организма. Любая империя в чём-то похожа на хищную акулу — пока она находится в движении, подразумеваемом как развитие, — она живёт, а её условные «жабры» получают столь важный «кислород»: внешние или же внутренние ресурсы, которые она мобилизует на своё развитие, вырывая из гомеостаза обыденности и повседневности.

В качестве исторического примера к данному графику очень показательно использовать Англию, Британскую Империю и современную Великобританию. Просто потому, что для неё этот график уже полностью закончился — и дошёл до своего логического конца. Да и история всего британского могущества пришлась на XVIII–XX века, которые всем современным людям более

известны, нежели античность I-V веков и связанная с ней история Римской Империи, или же две тысячи лет истории имперского Китая с династиями Цинь, Хан, Тан, Чжао (Сун), Юань, Мин и Цин, каждая из которых проходила свой собственный имперский цикл. История же имперской Англии — это лишь один цикл имперского могущества, практически модельная система взрывного роста, расцвета, упадка и весьма вероятной скорой гибели имперского организма.

Что говорит нам математика о прошлом Великобритании? Например, об эпохе королевы Виктории, которую сегодня справедливо почитают пиком английского могущества? У нас есть три функции: ресурсы, инфраструктура и стоимость её поддержания. Все три функции в этот период времени уверенно растут. Ресурсов в избытке хватает на любые, самые смелые проекты, они реализуются и приносят зримую выгоду всем людям империи: начиная от королевской семьи и английской аристократии, через Ост-Индийскую компанию и английский бизнес — и вплоть до последних моряков английского флота и бедноты из лондонских трущоб. Любая имперская авантюра стоит невероятно дёшево: расходы на содержание всей культуры, торговли, промышленности и, в целом — цивилизации викторианской эпохи находятся на весьма низком уровне. Тогдашний герой Великобритании — отнюдь не скромный американский художник Томас Коул, но поэт Редьярд Киплинг, поющий о «бремени белого человека» и одновременно декламирующий:

*Осушим наши стаканы
За острова вдали,
За четыре новых народа
Землю и край земли.*

*Ведь наша любовь — это пушки,
и пушки верны в боях!
Бросайте свои погремушки,
не то разнесут в пух и прах —
бабах!
Тащите вождя и сдавайтесь,
все вместе: и трус, и смельчак;
Не хватайся за меч, не пытайся утечь,
нет от пушек спасенья никак!*

Империя идёт вперёд, идёт железной поступью — и ничто, кажется, не предвещает её ближайшего упадка и краха.

**Черчилль в молодости, Черчилль в старости:
что-то пошло не так...**

Снова посмотрим на наш график. Вот как выглядит второй этап исторического процесса на нашем графике:

Во-первых, в системе уже начинается кризис ресурсов. Их добыча падает, либо же превращается, как в случае высококачественного английского кардиффского угля, в «хождение за три моря», когда за каждый килограмм тогдашнего «чёрного золота» приходилось платить всё дороже и дороже.

Кардиффский уголь — это высококачественный, малозольный антрацит, залегающий в Уэльсе, на западе Британских островов. Залежи кардиффского угля были хорошо известны, так как местами выходили на поверхность, в силу чего кустарным способом разрабатывались ещё со средневековья.

Однако по-настоящему массово добыча кардиффского угля стартовала после начала расцвета цветной и чёрной металлургии в Уэльсе, так как рядом с этим качественным углём удачно обнаружили и богатые медные, никелевые и железные руды. Уже в

1891 году добыча кардиффского угля составила 30 млн тонн. Но еще более стремительно росла (практически по той же экспоненте) начала расти и численность уэльских шахтеров — дошло до того, что местные металлурги даже заключали с рабочими договора о том, что те не перейдут на работу в шахты, где разнорабочим стали платить больше, чем квалифицированным работникам на заводах. И это было плохим признаком, означавшим что «угольные сливки» в Уэльсе уже сняты, и добывать качественный уголь становится вся тяжелее и тяжелее. Если в 1883 году производительность труда в Уэльсе составляла 309 тонн на человека, то в 1900 году она упала до 266 тонн, а к 1912 году снизилась до 222 тонн на каждого рабочего.

Предвоенный, 1913 год стал пиком добычи угля для Уэльса, когда на горá было поднято 56,8 млн. тонн кардиффского «чёрного золота». Но это далось невероятно высокой ценой — число занятых в угольной отрасли достигло четверти миллиона человек!

Для сравнения: американская Западная Вирджиния в том же 1913 году добыла сравнимую цифру похожих качественных углей — 62,7 млн тонн, только вот число шахтеров там составило лишь около 70 тысяч человек. Как говорится — почувствуйте разницу в производительности труда.

Кроме того, высококлассные валлийские специалисты, знающие угледобычу, были к тому времени нарасхват по всему миру. Например, ещё в 1869 году уроженец Уэльса Джон Хьюз (Юз) начинает строительство завода в российской Юзовке — будущем Донцеке. И здесь мы видим второй момент, связанный с кризисом ресурсов, — в этот период времени чётко выстроенная и централизованная структура имперского организма начинает распадаться и «дрожать»: большая часть насущных проектов, которые обеспечивают

ресурсные потребности империи, переносится из метрополии и исторически связанных с нею провинций на далёкую периферию (в колонии), а то и далеко за пределы имперских границ.

В частности, именно за это ругали поздний СССР, который по столь же объективным причинам развивал ресурсно-богатую Среднюю Азию — или даже «помогал» странам Африки и Азии, но при этом весьма скупко вкладывал в собственные, исторически российские регионы. Причина такого подхода при отстранённо-математическом взгляде на динамику империй становится очевидной: в колониях или отдалённых провинциях ресурсы обычно стоят дешевле и более доступны, нежели в хорошо освоенных внутренних провинциях и, тем более, в метрополии.

Третьим фактором, который сопровождает пиковое состояние империи, является то, что нарастающий недостаток ресурсов побуждает имперскую цивилизационную систему уменьшать расходы на создание инфраструктуры, в то время, как сумма расходов на поддержание существующей инфраструктуры продолжает рост — вслед за числом храмов, дворцов, кораблей, авианосцев, армий или торговых караванов.

А что нам говорит история? Есть ли у неё подтверждение — или же опровержения нашей математической модели? Да есть. Как пример, стоит привести историю всё той же «Англии — владычицы морей» и грустный сюжет деградации её морского могущества.

Последняя «гонка вооружений», которую Англия смогла всё-таки с честью выиграть, была «дредноутная гонка», которая пришлась на период назначения будущего премьер-министра страны, Уинстона Черчилля Первым лордом Адмиралтейства. Уже в тот момент было ясно, что на море Британии предстоит

соперничать не только с Францией и Германией, но и с США. Расходы на военно-морские силы к началу XX века стали самой крупной затратной статьёй британского бюджета. Черчиллю было поручено проведение реформ при одновременном повышении эффективности затрат — всё в той же логике «роста любой ценой», но уже с оглядкой на то, что казна империи всё-таки не «резиновая».

Инициированные молодым лордом перемены находились где-то на грани чуда, совмещенного с авантюризмом: Черчилль разогнал все старые структуры Адмиралтейства, унаследованные ещё от парусного флота, организовав главный штаб военно-морских сил. Им была учреждена морская авиация, спроектированы и заложены военные корабли всех новых типов, включая линкоры-дредноуты, эскадренные миноносцы и подводные лодки. Несмотря на наличие кардиффского угля, Черчилль инициировал массовый перевод английских военных кораблей на жидкое топливо. Кроме того, в строительстве линкоров он и вовсе пошёл на авантюру — по первоначальным планам, кораблестроительная программа 1912 года должна была составлять 4 улучшенных линкоров типа «Айрон Дьюк», с проверенными 13,5-дюймовыми орудиями. Однако новый первый лорд Адмиралтейства приказал переработать проект под главный калибр в 15 дюймов — при том, что даже проектные работы (!), не говоря уже об испытаниях этих орудий, ещё даже не были завершены. В результате были созданы весьма удачные линкоры типа «Куин Элизабет», которые современники называли «кораблями из будущего», прослужившие во флоте Великобритании вплоть до 1948 года.

Но даже гений и здоровый авантюризм молодого Черчилля не смог спасти «владычицу морей» от цивилизационного поражения. Хотя формально Великобритания закончила Первую мировую войну в

ранге победителя, её экономика и морское могущество были окончательно подорваны. Уже в 1922 году Великобритания была вынуждена подписать невыгодное для неё Вашингтонское соглашение по ограничению морских вооружений, которым де-факто признавала право США и Японии создать военно-морские силы, сравнимые с британскими. Согласно условиям этого соглашения, линейные флоты этих трёх ведущих морских держав фиксировались в отношении 5:5:3, а Великобритания утрачивала сохранявшееся весь XIX век состояние, когда её флот превосходил по мощи военно-морские силы двух других ведущих мировых держав, вместе взятых.

Окончательную точку в уходе с мировой арены британского военного флота, как ни печально, пришлось ставить тому же Черчиллю. Именно он был вынужден подписать позорный для Великобритании договор «Эсминцы в обмен на базы», который подразумевал передачу США 50 американских эсминцев британскому флоту в обмен на ряд заморских территорий империи. Договор был заключён 2 сентября 1940 года между США и Великобританией. Американские эсминцы времён Первой мировой войны, находившиеся на консервации уже четверть века, передавались британской стороне в обмен на долгосрочную аренду (на 99 лет) ряда английских колониальных земель. Британская империя «увяла» за каких-то 25 лет: столь стремительным был её взлёт и столь же молниеносным — её падение.

От Маргарет Тэтчер до Терезы Мэй: умирание длиной в полвека

Хорошо известна крылатая фраза экономической теории: «прилив поднимает все лодки». В самом деле,

говоря о фазе роста в имперском цикле, мы часто употребляем слова «бум», «железная поступь», «лихорадка» или даже «взрыв».

Именно так люди, оказавшиеся современниками этой фазы, называют явления экономического, военного, культурного и социального роста. Когда египетское зерно покупает всё восточное Средиземноморье, римские легионы маршируют вплоть до Парфии, а над вечной Британской Империей никогда не заходит солнце. Ну, или когда российские газ и нефть покупают и в Европе, и в Китае, а богатства Сибири и Арктики кажутся неисчерпаемыми.

Но метафора «взрыва» сама по себе задаёт и пределы роста. Невозможно расти по экспоненте вечно — рано или поздно параметр, вроде бы являющийся в начале процесса несущественным, вдруг оказывается определяющим и ограничивающим этот «вечный» рост.

Именно такой сюжет и играет определяющую роль в последней, острой фазе любого кризиса: недостаток ресурсов превращается в катастрофу, которая не просто останавливает рост инфраструктуры, но и ставит перед обществом простой вопрос: а как всё это великолепие можно содержать дальше? «Туман будущего» в этот момент времени уже полностью развеялся, абстрактная «армия Венка» так и не пришла спасать осаждённый Берлин, а варвары со всех сторон, подобно падальщикам, окружают умирающую империю:

В математике ситуация совершенно ясна — функция условных ресурсов империи незримо определяет поведение двух других функций: создания инфраструктуры и процесса поддержания «на плаву» уже созданного. Легко создать, как пример, одну ветку столичного метро — все ресурсы будут брошены на строительство. А в тот момент, когда в городе действует уже больше сотни станций метрополитена, большую часть ресурсов вы будете тратить не на рытьё

тоннелей, а на такие тривиальные вещи, как ремонт эскалаторов или же уборку мусора на уже построенных станциях. Это — правда жизни.

Поэтому-то любая система, попавшая в ресурсный кризис, действует совершенно однообразно: сначала она сокращает инвестиции во всё новое и рискованное, потом останавливает даже текущее развитие, а затем — начинает просто «поедать саму себя», когда под видом «экономии» или же «борьбы с издержками» происходит просто разрушение существующего общественного цивилизационного уклада.

Именно такой процесс мы наблюдали — и продолжаем наблюдать в современной нам Великобритании. При этом речь уже идёт не просто о судьбе её военно-морского флота — там-то всё уже практически понятно: британские военно-морские силы ещё со времён ракет «Поларис» являются «филиалом» U.S.Navy. Речь идёт о полной и окончательной деградации всей британской инфраструктуры, которая происходит у нас на глазах.

Например, спецслужбистам, которые работали в английской MI6/SIS времён Черчилля, наверное, и в страшном сне не могло привидеться «дело Скрипалей». С непонятными нестыковками, ляпами, убиенным котом и морскими свинками, бомжами, находящими «духи Новичок», с «изготовлением» готовой отравляющей смеси в общественном туалете, с якобы «загадочным» бегством «агентов ГРУ» в Россию... И это всё — в непосредственной близости от лаборатории химического оружия Портон-Даун, где накануне «что-то взорвалось», да еще с человеческими жертвами...

Но столь поверхностный и ироничный взгляд на Великобританию — это лишь часть общей картины. В реальности же анализ её решений, и поведения на международной арене даёт совсем иную картину: даже если действия Лондона иногда и выглядят комично и

непоследовательно, в целом английская элита вполне уверенно борется за своё место под солнцем, хотя и вынуждена сегодня довольствоваться малым.

Образ «гадящей англичанки», который обычно сопутствует вульгарному прочтению английской тематики, достаточно адекватен — нынешние успехи английской дипломатии, бизнеса или военной машины достаточно скромны. Можно сказать, что «англичанка гадит», но всё чаще — «под саму себя», как иногда бывает с дамами почтенного возраста. При этом у старой леди остается еще немало тайных связей и рычагов, которые используются для того, чтобы даже в такой прискорбной ситуации если не сами продукты её геополитической жизнедеятельности, то, по крайней мере, не прямые последствия (фигурально выражаясь, «вонь и брызги») достигали незадачливых адресатов и решали насущные проблемы самой Великобритании. И такое поведение, в общем-то, имеет под собой объективную основу, продиктованную нынешними возможностями Туманного Альбиона.

При оценках текущей геополитической обстановки фактор Великобритании обычно воспринимается, как некий «промежуточный кубик» между США и Евросоюзом. Наихудший член Евросоюза, да ещё и покидающий его в результате злополучного «Брексита» — или же столь же смешной «51-й штат США», чьи претензии стать неотъемлемой и основополагающей частью евроатлантического сотрудничества уже стали притчей во языцех, но чьё реальное состояние уже гораздо ближе к злополучному Пуэрто-Рико, чем к преуспевающим Калифорнии или Техасу.

Это — участь старой, умирающей империи. Имперская структура, кроме своей внешней атрибутики, имеет ещё и глубинный, скрытый слой, который используется старыми империями для своей самозащиты, а также пусть и жалкого, но выживания.

Например, Византия смогла найти такое чудесное, пусть и оригинальное спасение в православном прозелитизме, с помощью которого смогла успешно распространить восточную ветвь христианского учения на «варварские» народы: болгар, сербов, румын, грузин и все ветви русского народа. Такой «экспорт религии» отчасти спас Византию, так как умирающая империя смогла организовать на своих границах пояс дружественных государств. И только приход новой, мусульманской веры, которая противостояла византийскому православию, окончательно сгубил «вечный город» Константина.

Точно также сегодня Великобритания продолжает использовать «пояс дружественных империи стран», под которым подразумеваются бывшие британские колонии и доминионы. Конечно, сегодня эта зависимость имеет, скорее, противоположный знак: пакистанские и индусские кварталы в Лондоне — вместо колониальной администрации в Карачи или Бомбее. Но для умирающей империи это тоже вопрос получения хоть какого-то ресурса, в данном случае — человеческого.

Россия: стоит ли нам смотреть на английскую «старушку»?

Как уже отмечалось выше, имперский цикл абсолютно не связан с формой правления или с господствующей идеологией в имперском государстве. Суть империи — выход из состояния относительного гомеостаза, характерного для большинства национальных государств, которые могут существовать на «низком уровне энергии» столетиями.

В таком прочтении исторического материала судьбы Британской, Римской, Византийской или Российской

империй можно рассматривать в рамках единого подхода — который, в том числе, позволяет достаточно уверенно предсказывать будущие события. Ведь блеск, очарование, фатум и злой рок имперского цикла определяется отнюдь не нашими идеологическими, политическими или историческими предпочтениями, но зависит от глубоких, фундаментальных факторов, пренебрежение которыми обычно и приводит империи к разрушительным кризисам и к бесславному краху.

Конечно, в истории империй есть и немало примеров «чудесного» спасения. Например, Византийская империя смогла буквально «возродиться из пепла» после разгрома её крестоносцами в 1204 году — и просуществовать ещё добрых два с половиной века. Упомянутая культурная экспансия тогда спасла Византию, которая пережила вторжение крестоносцев, «проживя в подполье» в виде Никейской империи. Никея во многом опиралась на народы и территории, ставшие дружественными Византии после распространения «греческой» веры — и именно этот факт дал ей нужное количество ресурсов для борьбы за сердце утерянной Византии — блистательный Константинополь.

Неоднократно «пересобирался» заново исторический Китай, для которого проклятие имперского цикла стало буквально исторической «Санта-Барбарой» во множестве серий. Повторяющийся цикл прихода очередных варваров, завоевания ими Китая, укоренения в нём и запуска следующего имперского цикла стал возможен за счёт географической изоляции Китая при уникальном богатстве его собственной территории — прежде всего, климатическими и человеческими ресурсами. Рецепт «разумной автаркии», эффективной ассимиляции пришельцев и опоры на собственные силы применялся Китаем последовательно со времён создания Великой

китайской стены — и позволил если не управлять имперским циклом, то хотя бы перезапускать его заново каждый раз в максимально подходящем для Китая направлении.

Наконец, есть и собственный исторический опыт России, которая пережила в историческое время минимум три радикальные пересборки: после татаро-монгольского нашествия, в Смутное время начала XVII века и во время двух революций и Гражданской войны в 1917–1921 годов.

Превращение феодальной, раздробленной Руси в централизованное Московское государство, затем его превращение в Российскую империю и, наконец, трансформация этой империи в «красный проект» СССР — неоценимый исторический имперский опыт, который надо не охаивать как некую «историческую трагедию», но воспринимать как ценнейший исторический опыт, накопленный нашими предками.

К сожалению, трансформация СССР, которую затеяла советская элита в момент «перестройки», явно была направлена против логики имперского цикла. Вместо поиска новых ресурсов для развития, вместо пересборки империи на новых принципах, во главу угла была изначально поставлена провальная концепция «маленькой, удобной России», которая якобы должна была стать лишь самым восточным европейским национальным государством (ну — или самым западным азиатским).

Однако такой подход по умолчанию был и остается ущербным. Имперский цикл можно лишь перезапустить — «спокойно» выйти из него можно лишь с громадными территориальными, инфраструктурными и людскими потерями. Первый удар, который получил русский имперский проект в 1991 году, отнюдь не был последним — видно, что внешние силы стараются максимально усугубить нынешнее, весьма неустойчивое

положение современной России, чтобы добиться фактического раздела «русского наследства». В отличие от современной Великобритании, которая за счёт утраты своих колоний и геополитического веса стала удобным партнёром как для США, так и для новой европейской империи, Евросоюза, у России такого исторического шанса нет.

«Партнёром» США или ЕС может стать только полностью зависящая от них территория, наглядным примером чего является современная Украина. Нынешняя Россия для этой роли слабо подходит — для такого «партнёрского» статуса надо отказаться от ядерного оружия, современной промышленности и собственной политической позиции. Кроме того, неизбежным вариантом такого сценария является и утрата единства России — в этом случае «партнёры» (а точнее — колонизаторы) постараются создать на территории страны всякие управляемые «Казаккии», «Сибирии» и «Ингерманландии», чтобы исключить любую возможность русского исторического реванша.

Однако у России есть и позитивный сценарий. Современной Российской Федерации в наследство от СССР и Российской Империи, как ни парадоксально, достались лучшие земли. Не в плане климата или доступности тёплых морей — но с точки зрения сохранения имперского проекта. У России, в отличие от нынешнего Соединённого Королевства, на сохранившейся территории достаточно собственных ресурсов, по-прежнему проживает большая часть бывшего населения империи (при этом — максимально лояльного любому новому имперскому проекту), а протяжённость и негостеприимность территории создаёт неудобство не только для самих русских, но и для любой внешней силы, которая постарается расчленивать или взять под контроль такую громадную страну. Если Китай защищали пустыни и горы, то

современную Россию защищают расстояния внутри её самой.

Кроме того, сфера русского влияния, как и сфера влияния Византии в период Никейской империи, никуда не делась, что наглядно показали (и показывают) события на Донбассе и в Крыму.

Всё это значит, что у современной России есть шанс на перезапуск нового имперского проекта. И такой шанс ни в коем случае нельзя упускать.

Александр Нагорный, Владимир Винников, Василий Симчера **Двойной удар по Pax Americana**

Россия и Китай открыли «второй фронт» против «империи доллара»

«Однополярный мир» и глобальный системный кризис

Начало осени 2018 года выдалось чрезвычайно «жарким». И дело здесь не в каких-то погодно-климатических катаклизмах, а в развитии системного кризиса человеческой цивилизации. Одним из проявлений этого кризиса является пока медленное, но неуклонное «осыпание» той глобальной военно-политической и финансово-экономической структуры «рыночной экономики», которая известна под названиями «однополярный мир», Pax Americana и «империя доллара». По большому счёту, эти термины не тождественны между собой, поскольку описывают одну и ту же реальность, но в разных проекциях.

Главная проблема здесь, видимо, заключается в том, что процесс распада данной «глобальной матрицы» неразрывно сопряжён с медленным, но верным погружением всего современного человечества в трясину системного цивилизационного кризиса, спасения от которого пока не видно.

Тревогу бьют уже не какие-то отдельные ученые, общественные и политические деятели — представления об исчерпании возможностей прогресса и даже существования нашей планетарной цивилизации в её нынешнем виде становятся всё

популярнее, постепенно переходя из режима признания в режим доминирования. Уже анонсированный доклад ООН 2019 года о перспективах «устойчивого развития» ставит крест не только на традиционном капитализме и на всех его дальнейших исторических «мутациях» — он фактически утверждает, что биологический вид *homo sapiens* зашёл в эволюционный тупик, из которого пока не видно выхода. Те же самые мысли — только в менее пессимистичной аранжировке — были изложены и в прошлогоднем докладе Римского клуба «Come on!»

Применительно к существованию любых человеческих сообществ кризисные периоды представляют собой «разбалансировку» потоков вещества, энергии и информации (в том числе — финансовой, управленческой и т. д.). Сейчас налицо резкое — почти по экспоненте! — увеличение объёмов потока информации, которое не сопровождается сопоставимым ростом в потоках вещества и энергии. Более того, оба последних потока, в отличие от информационного, становятся всё менее насыщенными. Энерговооружённость современной человеческой цивилизации (количество энергии, вырабатываемой на душу населения) даже формально растёт очень медленными темпами — так, за 1990–2017 гг. она увеличилась с 1,64 до 1,88 тонн нефтяного эквивалента в год, то есть всего на 14 %, и то в основном — за счёт экономического роста Китая, в США он даже снизился. Для сравнения: население нашей планеты за этот период выросло на 42,7 % — с 5,31 до 7,57 млрд. чел., номинальный показатель ВВП — с 27,34 до 75 трлн. долл., то есть в 2,74 раза, на 42 %; совокупная денежная масса (агрегат L) — с 35 до примерно 1200 трлн. долл., в 34,3 раза; а мировой долг — с 5,5 до более чем 220 трлн. долл., в 40 раз!

В подобных условиях США, как главный эмитент глобальной денежной массы (сегодня на 65–70 %

выраженной в долларах и производных от них финансовых инструментах) и, соответственно, долларовых долгов (около 80 % от общей суммы мирового долга), просто обязаны любыми способами максимально сконцентрировать её у себя (через госдолг, фондовый рынок и любые другие инструменты). Пока эта «капитализация» составляет не более 80 трлн. долл. (включая фондовый рынок, где только на долю S&P-500 приходится около 21 трлн. долл., госдолг примерно на ту же сумму и т. д.). Это примерно треть глобального долларового долга, а для начала глобального «переучёта активов и пассивов» нужно, чтобы в одних руках находилось не менее половины от суммы совокупного долларового долга — иначе процесс вряд ли окажется контролируемым. Проведя соответствующие подсчёты, можно сделать вывод, что США почти достигли этого долларового Рубикона — чтобы пересечь его, им (с учётом изменения объёмов мирового долга) осталось «высосать» из мира всего от 3 до 8 трлн долл., а может быть — даже и меньше.

Это— вполне рабочее предположение, в частности, объясняющее парадоксальную ситуацию с параллельным одновременным ростом учётной ставки и фондовых индексов, чего в традиционной ситуации «равновесного рынка» просто не может быть.

Кстати, интересно посмотреть с этой точки зрения на введенный (не только против России) с 21 сентября 2018 года пакет санкций, запрещающий: а) инвестировать в пользу попавших под санкции лиц, покупать у них крупные активы или долговые инструменты; б) совершать банковские операции с лицами и организациями, попавшими в санкционный список, включая покупку, продажу и использование их собственности на территории США, а также выдачу им лицензий, разрешений или заключение с ними

страховых контрактов? Разве это не равносильно списанию долговых обязательств перед кредиторами с уменьшением общей суммы долга?

Из вышесказанного следует, что не стоит объяснять финансово-экономическую сверхактивность Трампа и его «команды» исключительно какими-то предвыборными или иными внутри- и внешнеполитическими соображениями, а также, исходя из такой предпосылки, рассчитывать, что после промежуточных выборов 6 ноября «всё может измениться». Похоже, что это — всего лишь блестящая работа антикризисного менеджмента, «бизнес и ничего личного», не более, но и не менее того. А если для этого применяется классическая схема «добраго и злого полицейского», то, как говорится, проблемы индейцев шерифа не волнуют...

Политический контекст Восточного форума

11-13 сентября во Владивостоке под лозунгом «Дальний Восток: расширяя границы возможностей» прошёл IV Восточный экономический форум (ВЭФ), в работе которого, согласно официальным данным, приняли участие 6002 делегата (включая 340 глав корпораций) и 1357 представителей СМИ из 60 стран мира, и как внешний результат было подписано 220 открытых соглашений на общую сумму 3,108 трлн. рублей (почти 46 млрд. долл.).

Но политические итоги этого форума, на наш взгляд, оказались намного важнее собственно экономических. Тем более, что все участники ВЭФ-2018 прекрасно знали: одновременно 11-15 сентября российские, китайские и монгольские войска проводят крупнейшие учения «Восток-2018», сценарий которых включает в себя отражение массированного удара, в

том числе — крылатыми ракетами, со стороны вероятного противника. Что прямо указывало: этим самым противником являются США, и никто больше. При этом силы Северного и Тихоокеанского флотов были развёрнуты вдоль всего восточного побережья РФ, от Берингова пролива до Японского моря.

Кроме того, день 11 сентября в каком-то смысле является знаковым для всей современной мировой политики, поскольку именно в этот день 17 лет назад произошли известные «события 9/11», с одновременной «самолётной атакой исламских террористов» на «башни-близнецы» Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке и на здание Пентагона в Арлингтоне. Эта провокация была использована глобалистскими элитами для захвата власти внутри США и установления в этой стране «криптонацистского» режима с жесткими ограничениями прав и свобод американцев (т. н. «Патриотический акт»), а также для разрушения норм международного права (Ялтинско-Потсдамская система) и актов агрессии по всему миру.

Вряд ли такие совпадения следует считать случайными. Фактически на время проведения форума военный «зонтик безопасности» был раскрыт не только над Владивостоком, но и над всей территорией РФ от Урала до Тихого океана — так что более сотни военных наблюдателей из 57 стран мира получили возможность лично убедиться в реальных возможностях современной российской армии, а также в её тесном взаимодействии с Народно-освободительной армией Китая (НОАК) и готовности, в случае необходимости, к совместным действиям «рука об руку и плечом к плечу», по определению Председателя КНР Си Цзиньпина. Как было отмечено в специально сделанном по данному поводу заявлении министерства обороны КНР: «Фокус внимания учений сместился с борьбы с терроризмом на совместную оборону и контрнаступление... Это также

означает, что политическое стратегическое доверие и военное взаимодействие между Китаем и Россией достигли исторического максимума». Сам товарищ Си по этому поводу высказался ещё более однозначно: «Китайско-российские отношения переживают наилучший период в истории», — и определил их как «всеобъемлющее стратегическое взаимодействие».

Учения «Восток-2018» в западных масс-медиа уже назвали «мощным сигналом для всего мира».

И если говорить о содержании данного сигнала, то оно заключается, прежде всего, в том, что, несмотря на официальное отсутствие между Москвой и Пекином соглашения о взаимной защите, российско-китайский военный кондоминимум стал реальным фактором современной международной политики — фактором, который устраняет глобальное силовое доминирование США. И первым мегарегионом, свободным от такого доминирования, судя по всему, должна стать Северо-Восточная Азия (СВА), что создаёт новый военно-стратегический баланс не только в этом мегарегионе нашей планеты, но и в глобальном масштабе.

Концепцию Северо-Восточной Азии от своего имени презентовал во Владивостоке на пленарном заседании ВЭФ Председатель КНР Си Цзиньпин — собственно, этой теме была посвящена большая часть его выступления. И надо сказать, что концепцию СВА вряд ли стоит воспринимать в качестве какого-то экспромта и личной инициативы китайского лидера — судя по всему, урок Давоса-2017 Председателем КНР выучен наизусть и, весьма вероятно, эта схема детально обсуждалась с Москвой.

Напомним, что в январе прошлого года, выступая в Швейцарии на главном открытом форуме глобалистов, проходившем, что показательно, под лозунгом «Ответственное лидерство», товарищ Си, по сути, предложил переместить центр действующей

финансово-экономической системы из США в КНР, но это предложение, что называется, повисло в воздухе. Да, глобальные «элиты» прекрасно понимали, что политика 45-го президента США Дональда Трампа, с его лозунгом «Make America Great Again!», торговым и экономическим протекционизмом, а также откровенной монетизацией американского лидерства лишает всю их конструкцию «несущей опоры», и это ведёт к сокрушительным политическим последствиям, полный спектр которых вряд ли кто в состоянии сейчас даже предсказать, не говоря уже о том, чтобы гарантировать в результате хотя бы собственное выживание. Но данная ситуация вовсе не оценивалась ими как настолько безвыходная, чтобы принять китайское предложение или хотя бы рассмотреть его всерьёз.

И дело было не столько в том, что ни китайская валюта, ни китайская армия, ни китайские массмедиа не могли полноценно заменить собой их американские аналоги — особенно как единая система. И даже не в том, что подобный «перевод стрелок» требовал и времени, и денег. Дело было, прежде всего, в том, что сама «матрица» американского глобализма в её прежнем виде перестала эффективно функционировать, неумолимо приближалась к своей «точке катастрофы» и требовала полного обновления, для чего, собственно, и понадобился «фактор Трампа», который, в случае крайней необходимости, всегда можно устранить. То есть предложенная Китаем игра просто не стоила свеч и лишь приближала американскую и глобальную катастрофу.

Сколь бы «проходным» ни казался этот момент, тем не менее, для китайского лидера он представлял собой весьма ощутимую «потерю лица». Не только на международной, но, прежде всего, — на собственно китайской арене, поскольку знаменовал собой возникновение «конфликта интересов» между

«рыночной» частью экономики КНР, ориентированной на экспорт и расположенной в прибрежных провинциях, и её «инфраструктурной» частью, работающей на социалистических плановых принципах, — с неизбежной проекцией этого конфликта и в политическую сферу.

Трудно сказать, какую роль в этой инициативе сыграл провозглашённый во время лондонского визита «товарища Си» 15–18 октября 2015 года «золотой век» в британо-китайских отношениях, но ясно, что без расчёта на поддержку английской короны Председатель КНР вряд ли мог выйти с таким предложением на трибуну Давоса-2017, этой поддержки не получил и, как результат, оказался в сложном и несколько двусмысленном положении.

Форум во Владивостоке продемонстрировал, что Си Цзиньпин окончательно вышел из этого лабиринта, переформатировав свою прошлогоднюю давосскую инициативу к менее глобальному, но зато вполне достижимому масштабу Северо-Восточной Азии как нового «глобального центра силы». При определяющей роли России и президента Путина, который на этот раз по-хозяйски выбрал для себя скромную роль второго плана, предоставив возможность солировать своим гостям. Впрочем, в том, кто являлся одновременно и главным режиссёром всей постановки, сомнений как-то не возникало.

«Ошибся» ли товарищ Си?

Что же представляет собой «проект СВА», сформулированный Председателем КНР? С трибуны ВЭФ-2018 он прозвучал так: «Необходимо в приоритетном порядке повышать уровень взаимосвязанности транснациональной

инфраструктуры, в сфере либерализации и упрощения торгово-инвестиционных процедур, содействовать ликвидности рынка, передвижению капиталов и технологиям, оптимизировать ресурсное обеспечение и индустриальную структуру, сообща построить открытую региональную экономику и создать экономическое кольцо Северо-Восточной Азии... Мы готовы вместе со всеми странами глубоко изучать возможности развития сотрудничества по другим многосторонним и субрегиональным форматам, чтобы запустить больше практических проектов на благо народов региона. В этом рассчитываем на большую роль Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Фонда Шёлкового пути в плане финансового сопровождения... С учётом таких факторов Северо-Восточной Азии, как различные модели и неравные уровни развития, быстрые темпы роста экономики и многочисленные совместные проекты, странам региона важно, основываясь на реальности, работать на долгосрочную перспективу, интенсифицировать планирование и координацию — с тем, чтобы осуществить гармоничное и устойчивое развитие экономики и общества, ресурсов и окружающей среды, человека и природы».

Причину необходимости создания такой структуры Си Цзиньпин тоже не скрывал. Это «глубокие и сложные перемены в современном мире», которые сопровождаются возрождением «политики силы и протекционизма», — явно имея в виду современные США, которые отказываются от принципов свободной торговли, размахивают «дубинкой санкций» по всему миру, а также ведут более чем рискованные игры со своей валютой. Большое экономическое кольцо Северо-Восточной Азии, как заявил китайский лидер, будет строиться на принципах справедливости и максимального учёта интересов его участников, а

также «полностью обеспечено ресурсами и финансами».

По сути, это проект нового глобального «центра силы», в состав которого будут, помимо Китая и России, входить Япония, обе Кореи и Монголия, — шесть государств, на долю которых, по словам товарища Си, приходится 23 % населения нашей планеты и 19 % мирового ВВП. Но это — явное преуменьшение с его стороны. Не в том, что касается демографии — тут всё было точно, как в аптеке: согласно официальным данным по состоянию на июнь 2018 года, в странах «дальневосточной шестёрки» проживало 1,751 млрд. человек, что составляло как раз 23 % населения планеты (7,6 млрд.). Но вот в том, что касается экономики... Если считать ВВП по номиналу, то есть по обменному курсу доллара, в 2017 году на эти государства приходилось 19,979 трлн. долл., т. е. 26,5 % из общемировых 75,278 трлн. (оценка Всемирного банка). А если считать ВВП по паритету покупательной способности (ППС), то 34,648 из 127,724 трлн. долл., или 27,1 % мировой экономики.

В данной связи возникает естественный вопрос: почему китайский лидер, презентуя «городу и миру» проект новой международной общности, настолько, почти в полтора раза занижил его реальный экономический потенциал? Не была ли эта «ошибка» с его стороны намеренной, являясь, по сути, специально «кодированным» сигналом?

Конкретных адресов для такого сигнала в текущей ситуации немного — это США, Евросоюз и (британское) Содружество. Каждый из этих глобальных и, по большому счёту, конкурирующих между собой «центров силы» сегодня контролирует примерно по 20 % мировой экономики. И появление на международной арене нового, к тому же — открыто заявляющего о своём превосходстве над ними, актора заставило бы их, с

высокой долей вероятности, отложить в сторону нынешние распри и в каком-то формате (три из трёх или два из трёх) объединиться между собой против государств-участников проекта СВА.

Цифра же совместного ВВП, озвученная Си Цзиньпином, прежде всего, продемонстрировала отказ от каких-либо претензий на незамедлительное «глобальное лидерство», а также стремление сглаживать все противоречия с США, даже самые острые, и перенести «финальную схватку» ещё на несколько лет вперёд или, как сейчас принято говорить, «вправо по временной шкале». Условно говоря, это обозначило готовность если не встать на колени, то хотя бы низко склонить голову для уменьшения своего экономического «роста», что, в общем-то, значительно облегчает возможность текущих торговых переговоров и с Вашингтоном, и с Лондоном, и с Брюсселем (то есть Берлином и Парижем).

Нет смысла предаваться по данному поводу эйфории, какому-либо «головокружению от успехов». Пока «экономическое кольцо Северо-Восточной Азии» — всего лишь очередной и во многом вынужденный ход в текущем многостороннем конфликте, связанном с процессом краха «однополярного мира» Pax Americana. Но это, судя по всем признакам, ход хорошо продуманный, неожиданный, своевременный, точный и сильный, сразу открывающий множество различных продолжений.

Пока «экономическое кольцо Северо-Восточной Азии» — всего лишь очередной и во многом вынужденный ход в текущем многостороннем конфликте, связанном с процессом краха «однополярного мира» Pax Americana. Но это, судя по всем признакам, ход хорошо продуманный, неожиданный, своевременный, точный и сильный, сразу открывающий множество различных продолжений.

Япония и Корея как потенциальные союзники России и Китая

Тем не менее, нельзя и преуменьшать значение форума во Владивостоке, в том числе — для социально-экономической ситуации внутри самой России. Повторимся, никаких обязательств в рамках «проекта СВА» его потенциальные участники (включая, прежде всего. Японию и Южную Корею как до сих пор находящиеся под оккупацией США государства, по факту входящие в состав «коллективного Запада»), не несут, свободно определяя для себя возможное соотношение связанных с ним выгод и рисков, а следовательно — своего дальнейшего присутствия или отсутствия в нём.

Но то, что выгоды «проекта СВА» для Японии и Южной Кореи очевидны, показало и присутствие, и выступления лидеров этих государств на пленарном заседании ВЭФ-2018.

В первую очередь это касается речи премьер-министра Страны Восходящего Солнца Синдзо Абэ, в которой он заявил о вступлении мира в период «новой соединяемости», то есть разрушения прежних и создания ранее не существовавших и даже невозможных межгосударственных союзов. «Мы переживаем важнейший поворотный момент в нашей истории», — заявил он, призвав присутствующих «не бояться мечтать». Японские мечты предельно понятны. Островное расположение Страны Восходящего Солнца и отсутствие на её территории сколько-нибудь значимых природных ископаемых, делает Японию критически зависимой от постоянного притока ресурсов извне, а следовательно — от контроля за морскими торговыми путями. Поскольку длившаяся с 1904 по 1945 год война за установление такого контроля и соответствующие

колониальные захваты была, в конце концов, официальным Токио безнадежно проиграна, японские элиты были вынуждены беспрекословно следовать в кильватере США — того «центра силы», который после Второй мировой войны безоговорочно доминировал в Мировом океане. То есть любые попытки Японии выйти из-под американского контроля не имели никакого смысла, поскольку авианосные ударные группы U.S.Navy в любой момент могли «перекрыть кислород» её экономике. И если до уничтожения СССР США не препятствовали и даже помогали возникновению «японского чуда», то после прихода к власти Горбачёва и начала «перестройки» посчитали его продолжение излишним, что и привело к заключению «соглашений Plaza» в 1985 году и к дрящейся вплоть до нынешнего времени стагнации японской экономики, в результате которой продукция made in Japan была вытеснена на мировых рынках продукцией made in China.

Но эта ситуация коренным образом изменилась после 7 октября 2015 года, когда залп высокоточными российскими «калибрами» из акватории Каспийского моря по целям на территории Сирии показал, что теперь американские авианосные ударные группировки (АУГ) теряют свою господствующую роль в Мировом океане, а значит — Японии жизненно необходимо договариваться с той силой, которая получила превосходство на море. Что, собственно, и происходит на наших глазах в течение последних лет. И никакие «северные территории», то есть Южные Курилы, здесь «вдолгую» ничего изменить не могут. Тем более, Синдзо Абэ в своей речи намекнул на то, что после запланированного на 30 апреля 2019 года отречения нынешнего императора Акихито, занимающего Хризантемовый престол с 1989 года, и инаугурации его наследника Нарухито в политике официального Токио очень многое может измениться. В том числе — и

позиция по территориальному спору с Россией. Потому что объективно это — сущая мелочь по сравнению с возникающей для Японии возможностью наконец-то вырваться из нынешней геостратегической ситуации, где островное государство с площадью 378 тысяч квадратных километров и населением в 125 миллионов человек оказывается «намертво» зажато между США, Китаем и Россией. Иного пути для того, чтобы «убрать остатки послевоенного пейзажа и наполнить будущее надеждой», у японцев просто не остаётся.

Энтузиазм Абэ по этому поводу был чрезвычайно велик — он заявил о готовности Японии стать «главным коннектором» экономического и политического пространства от Берингова пролива до Южно-Тихоокеанского региона и превратить воды северо-западной части Тихого океана в магистральную зону мирового транзита, создав совместный с Россией логистический хаб на Курилах. Видимо, такая возможность не только обговаривалась на высшем уровне, но уже принята к реализации (в частности, проект строительства моста, связывающего материковую Россию с островом Сахалин и продления оттуда железнодорожного пути на Хоккайдо — не имеет экономического смысла без подключения Японии к более масштабным интеграционным проектам). А это, в свою очередь, позволяет предположить, что нынешний статус Южных Курил, в конечном итоге, будет изменен и приближен к статусу Шпицбергена, находящегося под суверенитетом Норвегии, но с разрешением широкой экономической деятельности для России.

Но, поскольку речь Абэ не вполне соответствовала «интересам момента», хотя и обозначила реальные политические планы государства, официально занимающего четвёртое место в мировой экономике, Путин срочно «ударил по тормозам» и внёс свою

«режиссёрскую» реплику с предложением заключить мирный договор между двумя странами до конца года и без всяких предварительных условий. На что, разумеется, в Токио «здесь и сейчас» согласиться ни в коем случае не могли, своим отказом зафиксировав видимое сохранение «статус-кво»: проблема «северных территорий» по-прежнему является неустранимым препятствием для улучшения российско-японских отношений, США пока не о чем тревожиться...

Примерно то же самое — с необходимой «поправкой на 38-ю параллель» — справедливо и для Республики Корея. Проекты поэтапной экономической и политической интеграции Севера и Юга Страны Утренней Свежести с итоговым восстановлением единого корейского государства, в том числе — под флагом полной военной денуклеаризации всего полуострова, прорабатываются и обсуждаются уже не первый год и даже не первое десятилетие. Теперь, с прокладкой газопроводных маршрутов из России и строительством Транскорейской железной дороги, они явно вступают в стадию практической реализации. Хотя присутствие во Владивостоке не президента Республики Корея Мун Чжэ Ина, а премьер-министра Ли Нак Ёна и свидетельствовало о сравнительно меньшей на текущем этапе заинтересованности (или реального влияния) южнокорейской стороны в масштабных интеграционных процессах на пространствах Северо-Восточной Азии. При этом лидер КНДР Ким Чен Ын вообще отсутствовал на ВЭФ-2018 вследствие крайней специфики своего нынешнего амплуа: «ракетно-ядерного триггера» для Токио и Сеула в указанных выше процессах. Зато 17-18 сентября, практически сразу по окончании ВЭФ, два корейских лидера впервые встретились в столице КНДР Пхеньяне, где подписали целый ряд соглашений, в том числе — касающихся

демилитаризации и денуклеаризации всего Корейского полуострова.

Контригра глобалистов

Что касается США как глобального лидера, то Вашингтон по-прежнему занимает доминирующее положение практически во всех сферах жизни современного мира: военной, финансовой, культурно-идеологической, политической и других. Но это лишь внешнее могущество. Гигантский дуб под названием США изнутри уже почти полностью сгнил и, хотя внешне всё остается почти по-прежнему, но трещины ползут во все стороны.

Во-первых, финансово-экономический кризис требует ответственных и радикальных решений. Это ставит нынешние США перед тяжёлым выбором: или побыстрому свернуть свою «торговую войну» против КНР и Японии (а зачем она тогда, спрашивается, вообще была нужна и стоило ли её начинать?), или в ближайшее время получить в непосредственной близости от своих границ сверхмощное объединение сразу трёх держав из «первой десятки», зону «America free», которая способна распространиться практически на весь Азиатско-Тихоокеанский регион (за исключением Северной Америки и, менее гарантированно, Австралии/Новой Зеландии), а также на Индийский океан. С понятными последствиями для «империи доллара» в целом.

Во-вторых, ситуация «после Владивостока» резко повысила для Евросоюза привлекательность перехода от его традиционной «атлантической» ориентации к «континентальной», «евразийской», поскольку новый рынок Северо-Восточной Азии вполне способен компенсировать им потерю доходов на американском

рынке — тем более, в условиях изменения статуса доллара.

В-третьих, налицо уже отмеченное выше заметное ослабление связки Пекина с Лондоном, в которой «красный дракон», при всём его экономическом могуществе, играл всё-таки подчинённую роль по отношению к «британскому льву». В данной связи стоит заметить, что в таких важных для КНР международных структурах, как ШОС и БРИКС, присутствуют государства, входящие в Содружество (соответственно, Индия и Пакистан, Индия и ЮАР), а в предполагаемой «шестёрке СВА» таких государств нет вообще. Соответственно, «степени свободы» для Пекина благодаря этому проекту существенно расширятся.

Наконец, в-четвёртых (последнее по месту, но не по значению), сама возможность возникновения на азиатско-тихоокеанском направлении такой новой масштабной угрозы для всей «матрицы глобализма США», обязана либо снизить давление США и их союзников на Россию, либо резко взвинтить наступление на позиции Москвы. Что мы пока и видим в Сирии (сбитый Ил-20), на Украине, в «деле Скрипалей» (подключение связки «Петров-Боширов (Чепига)»), а также в новых пакетах антироссийских санкций, с их возможным выходом на полную финансовую изоляцию российского рынка от мирового.

Возможно, подобная тактика вызвана надеждами на то, что Пекин пока не созрел для окончательного формирования военного союза и совместных действий с Москвой. Пробным камнем здесь стал подписанный 21 сентября президентом США исполнительный указ, которым между министерством финансов и его главой Стивеном Мнучиным, а также госдепартаментом и госсекретарем Майком Помпео были распределены рабочие функции по введению нового «сверхжесткого» пакета санкций, принятого в рамках закона CAATSA («О

противодействию противникам Америки посредством санкций»). В частности, за закупку российского оружия (истребители Су-35 и ЗРК С-400) был «узаконен» арест на активы департамента подготовки войск и снабжения Центрального военного совета КНР и его руководителя Ли Шанфу, что вызвало мгновенный и жёсткий ответ со стороны официального Пекина.

Тем не менее, американские глобалисты и их единомышленники из других государств «коллективного Запада» явно рассчитывают на то, что через согласованные с внешним давлением действия «пятой колонны» внутри самой России, включая «пенсионную реформу», им удастся разжечь «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», с переходом на «очистительную цветную революцию», — скорее всего, с какими-то предшествующими локальными вспышками в самых «горячих» точках этой конфронтации: как внешних, на Украине и в Сирии, так и внутренних, на Кавказе и — почему бы нет? — на Дальнем Востоке (помните дело «приморских партизан»?).

Сегодня особое беспокойство у Кремля, судя по всему, вызывает ситуация на Кавказе в Центральной Азии, что продемонстрировал саммит лидеров государств-участников СНГ, прошедший 28 сентября в Душанбе. Его участниками стали президент России Владимир Путин, президент Азербайджана Ильхам Алиев, премьер-министр Армении Никол Пашинян, президент Белоруссии Александр Лукашенко, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, президент Киргизии Сооронбай Жээнбеков, президент Молдовы Игорь Додон, президент Таджикистана Эмомали Рахмон, вице-премьер Туркменистана Пурли Агамырадов и президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев.

Перед российским лидером и его коллегами по СНГ стоит и продолжает стоять весьма сложная и

ответственная задача: в связи с дальнейшим ужесточением режима санкций необходимо, по мере возможности, вывести все расчёты по торговле этих стран с Россией из «долларовой зоны», а заодно — придать новый импульс интеграционным проектам на евразийском пространстве. С этим особых вопросов нет — тем более, что 530 млн. долл. из активов Национального фонда Казахстана, «замороженных» в конце 2017 года, у всех на виду, поэтому соответствующее принципиальное решение в Душанбе, разумеется, будет принято — вопросы есть с тем, куда, когда и каким образом всё это хозяйство придется выводить. Да так, чтобы это не привело к критичным финансово-экономическим и социально-политическим последствиям.

Новый виток гибридной войны США и их союзников против России неминуемо затрагивает и все государства СНГ, которые также оказываются под давлением. И реагируют они на эту ситуацию очень по-разному, в зависимости от их собственных интересов и обстоятельств.

Разумеется, Россия не может быть равнодушной и безучастной к процессам, которые идут прямо у её границ и неизбежно перекидываются на российскую территорию, — вспомним хотя бы влияние «панкисского анклава» в Грузии на ход чеченского конфликта или развитие ситуации на Украине.

Россия не может допустить превращения сопредельных государств и их населения в «прокси-армии» «коллективного Запада», атакующие нашу страну. Россия готова внести свой вклад в дело обеспечения стабильности и безопасности этих государств. Но этот вклад не может быть односторонним и бесконечно большим, он должен базироваться на принципах равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. А права и выгоды все

понимают по-своему, иногда — весьма экзотически. Тем более, что и сегодня, спустя почти 27 лет с момента уничтожения СССР, ни одно «постсоветское» государство, за исключением России, — даже Казахстан и Украина — не являются в полном смысле этого слова экономически самостоятельными.

Мы видели, как главой Армении стал Никол Пашинян, как в Молдавии парламент все время лишает президентских полномочий «пророссийского» Игоря Додона, как переходит на латиницу Казахстан, как сложно идёт диалог между Москвой и Минском. А как расценивать присутствие на саммите глав государств в Душанбе далеко не первого лица Туркменистана — президент и одновременно премьер-министр этой страны Гурбангулы Бердымухамедов предпочел в эти дни принять участие в заседании Генассамблеи ООН — при том, что официальный Ашхабад будет председательствовать в СНГ в следующем, 2019 году? Да и в отношениях с любой из республик «постсоветского пространства» проблем у России хватает. Тем более, что они дополнительно создаются и раздуваются нашими западными «партнёрами», верными своей многовековой стратегии «обкусывать большой пирог по краям».

Особенно их интересует регион Центральной Азии, а в нём — такое «слабое звено», как богатая газом Туркмения, лидер которой достаточно активно и недвусмысленно обозначает прозападный курс своей политики, а значит хотелось бы ошибиться, но сценарий тут меняется редко, — вокруг него уже формируется та «пятая колонна», которая в «час X» должна обеспечить смену власти в Ашхабаде. Возможно — при поддержке уже переброшенных американцами в Афганистан формирований ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в России. — ФАН), боевики которых уже не раз и не два «сбивали замок» на туркмено-афганской

границе и совершали достаточно глубокие рейды внутрь туркменской территории.

Тем не менее, можно сказать, что после 11-15 сентября ситуация на «глобальной шахматной доске» принципиально изменилась — и не в пользу «коллективного Запада». Хотя режим антироссийских санкций, повторим, продолжает «по инерции» ужесточаться, приобретая уже откровенно гротескные черты — вроде развития по линии «Петрова-Боширова» пресловутого «дела Скрипалей», которое, тем не менее, стало обоснованием для введения нового «санкционного пакета» конгрессом США; решений Апелляционного суда Англии и Уэльса по иску о 3 млрд. долл. украинского долга перед Россией и Апелляционного суда Швеции по спору между российским «Газпромом» и украинским «Нафтогазом», etc. При этом России буквально накануне владивостокского форума удалось остановить эскалацию конфликта в Сирии (имитация химической атаки с помощью «белых касок», которая должна была стать поводом для массированного ракетного удара со стороны США и их союзников), сохранить и даже укрепить «ближневосточный триумвират» с Ираном и Турцией (с последней — ценой приостановки наступления сирийской армии в Идлибе), а также добиться хотя бы временной нейтрализации тлеющего армяно-азербайджанского конфликта.

Трамп в ООН: национализация прибылей и глобализация убытков

Уже несколько раз в тексте настоящего доклада указав на то, что нынешние действия США на международной арене, вопреки расхожему мнению, не определяются расколом между «нетрадиционными»

глобалистами-«трампистами» и «глубинным государством», состоящим из «традиционных» глобалистов-неолибералов, мы, тем не менее, не можем отрицать наличие тактического раскола между ними и значимости фактора промежуточных выборов в США 6 ноября 2018 года. Что лишний раз было продемонстрировано выступлением Дональда Трампа на Генеральной ассамблее ООН 25 сентября 2018 года.

Здесь следует отметить один небольшой, но очень важный нюанс. Изначально планировалось, что выступление 45-го президента США состоится уже после того, как ему станут известны результаты «предвыборного» заседания комиссии ФРС по открытым рынкам (FOMC), на котором должно быть принято решение об изменении учётной ставки. Это было последнее заседание FOMC перед «промежуточными» выборами в США, следующее назначено как раз на 7–8 ноября, а величина учётной ставки ФРС, как известно, сильно влияет на экономическую ситуацию в Америке и, соответственно, на настроения американских избирателей. Это заседание было намечено на 24–25 сентября, но в последний момент было перенесено на 25–26 сентября, то есть сдвинуто на один день, и поэтому Трампу, который ждал «до последнего» и приехал в ООН с запозданием, пришлось выступать перед представителями мирового сообщества в состоянии полной неопределенности, исходя лишь из самого вероятного развития событий (в данном случае — повышения учётной ставки ФРС на 0,25 %, до 2–2,25 % годовых).

Действующему «хозяину Белого Дома», который неожиданно для себя оказался в положении «ведомого», пришлось обойтись, что называется «без акцентов» и нигде не рубить сплеча. Подобная «окопная война» — это не стиль Трампа, поэтому на трибуне ООН он был внутренне скован и не слишком

убедителен. Но представленная им (пусть в «демоверсии») программа дальнейших действий официального Вашингтона на мировой арене всё равно заслуживает внимания.

Начал 45-й президент США с перечисления своих успехов внутри страны: в американскую экономику вернулось 10 трлн. долл., снизилась безработица, в том числе — среди этнических меньшинств, создано 4 млн. новых рабочих мест, в том числе — более 500 тыс. в промышленном секторе, приняты рекордные военные бюджеты в 700 и 716 млрд. долл., Америка стала сильнее, безопаснее и богаче, чем была до Трампа. В этом пассаже, конечно, присутствовала доля самовосхваления, но его главная цель была иной — придать больший вес словам настолько сильного и успешного политического лидера.

После чего американский президент перешёл к основной части своего выступления. Если кратко передать его смысл, то он будет приблизительно таков: «Вчера мы съели ваше, а теперь будем есть каждый своё». Конечно, в формулировках Трампа это звучало иначе: «Америка выступает против глобализма, за патриотизм», «Америка не будет принимать иностранные товары в процессе несправедливой торговли, увеличивая свой торговый дефицит», «Америка не будет никого защищать без справедливого вклада этих стран в свою безопасность», «Америка не будет оказывать помощь тем странам и международным институтам, которые не признают наши интересы», и так далее.

Самым ярким моментом здесь была угроза в адрес ОПЕК, вернее — Саудовской Аравии, что американская военная поддержка этой страны будет прекращена, если мировые цены на нефть продолжат расти. Про выход США из Совета ООН по правам человека и непризнание ими юрисдикции, легитимности и

компетенции Международного уголовного суда (МУС) в отношении американских граждан даже говорить не приходится. Также из слов Трампа следовало, что США не будут указывать другим странам, как им жить и что делать, но вот «Западное полушарие», в полном соответствии с «доктриной Монро» (от 1823 года) — это полностью «наше дело», и сюда вход иностранным государствам будет запрещен. Ну, и, понятно, есть агрессивные государства и правительства, которые мешают миру и процветанию во всем мире, а также вызывают возмущение у населяющих их народов. Это, прежде всего, Иран, Венесуэла и (по умолчанию) Сирия с Кубой (которая названа «спонсором» Венесуэлы!). Есть также преступные идеологии, которые сеют коррупцию и насилие во всем мире, — это социализм (привет Китаю и, наверное, Вьетнаму!) и коммунизм. Таким государствам, правительствам и идеологиям Америка, приверженная идеалам свободы и демократии, всегда противостояла, противостоит и будет противостоять, а потому призывает все нации мира следовать своему примеру. А кто не с нами — тому отключим газ (то есть прекратим помощь и введём санкции)! Но в целом все нации в мире равны, Америка — равнее всех, поэтому давайте жить в мире, согласии и процветании, у кого как это получится... Россия в речи Трампа была упомянута лишь однажды, да и то — через Германию, которой якобы грозит полная энергетическая зависимость от России, слово «Путин» не прозвучало вообще. Китай тоже был упомянут однажды — как государство, которое использованием плановой экономики и прочих нерыночных преференций демпингует на мировом рынке и, хотя лично Трамп с большим уважением относится к своему другу, председателю Си, поведение КНР неправильно и подлежит исправлению. Украины для «Большого Дональда» просто не существовало, а «друзья» Америки

и просто «правильные» государства были названы поимённо. Это (в порядке перечисления президентом США) Индия, которая улучшила благосостояние своего миллиардного населения, Саудовская Аравия, Израиль и Польша.

Суть «антиглобализм» Трампа можно охарактеризовать известным афоризмом Гейне: «Честность — прекрасна. Особенно, когда все вокруг честны, а сам ты — бесчестен». Соединенные Штаты в лице своего 45-го президента заявили о том, что будут стремиться к сохранению всех своих привилегий при максимальном сбросе всех своих обязательств — за счёт бывших союзников, получавших свою долю в рамках традиционной глобалистской «матрицы»».

По сути, это была программа национализации прибылей и глобализации убытков США. Согласится ли с подобной программой остальной мир и особенно — недавние союзники Америки, очень большой вопрос.

Но окончательный ответ на него зависит от наличия или отсутствия реальной альтернативы двум «глобалистским»: прежней «неолиберальной» и новой «трампистской», — моделям развития всей человеческой цивилизации.

«Головокружения от успехов» у России быть не должно

В описанной выше внешней обстановке для России, казалось бы, открывается дверь в «золотой век», к восстановлению своей традиционной зоны влияния и постепенной реинтеграции «постсоветского пространства» на новых идеологических и политических основаниях. Но на самом деле наша страна находится в намного более сложной ситуации, чем это представляется на первый взгляд.

И главная угроза состоит в том, что Кремль продолжает цепляться за базовые основы «гайдарономики», навязанной России американцами в «лихие девяностые», — включая жесточайшее ужатие денежной массы, что сокрушает нашу промышленность и программирует «нулевой» рост экономики в целом, тормозит научно-технологические отрасли, ломает социальные программы, ограничивает зарплаты населения на мизерном «уровне выживания» в 15–17 тыс. рублей и, в конце концов, сокращает население страны. Всё это уже привело к существенному снижению общественной поддержки не только «партии власти», но и президента России. А российские масс-медиа, особенно телевидение, продолжают рассказывать про экономические успехи страны, включая триумфальное «импортозамещение», и про рост жизненного уровня населения, что, возможно, в определённой мере и соответствует действительности, но — увы! — прежде всего в том, что касается узкой прослойки наших олигархов и прочих «новых русских». Сформировавшиеся линии раскола в российском обществе учитываются Западом и очень скоро могут быть задействованы, что называется, по максимуму.

Таким образом, Россия в её нынешней ситуации, с элитой, значительная часть которой ориентируется на США, является одновременно и абсолютно необходимым (вследствие мощных вооружённых сил), и самым слабым звеном в складывающейся антиамериканской коалиции. Значительной части наших «верхов» почему-то всё ещё кажется, что их «простят» и снова примут «в общество цивилизованных стран». Эти позиции широко транслируются официальными и «либеральными» масс-медиа. Зависимость определённых кругов в российских «верхах» от счетов, недвижимости и прочих активов за рубежом говорит только о том, что они могут поднять

знамя своего «майдана» в самом ближайшем будущем, соединяя социальные требования с антикоррупционной борьбой, как это произошло сначала на Украине, а не так давно — и в Армении.

В данной ситуации ещё одной важнейшей угрозой для России продолжают оставаться коррупция и социальная несправедливость («вбросы» о том, что 1 % наших сограждан распоряжается 74 % национального дохода, не проходят мимо нашего общества, поскольку вопиющая роскошь одних и столь же вопиющая бедность других не находят ни рационального объяснения, ни оправдания). Сохранение и усиление в российской «властной вертикали», сверху донизу, носителей либерал-монетаристской социально-экономической «матрицы», которая за прошедшие 30 лет показала свою полную непригодность для развития российской экономики, ведёт к росту конфликтного потенциала внутри нашего общества и государства. Как показывают данные того же Всемирного банка, за период 1990–2017 гг., ВВП Китая вырос в 19,81 раза (2-е место в мире после крохотной Экваториальной Гвинеи). Также в топ-10 находятся следующие страны, в той или иной степени использующие «китайскую» модель экономики: Мьянма — 3-е место, 15,79 раз; Мозамбик — 4-е место, 10,42 раза; Лаос — 5-е место, 9,25 раза; Вьетнам — 7-е место, 9,11 раза; Эфиопия — 8-е место, 8,84 раза; Индия — 9-е место, 8,57 раза. Для сравнения: при среднемировом росте в 3,43 раза США (кстати, лучшие из стран «Большой семёрки») добились показателя в 2,24 раза, а Россия — всего 2,16 раза.

И в этом отношении трудно полностью согласиться с недавним выводом известного американского экономиста и политика, одного из главных творцов «рейганомики» Пола Крейга Робертса, который констатировал, что «правительства России и Китая находятся в зависимости от Вашингтона, потому что,

уверовав в победу капитализма, они поспешили перенять американскую неолиберальную модель экономики, которая служит исключительно интересам США», — слишком уж очевидны несоответствие между реальными социально-экономическими моделями РФ и КНР в течение указанного периода времени и разница достигнутых ими результатов. Поэтому выход из либерально-монетаристской матрицы для России не только назрел, но и перезрел, роскошная «карета» внешнеполитических успехов нашего государства в случае его социально-экономической дестабилизации моментально «превратится в тыкву», а часы на Спасской башне могут «пробить полночь» совершенно неожиданно.

Испытание «медными трубами»

Одним из важнейших, но полностью ушедших в тень путинского заявления об «ответно-встречном рае», моментов прошедшего 15–18 октября в Сочи XV Валдайского форума стала проблема текущей трансформации американо-китайско-российского «глобального треугольника XXI века», которую затронул — разумеется, не по собственной инициативе, а по команде из Пекина, — эксперт Валдайского клуба, бывший вице-президент китайского информационного агентства Синьхуа в Москве Шэн Шилян. Вот квинтэссенция его вопроса: «И на Китай, и на Россию наклеен ярлык «ревизионистских государств»... Россия и Китай объявлены, наряду с Ираном и Северной Кореей, главными противниками самого великого, самого миролюбивого, самого обиженного государства всего мира и всех времён... Против вас санкции, против нас — торговая война... В таком случае, значит, у нас общая судьба... Как будет реагировать на это Россия?»

Что ответил российский президент? Он ответил: «Не нужно просто сиюминутно реагировать на некоторые вещи, которые могут как-то усугубить ситуацию. Но, безусловно, нужно всегда реагировать и защищать свои интересы... Это (американо-китайская торговая война. — авт.) будет одной из причин дальнейшей «посадки» мировой экономики, это на всех отразится, и в этом никто не заинтересован... Китайская цивилизация древняя, у китайцев много терпения, думаю, что фундаментальные основы сегодняшней китайской экономики позволяют всё выдержать».

Что это значит? А значит это примерно следующее. Вот уже пятый год США и их союзники по «коллективному Западу» ведут против нашей страны «гибридную войну». Всё это время Китай, по сути, находился в завещанной Мао Цзэдуном позиции мудрой обезьяны, с вершины дерева наблюдающей за схваткой двух тигров внизу. Хотя и словом, и делом помогал более слабому «тигру», то есть России, параллельно наращивая свою экономическую, да и военную мощь. Если сравнить 2013 и 2017 годы (данные МВФ), то ВВП КНР вырос по номиналу с 9,635 до 12,015 трлн. долл., или на 24,7 %, ВВП США — с 16,238 до 19,391 трлн. долл., или на 19,4 %, а ВВП РФ — снизился с 2,297 до 1,578 трлн. долл., или на 31,3 %. Но если брать ВВП по паритету покупательной способности (ППС), то картина окажется ещё более радужной для Китая (рост с 16,623 до 23,208 трлн. долл., или на 39,6 %) и вообще удивительной для России (рост с 2,556 до 4,016 трлн. долл., или на 57,1 %, что соответствует примерно 9,7 %-ной ежегодной прибавке).

Иными словами, Путин открыто дал понять своим китайским союзникам, что текущее развитие ситуации полностью его устраивает, поэтому объявление Америкой торговой войны против КНР никаких существенных изменений в позиции России не вызовет:

мол, вы справитесь и сами, не поддавайтесь на провокации Дяди Сэма. Трудно сказать, насколько эта путинская заявка соответствует реальности: во всяком случае, одновременно с проведением Валдайского форума в Пекин был направлен глава администрации президента РФ Антон Вайно — и не просто направлен, а принят там высшими руководителями партии и государства, включая председателя КНР Си Цзиньпина. Потому что российский лидер не мог не понимать: Трамп и ФРС пытаются нанести по Китаю нокаутирующие финансово-экономические удары, и в этой ситуации публично высказанный совет главного союзника «перетерпеть» ведёт к весьма предсказуемым последствиям. Не только между Вашингтоном и Пекином. Но также между Пекином и Москвой. А ещё — между Вашингтоном и Москвой.

Чтобы лучше понять, о чём идёт речь, стоит подробнее рассмотреть динамику американо-китайских торговых отношений, которые по итогам 2017 года достигли рекордного объёма в 636 млрд. долл. (экспорт Китая — 456 млрд. долл., импорт — 180 млрд. долл., профицит — 276 млрд. долл.). При этом США сохранили первое место в мире по объёму своих внешнеторговых операций: 5,23 трлн долл., с дефицитом в 566 млрд. долл. (из общего объёма мировой торговли в 34 трлн. долл.). А Китай закрепился на второй строчке: 4,11 трлн. долл. с профицитом 422,5 млрд. долл. То есть доля товаров с меткой «made in China» составляет всего 20,45 %, то есть пятую часть всего американского импорта, при этом формируя почти половину (48,76 %) внешнеторгового дефицита США. В целом же доля Китая в американской внешней торговле составляет 12,16 % — примерно одну восьмую часть...

В то же время доля сделок с Америкой во внешней торговле Китая составила примерно шестую часть (16,47 %), в китайском экспорте — примерно пятую

часть (20,12 %), а вот в китайском внешнеторговом профиците — почти две трети (65,33 %). Иными словами, структура экспортного сектора, а значит — и ключевой части всей китайской экономики напрямую «заточена» на американский рынок, откуда получает львиную долю своих прибылей, а американцы, соответственно, львиную долю своих убытков. Понятно, что подобный дисбаланс в торговле не мог продолжаться вечно, поскольку является одним из важнейших факторов роста федерального долга США, списание которого стояло если не первым, то уж точно вторым номером — после возврата производственных мощностей на американскую территорию и под американскую юрисдикцию — в списке реальных предвыборных задач Дональда Трампа.

Само появление в Белом доме нью-йоркского миллиардера стало возможным только потому, что американский истеблишмент в целом осознал угрозу глобальному лидерству США, исходящую от стремительно набирающего силу «красного дракона». Причём не «вообще» и не в какой-то далёкой перспективе, а уже «здесь и сейчас», что не оставляло времени на продолжение прежних игр ни со «свободой мировой торговли», «правами человека» etc., ни с игрушечными врагами в виде «исламского терроризма», «русской угрозы» и т. д. «Консенсус 2001 года» для Америки, манифестацией которого были «события 9/11», попросту перестал работать.

Впрочем, об этом говорилось и писалось уже неоднократно (в том числе — и авторами данной статьи) после публикации 15 октября «Независимой газетой» статьи её владельца и главного редактора Константина Ремчукова (соратника Германа Грефа, главы предвыборного штаба мэра Москвы Сергея Собянина и нынешнего негласного «серого кардинала»

Кремля) под названием «Нет, это — не торговая война. Это схватка за вершину мира».

В пространном и явно «установочном» тексте доказывается, что схватка американского «орлана» с китайским «драконом» — это, во-первых, всерьёз и надолго (что правда), а во-вторых — проводится мысль о том, что «космополитизм экономической глобализации, основывающейся на достижении более высокой производительности и эффективности бизнеса, обладает базовым экономическим преимуществом над национализмом и протекционизмом», а потому «можно считать нынешний исторический зигзаг с ростом влияния экономического национализма в США и Великобритании временным, не имеющим исторической перспективы». Как полагает Ремчуков, «можно ожидать, что на мировой арене Китай займёт место лидера в отстаивании принципов свободной торговли против протекционизма США».

Интересно, что данная концепция, по сути, тождественна той, с которой председатель КНР Си Цзиньпин выступал на Давосе-2017 и которая тогда не встретила никакого понимания, не говоря уже о поддержке, со стороны глобальных политических и финансово-экономических «элит». Что, в свою очередь, вызвало достаточно серьёзные сложности внутри китайской «властной вертикали», которые были преодолены — и с большим трудом — в течение целого года, и способствовало коррекции курса официального Пекина в пользу альтернативных региональных проектов, включая «Один пояс, один путь», ШОС и «Большое экономическое кольцо Северо-Восточной Азии». Получается, что теперь, спустя почти два года, Ремчуков предлагает Китаю пройти по старым граблям ещё раз — да ещё за компанию с Россией?! Ну, и заодно помочь представителям «глобалистской» элиты свалить Трампа, после чего, возможно, против

КНР будет прекращена торговая война, а с России, видимо, сняты санкции, и вообще наступит «рай на Земле»?! Как говорится, свежо предание...

Вне зависимости от того, останется ли Трамп в Белом доме на второй срок, конфликт между Вашингтоном и Пекином будет только нарастать и углубляться. До тех пор, пока не дойдёт до кульминации и не разрешится тем или иным образом Китай, конечно, в гораздо больше степени зависит от американского рынка, чем США — от товарных поставок из КНР. И угрозы Трампа повысить импортные пошлины с 10 % до 25 %, обложив ими уже весь китайский экспорт, и выход США из Всемирного почтового союза, «убивающий» бизнес интернет-трейдеров типа Alibaba, и демонизация Китая по прецеденту с Россией, и многие другие действия официального Вашингтона, — всё это является настоящим испытанием на прочность и на выживание для китайской политической и экономической системы. Тем более, что за «торговой войной» может последовать и финансовая, и самая настоящая «горячая». В которых — особенно в случае более-менее полномасштабного военного конфликта — шансы на победу для современной КНР без поддержки России пока исчезающе малы. Это очень хорошо понимают не только в Пекине, но и в Вашингтоне. А потому первые стремятся заручиться максимально возможной поддержкой Москвы, а вторые — максимально нейтрализовать российский фактор в этом конфликте.

Санкции санкциями, а Bloomberg уверяет, что с начала 2018 года размеры состояния 10 богатейших людей нашей страны выросли на 10,8 %, и это самый высокий показатель в мире. А долларовых миллионеров в России стало на 30 %, или на 40 тысяч человек больше, всего 172 тысячи; кроме того, на долю 10 % самых обеспеченных россиян приходится 82 % всего

личного богатства в России, добавляет Credit Suisse. Вражеская пропаганда, не иначе — жаль, что ни Russia Today, ни телеканал «Россия» не торопятся выступить с опровержениями. А ведь могли бы — в нынешней глобальной «фейкальности» верить (или не верить) с равной вероятностью можно всему. Но, учитывая среднюю температуру по больнице, — то есть, не, конечно же! — среднюю зарплату по РФ в 40 тысяч рублей при подтверждённых миллиардных зарплатах ряда топ-менеджеров «естественных монополий», наверное, «цюрихские гномы» всё-таки здесь привирают не сильно.

Тем более что — это надо повторить ещё раз — в режиме санкций валовой внутренний продукт Российской Федерации по паритету покупательной способности, согласно данным МВФ, вырос за 2012–2017 гг. с 2,556 до 4,016 трлн. долл., то есть на 57,1 %. Это поразительные цифры — тем более что никакого сколько-нибудь заметного повышения уровня жизни в нашей стране за эти годы не наблюдалось. Скорее, наоборот. То есть до подавляющего большинства населения столь гигантская сумма попросту «не дошла» — видимо, осев в карманах и на счетах этого самого «сверхбогатого» меньшинства, категорически заинтересованного в улучшении отношений с «коллективным Западом». Не правда ли, парадоксальная ситуация — все «сливки», вроде бы полученные нашей страной от её усилий в Крыму, Сирии и по всему миру, сконцентрировались в руках той части российского общества, которой ни Крым, ни Сирия, ни Россия, по большому счёту, не нужны. И этот гигантский «навес» враждебного богатства, нависший над нашим государством и обществом, грозит обрушиться на них и погresti их под собой. В нынешней социально-экономической системе деньги «должны работать», то есть приносить новые деньги, расширять возможности

своих владельцев, в том числе — и властные. А выстроенная при Путине система к работе в таком режиме не приспособлена. Зарабатывать миллиарды она даёт, а вот свободно распоряжаться ими, в том числе покупая власть, — ни в коем случае. Поэтому в российских «верхах» уже возник и стремительно укрепляется «запрос на перемены», который очевидно приобрёл не только идейные, но уже и организационные формы. О чём, на наш взгляд, свидетельствуют практически все действия социально-экономического блока правительства РФ после президентской инаугурации 7 мая 2018 года. Баланс сил внутри отечественной социально-политической и финансово-экономической системы изменился настолько серьёзно, что речь уже всерьёз зашла о смене Конституции 1993 года — иначе «предупредительный выстрел» в виде статьи председателя Конституционного суда РФ Валерия Зорькина в «Российской газете» был бы совершенно излишним. Тем не менее, нет никаких сомнений, что попытки в данном направлении не прекратятся, а будут только продолжаться и усиливаться — возможно, при серьёзном содействии извне, которое саранжируется как политический триумф Кремля и дальнейшее «естественное развитие событий» по сценарию «веймарской России»...

Вариантов здесь превеликое множество — вплоть до воссоздания «СССР 2.0» и даже (частично, во всяком случае — без бывшей ГДР) «лагеря социализма» в Восточной Европе. Но в любом случае, даже из народных сказок известно, что испытание медными трубами славы и успеха — намного серьёзнее и опаснее, чем испытание «огнём и водой». «Огонь и воду» Россия уже прошла, теперь ей предстоит целой и невредимой пройти через «медные трубы».

Возможно, многим покажется, что авторы слишком предвосхищают весьма маловероятные или даже вовсе невероятные в текущей ситуации события. Но, исходя из определённых закономерностей глобальной политики (политики «большой шахматной доски»), этот вариант, напротив, является самым вероятным, поскольку выводит Россию из ситуации устойчивого равновесия, мгновенно «съедает» все накопленные ею свободные ресурсы и резервы, а заодно на порядки обостряет все пока замороженные и притушенные внутренние противоречия и конфликты. Причём в немалом количестве вариантов — вплоть до прекращения существования нашей страны в качестве единого и цельного геополитического субъекта, способного выполнять роль одного из глобальных «центров силы». Кстати, уже по «советскому» сценарию. Только тогда кремлёвские «элиты» манили вхождением в «сообщество цивилизованных стран», а сегодня — воссозданием для них собственной «зоны влияния». Впрочем, нынешние ставки по сути своей ничуть не ниже ставок времён перестройки и рыночных реформ. Тем более что США, по сравнению с 1991 годом, ничего не теряют, «возвращая» или даже «даря» России только то, что было получено ими за бесценок при «распродаже советской империи» нашими либералами. А получить за это они намерены полный карт-бланш в конфликте с Китаем или даже спровоцировать конфликт между Москвой и Пекином.

Кстати, сам Путин неоднократно заявлял о том, что его политика направлена прежде всего на внутреннее развитие, на решение актуальных внутрироссийских проблем, но в своё время он выступал и против повышения пенсионного возраста, и за Крым в составе Украины. Так что ситуация может меняться, порой — очень быстро и категорически, а задача всякого политика и государственного деятеля — не «проспать»

эти изменения. Поэтому вопрос о том, насколько связаны между собой визит в Москву советника президента США по национальной безопасности Джона Болтона и подписание президентом РФ указа о введении санкций против украинских физических и юридических лиц, можно считать открытым.

На момент написания данной статьи отсутствовала сколько-нибудь существенная информация о переговорах этого весьма влиятельного представителя официального Вашингтона с ключевыми фигурами российской «властной вертикали»: секретарём Совета Безопасности Николаем Патрушевым, министром иностранных дел Сергеем Лавровым, министром обороны Сергеем Шойгу и самим президентом Владимиром Путиным. Но то, что в Москве его ждали и встречали далеко не по формальному рангу, а намного выше, — никакому сомнению не подлежит. Следовательно, дело здесь не в самой фигуре посланника, а в той информации, которую он привёз с собой. Кстати, в прошлый раз Болтон прилетал в Москву готовить российско-американскую встречу на высшем уровне, которая вскоре состоялась в Хельсинки, а сейчас он намерен после РФ, «на закуску», посетить Азербайджан, Армению и Грузию, куда, кстати, совсем недавно слетала и бундесканцлерин Ангела Меркель. Но при всей важности «закавказского узла» всё-таки он не настолько важен для мировой политики, как отношения внутри «глобального треугольника» США — КНР — Россия.

Нашей стране, судя по всему, может быть предложен (или уже предложен) вариант, в чём-то аналогичный «Большой Двойке», которую американцы при Обаме с подачи Бжезинского предлагали китайцам: дружить против России. Тогда китайская сторона от такого предложения вежливо, но твёрдо отказалась. Главная проблема заключается в том, откажется ли

российская сторона от предложения Трампа «дружить против Китая». За любые обещания и «коврижки» со стороны «Дяди Сэма-Дональда». Искушения будут велики, отказаться от них — чрезвычайно трудно. Но, на наш взгляд, абсолютно необходимо для будущего России.

Что делать?

Все цивилизации нашей планеты всегда стояли и строились на «трёх китах»: энергии, информации и организации. Сегодня эти «три кита» ведут себя, словно лебедь, рак и щука из классической басни Крылова:

*Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду...*

В роли рвущегося в облака, то есть к пресловутой «точке сингулярности», басенного Лебедя явно выступает информация, объём производства которой нарастает в геометрической прогрессии. Впрочем, то же самое касается и такой производной от информации, как ценности, в том числе — финансовые. Уже минимум 95 % мировой денежной массы не обеспечены реальными активами, и вся эта бурная финансовая активность напоминает приснопамятный МММ, основатель которого Сергей Мавроди «очень вовремя» скончался в Москве.

В роли Рака, который пятится назад, столь же явно выступает энергия, добыча которой по ряду источников, в первую очередь — нефти, преодолела свой пик и вышла на «спуск». И этот факт никакие «сланцевые

революции» или заявления Бахрейна об открытии нового крупнейшего нефтегазового месторождения на своём шельфе отменить не в состоянии.

Наконец, Щука организации человечества явно «тянет в воду», то есть к новым глобальным конфликтам, которые затронут все системные пространства: экономическое, политическое, информационное и так далее. Ни малейшей попытки совместно противостоять одновременным информационному взрыву и энергетическому падению на международном уровне пока не просматривается. Что-то в этом направлении пытаются предпринять Россия и Китай — в том числе через БРИКС, ШОС, теперь СВА и прочие «ковчеги спасения», но представители «коллективного Запада» явно недовольны тем местом, которое им там может быть отведено, и изо всех своих всё ещё немалых сил рубят борта и дно этих проектов...

Наличие нужной степени организации всегда в определённой, иногда — весьма высокой, степени могло компенсировать недостаток энергии с информацией. История человечества изобилует подобными примерами — например, Великая Отечественная война, в которой Советский Союз несколько лет практически в одиночку противостоял гитлеровскому Третьему рейху, не только объединявшему ресурсы почти всей континентальной Европы, но и захватившему значительную часть СССР.

Точно так же отсутствие нужной степени организации приводит к катастрофическим последствиям — например, «самоубийство» того же Советского Союза в конце 80-х-начале 90-х годов прошлого столетия, свидетелями и соучастниками которого были практически все граждане СССР того времени.

Поэтому сегодня вопрос спасения нынешней человеческой цивилизации — по крайней мере, в её российском варианте, раз уж «коллективный Запад»

пытается выжить «на обломках России, против России и за счёт России», — заключается, прежде всего, в максимально позитивном, синергетическом согласовании организационного (в т. ч. управленческого), информационного (в т. ч. финансового) и энергетического векторов её развития. Задача, прямо говоря, не из лёгких, поскольку полностью соответствует знаменитому лозунгу «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих!»

По большому счёту, пока окончательно не определены даже границы системы, подлежащей собственно спасательным мероприятиям. Именно в этом, на мой взгляд, заключена главная опасность и украинского, и сирийского конфликтов, спровоцированных «коллективным Западом», — в размывании системного различия и границ между «мы» и «они». И именно поэтому «коллективный Запад» так заинтересован в разжигании любых конфликтов внутри России.

Соответственно, отсутствует и «дорожная карта» проведения подобных спасательных мероприятий. России очень часто приходится действовать не по плану, а реактивно, «применительно к подлости» своих «партнёров», которые, в общем-то, ещё менее организованы как целое, поскольку состоят из весьма ограниченного и компактного «хищного ядра», активно формирующего свои «проекции силы» типа ИГИЛ (террористическая организация, запрещённая в России. — авт.) и куда более обширной, но рыхлой «кормовой базы».

Россия всеми доступными ей средствами сигнализирует, что продолжение подобного курса может закончиться глобальным военным столкновением с применением ядерного оружия («Зачем нам мир, в котором не будет России?» — риторически спросил по этому поводу Путин), но

«коллективный Запад» активно демонстрирует свою готовность и склонность именно к такому варианту развития событий, идя «на таран» против всего остального мира.

Видимо, попытки «достучаться» до «партнёров» являются, во-первых, содержательно бесперспективными, а, во-вторых, провоцируют их на ещё большую агрессивность по отношению к России. Поэтому главную «точку приложения сил» российского государства неизбежно придётся в самое ближайшее время сместить на решение трёх взаимосвязанных задач:

- оптимальную организацию информационных потоков из России и внутри России;
- оптимальную организацию энергетических потоков из России и внутри России;
- оптимальную организацию системы управления внутри России.

Кое-что по этим направлениям делалось и делается (помимо строительства новых экспортных нефте- и газопроводов как на Запад, так и на Восток), но далеко не всё не только из необходимого, но даже возможного.

Стоит в этой связи ещё и ещё раз напоминать власти и обществу сталинские слова, сказанные «вождём народов» на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.: *«Отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость... Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно... Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать*

это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

У современной России, чья экономика, чья энергетика, чье информационное пространство и система власти, по сравнению со «сталинским» СССР, «открыты всем ветрам», вряд ли есть в запасе даже десять лет. Но у современной России есть то, чего не было у «сталинского» СССР образца 1931-го, и 1941-го годов, — военное преимущество над любым потенциальным противником и энергетическая независимость. Эти преимущества необходимо не только использовать, но и наращивать. Здесь понятны и цели, и пути достижения этих целей.

notes

Примечания

1

Научное открытие С.Ю. Глазьева «Закономерность смены технологических укладов в процессе развития мировой и национальных экономик» (свидетельство о регистрации № 65-S выдано Международной академией авторов научных открытий и изобретений под научно-методическим руководством Российской академии естественных наук).

Perez C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. London: Elgar, 2002.

Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / Под ред. С.Ю. Глазьева, В.В. Харитонов. М.: Тривант, 2009.

Глазьев С. Закономерность смены мирохозяйственных укладов в развитии мировой экономической системы и связанных с ними политических изменений // Наука. Культура. Общество. 2016. № 3. С. 5-45.

Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС / Под. ред. В. Садовниченко, Ю. Яковца, А. Акаева. М.: МГУ — Международный институт Питирима Сорокина-Николая Кондратьева — ИНЭС — Национальный комитет по исследованию БРИКС — Институт Латинской Америки РАН, 2014.

2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай — 2030: вперед к всеобщей зажиточности) / Центр изучения положения в стране Университета Цинхуа / Под ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син. Пекин: Изд-во Китайского Народного университета, 2011. С. 30.

Садовничий В., Яковц Ю., Акаев А. Указ. соч. 2014.

Стокгольмский международный институт
исследования проблем мира (СИПРИ), 2013.

Направления такой реформы могли бы охватывать вопросы создания совместной платежной системы стран БРИКС с учетом планов по организации национальной платежной системы; учреждения совместного многостороннего агентства по гарантированию инвестиций; разработки международных стандартов определения рейтингов и деятельности рейтинговых агентств; формирования собственной глобальной системы международных расчетов; согласования правил действия национальных денежных властей.

См. Концепцию участия России в объединении БРИКС, утвержденную Президентом В. Путиным 21 марта 2013 г.

Садовничий В., Яковец Ю., Акаев А. Указ. соч. 2014.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций (англ. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*; 1996) — это одно из самых популярных геополитических произведений 90-х годов прошлого столетия. Возникшее из статьи в журнале *Foreign Affairs*, оно по-новому описывает политическую реальность и прогноз глобального развития всей земной цивилизации. Издание содержит знаменитую статью Ф. Фукуямы «Конец истории»).

Филимонов Г. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность. М.: Российский университет дружбы народов, 2012.

Рогов С. Место России в многополярном мире / Доклад. М.: Институт США и Канады РАН, 2012.

Пантин В. Наиболее вероятный прогноз развития политических и военных конфликтов в период 2014-2018 гг./ Аналитический материал. URL: newsdon.info, 12 июля 2014 г.

«Если на пробирке нет следов, значит русские научились их открывать бесследно» (из заключения о пожизненной дисквалификации одного олимпийца из РФ), если газ «Новичок» — то он точно сделан в Кремле. Если российский бизнес использует западную финансовую систему и ее законные оффшорные лазейки, — значит, он негодяй, потому что он не получал законных «терапевтических исключений».

Так, известный финансист М.Фабер заявил, что «мы находимся в гигантском пузыре активов, который может лопнуть в любой момент». По мнению другого финансиста, Дж. Роджерса, этот крах будет самым масштабным за весь период после Великой депрессии. При этом официальные лица (типа главы МВФ К.Лагард) источают благодушие и «льют елей» в уши инвесторов и политиков.

За криптовалютами, по имеющимся оценкам, могут стоять интересы неких «специальных организаций» со своими специальными целями, одной из которых может быть задача оттянуть на себя избыточную ликвидность, чтобы затем резко уменьшить ее объем путем спровоцированного кризиса. Могут быть и иные системные задачи, такие как глобальное перераспределение активов, масштабная дестабилизация ситуации, установление полного контроля (отказ от наличных), др. внеэкономические цели.

https://www.rbc.ru/economics/20/04/2018/5acf9c389a794718985fa038?from=center_1 Вообще, обоснование Минфином США включения Вексельберга в «черный список» подкупает бесхитростностью: мол, этот парень, как мы слышали (хотя решения суда нет), давал взятки губернатору Коми, значит, мы имеем право его считать мафиози и забрать всё, что сможем, себе. В этом универсальность отмычки под названием «обвинение в коррупции»: экстерриториальный характер (он же наверняка использовал наши доллары) и «законное право» забрать награбленное.

<https://www.rbc.ru/politics/06/04/2018/5ac76ffe9a794722c5f0c017>

В условиях введения санкций против Газпрома, Роснефти или ВТБ (включение компаний в лист SDN), либо блокировок средств Минфина или ЦБ РФ, должен быть готов «ядерный вариант» принудительной и полной деофшоризации: объявление, что за короткий срок (как любит Минфин США — за месяц или два) все конечные бенефициары стратегических российских компаний должны стать российскими налоговыми резидентами, реестр акционеров должен вестись в российских депозитариях и быть доступен публично. Если какие-либо крупные западные инвесторы (типа BP в Роснефти) не захотят зарегистрировать дочернюю российскую фирму для оформления на неё пакета акций, должно быть оформлено официальное разрешение Комиссии по иностранным инвестициям с указанием условий владения пакетом «иностранным агентом». Массовая распродажа акций «портфельными инвесторами» (спекулятивными фондами и компаниями), неизбежная при таком форс-мажоре, должна быть организована исключительно на Московской бирже (для этого ЦБ должен организовать «Фонд консолидации реального сектора» по образцу ФКБС), депозитарные расписки в Лондоне и Нью-Йорке, а также на других западных биржах должны быть конвертированы в акции на внутреннем российском рынке. Второй ответ на блокировку российских средств/активов в странах НАТО — безотлагательный переход на оплату покупателями российских экспортных товаров исключительно в рублях, для чего предлагается организовать рынок «еврорубля» (де факто он уже есть, но контролируется западными банками и привязан к ОФЗ в западных депозитариях).

GoldInvestor. June 2016. M.King. Misguided policies and economic risk. P. 14-17.

О.Дерипаска 15 лет назад публично заявлял, что готов по первому требованию отдать государству свои активы, однако «горькая ирония истории» заключается в том, что условия такой передачи сегодня согласует Минфин США как условие снятия с «Русала» санкций и государство это будет уже вряд ли российское. До того, как этот опыт станет массовым, российское государство должно предложить альтернативу — и не на путях внутренней офшоризации (это мы проходили в эпоху налоговых льгот Калмыкии и ЗАТО).